ОЧЕРКИ И КАРТИНЫ

ИЗЪ

ИСТОРІИ ВОСТОКА И ЗАПАДА

ВЪ ПЕРВЫЯ ОДИННАДЦАТЬ СТОЛѢТІЙ ПО РОЖДЕСТВѢ ХРИСТОВѢ.

Составилъ

КАРЛЪ БИРНАЦКІЙ

переводъ А. Бѣлявскаго.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ

ДОПОЛНЕННАЯ ОЧЕРКАМИ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

МОСКВА.
Типографія Ѳ. Б. Миллера.
(Яуз. ч. 1 кв. № 82.)
1869.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
36881-45
21
(36521-45)

ОГЛАВЛЕНІЕ

УТРЕННЯЯ ЗАРЯ ХРИСТІАНСКАГО МІРА.

НАРОДНЫЯ ДВИЖЕНІЯ НА ВОСТОКѢ И ЗАПАДѢ.

Стр.

ОСНОВАНІЕ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ.

ВОЗВЫШЕНІЕ ГЕРМАНІИ ПРИ САКСОНСКИХЪ ИМПЕРАТОРАХЪ.

НѢМЕЦКОЕ ГОСУДАРСТВО ВЪ БОРЬБѢ СЪ РИМОМЪ.

ИСТОРІЯ ОСТАЛЬНЫХЪ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ.

Стр.

ОЧЕРКИ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ ВЪ СВЯЗИ СЪ ОБЩЕЮ ИСТОРІЕЙ СЛАВЯНЪ.

ОСНОВАНІЕ РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

ХРИСТІАНСТВО У ЗАПАДНЫХЪ И ЮЖНЫХЪ СЛАВЯНЪ. 348

ПРОСВѢЩЕНІЕ РУСИ ХРИСТІАНСТВОМЪ.

ЗАЧАТКИ ХРИСТІАНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

УТРЕННЯЯ ЗАРЯ ХРИСТІАНСКАГО МІРА.

ПУСТЫНЯ НОВАГО ЗАВѢТА.

Во время императора Августа обѣтованная земля (Іудея) была римскою провинціею. Земля, обѣщанная потомкамъ Авраама въ вѣчное наслѣдіе, сдѣлалась добычею язычниковъ. Уничтожена была всякая самостоятельность Израиля, какъ народа среди другихъ народовъ; избранный божій народъ стоналъ подъ гнетомъ чуждаго ига, подобно тому, какъ нѣкогда во время Моисея стоналъ въ египетскомъ рабствѣ. Жестокій тиранъ, царь Иродъ, идумеянинъ по происхожденію, былъ его властителемъ. Годы его правленія считались по числу его убійствъ. Онъ велѣлъ утопить въ банѣ сына своей тещи Александры, благороднаго юношу Аристовула и умертвить ея отца Гиркана; дядя его и многіе изъ друзей были убиты по его приказанію; жена его Маріамна была осуждена на смерть, равно какъ и теща, павшая подъ ударами наемныхъ убійцъ; онъ приговорилъ къ смерти даже собственныхъ сыновей, Аристовула и Александра, которые были задушены.

Язычники вошли въ наслѣдіе Бога, оно досталось на долю чужеземцамъ, которые избивали народъ Господа. Исполненіе пророчествъ о приближающемся паденіи израильскаго царства получило свое начало. Пришло время того плача, которымъ плакалъ пророкъ Іеремія въ своей пѣсни: «Какъ опустѣлъ городъ, въ которомъ было столько народа! Онъ сталъ вдовою. Тотъ, кто былъ такъ великъ между язычниками, кто былъ княземъ между народами, долженъ теперь платить дань иноплеменникамъ. Ворота его стоятъ пусты, и его священники стонутъ. Противники его стали во главѣ

и враги его разбогатѣли. Вся красота отнята у дочери Сіона; его князья сдѣлались оленями, не имѣющими пастбища и вяло бѣгущими отъ преслѣдователя. Народъ палъ въ руки враговъ, и никто не поможетъ ему; онъ воздыхаетъ и ищетъ хлѣба. Господь отнялъ у него всѣхъ сильныхъ. Онъ свергнулъ съ неба на землю славу Израиля и уничтожилъ немилосердно всѣ жилища Іакова. Онъ сокрушилъ твердыни дочери Іуды и разметалъ ихъ по землѣ, предалъ оскверненію царство и его князей. Наслѣдіе ихъ досталось въ руки чужихъ и домы иноземцамъ. Всѣ они сдѣлались сиротами безъ отца, а матери ихъ вдовами. Рабы обладаютъ ими, и нѣтъ никого, кто бы избавилъ отъ нихъ. Старцы уже не сидятъ больше у воротъ и юноши не играютъ на струнахъ. Пришолъ конецъ радостямъ ихъ сердца и вмѣсто плясокъ теперь слышатся вопли. Вѣнецъ упалъ съ ихъ головы. Горе, горе имъ, что такъ много они согрѣшили!»

* *
*

Но за временемъ глубочайшаго униженія народа подъ игомъ иноплеменниковъ послѣдовало время возрожденія, обновленія: «Я отвратилъ на мгновеніе отъ тебя мое лицо, чтобы излился мой гнѣвъ, но я хочу пещись о тебѣ вѣчною моею милостію, говоритъ Господь, твой избавитель»!

Тотъ, о комъ пророчествовалъ Захарія: «Многіе о рожденіи его возрадуются, потому что онъ будетъ великъ предъ Господомъ; онъ обратитъ многихъ дѣтей Израиля къ Господу ихъ Богу и будетъ предшествовать Ему въ духѣ и въ силѣ Иліи», — Іоаннъ родился, гласъ проповѣдника въ пустынѣ: «Уготовьте путь Господу, уровняйте на полѣ дорогу нашему Богу».

Какъ въ ветхомъ завѣтѣ пустыня была мѣстомъ, гдѣ проявилось величіе Господа, такъ было и въ новомъ завѣтѣ. Въ пустынѣ іудейской земли проповѣдывалъ Іоаннъ

Креститель. Онъ имѣлъ одежду изъ верблюжьей шерсти и кожаный поясъ у чреслъ, пищу его составляли саранча и дикій медъ. Такъ онъ былъ примѣромъ простоты и довольства, смиренія и самоотреченія. Онъ зналъ, что не онъ обѣтованный Мессія, но тотъ, кто идетъ въ слѣдъ ему.

Вѣсть о мужѣ въ пустынѣ пролетѣла по всей іудейской странѣ отъ одного конца до другаго. Въ пустыню шли тѣ, которые въ своемъ сердцѣ носили чаяніе утѣхи израилевой. Тамъ они нашли человѣка, который не вкушалъ вина, ни другаго крѣпкаго питья, который, исполненный духомъ святымъ, обращалъ сердца отцовъ къ дѣтямъ и невѣрующихъ къ познанію правды и истины, приготовлялъ народъ къ принятію Господа.

Пустыня, бывшая безмолвною степью, какъ она теперь оживлена народомъ! Всѣ жаждутъ крещенія отъ Іоанна. Онъ говоритъ имъ: «принесите плоды, достойные покаянія; уже сѣкира лежитъ у корней дерева, и всякое дерево, не приносящее добрыхъ плодовъ, будетъ посѣчено и брошено въ огонь»! Эти слова трогаютъ ихъ сердце, они бьютъ себя въ грудь и исповѣдуютъ свои грѣхи. Но они думаютъ, что они уже довольно сдѣлали; теперь нужно только погрузиться въ воды Іордана, и души ихъ сдѣлаются чистыми, грѣхи ихъ будутъ прощены. «Я крещу васъ водою, говоритъ Іоаннъ, но вслѣдъ за мною идетъ болѣе меня крѣпкій, которому я недостоинъ отвязать ремень сапога; онъ крестить васъ духомъ святымъ и огнемъ. У него лопата въ рукѣ, и очиститъ свое гумно, и соберетъ пшеницу въ житницу, а плевелы сожжетъ огнемъ неугасающимъ».

Немногіе понимали такія пророческія слова, многимъ они казались безуміемъ; лишь немногіе возвращались изъ пустыни съ раскаяніемъ въ сердцѣ, утѣшаемые вѣрою въ обѣщаннаго искупителя, который скоро явится.

* * *

На землю легла ночь, въ которую долженъ былъ взойти свѣтъ міру. Земля была объята глубокимъ мракомъ; столь же глубоко было нравственное ослѣпленіе людей въ то время, когда Богъ во плоти явился съ неба на землю. Небесныя свѣтила прежде всего возвѣстили объ этомъ великомъ событіи, которое не имѣетъ себѣ равнаго во всемірной исторіи. Они возвѣстили это событіе съ несомнѣнною истиною іудеямъ и язычникамъ. Первымъ, которые изъ собственной исторіи знали, что ангелы суть вѣстники божіи и слуги, явился ангелъ Господень; сіяніе Господа озарило пастуховъ на полѣ виѳлеемскомъ, и небесный посланникъ Бога говорилъ имъ: не бойтесь, ибо я возвѣщаю вамъ великую радость, пришедшую для всего міра, сегодня родился спаситель, Христосъ Господь, въ городѣ Давида! Пастухамъ не нужно было дальнѣйшихъ свѣдѣній о мѣстѣ въ Виѳлеемѣ, гдѣ произошло такое событіе, — они нашли Сына Божія въ ясляхъ. Потомъ пошли распространять слово, слышанное ими отъ ангела.

Въ то же время и къ язычникамъ пришла та же вѣсть только чрезъ другое небесное знаменіе. Между тысячами и милліонами звѣздъ, которыя въ ту ночь, какъ и во всѣ ночи, сіяли на тверди небесной, одна сіяла особеннымъ свѣтомъ; ее то мудрецы востока признали своею звѣздою, звѣздою искупителя міра. Она была путеводителемъ ихъ къ Іерусалиму, и когда тамъ узнали они, что мѣсто рожденія Мессіи есть Виѳлеемъ, звѣзда привела ихъ къ дому, въ которомъ Іисусъ родился. Они пали предъ яслями, въ которыхъ лежало дитя, и помолились Ему; они развернули предъ бѣднымъ, нагимъ дитятею свои сокровища и принесли Ему дары: золото, ладанъ и мирру.

* * *

Опять тихо и безлюдно у Іордана. Исчезло множество народа, желающаго креститься отъ Іоанна. Одинъ Іоаннъ, пророкъ, стоящій на рубежѣ новаго завѣта, стоитъ и проповѣдуетъ его пришествіе; онъ все еще остается въ безмолвной, безлюдной странѣ на берегу Іордана.

Туда приходитъ къ нему изъ Назарета Галилейскаго мужъ, котораго онъ еще не видалъ. Онъ былъ тридцати лѣтъ, но еще не выступалъ торжественно предъ народомъ. Подобно тому, какъ Іоаннъ оставался въ безъизвѣстности до того времени, когда надлежало ему выступить проповѣдникомъ покаянія и крещенія, и Іисусъ Назарянинъ до этой минуты жилъ въ уединеніи въ домѣ Іосифа, своего опекуна, занимавшагося плотничьимъ ремесломъ. Теперь пришолъ его часъ, когда предъ глазами всего міра должно было проявиться въ немъ величіе Отца.

Іоаннъ видитъ Іисуса, идущаго къ нему, онъ узнаетъ въ немъ Сына Божія, пророческія слова предтечи на его глазахъ приходятъ въ исполненіе. Никогда еще онъ такъ не чувствовалъ безсилія своего крещенія, какъ теперь; теперь предъ нимъ во плоти стоитъ тотъ, о которомъ онъ проповѣдывалъ, Онъ будетъ крестить святымъ духомъ и огнемъ.

Тогда Іисусъ пожелалъ креститься отъ Іоанна. Іоаннъ отстранялъ отъ себя такое желаніе и говорилъ: «Я долженъ креститься отъ Тебя, и Ты ли приходишь ко мнѣ?» Іоаннъ въ чувствѣ благоговѣнія къ Іисусу, упускалъ изъ виду, что и Сынъ Божій, творецъ Новаго Завѣта, стоялъ подъ закономъ, чтобы исполнить законъ и пророковъ; Іисусъ напомнилъ ему объ этомъ, говоря: «Поступай теперь такъ, потому что намъ слѣдуетъ исполнить всю правду!»

И совершается святое дѣйствіе, крестящій духомъ свя-

тымъ и огнемъ принимаетъ крещеніе водою, по Его главѣ катятся воды Іордана. Ни одинъ человѣческій глазъ не былъ свидѣтелемъ этого святаго, полнаго высокаго значенія, дѣла, которое здѣсь совершалъ послѣдній пророкъ ветхаго завѣта надъ первымъ пророкомъ новаго завѣта. Но когда Іисусъ вышелъ изъ воды, небо засвидѣтельствовало вѣчно памятное начало новаго времени. Оно разверзлось надъ Сыномъ Божіимъ, Духъ Божій сошолъ на него въ видѣ голубя и голосъ съ неба сказалъ: «Сей есть мой сынъ возлюбленный, на которомъ мое благоволеніе»!

Опять Богъ избралъ пустыню, чтобы въ ней проявить свое величіе.

* * *

Сорокъ лѣтъ Господь водилъ израильскій народъ въ пустынѣ, питалъ его манною и перепелами, поилъ его водою, источенною изъ камня; въ пустынѣ повелѣлъ онъ устроить себѣ святилище, скинію.

Сорокъ дней и сорокъ ночей пробылъ Моисей при Господѣ на Синайской горѣ, не вкушалъ хлѣба, не пилъ воды. Тогда онъ получилъ скрижали съ десятью заповѣдями ветхаго завѣта. Когда онъ сошолъ съ горы, непостоянный народъ поддался искушенію, оставилъ Господа, своего Бога и кланялся золотому идолу. Въ пустынѣ и сердце народа сдѣлалось пустынею.

И Іисусъ послѣ крещенія провелъ въ пустынѣ сорокъ дней и сорокъ ночей. Священная исторія умалчиваетъ о томъ, что совершилось въ это время внутри Его существа. Она знаетъ только, что онъ, какъ нѣкогда народъ израильскій, подвергнулся искушенію, и что онъ, подобно Моисею, испыталъ непосредственную близость Отца.

Іисусъ, теперь уже Христосъ, помазанный Святымъ Духомъ, постился въ пустынѣ сорокъ дней и сорокъ ночей;

наконецъ взалкалъ. Тогда приступилъ искуситель къ Нему, и указывая на камни, вокругъ лежавшіе, сказалъ: «если ты Сынъ Божій, скажи, чтобы камни эти сдѣлались хлѣбами!» Не вдаваясь въ разговоръ съ искусителемъ, Іисусъ указалъ ему на то, что написано въ словѣ божіемъ, которому одному нужно покоряться, и отвѣчалъ: «тамъ написано: не хлѣбомъ только живетъ человѣкъ, но каждымъ словомъ, исходящимъ изъ устъ божіихъ».

Искуситель побѣжденъ въ пустынѣ. Но онъ надѣется на большій успѣхъ своей силы въ святомъ городѣ, въ святилищѣ храма, гдѣ можетъ быть хоть однимъ лучемъ святости, исполняющей этотъ городъ обѣтованія, это святилище Господа, блеснетъ и онъ. Онъ повелъ Іисуса туда, поставилъ его на кровлѣ храма и сказалъ: «если ты Сынъ Божій, бросься внизъ, ибо написано: Онъ заповѣдалъ своимъ ангеламъ о тебѣ, и они понесутъ тебя на своихъ рукахъ, чтобы нога твоя не споткнулась на камень»!

И въ третій разъ искуситель пытается обольстить Сына Божія. Онъ возвелъ его на высокую гору и показывалъ Ему всѣ царства міра и ихъ великолѣпіе, и сказалъ Ему: «Я дамъ тебѣ все это, если ты падешь и поклонишься мнѣ»!

Но тщетно его коварство, оно вышло и неумно; одинъ Богъ достоинъ поклоненія и только врагъ божій и можетъ требовать себѣ поклоненія; этимъ искуситель несомнѣнно проявилъ свой настоящій образъ. Іисусъ отвѣчалъ: «Отойди отъ меня, сатана, потому что писано: должно покланяться Господу Богу и Ему одному служить».

Тогда искуситель оставилъ Іисуса и ангелы приступили къ нему и служили. Этимъ рѣшена была давняя борьба свѣта и тьмы. Князь тьмы былъ навсегда побѣжденъ, потрясено его царство, разрушена его сила; царство свѣта и небеснаго мира праздновало вѣчный тріумфъ. Побѣдитель, получившій отъ Іоанна крещеніе водою, показалъ теперь,

что надъ нимъ уже совершено крещеніе огнемъ Святаго Духа. Пустыня есть мѣсто величія Господа.

ВОСТОКЪ СЪ ВЫСОТЫ.

Іудейство съ своимъ божескимъ закономъ, язычество съ своимъ человѣческимъ образованіемъ, не могли привести народовъ къ примиренію съ Богомъ. Израиль созналь, что никто не можетъ исполнить требованій закона, почему старался какъ-нибудь обойти законъ; язычники сознали безсиліе всякаго человѣческаго знанія. И тѣмъ и другимъ недоставало несомнѣнной надежды на безсмертіе и блаженство. Образованные греки и римляне понимали, что ихъ ученіе о богахъ есть баснословіе, что никто самъ собою или чрезъ другихъ людей не можетъ дойти до вѣрныхъ познаній о невидимомъ мірѣ, что ихъ жрецы не могутъ взглянуть другъ на друга безъ улыбки. На всемъ востокѣ жили ожиданіемъ, что изъ іудеи явится мудрость, которой еще никто не нашелъ. Но между іудеями все сильнѣе проявлялась надежда на скорое появленіе обѣщаннаго отцамъ Мессіи, въ которомъ многіе думали видѣть могущественнаго земнаго царя, и только немногіе истиннаго Спасителя міра.

Первый большой періодъ всемірной исторіи окончился, основаніе царства Божія на землѣ между народами и преимущественно въ народѣ израильскомъ не могло осуществиться по суетности человѣческаго сердца. Земныя царства пришли къ концу вслѣдствіе ихъ отпаденія отъ Бога, безъ личнаго руководства Божія во всемірной исторіи они впали въ ничто-

жество. По своей неизреченной любви Онъ поддержалъ, укрѣпилъ и вновь создалъ то, что необходимо было для вѣчнаго блага людей. Своимъ божественнымъ духомъ онъ далъ умирающему міру зачатокъ новой, нестарѣющей жизни, и тѣмъ сохранилъ его отъ гибели. Томительное чувство іудеевъ и язычниковъ было успокоено на всѣ времена личнымъ появленіемъ Бога въ мірѣ и въ исторіи.

Мудрецамъ между язычниками и Іудеями, стремившимся къ истинному познанію Бога, Христосъ отвѣчалъ: «Кто видитъ Меня, видитъ Отца, Я и Отецъ составляемъ одно». Тѣмъ, которые желали знать, что ожидаетъ человѣка по смерти, Онъ говорилъ: «Я воскресеніе и жизнь, кто въ Меня вѣруетъ, тотъ будетъ живъ, хоть бы пришлось ему и умереть; кто живетъ и вѣруетъ въ Меня, тотъ никогда не умретъ». Тѣхъ, которые въ сознаніи своей грѣховности пришли къ убѣжденію, что ни сами они, ни другой кто-либо, не можетъ спасти ихъ отъ вѣчной гибели, Онъ утѣшалъ любвеобильнымъ призваніемъ: «Придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Я успокою васъ». Тѣхъ, которые искали истины, но не знали гдѣ найти ее, которые старались вести праведную жизнь, но не могли достигнуть того, Онъ успокоивалъ словами: «Я есмь путь, истина и жизнь. Кто исполняетъ волю моего Отца на небѣ, тотъ мнѣ братъ, и сестра, и мать». Всѣмъ легкомысленнымъ, всѣмъ лицемѣрамъ, всѣмъ кощунамъ, которые заботились только объ этой жизни и думали, что нѣтъ ни возмездія, ни суда, въ сильной проповѣди Онъ говорилъ: «По твоимъ словамъ ты будешь оправданъ, по твоимъ словамъ будешь осужденъ».

Если такимъ образомъ всѣ стремленія души находили въ Немъ полное примиреніе, такъ какъ Онъ въ себѣ самомъ представилъ высшую цѣль этихъ стремленій, то и всѣ земныя желанія людей получали отъ Него удовлетвореніе, какъ скоро въ основаніи ихъ лежало стремленіе къ миру съ Бо-

гомъ. Неисцѣлимыя болѣзни, противъ которыхъ не было человѣческихъ средствъ, исцѣлялись Его всемогущимъ словомъ. Прокаженному Онъ говорилъ: «Тебѣ говорю, исцѣлись»! и тотчасъ онъ очищался отъ проказы; разслабленному: «Успокойся, сынъ мой, прощаются тебѣ грѣхи твои, встань, возьми одръ твой и иди домой», и онъ всталъ и пошолъ домой; капернаумскому старшинѣ, который просилъ его исцѣлить больнаго раба: «иди, то, чего ты просишь, будетъ тебѣ»! — и рабъ сдѣлался здоровымъ въ тотъ же часъ; глухонѣмому: «Ефаѳа, отверзись»!—и тотчасъ отверзлись его уши, разрѣшились узы, связывавшія его языкъ и онъ заговорилъ.

Другъ бѣдныхъ и простыхъ людей, алчущихъ и жаждущихъ, Онъ удовлетворялъ ихъ нуждамъ, хотя самъ не имѣлъ, гдѣ главу приклонить. Онъ накормилъ пять тысячъ пятью хлѣбами и двумя рыбами, всѣ ѣли и насытились, а остатками наполнены были двѣнадцать корзинъ. Когда на свадьбѣ въ Канѣ все вино было выпито, Онъ приказалъ слугамъ наполнить водою пустые кувшины, и когда распорядитель праздника отвѣдалъ, вода сдѣлалась уже виномъ. Даже силы природы, надъ которыми человѣкъ не могъ властвовать, слушались Его слова. Вода держала Его какъ суша, — по ней Онъ ходилъ; буря затихала и бушующія волны улегались, когда Онъ грозилъ имъ перстомъ. Не разъ смерть должна была покоряться ему и оставлять свою жертву. По Его слову: «юноша, тебѣ говорю, встань», поднялся изъ гроба сынъ вдовы наинской и ожилъ; по зову его: «Лазарь, выходи вонъ»!—умершій вышелъ живымъ изъ своего гроба; Онъ взялъ за руку дочь Іаира, умершую, — и она возстала отъ смерти. И самъ Онъ, снятый съ креста, признанъ былъ умершимъ, былъ погребенъ; но опять возсталъ живымъ изъ гроба, многіе видѣли Его и Онъ бесѣдовалъ съ своими учениками.

Жизнь Его съ первой минуты до послѣдней, когда Онъ

испустилъ духъ, была непрерывною цѣпью страданій, самоуничиженія, повиновенія. Онъ былъ презираемъ всѣми и гонимъ, жилъ въ печали и страданіяхъ; до того презираемъ, что отъ него отвращали лицо, ни во что ставили Его. Тѣ, которые бросали пальмы по дорогѣ во время Его послѣдняго, торжественнаго входа въ Іерусалимъ, которые восклицали Ему осанна, чрезъ нѣсколько дней требовали, что бы Онъ былъ распятъ на крестѣ, подобно злодѣю. Его царскій вѣнецъ былъ терновый, Его княжеская діадема была изъ кровавыхъ капель на Его челѣ, Его властительскій жезлъ была трость, которую воины вложили Ему въ руку. И эта голова, исполенная ранъ и крови, была глава всевѣдущаго Бога, и эта рука, прободенная гвоздями, была рука, сотворившая небо и землю, хранящая ихъ и управляющая ими.

Іисусъ Христосъ стоитъ на средѣ всемірной исторіи, при концѣ древняго и началѣ новаго міра. Для перваго Онъ былъ цѣлью его развитія, для втораго началомъ всякой жизни. Отъ него получили времена и народы, мысли и дѣла новый ходъ, и на сколько они основаны на Немъ, какъ вѣчномъ источникѣ всякой жизни, на столько они имѣютъ значеніе. Онъ, бывшій соблазномъ для іудеевъ, безуміемъ для эллиновъ, Онъ призываетъ и собираетъ іудеевъ, и грековъ, и всѣхъ людей, чтобы они отъ Него получили миръ здѣсь на землѣ, а послѣ блаженство, вѣчную жизнь и всякія блага.

СОЛНЦЕ ПРАВДЫ.

Самолюбіе и самонадѣянность ослѣпили большую часть современниковъ и соотечественниковъ Іисуса до того, что

они не признали въ Немъ обѣщаннаго Мессіи. Вмѣсто того, чтобы присоединиться къ Нему и за Нимъ послѣдовать, они сдѣлались Его врагами и не успокоились до тѣхъ поръ, пока не взяли Его силою.

Когда вѣсть о воскресеніи Лазаря, при чемъ присутствовали многіе изъ іудеевъ, достигла Іерусалима, іудейскія власти собрались на совѣщаніе о томъ, какъ положить конецъ усиленію этого человѣка, который своими дѣлали и ученіемъ совершенно уничтожалъ ихъ значеніе. «Что намъ дѣлать?» говорили они. «Этотъ человѣкъ совершаетъ многія знаменія. Если мы оставимъ его продолжать свое дѣло, то всѣ повѣрятъ ему, тогда римляне придутъ и отнимутъ у насъ землю и людей»!

Особенно верховный первосвященникъ Каіафа представлялъ, какъ много упало въ народѣ значеніе его и другихъ священниковъ, по мѣрѣ того, какъ возрастало значеніе и число приверженцевъ Іисуса. Съ полною враждою къ Нему онъ высказался однако пророчески о Іисусѣ: «Лучше для насъ, чтобы одинъ человѣкъ умеръ за народъ, вмѣсто того, чтобы погибать всему народу». Съ этого времени верховный совѣтъ рѣшилъ во что бы то ни стало взять Іисуса.

Скоро представился случай въ храмѣ, гдѣ Іисусъ училъ народъ, спросить его: въ силу какого полномочія онъ выдаетъ себя за пророка? Іисусъ предложилъ имъ на это свой вопросъ: откуда крещеніе Іоанна—съ неба или земное отъ людей? и когда они, изъ страха предъ народомъ, не посмѣли отвѣтить, что оно отъ людей, но сказали: «мы этого не знаемъ»,—тогда Іисусъ отвѣчалъ имъ: «И я вамъ не скажу, какою властію я это дѣлаю».

Потомъ они совѣтовались съ придворными Ирода о томъ, какъ бы привести въ исполненіе свои планы; они придумали предложить Ему вопросъ, отвѣтъ на который могъ возбудить или ненависть къ нему народа, или же дать поводъ

римскимъ властямъ взять его подъ стражу. Они спрашивали: слѣдуетъ ли платить дань римскому императору? Іисусъ просилъ показать ему монету, и, указавъ на изображеніе императора на ней, сказалъ, что если они и не воздаютъ Богу того, что слѣдуетъ ему, должны однако отдавать императору то, что ему принадлежитъ. Въ смущеніи отошли они отъ Іисуса, злоба ихъ еще болѣе усилилась.

* * *

Между тѣмъ Іисусъ зналъ, что близки послѣдніе дни Его; Онъ приготовился проститься съ своими учениками и другими лицами, которыя любили его. Онъ удалился отъ глазъ своихъ враговъ, оставилъ Іерусалимъ. За тѣмъ, по случаю праздника пасхи, въ первый день опрѣсноковъ, онъ послалъ въ городъ Петра и Іоанна, чтобы они приготовили для него и его учениковъ праздничную вечерю, какъ то требовалось закономъ ветхаго завѣта. Потомъ послѣдовалъ туда и самъ съ учениками.

Обычай былъ предъ столомъ мыть ноги. Въ чужомъ домѣ, гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ, не было на лицо никакихъ слугъ. Іисусъ не нуждался въ нихъ, Онъ пришолъ не для того, чтобы Ему служили, но чтобы служить другимъ. Прилично было ученикамъ смиренно совершить этотъ обрядъ своему учителю. Но никто изъ нихъ не взялся за это. Тогда Іисусъ снялъ одежды, взялъ полотенце и опоясался. Потомъ налилъ воду въ сосудъ и началъ мыть ноги учениковъ и обтирать ихъ полотномъ, которымъ былъ опоясанъ. Молча они смотрѣли, что дѣлалъ Іисусъ; только одинъ Петръ не вынесъ такого униженія своего учителя. Устраняя его, онъ говорилъ: «Господи, ужели Ты будешь мыть мои ноги»! И только, когда Іисусъ возразилъ ему: «если я тебѣ не умою, не будешь имѣть части со мною», онъ согласился на обрядъ.

Такъ, духовно очищенные отъ ежедневной мірской нечистоты и грѣховности самимъ учителемъ, унизившимся до дѣла послѣдняго слуги, они сѣли съ нимъ за обѣдъ. Здѣсь опять Іисусъ былъ Господомъ, учредившимъ вечерю и пригласившимъ къ ней своихъ учениковъ. За столомъ съ дружескимъ привѣтомъ онъ сказалъ имъ: «Я душевно желалъ съ вами ѣсть этого пасхальнаго агнца, прежде чѣмъ умру, потому что впередъ уже не буду ѣсть съ вами, пока это не исполнится въ царствѣ Божіемъ». Ученики словно не выразумѣли этого печальнаго привѣта, никто изъ нихъ не понялъ указанія на близкую разлуку, которая имъ предстояла. Ученики, которыхъ такъ любилъ учитель, сидѣли спокойно съ полнымъ равнодушіемъ, ни одно слово участія не вырвалось изъ ихъ устъ. Только слова Іисуса: «Истинно, одинъ изъ васъ предастъ меня»! произвело волненіе между ними. Это тяжкое осужденіе, высказанное Тѣмъ, кто всегда былъ истиннымъ и правдивымъ, глубоко смутило ихъ. Такая страшная мысль никогда еще не приходила имъ въ голову. «Не я ли, Господи?» спрашивали они. И Іуда предатель былъ настолько наглъ, что предложилъ тотъ же вопросъ. «Да,» отвѣчалъ ему Іисусъ и обличилъ тѣмъ предателя.

Раздражонный еще болѣе словами Іисуса: «то, что ты дѣлаешь, дѣлай скоро»! Іуда встаетъ изъ-за обѣда и удаляется во мракъ ночи, самъ сдѣлавшись сыномъ тьмы.

Тогда приблизилась торжественная минута вечери. Іисусъ рѣшился совершить дѣло въ свое воспоминаніе. Въ добавокъ къ праздничному агнцу, котораго Онъ ѣлъ съ своими учениками по закону ветхаго завѣта, онъ предложилъ небесную вечерю любви и примиренія. Освятивъ и благословивъ хлѣбъ и вино, онъ сказалъ: «Сіе есть истинное тѣло мое, и сія кровь моя». Кто ѣстъ этотъ хлѣбъ и пьетъ это вино, тотъ вступаетъ съ Нимъ во внутреннѣйшее единеніе. Іисусъ явилъ себя въ своихъ ученикахъ, а ученики просвѣтились съ Нимъ и чрезъ Него; съ этихъ поръ они были

соучастниками Его царства, сдѣлались достойными распространять по всей землѣ Его слово.

* *
*

Вмѣстѣ съ учрежденіемъ вечери, предложеніемъ ученикамъ тѣла и крови положено было основаніе церкви, которая есть въ духовномъ смыслѣ тѣло Христово. Вмѣстѣ съ тѣмъ успокоено было чаяніе іудеевъ и язычниковъ, вся вражда, въ которой они стояли другъ къ другу, прекращалась; въ Немъ, Сынѣ Божіемъ, Спасителѣ міра, вѣчный миръ данъ былъ міру. Посему-то послѣ сказаннаго священнодѣйствія сердце Іисуса излилось въ потокѣ рѣчей, которыя проникнуты самою задушевною любовью; никакого другаго человѣка слова не могли такъ сильно дѣйствовать на сердца слушателей. Его любящее сердце печется только о ближнихъ. Какъ ни близки были часы Его тяжкихъ страданій, Его печальной смерти, Онъ нисколько не помышляетъ о себѣ, о томъ, что Ему предстоитъ; Его душу наполняетъ мысль о томъ, чтобы все Его служеніе было ко благу людей, чтобы страданія Его доставили людямъ радость, чтобы смерть Его была для нихъ путемъ къ вѣчной жизни. Онъ идетъ къ отцу, чтобы въ домѣ отца приготовить имъ жилище. Онъ есть виноградная лоза, они же вѣтви, и изъ полноты своей жизни Онъ дастъ имъ жизнь и непреходящее существованіе. И тогда, когда Его уже не будетъ съ ними, все таки они не останутся безъ Него; Онъ обѣщаетъ послать имъ утѣшителя, Святаго Духа, который будетъ учить ихъ и руководить ими. И хотя въ Немъ на самомъ дѣлѣ обитаетъ вся полнота божества, Онъ однако не хочетъ имѣть предъ ними никакого преимущества, а ученики должны получить часть въ Его величіи, въ Его общеніи съ Отцомъ. Такова Его первосвященническая молитва о нихъ въ ту минуту, когда Онъ, великій первосвя-

щенникъ, стоитъ готовымъ принести себя какъ агнца въ жертву за грѣхи міра.

* * *

Высокій совѣтъ іудейскій и языческая римская власть сошлись на судъ Іисуса и осудили Его. Іудейство и язычество обременили себя виною невинно пролятой крови. По чудному совѣту Бога кровь Іисуса Христа сдѣлалась для тѣхъ и другихъ средствомъ къ достиженію отпущенія грѣховъ и вѣчнаго блаженства.

Іуда предалъ Іисуса чрезъ поцѣлуй. Глубокая ночь покрывала мрачное дѣло, только слабый свѣтъ факеловъ въ рукахъ римскихъ воиновъ освѣщалъ ужасную сцену. И въ то время, когда Сынъ Божій отказался отъ всякой силы и предавалъ самаго себя въ руки враговъ, впечатлѣніе Его на языческихъ воиновъ было такъ сильно, что при Его словахъ: «Я тотъ, кого вы ищете»! они въ смущеніи пали на землю.

Сначала привели связаннаго плѣнника къ тогдашнему великому первосвященнику Аннѣ, который пользовался большимъ почетомъ, потомъ къ Каіафѣ, у котораго собралась часть членовъ высокаго совѣта. На запечатлѣнное клятвою признаніе обвиняемаго въ томъ, что Онъ Христосъ, Сынъ Божій, Каіафа возразилъ, что такое признаніе есть оскорбленіе Бога, богохульство, а остальные говорили: «Онъ достоинъ смерти»! Слуги, вокругъ стоящіе, оскорбляли подсудимаго самымъ наглымъ образомъ, — никто изъ членовъ верховнаго совѣта не воспрещалъ слугамъ ругаться надъ Іисусомъ.

Прошла ночь. Рано утромъ собрался великій совѣтъ на торжественное засѣданіе въ полномъ составѣ, повторилъ и утвердилъ смертный приговоръ. Потомъ велѣно было от-

вести Іисуса къ римскому намѣстнику Понтію Пилату, чтобы онъ судилъ Іисуса.

Здѣсь взвели на Него обвиненіе въ томъ, что Онъ запрещаетъ народу платить императору дань, а себя выдаетъ за царя, что Онъ возмутитель. Пилатъ рѣшился выслушать Іисуса, и когда Онъ объявилъ, что Онъ царь, но что царство его не отъ міра сего, Пилатъ вышелъ къ іудеямъ и сказалъ: «Я не нахожу въ немъ никакой вины».

Однако іудеи остались недовольны такимъ судомъ, они настойчиво требовали смертнаго приговора. Не зная, что тутъ дѣлать, Пилатъ отправилъ Іисуса къ находившемуся въ то время въ Іерусалимѣ четверовластнику Галилеи Ироду Антипѣ. Иродъ долженъ былъ сказать свое слово объ Іисусѣ, какъ о галилеянинѣ. Но и этотъ не рѣшилъ дѣла. Іисусъ отказался сотворить чудеса по требованію Ирода и молчалъ на многіе предложенные Ему вопросы. На посмѣяніе Иродъ велѣлъ одѣть Іисуса въ бѣлую одежду, какую носили іудейскіе цари и отослалъ его обратно къ Пилату. Этотъ предложилъ іудеямъ распять на крестѣ убійцу Варраву, а Іисуса отпустить. Напрасно, іудеи требуютъ отпустить Варраву, а Іисуса распять.

Жена Пилата предостерегала своего мужа отъ произнесенія смертнаго приговора, и онъ объявилъ себя неповиннымъ въ смерти Іисуса. Но раздраженные іудеи кричали: «кровь Его пусть падетъ на насъ и на нашихъ дѣтей.» Пилатъ искалъ другаго выхода, онъ предложилъ бичевать Іисуса. Напрасно. Толпа шумитъ сильнѣе прежняго: «распни, распни его!» Тогда іудейскіе старшины объявили Пилату, что если онъ отпуститъ Іисуса, такъ пусть страшится немилости императора. Такая угроза произвела желаемое дѣйствіе. Пилатъ восходитъ на судейское кресло и торжественно утверждаетъ приговоръ о распятіи того, кого самъ призналъ невиннымъ.

На Голгоѳѣ совершонъ былъ смертный приговоръ, земля

колеблется, небо омрачается, раздирается завѣса во святая святыхъ храма, мертвые воскресаютъ, и у іисусова креста языческій начальникъ свидѣтельствуетъ: «воистинѣ Онъ есть сынъ Божій!» Небо и земля засвидѣтельствовали истину такого заявленія, которое съ тѣхъ поръ все сильнѣе отзывалось въ языческомъ мірѣ, признавшемъ въ распятомъ Спасителя міра.

Двойной судъ надъ сыномъ Божіимъ составляетъ исходную точку новаго хода событій, который начинается съ смерти Іисуса. Теперь іудеи не были больше народомъ первозваннымъ въ божіе царство. На мѣсто ихъ выступаютъ язычники, которые хотя и осудили Его, но взяли назадъ свой приговоръ и признали въ немъ сына Божія, Спасителя міра.

* * *

Когда Іисусъ умеръ, сняли Его съ креста и положили въ гробъ. Боясь, чтобы ученики не похитили тайно Его тѣла, великій совѣтъ выпросилъ римскую стражу, которая должна была стеречь запечатанный гробъ. Напрасная предосторожность! Кто могъ удержать во гробѣ творца всякой жизни. На третій день по смерти Іисусъ возсталъ отъ мертвыхъ. И теперь Онъ является среди своихъ учениковъ, но иначе, чѣмъ предъ своею смертью. Неожиданно вступаетъ Онъ въ ихъ среду въ то время, когда они сидятъ, затворивъ двери, говоритъ съ ними и снова исчезаетъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ Онъ путешествуетъ, другимъ помогаетъ въ работахъ, но они не узнаютъ Его до тѣхъ поръ, пока онъ не откроется имъ несомнѣнными знаками своего всемогущества. Земное тѣло Его, постепенно преображавшееся въ небесное и болѣе духовное, сохраняетъ однако слѣды Его страданій, язвы на ногахъ и рукахъ и на ребрѣ, но Онъ болѣе и болѣе разрѣшается отъ границъ пространства и

времени. Постепенно приготовляется Его вознесеніе на небо, гдѣ возсядетъ Онъ одесную Отца.

Наконецъ настала и эта минута. Ученики собрались вкругъ него. Все исполненные надеждою на то, что Онъ, послѣ такой торжественной побѣды надъ своими врагами, будетъ основателемъ царства во Израилѣ, они спрашиваютъ Его, когда это сбудется. Онъ отвѣчаетъ имъ: «Не слѣдуетъ вамъ знать времени и часа, которыя Отецъ сохраняетъ въ своей власти.» И еще напомнивъ имъ объ ихъ призваніи, Онъ присовокупилъ: «Но вы получите силу, когда сойдетъ на васъ святый Духъ и будете свидѣтельствовать о мнѣ въ Іерусалимѣ и во всей Іудеѣ и Самаріи и даже до самыхъ концовъ земли!» Это были Его послѣднія слова, Его послѣднее обѣщаніе. Когда Онъ произнесъ ихъ, началъ въ ихъ глазахъ возноситься, и облако скрыло Его отъ глазъ учениковъ. Теперь Ему дана всякая власть на небѣ и на землѣ, Онъ содержитъ въ своихъ рукахъ судьбы народовъ и судьбы каждаго отдѣльнаго человѣка, Онъ управляетъ всѣмъ до того дня, когда опять придетъ въ небесныхъ облакахъ судить живыхъ и мертвыхъ.

АПОСТОЛЫ.

Въ дохристіанскомъ мірѣ государство было единственнымъ звеномъ общества, связующимъ отдѣльныя лица другъ съ другомъ. Теперь выступаетъ церковь, которая своими благодатными дарами успокоивая души, въ то же время руководитъ и управляетъ и здѣшнею земною жизнью. Теперь

государство имѣетъ цѣлію основать и поддерживать внѣшній порядокъ, нравы и право; церковь же воспитываетъ людей для будущей жизни, внутренно очищая и облагороживая человѣка. И какъ государство имѣетъ своихъ руководителей, въ лицѣ особенно даровитыхъ, вліятельныхъ людей и съ характеромъ, такъ и церковь имѣла своихъ представителей; столпами ея были люди, избранные и облагодатствованные Богомъ—Апостолы. Съ человѣческой точки зрѣнія они были самыми низкими, бѣдными, отчужденными отъ всѣхъ людьми, которые не выдавались ни знатностью происхожденія, ни славою талантовъ и образованія. Но Богъ просвѣтилъ ихъ и указалъ имъ всемірноисторическую дѣятельность, имѣющую значеніе на всѣ времена.

Путь ихъ жизни совершенно противоположенъ путямъ знаменитыхъ государственныхъ дѣятелей. Послѣдніе идутъ отъ одной почести къ другой, какъ бы по ступенямъ все къ высшему значенію, силѣ и величію. Послѣдніе остаются въ униженіи и бѣдности, осмѣянные, презираемые и гонимые. Но въ то время, какъ первые на своемъ жизненномъ пути часто подпадаютъ искушеніямъ честолюбія и корыстолюбія, апостолы, движимые любовью къ Господу, не ищутъ своей чести, но славы божіей и спасенія собратій.

Въ нихъ міръ получилъ новое начало, такъ какъ съ этихъ поръ все должно было послужить къ утвержденію христовой церкви и къ совершенію ея зданія. Что іудеямъ было соблазномъ, эллинамъ безуміемъ — смерть Христа, то сдѣлалось красугольнымъ камнемъ новаго зданія. Возвѣщающіе его смерть какъ единственное спасеніе во времени и въ вѣчности сдѣлались строителями новаго зданія, обнимающаго весь міръ. Какъ вѣстники евангелія несутъ они радостную вѣсть по всему тогда извѣстному міру изъ конца въ конецъ. Наградою ихъ были ненависть и преслѣдованія большей части людей, немногіе хотѣли ихъ слушать. Но они знаютъ, отчего и почему. «Ради тебя, свидѣтельствуетъ Па-

велъ, мы умерщвляемы каждый день; на насъ смотрятъ какъ на бойныхъ овецъ.» За Господа церкви они дѣлаются посмѣяніемъ свѣта, юродивыми о Христѣ, слабыми и презрѣнными. Они терпятъ голодъ и жажду, ихъ раздѣваютъ и бичуютъ, они не имѣютъ жилища на землѣ. Ихъ путь начинается любовью къ Спасителю, такою любовью они идутъ чрезъ страданія къ побѣдѣ. Прилежно они работали своими руками; ихъ порицали, а они отвѣчали благословеніемъ, ихъ преслѣдовали и они терпѣли,—на нихъ клеветали, они молились; — они были прокляты міромъ, дѣлались отребіемъ между людьми, но они же будутъ судьями міра.

Между ними особенно выдаются трое: Петръ, Павелъ и Іоаннъ. Петръ былъ крѣпкимъ мужемъ, который строилъ церковь, слагалъ основные камни, долженствующіе держать непоколебимо вѣковѣчное зданіе. Павелъ повелъ зданіе дальше, онъ распространилъ оное на цѣлый міръ, и по мѣрѣ того, какъ возвышались стѣны, онъ поставилъ для нихъ съ неутомимою ревностью и пламеннымъ одушевленіемъ колонадныя подпоры. Іоаннъ завершилъ зданіе, сдѣлалъ сводъ и надъ нимъ вывелъ величавый куполъ, подъ которымъ витаетъ распространенная по всему храму прелесть.

Эти три мужа, вѣстники новаго времени, служатъ въ то же время знаменоносцами будущаго. Знамя ихъ есть крестъ Спасителя; и люди съ этихъ поръ будутъ отличаться другъ отъ друга тѣмъ, принадлежатъ они этому знамени или нѣтъ. Съ этихъ поръ не будетъ различія между іудеемъ и язычникомъ, признакомъ всѣхъ званыхъ будетъ вѣра или невѣріе, христіанство, или нехристіанство. Это различіе распространяется и на народы, которые одинъ за другимъ вступаютъ въ новое зданіе церкви, привлекаемые въ нее божескою любовью. Ихъ упорство напрасно, ихъ сопротивленіе тщетно. Все яснѣе свѣтитъ познаніе истины, все глубже пламенѣетъ послушаніе вѣры и духовно возвышается новый христіанскій міръ, тогда какъ языческій падаетъ.

* *
*

Петръ представляетъ въ себѣ поучительный примѣръ нравственнаго переворота и совершенствованія. Онъ владѣетъ отъ природы сильнымъ, живо воспламеняющимся, но не всегда стойкимъ характеромъ. Оттого сердце его исполнено пламеннаго одушевленія къ своему Господу и Учителю, но онъ не соображаетъ послѣдствій, поэтому одушевленіе часто оставляетъ его. Быстро рѣшающійся на дѣло, онъ скоро боязливо отступаетъ предъ нимъ. Ему болѣе нравится краткое, сильное слово, чѣмъ длинная рѣчь, ему легче смѣлое дѣло, чѣмъ требующее много терпѣнія. Что у него на сердцѣ, то постоянно и на языкѣ и на дѣлѣ.

Первоначально онъ носилъ имя Симона и былъ сынъ рыбака Іоны изъ Виѳсаиды у Галилейскаго моря и Іоанны. У него былъ братъ Андрей, ученикъ Іоанна крестителя. Послѣдній уже зналъ Іисуса и видѣлъ въ немъ обѣщаннаго искупителя. Полный радости по случаю этого знакомства, онъ пришолъ къ своему брату Симону. Первыми словами его были: мы нашли Мессію! Петръ слушаетъ и чувствуетъ потребность его видѣть. Онъ идетъ съ Андреемъ къ Іисусу. Онъ видитъ помазанника Божія, видитъ его и Іисусъ. Еще Петръ не вымолвилъ слова, какъ Іисусъ обратился къ нему: Ты Симонъ, сынъ Іоны, и долженъ назваться Кифа—скала.

Скоро послѣ сего Іисусъ вошолъ въ домъ Симона и Андрея, пришолъ съ Іаковомъ и Іоанномъ, которые уже послѣдовали за нимъ. Здѣсь лежала мать Петровой жены больная горячкою. Іисусъ узналъ объ этомъ и велѣлъ показать больную. Онъ поднялъ ее, взялъ за руку, — горячка оставила ее и она выздоровѣла. Въ тотъ же день вечеромъ привесли много больныхъ къ Іисусу, которыхъ Онъ также исцѣлилъ. Все это произвело на Петра глубокое впечатлѣніе, наполнило душу его горячею любовью къ Господу, отъ

котораго отстать онъ уже не могъ, не могъ даже на короткое время потерять его изъ глазъ.

На другой день Петръ проснулся рано утромъ. Первая мысль его была объ Іисусѣ, его первые шаги были къ его ложу, онъ хотѣлъ видѣть Іисуса. Но на ложѣ никого не было. Раньше Петра всталъ Іисусъ и удалился въ одно пустынное мѣсто, чтобы помолиться въ тиши уединенія. Никто не замѣтилъ этого, даже самъ Петръ. Какъ опечалилось его сердце о Іисусѣ! Онъ зоветъ бывшихъ съ нимъ въ домѣ и говоритъ имъ: Господа тамъ нѣтъ! Потомъ онъ отправляется съ ними искать его. Наконецъ находитъ Господа и успокоивается.

Въ другой разъ, когда Петръ еще не былъ въ числѣ постоянныхъ спутниковъ Іисуса, Господь проходилъ страну около Геннисаретскаго озера. Тамъ рыбаки хлопотали надъ промываньемъ сѣтей, а суда свои причалили къ берегу. Іисусъ узналъ, что они имѣли худой уловъ. Множество народа слѣдовало за нимъ на берегъ озера, всѣ желали слушать его рѣчи. Потому онъ взошолъ на одно изъ судовъ,— это былъ Симоновъ корабль, и просилъ его, чтобы онъ отплылъ нѣсколько отъ берега; отсюда Іисусъ училъ народъ.

Между тѣмъ Симонъ и другіе рыбаки вымыли свои сѣти. Когда Іисусъ пересталъ говорить къ народу, онъ обратился къ Симону: «плыви на средину озера!» сказалъ ему,—а остальнымъ рыбакамъ: «закиньте ваши сѣти на уловъ.» Симонъ тотчасъ отвѣчаетъ ему. Онъ думаетъ, что Господь не знаетъ, какъ долго они бились попусту, впрочемъ не отказывается исполнить требованіе Господа. «Учитель, говоритъ онъ, мы пробились цѣлую ночь и ничего не поймали. Но по твоему слову брошу неводъ.» Тогда онъ плыветъ дальше, Іисусъ остается на его кораблѣ, остальные рыбаки слѣдуютъ за ними на другой лодкѣ. Бросили неводъ и потянули. Безчисленное множество рыбъ оказалось въ неводѣ Симона, сѣти не выносятъ такой тяжести. Рыбаки, нахо-

дящіеся на кораблѣ Симона для помощи ему, приглашаютъ остальныхъ рыбаковъ идти и тянуть сѣти. И все таки они не могутъ вытащить переполненный рыбою неводъ. Такое происшествіе наводитъ страхъ на этихъ людей; они теперь думаютъ только о томъ, какъ бы отнести богатую добычу въ безопасное мѣсто. Но не о томъ думаетъ Петръ, его поражаетъ случившееся, онъ видитъ ходъ дѣла, Іисусъ — причина того, что они не напрасно трудились. Онъ далъ имъ богатый уловъ, хотя они о томъ и не просили Іисуса. Петръ падаетъ къ ногамъ его и восклицаетъ: «Господи, удались отъ меня, потому что я грѣшный человѣкъ!» Кротко и дружелюбно Господь отвѣтилъ ему: «Не бойся, съ этого времени ты будешь ловцомъ людей!»

* * *

Съ этихъ поръ Петръ былъ постояннымъ спутникомъ Іисуса, онъ изъ двѣнадцати первый названъ апостоломъ. Онъ оставлялъ Господа только тогда, когда Господь ему приказывалъ. Такъ случилось, когда Іисусъ недалеко отъ моря Галилейскаго училъ пять тысячъ народа и потомъ чудеснымъ образомъ насытилъ ихъ; Онъ велѣлъ ученикамъ войти на корабль и плыть чрезъ Галилейское море. Былъ уже вечеръ. Самъ же Іисусъ отпустилъ народъ и удалился одинъ на близлежащее возвышеніе помолиться. Наступила ночь и съ нею поднялась буря. Ученики находились среди озера, сильно дулъ противный вѣтеръ, волны грозно ударяли въ легкій челнъ, ученики боялись погибнуть въ волнахъ.

Они дружно хлопотали на лодкѣ, руки въ напряженіи, глаза зорко слѣдятъ за волнами. Вдругъ они ночью видятъ человѣка, идущаго по морю. Онъ приближается къ кораблю. Ужасъ овладѣлъ ими. «Это привидѣніе» взываютъ они и громко кричатъ отъ страха. Но Іисусъ уже былъ такъ близко къ нимъ, что они могли разслышать его слова. Онъ гово-

ритъ имъ: «Успокойтесь, это я, не бойтесь.» Никто изъ учениковъ не посмѣлъ говорить, кромѣ Петра. Когда другіе еще были въ сомнѣніи, дѣйствительно ли то былъ Іисусъ, Петръ сказалъ: «Господи, если это ты, то повели мнѣ придти къ тебѣ по водѣ.» Онъ желалъ сколько возможно скорѣе приблизиться къ Іисусу. Іисусъ отвѣчалъ: «Иди!» Петръ не медлилъ ни минуты. Онъ вышелъ изъ корабля съ полнымъ довѣріемъ къ тому, что шумящія волны сдержатъ его, если только Господь того хочетъ. И волны не разступаются, онъ вѣрнымъ шагомъ идетъ по нимъ. Но вдругъ сильный порывъ вѣтра прошолъ надъ водою. Высоко поднялись пѣнистыя волны, вѣра оставляетъ Петра. Онъ начинаетъ тонуть и взываетъ: «Господи, помоги мнѣ!» Іисусъ простираетъ къ нему руку и поднимаетъ его: «Маловѣрный, говоритъ Онъ, порицая Петра, чего ты усумнился? «Тогда оба они вступаютъ на корабль и волны успокоиваются.

* * *

Рѣдкое смѣшеніе различныхъ настроеній въ душѣ Петра. То онъ является мужественнымъ въ вѣрѣ, то опять колеблющимся; то слишкомъ смѣлымъ, то боязливымъ; то прямо идущимъ къ побѣдѣ, то полнымъ сомнѣнія и робкимъ, павшимъ духомъ.

Іисусъ находился съ своими учениками въ тихой долинѣ недалеко отъ города Кессаріи Филипповой. Наединѣ съ тѣми, которые должны свидѣтельствовать о немъ, проповѣдовать его евангеліе язычникамъ и іудеямъ, когда его уже больше не будетъ съ ними, Іисусъ спросилъ ихъ: что говорятъ о немъ въ народѣ? Ученики отвѣчали: «Нѣкоторые говорятъ, что ты Іоаннъ креститель, другіе Илія, нѣкоторые говорятъ, что ты Іеремія или одинъ изъ пророковъ.» Іисусъ продолжаетъ говорить и предлагаетъ имъ второй испытующій вопросъ: «Вы же за кого признаете меня?» Всѣ

молчатъ, одинъ Петръ рѣшается говорить; когда другіе еще не собрались съ мыслями, Петръ одинъ далъ тотчасъ вѣрный отвѣтъ: «Ты Христосъ, сынъ Бога живаго!» Господь смотритъ на него глубоко проницательнымъ взглядомъ и утверждаетъ за нимъ новое многознаменательное имя: «Ты камень (т. е. Петръ, и на этомъ камнѣ построю церковь мою и врата адовы не одолѣютъ ее!»

Какъ пламенѣло любовью къ Господу сердце Петра! Онъ принялъ и понялъ чувствомъ, какое высокое мѣсто указано ему въ царствѣ Бога. Ему кажется, что въ немъ есть сила начать строеніе церкви, или христіанской общины. Да и какъ не почувствовать силы, когда Господь будетъ укрѣплять его. Когда вслѣдъ за тѣмъ Іисусъ обѣщалъ дать ему ключи небеснаго царства: какъ возвысился его духъ, какую онъ почувствовалъ въ себѣ мощь, данную ему Господомъ и учителемъ, который былъ къ нему во всегдашней близости и въ постоянномъ общеніи съ нимъ!

Но долго еще онъ не понималъ вполнѣ величія Іисуса. Когда Господь началъ говорить о своихъ страданіяхъ и смерти, когда онъ сказалъ, что враги его, старѣйшины, первосвященники и книжники возьмутъ его силою, умертвятъ его, но что онъ на третій день воскреснетъ, тогда оказалось, что въ душѣ Петра отозвались только первыя слова Іисуса о страданіяхъ его и смерти. Внезапно онъ падаетъ съ своей духовной высоты. Если Господь умретъ, что жъ тогда съ нимъ, Петромъ, будетъ? тогда онъ будетъ не въ состояніи что нибудь сдѣлать. И если Учителю его предстоятъ такія страданія, значитъ и ему предстоитъ тоже. Онъ, исполненный высокаго мнѣнія о своемъ призваніи, какъ теперь онъ печаленъ и боязливъ! Онъ говоритъ такъ, какъ будто бы Господь не въ силу необходимости хочетъ предать себя своимъ врагамъ, что Онъ безъ причины хочетъ принять страданія и смерть. Онъ рѣшается отклонять Господа отъ такого намѣренія, порицать его и присовокупляетъ:

«Господи! пощади себя. Этого не должно случиться съ тобою!» Но Іисусъ съ поражающею силою открываетъ ему извращенность его сердца и повергаетъ его въ уныніе сильными словами: «Отойди отъ меня, сатана! Ты печалишься о мнѣ, потому что не думаешь о божіемъ, а только о человѣческомъ!»

* * *

Петръ слишкомъ проникнутъ былъ чувствомъ собственнаго достоинства въ слѣдствіе того, что Господь часто отличалъ его между учениками. Но по временамъ онъ падалъ духомъ и боялся за свое будущее. Когда Господь говорилъ, какъ трудно богатому войти въ царство божіе, Петръ спросилъ самонадѣянно: «мы все оставили и послѣдовали за тобою: что жъ будетъ намъ за то?» Но любовь къ учителю, которою онъ былъ исполненъ, заставляетъ его при умовеніи ногъ возразить: «Никогда ты не будешь омывать мнѣ ноги!» Въ слѣдъ за симъ чувство своей духовной силы проявилось въ слѣдующихъ словахъ Петра: «Если и всѣ соблазнятся, такъ не я.»

Онъ имѣлъ многочисленныя доказательства любви и милости къ нему Спасителя. Онъ стоялъ на опасной высотѣ самоувѣренности и самонадѣянности. Когда приблизилась ночь страданій Іисуса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и время, когда ученики должны были стать на сво. ноги, Петръ, или камень, такъ много довѣряетъ своему мужеству, что не считаетъ особенно нужнымъ бдѣніе и молитву. Не смотря на всѣ увѣщанія Учителя, онъ беззаботно ложится и спитъ въ то время, какъ Господь молится въ Геѳсиманіи до кроваваго пота. Когда предатель приблизился съ вооруженною толпою, чтобы взять Іисуса, Петръ считаетъ необходимымъ дѣйствовать противъ враговъ мечемъ. Онъ повидимому не понимаетъ выговора отъ Господа за покушеніе.

Тогда приходитъ часъ испытанія, и Петръ, такъ часто падавшій, палъ и на этотъ разъ. Три раза онъ измѣняетъ своему Господу и Учителю; три раза отказывается отъ участія въ обществѣ Іисуса, наконецъ даже съ клятвою. Это — страшное паденіе апостола, такое паденіе, какого еще не было. Но это есть и поворотный пунктъ въ его внутренней жизни. Глубокій и полный любви взглядъ Іисуса щемитъ ему сердце, онъ понимаетъ свою вину и горячія слезы текутъ изъ его глазъ. Воскресшій обращается къ нему съ троекратнымъ вопросомъ: «Симонъ Іонинъ, любишь ли меня? И новая жизнь проникаетъ его существо. Петръ возраждается, полный живой надежды, полный силы, мужества, самоотреченія и смиренія, возраждается воскресеніемъ Христа изъ мертвыхъ.

* * *

Еще не пришла пятидесятница, какъ Петръ собралъ протчихъ учениковъ, чтобы пополнить число, уменьшившееся выбытіемъ Іуды; по жребію избранъ былъ на его мѣсто Матѳей. Петръ запомнилъ навсегда увѣщаніе учителя: «когда ты со временемъ обратишься, то укрѣпляй своихъ братьевъ.» Неутомимъ былъ Петръ въ исполненіи завѣщанія Христова.

Въ пятидесятый день Святый духъ сошолъ на собравшихся апостоловъ. Петръ первый открылъ уста и съ святою ревностью проповѣдовалъ іудеямъ, собравшимся изъ разныхъ странъ покаяніе и вѣру, проповѣдовалъ такъ внушительно и сильно, что три тысячи народа приняли крещеніе, и вдругъ основана была въ Іерусалимѣ христіанская община.

Теперь могучая евангельская проповѣдь переходитъ отъ однихъ къ другимъ не на словахъ только, но и на дѣлѣ. Петръ не упускаетъ никакого случая для того, чтобы проповѣдовать міру о Спасителѣ. Его слова не длинная составленная по правиламъ рѣчь, это могучій валъ морской, кото-

рый, подобно грому, поражаетъ и покоряетъ сердца. Таковы жъ и его дѣла; онѣ сопровождаются знаменіями и чудесами, и все побѣждая влекутъ людей за собою.

Петръ съ Іоанномъ входятъ во храмъ. Здѣсь предъ дверями святилища сидитъ сорокалѣтній нищій, хромой съ дѣтства; онъ проситъ у мимоидущихъ милостыни, проситъ и у апостоловъ. «Взгляни на насъ», говоритъ Петръ и смотритъ ему прямо въ лицо. Потомъ онъ продолжаетъ: «Я не имѣю золота и серебра, а даю тебѣ то, что имѣю: во имя Іисуса Христа Назорянина встань и ходи.» Вѣра, съ которою Петръ взялъ хромаго, поднялъ и поставилъ на ноги, сообщилась исцѣленному въ такой степени, что онъ прыгалъ и славилъ Бога. Толпа, предъ которою произошло чудо, изъявила предъ апостолами свое удивленіе. Петръ начинаетъ проповѣдь: «Что вы смотрите на насъ, какъ будто бы мы сдѣлали это нашею собственною силою, или нашимъ благочестіемъ? Богъ прославилъ своего раба Іисуса, котораго вы оклеветали предъ Пилатомъ и предали ему на судъ. Имя Его подняло этого хромаго, котораго вы видите и знаете. Вѣра дала ему здоровье въ вашихъ глазахъ.»

Исполненный такою силою Святаго Духа, какъ спокойно и радостно Петръ переноситъ всѣ преслѣдованія и страданія! Ненавидимый жрецами, особенно садукейскими, которые отвергали воскресеніе мертвыхъ и потому съ досадою слышали проповѣди Петра о воскресеніи мертвыхъ, онъ былъ посажонъ въ тюрьму. Потомъ его представили верховному совѣту для суда. Но его отвѣты были только свидѣтельствомъ объ Іисусѣ, въ которомъ сосредоточены всякое блаженство и вѣчная жизнь. Ему и Іоанну не велѣно было проповѣдовать своего ученія. «Мы не можемъ не говорить о томъ, что мы видѣли и слышали!» сказалъ Петръ. Высокій совѣтъ отпустилъ ихъ, сознавая невозможность наказать ихъ за ихъ ученіе.

Апостолы возвратились къ своимъ и разсказали, что имъ

сказали старѣйшины и первосвященники. Тогда они соединили свои голоса въ пламенной молитвѣ и съ радостью просили Господа дать имъ силу проповѣдовать слово его. Вдругъ поколебалось мѣсто ихъ собранія и новое исполненіе духомъ святымъ показало, что молитва ихъ услышана Богомъ.

* *
*

Ананія продалъ все свое имущество для того, чтобы, какъ онъ говорилъ, всю сумму положить къ ногамъ апостоловъ. Но часть денегъ онъ утаилъ. Петръ усмотрѣлъ обманъ и сказалъ: «Ананія, зачѣмъ сатана наполнилъ сердце твое, такъ что ты солгалъ предъ Святымъ Духомъ?» При этихъ словахъ, грозно произнесенныхъ, Ананія упалъ на землю и испустилъ духъ. Когда послѣ сего вошла жена его Сапфира, знавшая о лживости мужа, и на вопросъ Петра отвѣчала тою же ложью, пала и она при грозныхъ словахъ апостола и сдѣлалась трупомъ.

Большой страхъ овладѣлъ іерусалимскою общиною послѣ такого событія. Многіе увѣровали и были въ большомъ почетѣ у народа. Слухъ о всѣхъ этихъ событіяхъ переходитъ за черту города. Несутъ больныхъ изъ сосѣднихъ городовъ, чтобы апостолы исцѣлили ихъ. Больныхъ выносили на улицы, по которымъ проходилъ Петръ; кого касалась тѣнь Петра, тотъ исцѣлялся. Постоянный потокъ благодатный даетъ жизненную силу всей общинѣ.

Сколь ничтожно за то поведеніе саддукейскихъ жрецовъ. Они сгараютъ завистью и ненавистью. Они приказываютъ взять апостоловъ и посадить въ темницу. Но ангелъ ночью отворяетъ двери темницы и велитъ имъ идти въ храмъ проповѣдовать народу слово жизни. Утромъ стражи нашли двери темницы запертыми, а апостолы находились въ храмѣ, гдѣ множество народа слушало ихъ. Начальникъ стражи и его служители съ бранью повели ихъ предъ высокій совѣтъ,

гдѣ ихъ спрашивали, какъ рѣшились они преступить запрещеніе и снова проповѣдовать Петръ вмѣстѣ съ другими возражалъ: «Должно слушаться Бога больше, чѣмъ людей!» Потомъ онъ снова свидѣтельствовалъ: «Того, кого вы умертвили и повѣсили на деревѣ, Богъ своею десницею возвысилъ въ князя и спасителя!» Такія слова глубоко уязвили обвинителей и судей, они совѣтовались о томъ, какъ бы убить апостоловъ. Но мнѣніе Гамаліеля одержало верхъ, и высокій совѣтъ рѣшилъ ждать дальнѣйшихъ послѣдствій.

Съ этихъ поръ евангеліе обходитъ окрестности Іерусалима. Филиппъ первый проповѣдовалъ оное въ Самаріи. За нимъ отправились туда Петръ и Іоаннъ. Волхвъ Симонъ притворно признаетъ себя христіаниномъ. Видя сверхъестественныя дѣла апостоловъ, именно, какъ они чрезъ рукоположеніе сообщали благодать Святаго Духа, онъ просилъ, чтобы и ему они сообщили эту силу. Онъ предлагаетъ апостоламъ деньги, если только они исполнятъ его просьбу. Петръ поражаетъ его словами: «погибни ты и съ твоими деньгами,» разоблачаетъ лживость его сердца и убѣждаетъ его покаяться. Петръ совершилъ второе путешествіе въ области, лежащія къ западу отъ Іерусалима. Въ Лиддѣ онъ исцѣляетъ разслабленнаго Энея, лежавшаго уже восемь лѣтъ въ болѣзни; больной исцѣлился послѣ словъ Петра: «Іисусъ Христосъ возвращаетъ тебѣ здоровье, встань и возьми постель твою.» Въ Іоппѣ, гдѣ Петръ остановился на время у кожевника Симона, его мощное слово: «Талиѳа, встань!» воскресило умершую дочь хозяина.

* * *

Такъ мало по малу основаны были христіанскія общины въ Іудеѣ, Галилеѣ и Самаріи. Пришолъ часъ, когда по неизреченной любви Господа открытъ былъ и язычникамъ доступъ въ царство его. До сихъ поръ Петръ еще не зналъ

божественнаго рѣшенія, по которому слѣдовало увѣровавшаго язычника принимать въ христіанскую общину, для чего необходимо было только крещеніе. Но то, въ чемъ онъ сомнѣвался, открыто было ему особеннымъ образомъ въ то время, когда онъ находился на плоской крышѣ Симонова дома въ Іоппѣ. Онъ услышалъ голосъ съ неба: «что Богъ очистилъ, того не почитай нечистымъ!» Когда Петръ еще раздумывалъ о смыслѣ такихъ словъ, вѣстники языческаго начальника Корнелія постучались въ дверь дома и просили Петра идти съ ними въ Кесарію къ ихъ господину. Тогда понялъ онъ смыслъ чуднаго видѣнія и слышанныхъ имъ словъ. Онъ отправляется въ путь и входитъ въ домъ язычника, который убралъ домъ и внутренно приготовился принять апостола. «Хорошо сдѣлалъ ты, что пришолъ,» такими словами встрѣтилъ его хозяинъ. «Мы собрались здѣсь, чтобы слушать все, что Богъ тебѣ повелѣлъ.» И Петръ проповѣдовалъ имъ покаяніе и отпущеніе грѣховъ именемъ Іисуса Назаретскаго, который былъ распятъ. Святой Духъ мгновенно сошолъ на языческихъ слушателей и они увѣровали и приняли крещеніе.

По возвращеніи въ Іерусалимъ онъ попалъ въ руки царя Ирода, который уже велѣлъ отсѣчь голову Іакову, брату Іоанна, чѣмъ хотѣлъ заслужить любовь іудеевъ. Петра посадили въ темницу, изъ которой ангелъ освободилъ его. Тогда онъ оставилъ Іерусалимъ, куда впрочемъ опять прибылъ, когда въ общинѣ христіанской разгорѣлся споръ о томъ, слѣдуетъ ли обрѣзывать увѣровавшихъ язычниковъ. Онъ вмѣстѣ съ Павломъ и Іаковомъ съ достоинствомъ и силою защищалъ мнѣніе, что не слѣдуетъ возлагать иго ветхаго закона на язычниковъ, принимающихъ крещеніе. Нѣкогда іудей, онъ съ полнымъ сознаніемъ истины произноситъ слова примиренія: «Мы вѣруемъ въ спасеніе благодатью Господа Іисуса Христа такъ-же какъ и они!»

Впослѣдствіи онъ оставался въ Антіохіи, гдѣ утвердилъ

свое мѣстопребываніе. Здѣсь въ христіанскихъ общинахъ, состоявшихъ большею частію изъ крещеныхъ іудеевъ, все еще господствовали старыя убѣжденія объ общеніи съ язычниками. Страшась этихъ іудействующихъ христіанъ, Петръ старался воздерживаться отъ пищи съ христіанами изъ язычниковъ. Хотя онъ хорошо зналъ неразуміе такого обычая, но не имѣлъ силы противодѣйствовать ему и подчинился наущеніямъ іудействующихъ. Сначала онъ попробовалъ бороться и обѣдалъ съ христіанами изъ язычниковъ, но когда прибыли въ Антіохію ученики Іакова, то Петръ отдѣлился отъ язычниковъ. Тогда Павелъ прибылъ сюда. Онъ слышалъ, что случилось и просилъ у Петра объясненія. Сильныя слова Павла произвели глубокое впечатлѣніе, Петръ пришелъ въ сокрушеніе и впослѣдствіи училъ и дѣйствовалъ въ совершенномъ согласіи съ апостоломъ язычниковъ.

* * *

Судьбы послѣднихъ дней жизни Петра неизвѣстны. Что онъ двадцать пять лѣтъ былъ епископомъ въ Римѣ, подлежитъ сомнѣнію. Вѣроятно только то, что онъ во время своихъ путешествій по Малой Азіи и Парѳіи могъ посѣщать и Римъ, вѣроятно онъ въ Римѣ и умеръ въ 67 или 68 году мученическою смертью; можетъ быть даже, что нѣкоторое время онъ считался главою римской общины. Но нельзя съ вѣрностью опредѣлять событій изъ послѣднихъ годовъ его жизни. За то никогда и никто изъ апостоловъ и прочихъ христіанъ того времени не признавалъ его въ званіи князя апостоловъ. Онъ—апостолъ надежды. Во всѣхъ бѣдахъ и искушеніяхъ онъ питался надеждою на величавую побѣду церкви надъ всѣми ея врагами. Надежда звучитъ и въ двухъ, оставшихся отъ него посланіяхъ; ею проникнуты всѣ его убѣжденія, обращенныя къ христіанскимъ общинамъ. Съ этою надеждою онъ побѣдилъ страхъ мученической смерти, кото-

рую принялъ на крестѣ, подобно своему Господу и Учителю.—

* * *

Смятеніе господствуетъ на улицахъ Іерусалима. Іудейскій народъ волнуется, старѣйшины и книжники стоятъ въ главѣ шумящихъ скопищъ. Мудрые и образованные люди думаютъ, что они поняли всю сущность ветхаго завѣта, поняли законъ Бога во всемъ объемѣ, хотя въ то же время отвергли Того, кто одинъ и исполнилъ этотъ законъ; они теперь схватили человѣка, который въ полнотѣ вѣры и силы защищалъ небесную мудрость Іисуса и порицалъ ихъ ложную мудрость. Его, Стефана, потащили предъ верховный совѣтъ, тутъ выставили ложныхъ свидѣтелей, которые говорили, что этотъ человѣкъ не перестаетъ говорить противъ святаго города и закона, и мы слышали, какъ онъ проповѣдовалъ: «Сей Іисусъ Назаретскій разрушитъ городъ и измѣнитъ обычаи, которые Моисей завѣщалъ намъ.» Какъ мрачно глядятъ члены верховнаго совѣта на обвиненнаго въ такихъ преступныхъ рѣчахъ! Кто не прочелъ бы на ихъ лицахъ смертнаго приговора? Неужели не поблѣднѣетъ, не задрожитъ предъ наказаніемъ тотъ, кому предстоитъ разстаться съ жизнью?... Глаза всѣхъ членовъ совѣта обращены на него, но лицо Стефана спокойно, это лицо ангела. Никто изъ судей не рѣшается вымолвить слова, въ собраніи господствуетъ мертвая тишина. Наконецъ первосвященникъ говоритъ: «такъ ли это?»

Теперь, когда потребовали отъ Стефана отвѣта, онъ начинаетъ говорить, въ одушевленной рѣчи славитъ великія обѣтованія о Авраамѣ, и безстрашно свидѣтельствуетъ о праведникѣ, «котораго измѣнниками и убійцами вы были, вы, получившіе законъ при служеніи ангеловъ и не сохранившіе его!»

Никто не посмѣлъ опровергать его, судьи не въ силахъ произнести смертнаго приговора; слова мужественнаго свидѣтеля раздираютъ имъ сердце, неистово скрежещутъ они зубами. Стефанъ обращаетъ взоры на небо и взываетъ: «Я вижу отверзтое небо и Сына человѣческаго, сѣдящаго одесную Отца.» Тогда раздраженный народъ бросается на него, тащитъ его вонъ изъ города и начинаетъ побивать камнями.

Среди волнующейся толпы находится одинъ ученикъ мудреца, Савлъ, родомъ изъ Кессаріи, небольшаго роста и слабаго тѣлосложенія, но свѣдущій въ законѣ и пророкахъ, и горячій по характеру. Внимательно слѣдитъ онъ за событіемъ. Исполненный ненависти къ послѣдователямъ Назорeянина, онъ радуется въ душѣ о судьбѣ Стефана. Правда, онъ не рѣшается обагрить руки кровью, но онъ также бѣжитъ изъ города къ мѣсту, гдѣ долженъ совершиться кровавый судъ. Издали онъ смотритъ и охотно соглашается сторожить одежды тѣхъ, которые сняли съ себя платье, чтобы лучше бросать камни. Изъ глазъ его сыплются искры гнѣва, презрительная мина выражается на губахъ и на лицѣ, когда онъ видитъ, какъ побиваемый падаетъ, когда слышитъ его послѣднее восклицаніе: «Господь Іисусъ, прими мой духъ!» Мстительная радость и удовольствіе отражаются на его лицѣ, когда умирающій Стефанъ, стоя́ на колѣнахъ, громко произноситъ: «Господи, не поставь имъ въ грѣхъ этого дѣла!» За тѣмъ отлетѣла его душа.

Страшное событіе вызвало наружу вражду Савла къ христіанамъ, вражду, которую до сихъ поръ онъ сдерживалъ. Теперь онъ считалъ себя не въ правѣ оставаться долѣе празднымъ зрителемъ. Онъ врывается въ дома христіанъ въ Іерусалимѣ, вытаскиваетъ оттуда мужчинъ и женщинъ, которые признавали Іисуса, представляетъ ихъ верховному совѣту и сдаетъ ихъ въ тюрьму.

Между тѣмъ пришло въ Іерусалимъ извѣстіе о томъ, что въ дальнемъ Дамаскѣ и по дорогѣ къ этому городу много

людей, вѣрующихъ въ Мессію. Это не даетъ Савлу покоя, онъ считаетъ себя обязаннымъ биться за законъ отцовъ. Въ Іерусалимѣ довольно преслѣдователей, которые подобно ему стараются уничтожить общину. Онъ считаетъ себя призваннымъ къ болѣе великимъ дѣламъ, онъ хочетъ помѣшать дальнѣйшему распространенію ненавистной вѣры. Онъ проситъ высокій совѣтъ о полномочіи преслѣдовать христіанъ тамъ, гдѣ найдетъ ихъ. Совѣтъ охотно соглашается на его просьбу, и, снабженный бумагою съ печатью, поднимается онъ въ сопровожденіи сыщиковъ къ Дамаску, чтобы всѣхъ, мужчинъ и женщинъ изъ христіанъ, сколько ни найдетъ ихъ, представлять связанными въ Іерусалимъ.

* *
*

Небольшой караванъ тянется по пути къ Дамаску. Во главѣ его ѣдетъ Савлъ съ страшными мыслями. Наступилъ полдень, свѣтло блещетъ солнце на небѣ, вдали показались кровли дамасскихъ жилищъ. Тогда внезапно засіялъ свѣтъ съ неба, далеко превосходящій свѣтъ дня, ослѣпленный Савлъ падаетъ на землю. Онъ ужь ничего не видитъ, но слышитъ голосъ говорящій: «Савлъ, Савлъ, что ты меня гонишь»? Въ страхѣ Савлъ спрашиваетъ: «Кто ты, Господи»! и получаетъ отвѣтъ: «Я Іисусъ Назорянинъ, котораго ты преслѣдуешь!» Спутники Савла поражены сильнымъ свѣтомъ, но голоса они не слышатъ. Савлъ слышитъ, къ нему обращенъ голосъ, только онъ понялъ слово. Не христіане, то былъ самъ Христосъ, противъ котораго шолъ Савлъ съ грозою и смертью. То былъ самъ Богъ, къ которому онъ питалъ неестественную злобу, но къ которому онъ обязанъ послушаніемъ. На него находитъ трепетъ и уныніе, и въ то время, какъ угасаетъ свѣтъ его очей, на душѣ его становится свѣтлѣе. Его гнѣвъ испарился, прошла жажда

крови, онъ покоряется Господу, котораго царство старался разрушить. «Что долженъ я дѣлать, Господи?» говоритъ онъ смиренно. Господь отвѣчаетъ: «Встань и иди въ городъ, тамъ тебѣ скажутъ, что дѣлать!»

Чудный свѣтъ погасъ, голосъ съ неба умолкнулъ. Савлъ поднимается съ земли, онъ пробуетъ открыть глаза, напрасно, онъ ослѣпъ. Спутники берутъ его за руку и ведутъ въ Дамаскъ. Тамъ пробылъ онъ три дня безъ пищи и питья, три дня продолжалась его слѣпота.

Между тѣмъ благочестивому Ананіи поручено было отыскать Савла и возложить на него руки, чтобы онъ прозрѣлъ. И хотя Ананія отказывался: «Господи, я слышалъ отъ многихъ объ этомъ человѣкѣ, сколько зла онъ сдѣлалъ твоимъ святымъ въ Іерусалимѣ, онъ имѣетъ отъ первосвященниковъ власть вязать всѣхъ, произносящихъ твое имя»; но Господь отвѣчалъ ему: «Иди, потому что онъ есть мой избранный сосудъ, онъ долженъ возвѣстить имя мое предъ язычниками и царями и сынами Израиля, и я покажу ему, сколько онъ долженъ пострадать за имя Мое.

Послушный Богу, Ананія вошолъ въ домъ, гдѣ жилъ Савлъ. Онъ подошолъ къ слѣпому и сказалъ ему: «Братъ Савлъ, Господь Іисусъ, явившійся тебѣ на пути, послалъ меня къ тебѣ, чтобы ты опять прозрѣлъ и исполнился Святаго Духа». И тотчасъ съ глазъ его спала какъ бы чешуя и онъ прозрѣлъ. Онъ поднялся и велѣлъ крестить себя, потомъ попросилъ пищи, чтобы подкрѣпить свои силы. Теперь уже не Савлъ больше, но Павелъ, проповѣдуетъ Іисусово ученіе въ школахъ; болѣе мощный чѣмъ прежде, онъ привелъ въ большое затрудненіе іудеевъ, живущихъ въ Дамаскѣ, когда началъ говорить имъ, что Іисусъ есть истинный Сынъ Божій и обѣщанный Мессія.

* * *

Еще вѣсть спасенія не достигла Европы, Павелъ и его сподвижники распространяли евангеліе все еще въ Малой Азіи. Но человѣкъ, призванный по преимуществу принести благовѣстіе язычникамъ, уже отправлялся проповѣдывать слово жизни въ Македоніи и Греціи.

Въ Неаполитанской гавани стоялъ на якорѣ корабль, вышедшій изъ Трои и совершившій путь чрезъ Самоѳракію по Эгейскому морю. Въ Неаполѣ вышли на берегъ Павелъ и его спутники, врачъ Лука, Тимоѳей, сынъ одной еврейки, и Сила. Отсюда они отправились въ Филиппы. Здѣсь между языческимъ населеніемъ не мало было и евреевъ, которые имѣли обыкновеніе собираться за городомъ для общей молитвы. Павелъ въ субботу пошолъ туда и проповѣдовалъ женщинамъ, которыхъ тамъ нашолъ. Между ними была одна богатая купчиха, торговавшая пурпуромъ, по имени Лидія; она была такъ тронута истиною ученія, что крестилась со всѣмъ своимъ семействомъ. Потомъ она упросила апостола и его спутниковъ остановиться у нея на жительство. Это заставило Павла остаться на время въ Филиппахъ.

Когда онъ однажды отправился съ своими спутниками въ сказанное мѣсто собранія іудеевъ, за нимъ послѣдовала дѣвушка, славившаяся между язычниками своимъ даромъ предсказаній, чѣмъ она приносила выгоды тѣмъ, у кого служила. Суевѣрные язычники платили деньги за ея предсказанія. Эта дѣвушка лишь только увидѣла иноземцевъ — апостола и его учениковъ, какъ тотчасъ пошла за ними и громко говорила: «Эти люди—слуги Бога вышняго, проповѣдающіе вамъ путь къ блаженству»!

Какъ ни истинны были такія рѣчи, однако Павлу не слишкомъ пріятно было ихъ слышать отъ женщины, слывшей прорицательницею; апостолъ боялся, чтобы не приняли и

его за прорицателя, а его проповѣдь за прорицательство. Поэтому онъ обратился къ ней и велѣлъ именемъ Іисуса Христа языческому духу, владѣвшему дѣвушкою, молчать. Съ тѣхъ поръ она потеряла свой даръ, вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и доходы, которые она доставляла своимъ господамъ.

Что жь вышло? Едва узнали объ этомъ господа той дѣвушки, какъ стали преслѣдовать Павла. Они напали на него и Силу на дорогѣ; раздраженные случившимся съ ихъ дѣвушкою, они схватили обоихъ мужей. Это были развращенные люди, сговорившіеся вести прибыльную для нихъ торговлю предсказаніями. Они потащили Павла и Силу къ начальникамъ города, которые на площади производили судъ, и обратились къ судьямъ съ жалобою: «Эти люди, будучи іудеями, возмущаютъ нашъ городъ, они проповѣдаютъ обычаи, которыхъ намъ, римлянамъ, не слѣдуетъ ни принимать, ни исполнять. Такое обвиненіе дало языческимъ начальникамъ достаточное основаніе, чтобы присудить обвиняемыхъ къ наказанію. Безъ дальнѣйшаго изслѣдованія они велѣли сорвать платье съ Павла и Силы и сѣчь ихъ розгами; потомъ оба посажены были въ темницу, — смотрителю тюрьмы приказано строго стеречь ихъ.

Мужи, не знавшіе за собою никакой вины, идутъ безъ ропота за римскими солдатами; безъ малѣйшаго съ ихъ стороны сопротивленія ввели ихъ въ темницу, ноги заключили въ колодки. По человѣческому расчету имъ слѣдовало погибнуть, умереть отъ голода или потерять голову на плахѣ. Они не могли ожидать себѣ спасенія ни откуда, ни отъ народа, тѣмъ менѣе отъ судей, которые рѣшали ихъ судьбу.

Наступила полночь, мрачно въ темницѣ, гдѣ кромѣ Павла и Силы сидѣли и другіе узники. Тутъ оба мужа, невинно заключенные, страшно избитые, исцѣляются отъ ранъ; громкимъ голосомъ они славятъ Бога и ему молятся. Осталь-

ные узники съ изумленіемъ смотрятъ на нихъ,—ужели возможно въ такомъ бѣдственномъ положеніи выражать слова благодарности и пѣть хвалебныя пѣсни! Но не долго пришлось имъ удивляться: Господь, котораго они славили и призывали въ своей горести, засвидѣтельствовалъ предъ всѣми, что Онъ слышитъ молитвы, что Онъ есть помощникъ и избавитель. Землетрясеніе колеблетъ основаніе темницы, земля колеблется, стѣны трясутся, дверные засовы отскакиваютъ, и оковы падаютъ съ ногъ заключенныхъ.

Смотритель темницы проснулся въ смущеніи. Онъ думаетъ, что заключенные разломали двери и бѣжали. Отвѣчая своею жизнію за узниковъ, онъ уже думаетъ лишить себя жизни. Онъ беретъ мечъ и хочетъ поразить себя. Тогда Павелъ говоритъ: «мы всѣ здѣсь, не дѣлай себѣ никакого зла»!

Что это дѣйствительность или призракъ? Зажгли факелы и начальникъ темницы видитъ, что никто не убѣжалъ, небесный свѣтъ проникаетъ въ его душу. Такими знаменіями говоритъ одинъ Господь, въ рукахъ котораго находятся блаженство и осужденіе. Эти два человѣка—его вѣстники, для которыхъ и произошло такое событіе; все, что говорятъ они, есть истина и слово жизни. Въ страхѣ язычникъ падаетъ къ ногамъ Павла и Силы; ему дорого спасеніе своей души. Онъ выводитъ ихъ изъ тюрьмы, которую отворилъ самъ Богъ, и говоритъ: «Государи мои, что долженъ я дѣлать, чтобы спастись?» Они отвѣчали: «Вѣруй въ Господа Іисуса Христа, и будешь счастливъ—ты и твой домъ».

Часъ темной полночи сдѣлался свѣтлымъ, отраднымъ часомъ мира. Тамъ, гдѣ до сихъ поръ господствовала холодная, бездушная строгость правительства, тамъ теперь нашла пріютъ благословенная любовь. Начальникъ темницы омываетъ кровавыя раны обоихъ узниковъ, которыя нанесены имъ палачами; послѣ такой услуги онъ проситъ у нихъ крещенія со всѣмъ своимъ домомъ. Павелъ охотно испол-

няетъ его просьбу; когда совершено было священнодѣйствіе, онъ отправляется съ Силою къ этому начальнику темницы въ домъ; здѣсь они принимаютъ отъ него пищу и питье. Благодать воцарилась въ этомъ домѣ, радость о томъ, что всѣ нашли своего Спасителя.

Перемѣнились и мысли римскихъ начальниковъ города. Они увидѣли, что несправедливо сдѣлали, такъ жестоко поступивъ съ этими мужами. Едва замерцало утро, они послали городскихъ служителей въ тюрьму. Посланные спросили смотрителя темницы и принесли ему повелѣніе начальниковъ освободить Павла и Силу. Смотритель радостно извѣстилъ о томъ Павла: «Начальники прислали приказаніе освободить васъ; выходите и ступайте съ миромъ!» Но Павелъ отказывается выдти тайно и отвѣчаетъ: «Насъ, римскихъ гражданъ, безъ суда всенародно били и бросили въ темницу, а теперь тайно выпускаютъ? Нѣтъ, пусть придутъ и сами выведутъ насъ». Служители принесли этотъ отвѣтъ начальнымъ людямъ. Начальники испугались, когда услышали, что поступили такъ беззаконно съ римскими гражданами; они отправляются въ темницу и просятъ заключенныхъ принять возвращаемую имъ свободу и оставить городъ.

* * *

Павелъ прибылъ въ Аѳины, центръ тогдашняго образованія. Здѣсь была уже община христіанъ изъ іудеевъ, и апостолъ по обыкновенію сначала отправился въ ихъ синагогу. Но когда онъ увидѣлъ городъ, наполненный идолами, то началъ ходить каждый день на рынокъ и тутъ говорилъ къ народу. Здѣсь онъ нашолъ приверженцевъ процвѣтавшихъ въ то время философскихъ школъ, эпикурейцевъ и стоиковъ, которымъ говорилъ мужественно и внушительно. Многіе смѣялись надъ нимъ какъ пустымъ говоруномъ, другимъ казалось, что онъ проповѣдуетъ ученіе о чужихъ богахъ; эти

послѣдніе повели его къ одному возвышенію у города, на которомъ стоялъ ареопагъ. Здѣсь они просили Павла объяснить хорошенько, въ чемъ состоитъ его ученіе. И тутъ-то Павелъ говорилъ свою знаменитую рѣчь, въ которой указалъ аѳинянамъ на алтарь въ ихъ городѣ, на которомъ была надпись: «Невѣдомому Богу». О этомъ Богѣ онъ проповѣдовалъ имъ, о Богѣ, который требуетъ отъ нихъ покаянія и вѣры въ Того, котораго Онъ воскресилъ изъ мертвыхъ.

Изъ Аѳинъ Павелъ отправился въ Коринѳъ, оттуда чрезъ Эфесъ и Кессарію въ Іерусалимъ. Послѣ кратковременнаго пребыванія здѣсь, онъ опять предпринялъ путешествіе въ Эфесъ. Во время возмущенія онъ принужденъ былъ оставить городъ, но посѣтилъ во второй разъ Трою, Македонію и Коринѳъ. Потомъ опять возвратился въ Іерусалимъ. Здѣсь іудеи воздвигли гоненіе на него. Онъ былъ взятъ и отправленъ подъ римскимъ конвоемъ въ Кессарію, гдѣ два года пробылъ узникомъ у прокуратора Феликса. Преемникъ его Фестъ далъ ему свидѣтельство объ его невинности и положилъ отправить его какъ римскаго гражданина въ Римъ, чтобы тамъ судилъ его самъ императоръ. Но прежде того онъ еще просилъ царя Агриппу, который былъ у него въ гостяхъ, похлопотать объ оправданіи Павла. Агриппа, тронутый чудною рѣчью апостола, едва самъ не сдѣлался христіаниномъ ; онъ подтвердилъ невинность Павла. Но по тогдашнимъ законамъ все таки ему слѣдовало отправиться въ Римъ. Онъ былъ отправленъ туда съ другими узниками на одномъ купеческомъ кораблѣ. Въ Римѣ ему дозволено было ходить куда ему угодно, впрочемъ въ сопровожденіи стража. Онъ могъ свободно проповѣдовать свое ученіе въ составившейся здѣсь общинѣ и пользовался здѣсь своимъ досугомъ для того, чтобы писать посланія ко многимъ основаннымъ имъ общинамъ.

Послѣдніа судьбы его мало извѣстны. Спустя два года, онъ получилъ полную свободу, посѣтилъ Испанію, снова

былъ на востокѣ и возвратился въ Римъ, гдѣ принялъ мученическую смерть, вѣроятно вмѣстѣ съ Петромъ. Ему отсѣкли голову.

* * *

Павелъ есть апостолъ вѣры. Съ той минуты, какъ Господь призвалъ его къ себѣ на пути въ Дамаскъ, разомъ исчезло въ немъ всякое противоборство. Человѣкъ разносторонняго образованія, даровитый и сильный по характеру, весь сосредоточенный на познаніи Іисуса Христа, онъ постоянно имѣлъ въ виду одну цѣль, распространеніе евангелія между народами. Съ удивительною настойчивостью и неутомимостью онъ проходитъ всѣ земли отъ Аравіи на востокѣ до Испаніи на западѣ. Онъ является предъ царями и князьями, предъ мудрецами и философами, предъ іудеями и язычниками съ тою же прямотою, съ тѣмъ же достоинствомъ, съ тою же смѣлостью. Онъ умѣетъ убѣждать простой народъ и опровергать доказательства мудрыхъ. Онъ поистинѣ былъ всѣмъ все, чтобы только ввести кого-нибудь въ божіе царство. Не смотря на то, что онъ имѣлъ слабое, болѣзненное тѣлосложеніе и казалось, что одержимъ постоянною болѣзнью, онъ подвергалъ себя всякимъ трудамъ и лишеніямъ. Онъ былъ въ правѣ сказать о себѣ по сравненію съ другими апостолами: «Я потрудился больше, чѣмъ всѣ они!» Онъ подвергался всевозможнымъ опасностямъ между іудеями и язычниками, бурѣ и кораблекрушенію, былъ въ пустынѣ, въ преслѣдованіяхъ, въ трудахъ, подвергался голоду и жаждѣ, холоду и жарѣ, всякимъ лишеніямъ, нуждамъ, униженіямъ, ударамъ. Въ него бросали камнями, его били палками, — и все таки онъ сохранилъ себя, былъ неутомимъ и продолжалъ, какъ началъ, всегда оставаясь вѣрнымъ, терпѣливымъ слугою своего небеснаго Господа. Характеръ его развился до никогда неколеблющейся рѣшимости,

которая заставляла его иногда выступать противъ Петра, когда послѣдній въ чемъ-нибудь погрѣшалъ. Онъ дѣлалъ все не ради награды и держалъ себя независимо отъ людей. Правда, онъ принималъ дары отъ общинъ, основанныхъ имъ, но только тогда, когда нуждался; и по справедливости считалъ эти дары ничтожными, (такъ какъ они удовлетворяли тѣлеснымъ потребностямъ), особенно сравнительно съ духовными дарами благодати, которые онъ сообщалъ этимъ общинамъ. Но когда онъ замѣчалъ, что отъ даровъ пострадаетъ чистое дѣло его апостольскаго призванія, тогда отсылалъ дары назадъ, брался за свое ремесло дѣлателя шатровъ и питался трудами своихъ рукъ. Онъ исполненъ былъ сознаніемъ и чувствомъ высшей свободы, которая давала ему силу разрывать всякія путы рабства закону: такъ онъ объявлялъ уставы обрядоваго закона Моисеева ничтожными. При такой ревности къ чисто евангельской свободѣ онъ проникнутъ былъ глубокимъ смиреніемъ — онъ называетъ себя нижайшимъ изъ апостоловъ, величайшимъ изъ грѣшниковъ, — одушевленъ былъ нѣжнѣйшимъ попеченіемъ о братьяхъ, еще слабыхъ въ вѣрѣ и полнымъ самоотверженіемъ. Никому онъ не желаетъ навязать свою вѣру, онъ хочетъ быть только сообщникомъ радости христіанскихъ общинъ; лучше онъ лишится мяса, чѣмъ причинитъ какой-нибудь соблазнъ послѣднему изъ братьевъ. Его любовь столь глубока, внутренняя и готова на самопожертвованіе, что онъ не только жизнь свою ни во что ставитъ для братьевъ, но въ святой ревности къ израильтянамъ, своимъ собратьямъ по происхожденію, желалъ бы быть отлученнымъ отъ Христа, лишь бы только привести ихъ къ познанію своего спасенія. Рѣдко соединялись столь многія добродѣтели въ лицѣ одного человѣка, какъ соединились онѣ въ величайшемъ и дѣятельнѣйшемъ изъ апостоловъ.

* * *

Іоаннъ есть вмѣстѣ съ Петромъ и Павломъ третій апостолъ, въ которомъ является чистѣйшимъ и яснѣйшимъ образомъ всеоблагороживающая, всепросвѣщающая сила евангелія. Родители его были Заведей и Саломія, жившіе въ Виѳсаидѣ у Галилейскаго моря. Они были благочестивыми людьми, и уже съ раннихъ лѣтъ въ дѣтяхъ ихъ, Іаковѣ-старшемъ и Іоаннѣ, живо проявилась надежда на обѣщаннаго Мессію. Іоаннъ скоро сдѣлался ученикомъ Іоанна Крестителя. Вслѣдъ за искушеніемъ въ пустынѣ, Іисусъ увидѣлъ въ первый разъ Іоанна, когда онъ съ Андреемъ находился при Іоаннѣ Крестителѣ. «Вотъ агнецъ Божій!» сказалъ Іоаннъ, когда Іисусъ проходилъ около нихъ. Тотчасъ Андрей и Іоаннъ послѣдовали за нимъ и съ того дня остались при немъ. Іоаннъ всецѣло сдѣлался ученикомъ Христа. Ему открывалъ онъ всю свою душу, беззавѣтно предался Ему. Потому-то и Спаситель излилъ на него полное богатство своей любви, и далъ ему первое мѣсто въ своемъ сердцѣ. На послѣдней вечери онъ покоился на груди Іисуса, и съ креста умирающій Спаситель поручаетъ ему свою матерь Марію, его любви и попеченію.

Іоаннъ былъ отъ природы созерцательнаго, нѣжнаго характера. Онъ не заботится о внѣшнемъ мірѣ. Въ его сердцѣ сосредоточено богатство его ревности, его смиренія и любви. Но сердце его сначала полно было не совсѣмъ небесной ревности. Когда одинъ самарійскій городъ не хотѣлъ принять Іисуса, онъ съ Іаковомъ хотѣлъ свести съ неба огонь, который бы истребилъ городъ. Слова Спасителя: «Вы не знаете, какого Духа вы дѣти!» заставляютъ ихъ умѣрить свой гнѣвъ и приводятъ къ сознанію своего несвятаго желанія. Впослѣдствіи эта черта души Іоанна облагороживается до истинно святаго гнѣва противъ всего

злаго и всякаго невѣрія. Эта святая ревность божественной любви вызвала изъ сердца его памятныя слова: «Если кто придетъ къ вамъ и не принесетъ сего ученія, того вы не принимайте въ свой домъ и не привѣтствуйте его, ибо привѣтствующій его участвуетъ въ злыхъ дѣлахъ его». Когда по свидѣтельству Иринея, въ банѣ въ Эфесѣ находился лжеучитель Керинѳъ, Іоаннъ выбѣжалъ изъ нея и вскричалъ: «Бѣжимъ, потому что баня можетъ обрушиться, такъ какъ въ ней находится Керинѳъ, врагъ истины».

Въ евангельской исторіи особенно выступаетъ противоположность между быстрою рѣшимостью Петра и тихою созерцательностію Іоанна. Когда воскресшій явился имъ обоимъ у озера Тиверіадскаго, Іоаннъ узналъ первый Господа, Петръ же бросился въ море, чтобы плыть къ Нему. Послѣ сошествія Святаго Духа на учениковъ, оба они пошли во храмъ помолиться. Когда хромой у дверей просилъ у нихъ милостыни, Петръ беретъ его за руку и исцѣляетъ, Іоаннъ же стоитъ около Петра съ теплымъ участіемъ къ больному. Когда привели ихъ предъ верховный совѣтъ и требовали отвѣта, Петръ смѣло говорилъ, Іоаннъ только изрѣдка говорилъ слово. Такъ два апостола шли вмѣстѣ, пополняя и поддерживая другъ друга. Господь выбралъ ихъ двоихъ, посылая ихъ въ Іерусалимъ приготовить пасху. Такъ и остались они вмѣстѣ и вмѣстѣ дѣйствовали по порученію другихъ апостоловъ для того, чтобы внутренняя сосредоточенность Іоанна удерживала въ предѣлахъ порывистую дѣятельность Петра.

Кажется Іоаннъ сначала оставался въ Іерусалимѣ, можетъ быть до того времени, когда возгорѣлась война. Тогда онъ отправился въ Эфесъ, чтобы по смерти Петра и Павла посѣтить малоазійскія общины. Когда императоръ Домиціанъ началъ преслѣдовать христіанъ, на Іоанна пало изгнаніе на пустынный, скалистый островъ Патмосъ. Здѣсь онъ написалъ полную таинственности книгу—Откровеніе и по смерти До-

миціана снова возвратился въ Эфесъ. Маститый лѣтами, онъ принужденъ былъ болѣе и болѣе ограничивать кругъ своей дѣятельности. Тѣмъ ревностнѣе онъ занимался составленіемъ своего евангелія и своихъ посланій. При этомъ духъ его все больше и больше проникался любовью къ Господу; онъ простился съ общиною словами: «Дѣти, любите другъ друга». Умеръ онъ ста лѣтъ отъ роду.

ПЕРВЫЕ ХРИСТІАНЕ.

Первыя христіанскія общины въ Іерусалимѣ представляютъ намъ въ первый разъ жизнь, исполненную любви другъ къ другу и къ Господу. Онѣ оставались постоянно въ апостольскомъ ученіи, и въ общеніи, въ преломленіи хлѣба, и въ молитвѣ; все имѣніе было общимъ достояніемъ, все, поступавшее въ общину, дѣлилось между членами ея, и всѣ получали по мѣрѣ нужды; ежедневно и постоянно собирались они въ храмъ и славили Бога въ простотѣ сердца и съ радостью. Вся дѣятельность общины была проникнута дѣлами любви, которыя совершались апостолами надъ страждущими тѣлесно и душевно. Но евангеліе съ своею чудесною силою слова и дѣла было для іудеевъ соблазномъ; поэтому оно долженствовало уже въ первое время выдержать страдательную борьбу! Пламя преслѣдованія быстро распространялось. Но тѣмъ выше поднималось то пламя воодушевленія, съ которымъ свидѣтельствовали о Христѣ предъ верховнымъ совѣтомъ связанные апостолы, Петръ и Павелъ. Имъ запрещаютъ свидѣтельство слова, они отвѣчаютъ молитвою: «Господи,

посмотри на ихъ угрозы, и дай рабамъ твоимъ силу со всею радостью говорить твое слово»! Эти первыя страданія, заключенія и угрозы послужили только къ созданію и укрѣпленію любви. О всей общинѣ можно было сказать: «Множество вѣрующихъ имѣло одно сердце и одну душу». Но все сильнѣе, все ужаснѣе свирѣпѣла буря гоненій; апостолы въ заключеніи, діаконъ Стефанъ, котораго память празднуется церковью на третій день Рождества, былъ первымъ кровавымъ свидѣтелемъ евангелія, погибшимъ подъ камнями іудеевъ. Во время страданія лицо его просвѣтлѣло ангельскимъ свѣтомъ; при кончинѣ его торжествующая любовь проявилась въ словахъ: «Господи Іисусе, прими мой духъ»! Еще болѣе высказалась его всепрощающая любовь среди смертныхъ страданій: «Господи! не поставь имъ сего въ грѣхъ»!

Пламя страданій все увеличивалось, исполнялся плачъ Господа: «Іерусалимъ, Іерусалимъ, избивающій пророковъ, и побивающій камнями посланныхъ къ тебѣ»! Савлъ свирѣпѣетъ въ угрозахъ и убійствахъ, община разсѣевается. Но разсѣянные обходятъ города и деревни, и проповѣдуютъ слово. Свѣтская власть поднимаетъ мечъ на юную церковь въ Іерусалимѣ. Глава ея, Іаковъ братъ Іоанна, первый епископъ первой христіанской общины, падаетъ подъ мечомъ Ирода, Петръ бѣжитъ. Павелъ, изъ страшнаго врага христіанъ сдѣлавшійся другомъ ихъ и свидѣтелемъ умершаго на крестѣ, подвергается преслѣдованію отъ своихъ прежнихъ сообщниковъ и гонителей Христа. Преемникъ Іакова перваго, Іаковъ, братъ Господа, по прозванію праведный, былъ возведенъ на кровлю храма раздраженными іудеями, чтобы оттуда въ праздникъ Пасхи засвидѣтельствовать о Христѣ предъ большимъ стеченіемъ народа. Онъ произнесъ сильное исповѣданіе Христа: «Распятый вами Іисусъ возсѣдитъ одесную Бога и опять придетъ судить міръ въ небесныхъ облакахъ»! Тогда сбросили его съ башни храма. Но онъ

не умеръ еще. Любовь къ врагамъ озарила блескомъ его страданія. Онъ поднимается на колѣна и молится: «Молюсь тебѣ, Господь Богъ и Отецъ, за нихъ; ибо они не знаютъ, что дѣлаютъ»! Такая неслыханная любовь сильно подѣйствовала на сердце одного жреца, который изъ толпы, бросившейся на умирающаго, вскричалъ: «Оставьте, что вы дѣлаете, этотъ праведный мужъ молится за васъ»! Напрасно! Другой изъ толпы нанесъ дубьемъ смертельный ударъ умиравшему Іакову.

Прошло немного времени и страшный судъ Божій совершился надъ іудеями:—Іерусалимъ былъ разрушенъ. Но пламя этого Божьяго суда не пожрало маленькой христіанской общины. Очищенные бѣдами и страданіями христіане удалились съ пѣніемъ псалмовъ и хвалебныхъ гимновъ изъ воротъ Іерусалима въ городокъ Пеллу еще прежде, чѣмъ насталъ судный день Іерусалима. Въ нихъ Іерусалимъ въ другой разъ распялъ Христа, теперь городъ созрѣлъ для суда! Таково было первое мученичество церкви отъ іудеевъ.

Около того же времени разгорѣлась вражда язычниковъ къ евангелію. Изъ Іерусалима мы переходимъ въ тогдашній главный городъ міра и средоточіе язычества, въ Римъ. Тамъ образовалась христіанская община, которой суждено было любовью и страданіями укрѣплять свою силу. Павелъ писалъ къ ней въ началѣ своего посланія: «Прежде всего благодарю моего Бога чрезъ Іисуса Христа за всѣхъ васъ, что вѣра ваша возвѣщается во всемъ мірѣ». Его посланіе долженствовало еще болѣе утвердить ихъ вѣру. Теперь пришло время засвидѣтельствовать эту вѣру съ заключенною въ ней любовью въ первомъ пылу преслѣдованія. Оно разгорѣлось въ 64 году, въ правленіе Нерона, котораго имя получило въ исторіи значеніе всякаго зла, жестокости и разврата. Это чудовище, обагренное кровью собственной матери, жены, своего учителя Сенеки, которыхъ онъ приказалъ умертвить, устроилъ для своей потѣхи страшный по-

жаръ, который свирѣпствовалъ девять дней и обратилъ въ пепелъ большую часть города. Когда въ народѣ начали ходить слухи, что виною пожара самъ Неронъ, онъ постарался свалить всю вину на христіанъ. Ярость народа обратилась на нихъ, уже бывшихъ предметомъ ожесточенной ненависти язычниковъ. Ихъ ненавидѣли и презирали какъ людей, отвергнутыхъ богами за преступленія, за поношеніе боговъ и непокорность имъ, какъ людей, преданныхъ самому страшному суевѣрію и посѣвающихъ всюду ненависть къ роду человѣческому. Такъ смотрѣли на ихъ вѣру, ихъ страхъ Божій, ихъ мужество въ бѣдствіяхъ и удаленіе отъ міра.

Этотъ пожаръ былъ сигналомъ къ первому страшному гоненію. Но вѣра и любовь христіанъ сохранилась здѣсь какъ чистое золото. Ихъ пригвождали ко кресту, ихъ выставляли въ циркѣ на бой съ дикими звѣрями. Но эти обыкновенныя наказанія не удовлетворяли ярости. Начали зашивать ихъ въ кожу дикихъ звѣрей и потомъ травить собаками, которыя терзали несчастныхъ. Другихъ обливали смолою и воскомъ, и другими горючими веществами, или одѣвали въ смоляныя одежды и зажигали, чтобы они медленно горѣли, какъ живые факелы. Такъ выставляли ихъ иллюминовать императорскіе сады. У подбородка ставили колъ, который, мѣшая движенію головы, усугублялъ мученія. Только со смертью Нерона кончилось такое преслѣдованіе. Но вѣсть о смерти Нерона еще не успокоила христіанъ. Готовность на новыя страданія отразилась въ преданіи, будто Неронъ не умеръ, но ушолъ за Евфратъ, чтобы потомъ явиться въ видѣ антихриста. Однако не было никакого отпаденія отъ вѣры, не было колебаній въ любви къ Господу во время такихъ тяжкихъ бѣдствій. Тацитъ, достовѣрный историкъ, засвидѣтельствовалъ о томъ.

Это было первое большое преслѣдованіе христіанъ отъ язычниковъ; оно происходило не въ одномъ Римѣ, но и въ

дальнихъ странахъ до Испаніи. Это былъ первый огонь страданій, воспламененный всемірнымъ язычествомъ противъ первенцевъ евангелія. Удивительный огонь! онъ не уничтожалъ того, что долженъ былъ уничтожить, онъ обращалъ свое сокрушительное пламя на тѣхъ, кто возжигалъ оное. Начался міровой пожаръ, которымъ уничтожены были всѣ прелести міра, вся сила его; въ немъ мы видимъ тотъ огонь, о которомъ говоритъ Христосъ: «Я пришолъ, чтобы возжечь огонь на землѣ, и чего жь больше хотѣть, — уже загорѣлось». Христіане были очищены этимъ огнемъ въ своей первой любви; чѣмъ жарче пламя страданій, тѣмъ сильнѣе пламенѣетъ огонь любви въ очищенныхъ сердцахъ. Первая юная жатва евангелія не погибла, но осталась несокрушенною. Плоды вѣры и любви тѣмъ скорѣе созрѣвали въ этомъ жару. Кровь мучениковъ была первымъ посѣвомъ для первой большой жатвы церкви.

ВАРЪ И ГЕРМАНИКЪ ВЪ ГЕРМАНІИ.

Недалеко отъ соединенія рѣкъ Верры и Фульды римское войско стояло лагеремъ. Здѣсь имѣлъ стоянку проконсулъ Квинктиліусъ Варъ, родственникъ императора Августа, съ тремя легіонами, лучшими солдатами тогдашняго римскаго войска. Ему выпала на долю трудная задача мало по малу покорять германцевъ, которые находились съ Римомъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, хотя не вполнѣ прочныхъ; онъ долженъ былъ постепенно пріучать германцевъ къ римскимъ законамъ введеніемъ между ними римскаго судебнаго

устройства. Съ удивленіемъ и затаенною горечью германцы смотрѣли на римскихъ ликторовъ, съ розгами и сѣкирами располагавшихся на мѣстѣ суда; тутъ они слышали чужой языкъ, разсужденія и приговоры на латинскомъ языкѣ. Ихъ туземный третейскій судъ оставался въ сторонѣ и презрѣніи, уничтожено было существованіе вольныхъ окружныхъ общинъ (собраній по гау), раздѣленіе областей преобразовывалось на римскій ладъ; не ихъ князья и благородные засѣдали въ судѣ, но римскіе судьи, которые произносили по тяжбамъ и спорамъ послѣднее рѣшеніе; вошли въ силу наказанія, еще неизвѣстныя германцамъ, люди, чуждые стариннымъ обычаямъ и нравамъ германцевъ, рѣшали дѣла и произносили смертные приговоры. Это былъ замыселъ на свободу германцевъ, заговоръ на ихъ римское союзничество.

Между тѣмъ Варъ убаюкивалъ себя грезами о силѣ и величіи Рима, не понимая того, какъ сильно оскорблялъ онъ свободныхъ мужей. Къ нему являлись не только уполномоченные, но и сами князья Херусковъ, Бруктеровъ, Марсовъ и Каттовъ. Съ удовольствіемъ Варъ принималъ ихъ увѣренія въ преданности, охотно выслушивалъ ихъ просьбы о введеніи римскихъ гарнизоновъ въ германскіе города, и что другое можно было во всемъ этомъ видѣть, какъ не подчиненіе германцевъ римлянамъ!

Тогда пришло извѣстіе, что одно изъ германскихъ племенъ подняло оружіе и напало на римскія когорты. Варъ вздрогнулъ, но скоро успокоенъ былъ представленіями и увѣреніями находившихся при немъ германскихъ князей, которые ручались, что спокойствіе скоро будетъ возстановлено. Варъ считалъ себя довольно сильнымъ, чтобы подавить бунтъ, вспыхнувшій въ одномъ мѣстѣ. Хотя его предостерегалъ вѣрный другъ римлянъ Сегестъ, но Варъ былъ глухъ къ его совѣтамъ, онъ ослѣпленъ былъ высокомѣріемъ. Войску данъ сигналъ къ выступленію противъ бунтовщиковъ. Обстоятельства не позволяли медлить, поэтому вы-

ступленіе изъ лагеря происходило въ совершенномъ безпорядкѣ; другъ за другомъ двинулись тяжело вооруженные пѣхотинцы, всадники и безконечная цѣпь телѣгъ съ багажемъ, жены и дѣти солдатъ. По мнѣнію главнокомандующаго дѣло все состояло въ томъ, чтобы потушить незначительное возстаніе въ покоренной и спокойной странѣ. Такъ войско зашло въ густой лѣсъ, который трудно было обойти; нужно было пролагать дорогу сквозь густую чащу. Войско остановилось; пошли проливные дожди, земля размокла. Съ трудомъ топоръ пролагалъ дорогу сквозь лѣсную чащу, медленно двигался тяжолый обозъ. Тутъ затруднялъ движеніе молніею разбитый пень дуба, тамъ тернистый кустарникъ. Телѣги вязли въ землѣ, колеса уходили въ разбухшую землю по самую ось, вьючныя животныя истощали силы въ трудной работѣ. Нужно было валить деревья и дѣлать помостъ, чтобы переправиться чрезъ болото или чрезъ мутный, съ шумомъ текущій ручей.

Прошолъ лишь полдень, но мрачныя дождевыя облака дотого застилали небо, что въ лѣсу словно ночь наступала. Ропотъ прошолъ по рядамъ измученныхъ солдатъ, они хотѣли стать лагеремъ, но это было невозможно въ такой лѣсной глуши. Высланные впередъ всадники возвратились съ извѣстіемъ, что въ нѣсколькихъ тысячахъ шаговъ отъ войска находится широкая равнина, на которой удобно расположиться лагеремъ. Съ новымъ мужествомъ, съ возросшею надеждою напрягаютъ солдаты свои силы, чтобы добраться до равнины. Вдругъ что-то зашумѣло въ лѣсу, дикій крикъ и звонъ оружія огласили римское войско. Ужь не возмутились ли солдаты, не возстали ль они явно противъ приказаній главнокомандующаго? Но минутное сомнѣніе скоро разсѣевается. Страшный крикъ раздался въ рядахъ войска: «враги, германцы»! Войско остановилось и стояло растянутое на большомъ пространствѣ; тогда изъ лѣсу съ обоихъ фланговъ нападаютъ германцы и рубятъ истомленныхъ

римлянъ, которые не могутъ оказать большаго сопротивленія.

Наконецъ германцы скрываются, разсѣянные римскіе солдаты снова собираются и продолжаютъ свой маршъ. Они достигаютъ равнины и устроиваютъ лагерь. На слѣдующій день та же непогода, тѣ же нападенія германцевъ. Варъ началъ сознавать опасность, онъ понялъ, что не одинъ округъ, не одно племя возмутилось противъ римлянъ, но что весь народъ поднялся съ рѣшимостью изгнать римлянъ изъ своей земли. До сихъ поръ онъ шолъ къ югу, теперь повернулъ на западъ къ городу Алиссо на Липпе. И тутъ путь былъ не менѣе труденъ, Варъ долженъ былъ переправляться чрезъ лѣсистый рядъ холмовъ и обширную болотистую равнину между истоками Липпе и Эмса. Но Алиссо — единственное мѣсто, гдѣ войско можетъ найти пріютъ и пищу.

Послѣ двухдневнаго пути войско достигло горы, оно поднимается на нее и находитъ на гребнѣ кряжа удобное мѣсто для стоянки.

На третій день опять полили изъ облаковъ сильные дожди. Опасность однако не позволяетъ медлить, снова тронулись войско и обозъ и спускались съ холмовъ на равнину. Когда они выступили изъ лѣса, который покрывалъ спуски горъ, и обратили глаза къ городу Алиссо, находившемуся по ту сторону равнины, снова явились предъ ними германцы въ боевомъ строю, подъ предводительствомъ Арминія, князя херусковъ. Онъ, получившій въ Римѣ право гражданства во время Августа и принятый въ сословіе римскихъ всадниковъ, теперь созвалъ къ оружію противъ римлянъ всѣхъ вождей и мужей Германіи. Здѣсь предложилъ онъ истомленнымъ походомъ римлянамъ битву, отъ которой они не могли уклониться.

* * *

Спустя нѣсколько часовъ равнина была покрыта трупами. Римскіе орлы находились въ рукахъ германцевъ, весь багажъ сдѣлался ихъ добычею, множество римлянъ попало въ плѣнъ. Самъ Варъ лежалъ между трупами убитыхъ; когда онъ увидѣлъ, что все потеряно, то бросился на свой мечъ. Немногіе достигли Алиссо чрезъ болота и принесли печальную вѣсть.

Побѣдители торжествовали побѣду не блестящими играми въ циркѣ, не тріумфальнымъ шествіемъ по обычаю римлянъ, но мщеніемъ и благодарностью богамъ, давшимъ побѣду. Тамъ и сямъ по равнинѣ разбросаны были перелѣски; подъ тѣнью дубовъ и буковъ они поставили алтари богамъ въ то время, какъ все поле покрыто было кровью убитыхъ враговъ. Потомъ они привели сюда плѣнныхъ и прежде всего ненавистныхъ римскихъ судей, которые творили чужой судъ и на чужомъ языкѣ въ германскихъ гау. Ихъ принесли въ жертву. Притащили также и трупъ Вара, голову отдѣлили отъ туловища; Арминій послалъ ее князю Маркоманновъ Марбоду, который одинъ отказался отъ войны съ римлянами. За тѣмъ приступили къ раздѣлу добычи, и многіе знатные римляне, имѣвшіе въ Римѣ сенаторское кресло, должны были теперь стеречь стадо какого-нибудь германскаго крестьянина. Озлобленные враги отказали трупамъ въ погребеніи.

Пораженіе римлянъ было до того велико, что пятидесятитысячное войско ихъ почти не существовало.

* * *

Спустя шесть лѣтъ Германикъ во главѣ войска двинулся въ Германію. Онъ послалъ впередъ одного изъ своихъ ге-

нераловъ Цецину съ сорока когортами для того, чтобы занять страну Бруктеровъ на Эмсѣ; префектъ Педо велъ конницу чрезъ гау фризовъ. Германикъ шолъ съ четырьмя легіонами. Хауки предложили вспомогательное войско и были приняты, Бруктеры, опустошившіе свою страну огнемъ и мечомъ, были разбиты генераломъ Л. Стерниніемъ, который въ этой битвѣ возвратилъ орла девятнадцатаго легіона, бывшаго съ Варомъ. Скоро вся страна между Эмсомъ и Липпе была во власти римлянъ. Такимъ образомъ они приблизились къ несчастному мѣсту, на которомъ стоялъ Варъ съ своими легіонами; были слухи, что кости убитыхъ римлянъ все еще оставались непогребенными. Германикъ предложилъ оказать воинамъ, павшимъ съ Варомъ послѣднюю честь. Съ горькимъ чувствомъ солдаты изъявили полководцу свою полную готовность исполнить его предложеніе. Одинъ изъ воиновъ вспоминалъ о своихъ родныхъ, другой о друзьяхъ, которые здѣсь нашли свою смерть; тотъ жаловался на измѣнчивость военнаго счастья, другой бранилъ жестокость варваровъ. Такъ рѣшено было посѣтить самое мѣсто стана Варова и мѣсто битвы.

Цецина получилъ повелѣніе отправиться впередъ съ легкими когортами, чтобы развѣдать горные проходы, навести мосты чрезъ болота и топи, и такимъ образомъ облегчить походъ остальному войску. Наконецъ онъ достигъ мѣста печали, котораго видъ былъ столько же безотраденъ, сколько воспоминаніе о здѣсь происшедшемъ. Видны были остатки римскаго лагеря. Первый лагерь Вара имѣлъ значительный объемъ; стоющее большаго труда, еще величавое и въ своихъ развалинахъ строеніе свидѣтельствовало о томъ, что надъ нимъ трудились три легіона. Далѣе, по возведенному только до половины валу и мало углубленному рву, признали мѣсто, гдѣ останавливались уже ослабленные битвами легіоны. Среди равнины лежали кости и трупы, по положенію которыхъ можно было угадать, какъ одни мужественно про-

тивостояли врагу лицомъ къ лицу, какъ другіе обратили тылъ. Тамъ и сямъ валялись обломки оружія, кости коней, видны были черепа, насаженныя по деревьямъ. По перелѣскамъ стояли алтари, на которыхъ побѣдители утоляли свою ярость надъ ненавистнѣйшими изъ плѣнниковъ.

Въ войскѣ находились еще воины, уцѣлѣвшіе отъ страшной битвы, или бѣжавшіе изъ позорнаго плѣна. Теперь они разсказывали, что на такомъ-то мѣстѣ пали легаты, на другомъ отняты орлы у знаменоносцевъ. Здѣсь Варъ получилъ первую рану, — еще онъ надѣялся на побѣду. Но когда всякое сопротивленіе сдѣлалось невозможнымъ, когда онъ увидѣлъ, что ветераны дрогнули предъ дикимъ натискомъ германцевъ, тогда въ отчаяніи прекратилъ свою жизнь на этомъ мѣстѣ. На небольшомъ возвышеніи — слѣды еще замѣтны были — устроена была для Арминія трибуна, съ которой онъ воодушевлялъ своихъ воиновъ смѣлою рѣчью. Около лагернаго вала побѣдители устроили висѣлицу, на которой повѣсили часть плѣнниковъ; около нея былъ выкопанъ ровъ, куда бросали тѣхъ, которымъ отрублены были головы. А тутъ было мѣсто, самое несчастное мѣсто, тутъ были осмѣяны, опозорены римскіе орлы.

То были торжественныя минуты, когда воины принялись исполнять погребеніе павшихъ; мечъ отправлялъ должность заступа, щитъ замѣнялъ лопату: такъ оказывали они блѣднымъ останкамъ послѣднюю честь. Никто не зналъ, чьи кости онъ хоронилъ, своихъ воиновъ или враговъ, но всѣ знали, съ какимъ храбрымъ врагомъ павшіе сражались, всѣ равно исполнены были мужествомъ и мщеніемъ. Первый слой земли и дерна, служившій основаніемъ для могильнаго холма, положилъ самъ предводитель Германикъ, показавъ такимъ образомъ примѣръ солдатамъ и почетъ къ ихъ работѣ.

Когда совершены были похороны, Германикъ послѣдовалъ за Арминіемъ, который отступалъ въ лѣса и болота. При

первомъ удобномъ случаѣ онъ приказалъ двинуться своей конницѣ и занять равнину, на которой стоялъ непріятель. Арминій стянулъ свои войска и приблизился къ лѣсу, потомъ вдругъ повернуль на римлянъ и велѣлъ выступить отряду, скрывавшемуся за холмами. Римская конница приведена была въ безпорядокъ этими новыми силами; пѣхота, спѣшившая на помощь конницѣ, но также разстроенная бѣгущею конницею, поколебалась на минуту. Уже римское войско загнано было въ болота, которыя извѣстны были германцамъ и очень опасны были для римлянъ, незнающихъ мѣстности, какъ появился самъ Германикъ и далъ другой оборотъ дѣлу. Ужасъ напалъ на непріятелей, римскіе солдаты ободрились, битва осталась нерѣшонною.

* *
*

Германикъ повелъ свои легіоны обратно на Эмсъ, а Цецинѣ приказалъ идти назадъ чрезъ такъ называемые «длинные мосты». Это была плотина, устроенная еще прежде римлянами; она шла чрезъ болота, окруженныя съ обѣихъ сторонъ лѣсомъ. Едва Арминій узналъ о планѣ Цецины, какъ поспѣшилъ занять лѣсъ. Между тѣмъ римляне замѣшкались у плотины, которая была частію разрушена и потому нуждалась въ поправкѣ. Часть легіоновъ начала строить шанцы, другая стояла подъ оружіемъ для прикрытія рабочихъ. Когда херуски съ своими длинными пиками выступили изъ лѣсной чащи, легіоны мужественно выдержали ихъ натискъ. Наступила ночь и положила конецъ битвѣ.

Но опасность не уменьшалась. Цецина видѣлъ, какъ солдаты вязнутъ въ болотныхъ топяхъ; военные снаряды, оружіе попадали въ руки враговъ, упадокъ духа въ войскѣ сильно былъ замѣтенъ. Самъ полководецъ, испытанный въ бояхъ, сорокъ лѣтъ проведшій въ полѣ, началъ терять мужество. До глубокой ночи онъ совѣщался съ своими офи-

церами, что дѣлать, какъ перевести войско по плотинѣ, какъ отбить нападеніе непріятелей. Но трудно было остановиться на чемъ-нибудь, мнѣнія были различны. Разстроенный Цецина распустилъ совѣтъ и думалъ о слѣдующемъ днѣ. Долго онъ раздумывалъ одинъ въ своей палаткѣ, какъ поступить. Наконецъ на него напалъ сонъ. Тяжкія сновидѣнія безпокоили его душу. Ему казалось, что онъ стоитъ посреди плотины, и изъ наполненнаго водою болота поднимается кровью покрытый образъ несчастнаго Квинтилія Вара. Онъ манилъ его рукою къ себѣ. Цецина оттолкнулъ протянутую къ нему руку и не двигался съ мѣста.

Между тѣмъ наступило утро, взошло солнце и освѣтило широкое болото и вполовину оконченныя земляныя работы римлянъ. Но оно было также свидѣтелемъ упадка духа воиновъ. Два легіона, поставленные по обѣимъ сторонамъ плотины для защиты рабочихъ, оставили безъ позволенія свое мѣсто и отправились на равнину по ту сторону болота. Обозъ остался безъ прикрытія и рабочіе легіоны могли быть уничтожены при первомъ нападеніи враговъ. Едва рабочіе солдаты поняли опасность, какъ въ рядахъ ихъ произошло полное замѣшательство, всѣ тѣснились впередъ, никто не слушалъ приказаній начальниковъ, на сигналы не обращали никакого вниманія. Каждый думалъ только о томъ, какъ бы выбраться изъ этой давки.

Этою минутою воспользовался Арминій; онъ бросился на римлянъ съ криками: «Здѣсь Варъ и легіоны опять въ болотахъ»! Лошади были изранены, онѣ бились въ конвульсивныхъ движеніяхъ и устремились въ болото; грязь и илъ обдавали всадниковъ, изъ которыхъ многіе тутъ же погибли. Труднѣе всего было спасти орлы, такъ какъ нельзя было ни нести ихъ навстрѣчу непріятелю, осыпающему римлянъ стрѣлами, ни утвердить на разступающейся почвѣ. Подъ Цециною убита была лошадь, и самъ полководецъ находился въ большой опасности попасть въ плѣнъ. Однако на этотъ

разъ побѣда осталась не за германцами; жадные до корысти, они бросились грабить римскій багажъ. Наступилъ вечеръ, непріятели скрылись въ лѣсу, а римляне наконецъ устроили лагерь на прочной почвѣ равнины. Впрочемъ лагерь этотъ едва походилъ на обыкновенный римскій лагерь, такъ мало онъ былъ удобенъ дать покой мужамъ, истомленнымъ жаркою работою. Палатки были потеряны, не было перевязокъ для раненыхъ, грязью и кровью покрыты были съѣстные припасы. Громкіе вопли раздавались въ рядахъ, которые покрыла темная ночь, которымъ грозила близкая смерть; переживетъ ли кто изъ воиновъ слѣдующій день?

* *
*

Утомленные воины спали, но сонъ ихъ былъ мало покоенъ, — страхъ нападенія германцевъ не давалъ покоя Тогда пробуждаетъ ихъ внезапная тревога. Что это значитъ? Ужь не подкрались ли германцы? Крики наполняютъ воздухъ, воины вскакиваютъ, хватаются за оружіе, но не для того, чтобы защищаться имъ, чтобы по крайней мѣрѣ спасти оное. Напрасно кричатъ имъ вожди, что нѣтъ никакой опасности, только лошадь отвязалась, понеслась въ испугѣ и въ темнотѣ сбила нѣкоторые сторожевые посты. Но никто не слушаетъ команды вождей. Тогда самъ Цецина бросается въ среду бѣгущихъ. Онъ падаетъ на землю въ томъ мѣстѣ, гдѣ бѣжала толпа солдатъ, и только тогда они остановились, когда увидѣли его и постыдились ступить чрезъ своего легата.

Когда воины оправились отъ смущенія, Цецина приказалъ имъ собраться и держалъ предъ ними рѣчь. Онъ говорилъ: спасеніе не въ бѣгствѣ, а въ оружіи. Кто побѣжитъ, навѣрное попадетъ въ лѣса и болота. Оружіемъ же слѣдуетъ пользоваться такъ, какъ то свойственно воину, съ умною осмотрительностью. Еще не все потеряно. Если бы

явился непріятель и рѣшился штурмовать лагерь, и если бы удалось ему это, все таки онъ никогда не пробьетъ крѣпкую стѣну легіоновъ.

Спокойно прошла остальная часть ночи, только вдали слышались веселые клики германцевъ, стоявшихъ на покрытыхъ лѣсомъ холмахъ. Когда наступило утро, они двинулись къ лагерю. Пустымъ казался римскій лагерь, не видно стражи на валахъ. Это придаетъ смѣлости германцамъ. Они наполняютъ рвы, они кладутъ фашины, взбираются на валы. Тогда загремѣли римскія тубы, съ щитами въ рукахъ устремляются солдаты на смущенныхъ враговъ, сбиваютъ ихъ съ вала, рубятъ ихъ своими мечами. Кто спасъ свою жизнь, тотъ бѣжалъ. На этотъ разъ побѣда осталась за римлянами. Только съ наступленіемъ ночи возвратились легіоны въ лагерь, и хотя много воиновъ было изранено, хотя чувствовался недостатокъ въ пищѣ,—все таки къ нимъ возвратились съ этою побѣдою сила, бодрость, здоровье.

РАЗРУШЕНІЕ ІЕРУСАЛИМА.

У твоихъ воротъ стоимъ мы опять, Іерусалимъ! Въ южной трети Палестины, почти въ срединѣ между восточнымъ берегомъ Средиземнаго моря и Іорданомъ, на отрогѣ, выдающемся изъ горы Ефраимъ, лежитъ городъ, который Господь избралъ себѣ, чтобы тамъ святилось имя Его. Тутъ возвышаются четыре холма съ ихъ спусками, окруженные съ сѣвера и востока глубокою долиною іосафатовою, по которой течетъ ручей Кидронъ, на югѣ долиною Гинномъ, на западѣ

долиною Гихонъ; на холмахъ находится городъ. Югозападную часть у двухъ долинъ Гинномъ и Гихонъ наполняетъ высочайшая гора Сіонъ, около нея въ сѣверозападномъ направленіи идетъ полумѣсяцемъ холмъ Акра. Къ востоку отъ обоихъ, противъ долины, которая ихъ раздѣляетъ, возносится Моріа, къ которой на сѣверной сторонѣ примыкаетъ гора Безеѳа. По ту сторону іосафатовой долины возвышается полумѣсяцемъ Масличная гора, имѣющая три шпица; кто идетъ отъ Іерихона, долженъ сначала перейти эту гору, прежде чѣмъ увидитъ Іерусалимъ.

Такъ природа надѣлила Божій городъ сильною обороною противъ непріятельскихъ нападеній; кромѣ того городъ имѣлъ три стѣны, возведенныя въ различныя времена. Но противъ суда Божія не устояли эти стѣны; Господь предалъ городъ въ руки римлянъ.

Какъ красовалась гора Сіонъ съ замкомъ Давида и въ особенности съ святымъ храмомъ! Правда, это было уже не то великолѣпное зданіе, для котораго приготовляли дерево и камни рабочіе строители Соломона и Хирама, равно какъ Гиблиты, и который Господь освятилъ, чтобы имя Его въ немъ вѣчно пребывало. При всемъ томъ, это было все таки изящное, величественное зданіе, возведенное царемъ Иродомъ, который хотѣлъ этимъ снискать расположеніе къ себѣ народа израильскаго. На скалѣ, вышиною въ сорокъ локтей, длиною и шириною больше чѣмъ на 500 локтей, возвышался этотъ храмъ такъ роскошно и величаво, что его можно было считать чуднымъ произведеніемъ человѣческаго искусства.

Цѣлое зданіе подымалось вверхъ тремя уступами. Нижняя терраса, шириною въ 500 локтей длины и столько же ширины образовала дворъ язычниковъ. Онъ былъ окруженъ съ трехъ сторонъ двойною колонадною галлереей въ 25 локтей ширины, съ четвертой тройною галлереей Соломона (остатокъ отъ перваго храма), былъ украшенъ колоннами

изъ бѣлаго мрамора, изъ которыхъ каждая имѣла 25 локтей вышины и сдѣлана была изъ одного камня, а въ срединѣ выложенъ разноцвѣтными камнями. Онъ имѣлъ пятеро воротъ, изъ которыхъ однѣ восточныя, ведущія къ долинѣ Кидронской, назывались «красивыми», такъ какъ столбы здѣсь были изъ коринеской, блестящей какъ золото, мѣди; этотъ дворъ у іудеевъ служилъ рынкомъ, гдѣ продавались разные предметы, въ которыхъ нуждались посѣтители храма. (Мато. 21, 12. 13.). Четырьмя ступенями выше дворъ замыкался рѣшоткою въ 3 локтя вышины; эта рѣшотка, перемежавшаяся столбами, отдѣляла первый дворъ отъ выше лежащей второй террасы, двора женщинъ, къ которому вело 14 широкихъ ступеней. Этотъ дворъ былъ четырехъугольный, окружонный извнѣ стѣною въ 40 локтей вышины, а внутри двойнымъ рядомъ колоннъ; тутъ стояли и скамейки для народа. Онъ получилъ свое названіе оттого, что чрезъ него проходили женщины въ верхнія галлереи, откуда онѣ принимали участіе въ божественной службѣ. Еще 15-ю ступенями выше, на третьей террасѣ, находился третій дворъ, имѣвшій 187 локтей въ длину (отъ востока къ западу) и 135 локтей въ ширину (отъ сѣвера къ югу); онъ окружалъ уже собственно храмъ и обнесенъ былъ колонадными ходами и кельями. Сюда вело восемь воротъ, изъ которыхъ лежащія на югѣ главныя ворота были въ 50 локтей вышины и сдѣланы были изъ коринеской мѣди. Этотъ дворъ имѣлъ два отдѣленія, отгороженныя одно отъ другаго рѣшоткою; первое отдѣленіе, внѣшнее, называлось дворомъ мужей, (то есть тѣхъ, которые приносили жертвы, равно какъ и тѣхъ, которые при извѣстныхъ торжествахъ являлись здѣсь представителями народа); второе отдѣленіе, непосредственно примыкавшее къ храму, называлось дворомъ священниковъ и левитовъ, — здѣсь первые совершали жертвоприношенія и читали молитвы, послѣдніе пѣли и играли; на этомъ дворѣ стоялъ жертвенный алтарь вышиною въ 15 локтей, длиною

и шириною въ 30 локтей. На 12 локтей выше этого двора былъ собственно храмъ; къ нему вели широкія ступени, нужно было пройти сквозь рѣшотку. Онъ построенъ былъ изъ мрамора, имѣлъ 100 локтей вышины, длины и ширины, а со стороны входа имѣлъ два выступа. Подобно Соломонову храму онъ раздѣлялся на паперть, святилище, и святая святыхъ. Широкія ворота безъ дверей (какъ символъ отверзтаго неба) вышиною въ 70 локтей, въ 25 шириною вели въ паперть или портикъ въ 100 локтей вышиною, фронтонъ котораго былъ вызолоченъ, а по сторонамъ спускались большіе грозды винограда (въ ростъ человѣка); они были символомъ духовнаго богатства и благословенія. Многія золотыя двери (входы), вышиною въ 55 локтей и въ 16 шириною, завѣшенныя богатыми, яркихъ цвѣтовъ занавѣсами, вели изъ этой паперти въ святилище, въ которомъ находились золотой седмиручный подсвѣчникъ, хлѣбы предложенія и кадильный алтарь. Завѣшенное великолѣпнымъ занавѣсомъ святая святыхъ, длиною въ 20 локтей, было пусто, потому что ковчегъ, этотъ символическій тронъ Еговы, былъ съ давнихъ поръ потерянъ; только христіане уже могли въ этой пустотѣ понять, что теперь слѣдуетъ искать истинный тронъ благодати въ высшемъ святилищѣ, открытомъ пришествіемъ Христа и доступномъ всякому вѣрующему, изъ какого бы племени онъ ни происходилъ.

Верхній ярусъ храмоваго зданія въ 40 локтей вышины, равно какъ прилежащія къ внѣшнимъ сторонамъ храма пристройки содержали въ себѣ комнаты для священниковъ и многія кладовыя для храмовыхъ и жертвенныхъ сосудовъ и храмовой утвари. Вызолоченная кровля храма имѣла кругомъ перила, которыхъ желѣзные прутья имѣли позолоченыя шпицы. Вообще все храмовое зданіе было вызолочено не только внутри, но и внѣшняя сторона его была покрыта золотомъ и блестѣла моремъ огня, при лучахъ утренняго солнца. Стѣны храма и двора, сложенныя отчасти изъ плитъ бѣлаго

мрамора длиною до 45 локтей, давали всему зданію издали видъ снѣговой горы. И надъ этимъ храмомъ, который по красотѣ, равно какъ по крѣпости, едва ли имѣлъ въ древности себѣ соперника, скоро должно было исполниться слово Спасителя: «Истинно говорю вамъ: не останется здѣсь камня на камнѣ, все будетъ разрушено».

* * *

Неслыханныя притѣсненія, которыя позволялъ себѣ въ Палестинѣ римскій намѣстникъ Гессіусъ Флоръ, назначенный императоромъ Нерономъ, разожгли накопившуюся съ давнихъ поръ ненависть израильтянъ къ римлянамъ. Внутренно разстроенный и раздраженный, обманувшійся въ своихъ ожиданіяхъ Мессіи, и все таки въ ослѣпленіи полный надеждъ на исполненіе обѣтованій о царствѣ Господа, когда израильскій народъ будетъ первымъ, могущественнѣйшимъ народомъ,—Израиль явился болѣе страшнымъ для враговъ своихъ, чѣмъ можно было ожидать при другихъ обстоятельствахъ. Тѣмъ сильнѣе была ненависть язычниковъ къ этому народу. Начался уже приговоръ разсѣянія народа по лицу земли, въ Цезареѣ было истреблено 20,000 человѣкъ, 50,000 въ Іудеѣ; множество народа погибло въ Палестинѣ отъ меча римлянъ

Мужество Израиля сдѣлалось мужествомъ отчаянія. Произошло открытое возмущеніе противъ римлянъ. Сирійскій намѣстникъ Цестіусъ Галлъ проникъ въ Іудею до самаго Гибеона, но здѣсь встрѣтилъ отпоръ и долженъ былъ отступить. Скоро римляне снова собрались съ силами и іудеи были принуждены запереться въ Іерусалимѣ. Намѣстникъ обложилъ городъ и дѣлалъ приготовленія къ сожженію храма. Затрепеталъ Израиль за своими стѣнами. Уже въ городѣ слышались такія рѣчи: лучше отворить ворота и молить побѣдителя о пощадѣ. Вдругъ легіоны собираются къ отсту-

5

пленію отъ города. Никто не понимаетъ, что бы это значило: страхъ ли напалъ на нихъ, или наскучила долговременная осада. Лагерь разобранъ, боевыя колесницы поворачиваютъ отъ города и удаляются Израиль едва вѣритъ глазамъ своимъ. Когда римляне удалились, снова пробудилось упавшее мужество, онъ преслѣдуетъ удаляющагося непріятеля, который съ большою потерею успѣлъ достигнуть морскаго берега.

Однако мщеніе не заставило долго себя ждать. Неронъ поручилъ продолженіе войны опытному полководцу Веспасіану. Въ 67 году онъ прибылъ въ Галлилею съ 60,000 войскомъ. Легатами у него были Траянъ и Титъ, сынъ Веспасіана. Пожары и убійства слѣдовали за войскомъ, горная крѣпость Іотапата была взята и 40,000 іудеевъ пали отъ мстительнаго меча римлянъ. Враги идутъ далѣе и ничто не въ состояніи остановить ихъ. Іоппе, Тиберіасъ, Гамала и Гискала держались до послѣдней крайности, но тщетно. На этотъ разъ врагъ не знаетъ пощады.

Такъ приближались римляне къ Іерусалиму. Здѣсь было двѣ партіи, одна рѣшившаяся биться съ врагомъ и побѣдить или умереть, другая умѣренная, болѣе склонялась къ уступчивости. Первая воспользовалась одною страшно-бурною ночью, чтобы напасть на противную партію. Земля дрожала въ то время, когда 20,000 зелотовъ напали и умертвили 12,000 изъ партіи умѣренныхъ.

Между тѣмъ Веспасіанъ покорилъ окрестныя мѣста, чтобы тѣмъ легче овладѣть главнымъ городомъ. Онъ уже велъ свои войска къ Іерусалиму, когда пришла вѣсть о смерти Нерона; легіоны провозгласили императоромъ Веспасіана. Онъ поспѣшилъ въ Римъ и поручилъ завоеваніе главнаго города Титу.

Въ Іерусалимѣ свирѣпѣла ожесточенная вражда партій, не смотря на то, что общій врагъ находился предъ городомъ. Елеазаръ предводительствовалъ самыми ожесточен-

ными зелотами, которые занимали храмовую гору. Симонъ стоялъ въ верхнемъ городѣ и части нижняго, съ 15,000 человѣкъ, между тѣми и другими находился Іоаннъ Гискаласъ съ 6,000 войскомъ. Послѣднему удалось примирить партіи. Между тѣмъ римляне двинули къ городу осадныя машины. Метательныя орудія бросали въ городъ огромные камни и разбивали стѣны, окружавшія городъ. Но іудеи сдѣлали вылазку и нападеніе изъ воротъ и отбили римлянъ. Сцены такого рода повторялись, они могли замедлить, но не отклонить паденіе города.

На праздникъ Пасхи собралось въ Іерусалимъ до двухъ милліоновъ народа. Скоро почувствовался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; нужда въ пищѣ возрасла до чрезвычайной степени. Въ теченіе десяти недѣль вынесено было 150,000 труповъ чрезъ одни ворота. Голодъ страшно свирѣпствовалъ, но городъ не сдавался. Титъ нѣсколько разъ предлагалъ осажденнымъ милость и прощеніе, но немногіе соглашались на предложенія. Іудеи, доведенные до отчаянія, отвергли всякіе переговоры и рѣшились на крайнія мѣры. Они обратили храмъ въ крѣпость. Напрасно Титъ хлопоталъ о томъ, чтобы спасенъ былъ храмъ; часть его сожгли сами іудеи, чтобы удержать натискъ римлянъ.

Наконецъ приблизился рѣшительный день. Штурмъ удался римлянамъ, легіоны вторгнулись въ городъ. Началась страшная свалка, іудеи бились всѣ до послѣдняго человѣка. Что уцѣлѣвало отъ меча, погибало въ пламени. Даже въ послѣднія минуты Титъ все еще старался сберечь храмъ отъ огня. Но одинъ римскій солдатъ, не смотря на положительное повелѣніе полководца, бросилъ въ окно, называемое золотымъ, головню, пламя которой скоро зажгло кедровый лѣсъ внутри храма. Полководецъ тотчасъ приказалъ тушить пламя, но рѣзня на улицахъ не дозволила привести въ исполненіе его волю. Скоро море огня охватило все зданіе. Съ страшнымъ трескомъ и грохотомъ обваливалась одна часть за

другою. Тысячи іудеевъ, искавшихъ здѣсь себѣ убѣжища, были погребены подъ его развалинами. Исполнились ужасы разрушенія святаго мѣста.

Между зубцами на стѣнѣ у восточныхъ воротъ возносился орелъ, знакъ трудно пріобрѣтенной побѣды. Предъ самыми воротами устроенъ языческій алтарь, на которомъ язычники приносили благодарственную жертву своимъ богамъ. Тогда явились іудеи изъ частей города, которыя еще не были истреблены пожаромъ; прибѣжавшіе униженно просили Тита пощадить уцѣлѣвшія зданія, пощадить ихъ жизнь. Но поздо, миновали дни милости. Титъ велѣлъ жечь домы, умерщвлять всѣхъ вооруженныхъ. Такое повелѣніе буквально было исполнено раздраженными римлянами. Пламя уничтожило остальныя части города, не осталось камня на камнѣ. Только безоружные получили пощаду и вынесли отсюда жизнь.

Еще дымились огромныя груды развалинъ, еще тамъ и сямъ вспыхивало уже замиравшее пламя, какъ 8 сентября 70 года по Р. X. римскій полководецъ вступилъ въ городъ. 12 вѣковъ существовалъ городъ, шесть вѣковъ съ половиною послѣ перваго разрушенія. Поразителенъ былъ видъ опустошоннаго города, только въ Карѳагенѣ и Коринѳѣ исторія видѣла нѣчто подобное. Сами язычники не могли не признать здѣсь ужасовъ суда Божія. Титъ воскликнулъ: «Истинно съ Божіей помощью мы побѣдили, Богъ изгналъ іудеевъ изъ этихъ укрѣпленій; иначе что могли сдѣлать руки человѣка и эти стѣнобитныя орудія противъ такихъ массъ камня»!

* *
*

Когда Іисусъ приближался къ городу, — то глядѣлъ на него и плакалъ, говоря: «Хоть бы ты въ этотъ послѣдній день позналъ то, что служитъ къ твоему миру! Но теперь оно сокрыто отъ твоихъ глазъ. Придутъ дни, когда твои враги обложатъ тебя окопами, и окружатъ тебя, и стѣснятъ

тебя отвсюду. И разорятъ тебя, и побьютъ дѣтей твоихъ въ тебѣ, и не оставятъ въ тебѣ камня на камнѣ, за то, что ты не позналъ времени посѣщенія твоего».

ТРАЯНЪ И АДРІАНЪ.

(98—138 г. по Р. Х.).

Римскій императорскій престолъ, послѣ смерти ненавистнаго Домиціана, сдѣлался не очень завиднымъ пріобрѣтеніемъ. Домиціанъ, въ глупой заносчивости называвшій себя богомъ, навлекъ на себя такую ненависть народа своими жестокостями, что по смерти его сенатъ дозволилъ разбить всѣ статуи императора, трупъ его бросить на гемонійскія ступени (мѣсто, гдѣ казнили преступниковъ gemo, gemir терпѣть), гдѣ слагали трупы казненыхъ преступниковъ; тутъ лежалъ этотъ трупъ до тѣхъ поръ, пока его не стащили въ Тибръ баграми. За тѣмъ сенаторы вручили императорскую власть сенатору М. Кокцею Нервѣ, старому, высокоуважаемому человѣку. Кротостью и правосудіемъ онъ пріобрѣлъ общую любовь, но такія свойства императора не нравились испорченному войску. Нерва предвидѣлъ опасность, сильный умомъ и характеромъ — онъ умѣлъ держать въ рукахъ необузданныхъ солдатъ. Во время одного праздника по случаю побѣдъ въ Паннoніи онъ положилъ лавровый вѣнокъ на алтарь Юпитера Капитолійскаго и объявилъ народу, что избираетъ себѣ въ соправителя М. Ульпія Траяна.

Извѣстіе это было принято съ общею радостью. Герой былъ высоко почитаемъ и народомъ, и войскомъ, которое онъ водилъ къ побѣдамъ на Рейнъ и въ Азію. Высокій, внушительный видъ Траяна, его мужественная осанка, его кроткое, милостивое обращеніе со всѣми располагали къ нему сердца народа; всѣ возлагали лучшія надежды на его умъ и мудрость, твердость и силу. Надежды не были тщетны, прозваніе «лучшаго», пріобрѣтенное Траяномъ, пережило вѣка.

Нерва царствовалъ ровно пятнадцать мѣсяцевъ; по смерти его Траянъ одинъ началъ править государствомъ. Законы опять вошли въ полную силу, произволъ исчезъ. Право было снова признано, защита слабыхъ и справедливость сдѣлались основаніемъ всего управленія. Конечно, не легко было внести порядокъ въ хаотическій омутъ несправедливости и угнетенія, которыя господствовали во время злыхъ императоровъ. Но стойкость и строгость Траяна преодолѣли трудности; провинціи вздохнули свободнѣе, избавясь отъ ига, тяготѣвшаго надъ ними. Кругомъ императора обстановка также измѣнилась. Траянъ сбросилъ тяжолое бремя придворнаго этикета. Онъ обращался съ хорошими людьми, которыми окружилъ себя, какъ съ своими друзьями; каждый гражданинъ, имѣвшій до него дѣло, могъ лично явиться къ нему, получалъ дружественный пріемъ и, если можно, удовлетвореніе просьбѣ. Сенатъ получилъ свое право рѣшительнаго голоса по самымъ важнымъ дѣламъ, комиціямъ гражданъ возвращено право свободныхъ выборовъ; самъ императоръ оказывалъ закону полное подчиненіе во всемъ, что касалось собственнаго лица. Для облегченія сношеній онъ строилъ дороги и мосты, основывалъ каналы, улучшалъ гавани. Любовь къ наукамъ проявилъ онъ въ томъ, что часто и непринужденно бесѣдовалъ съ образованными людьми своего времени, равно какъ и тѣмъ, что основалъ большую публичную библіотеку, которая по его имени названа Ульпіевскою.

Императоръ, получившій военное воспитаніе и проведшій свою молодость въ лагерѣ, не упустилъ украсить свой тронъ блескомъ тріумфа. Спустя три года по восшествіи на престолъ онъ отправился въ походъ, противъ Даковъ, живущихъ на нижнемъ Дунаѣ, которые заставили слабаго Домиціана платить ежегодную дань.

Императоръ шолъ въ походѣ большею частью пѣшкомъ подобно простому солдату и служилъ для всѣхъ примѣромъ въ перенесеніи трудовъ. Съ ними онъ дѣлилъ трудности зимняго похода и опасности войны въ болотистыхъ, неизвѣстныхъ земляхъ; самъ предводитель терпѣлъ голодъ и лишенія подобно прочимъ воинамъ. Поэтому побѣда почти всюду слѣдовала за его легіонами, которые не теряли мужества, видя, что самъ императоръ несетъ тѣ же тягости, какъ и они. Гдѣ ни появлялись дакійцы, всюду терпѣли пораженія, страна ихъ была опустошена, ихъ селенія разрушены; въ остальныхъ мѣстахъ поставлены римскіе гарнизоны.

Когда Траянъ отправился во второй разъ противъ дакійцевъ, которыхъ царь Децебалъ не исполнялъ условій перваго мирнаго договора, онъ построилъ мостъ на Дунаѣ, котораго остатки и теперь еще замѣтны у низовьевъ рѣки.

По этому мосту онъ перевелъ свое войско въ страну даковъ (нынѣшняя Валахія). Децебалъ заступилъ ему дорогу съ своими отборными войсками. Но легіоны Траяна разсѣяли дакійское войско. За густымъ лѣсомъ собралъ Децебалъ снова свои войска, онъ не думалъ, чтобы римляне могли пробраться сквозь лѣсную чащу; но деревья падаютъ подъ ударами римскихъ сѣкиръ, опять появляются римляне, и разбитый непріятель обращенъ въ бѣгство. Тутъ останавливаютъ дальнѣйшіе успѣхи римлянъ пространныя болота; Траянъ приказываетъ разбить лагерь, построить плотину, отвести воду и ведетъ далѣе свои войска. По ту сторону болота дакійцы стоятъ свидѣтелями работы, успѣхъ которой

для нихъ казался невозможнымъ. Когда легіоны устремились на нихъ, они сначала пытали сопротивляться, но не надолго. Римскіе орлы стали твердо въ дакійской области, — знакъ, что страна съ этихъ поръ стала римскою провинціею. Подъ новымъ правленіемъ большія пространства пустынной земли заселены были колонистами, которыхъ Траянъ привелъ сюда изъ всѣхъ концовъ государства, чтобы основать здѣсь города и деревни.

По возвращеніи въ Римъ, императоръ устроилъ празднества въ честь своихъ побѣдъ. Пиршества и игры для народа продолжались сто двадцать три дня. Арена кипѣла гладіаторами, которые пытали свои силы въ кулачномъ бою и борьбѣ. Десять тысячъ человѣкъ появлялись другъ за другомъ предъ жадною до зрѣлищъ толпою и показывали свое искусство. Эта борьба перемежалась травлею звѣрей; праздники отправлялись съ такою роскошью, что не менѣе одинадцати тысячъ дикихъ звѣрей поставлено было на травлю.

Императоръ воздвигъ также существующій до сихъ поръ памятникъ своихъ побѣдъ. Онъ украсилъ многими великолѣпными зданіями площадь, названную по его имени Траяновою. Открытые портики съ высокими колоннами образовали входъ, въ срединѣ котораго стояла конная статуя императора. Кромѣ нея тутъ возвышалась величавая траянова колонна. Столбъ изъ бѣлаго мрамора, вышиною въ сто семнадцать футовъ, украшенъ былъ двумя тысячами пятью стами фигуръ превосходной работы, которыя представляли сцены изъ дакійскаго похода. На вершинѣ стояла колоссальная мѣдная статуя императора. Великолѣпная базилика, кровля которой была изъ бронзы, зданіе библіотеки, храмъ и тріумфальная арка Траяна украшали этотъ форумъ.

Не столько счастливъ былъ походъ императора на парѳянъ, которые еще никогда не подчинялись Риму на долгое время. Правда, императоръ въ первый походъ покорилъ Арменію, занялъ Месопотамію и защитилъ парѳянскаго царя

противъ собственныхъ его подданныхъ. Но по возвращеніи онъ счелъ за нужное предпринять второй походъ, потому что азіатцы признавали власть римлянъ только до тѣхъ поръ, пока среди ихъ стояли римскіе легіоны. Тутъ онъ перешолъ Евфратъ и Тигръ, взялъ города Арбелу, Селевкію, Ктезифонъ, обратилъ Ассирію и Месопотамію въ римскія провинціи, спустился къ Персидскому заливу и опустошилъ берега Аравіи. Однако не долго пришлось пользоваться плодами побѣдъ, покоренные народы скоро возмутились. Траянъ хотѣлъ снова идти въ походъ, но въ Сиріи заболѣлъ. Уже болѣе онъ не видалъ Рима, онъ умеръ въ Селинусѣ въ Киликіи (117 г. до Р. Х.); прахъ его впослѣдствіи былъ перенесенъ въ Римъ и положенъ подъ его колонною.

* * *

На дальнемъ востокѣ римскаго государства еще стояли подъ оружіемъ народы, на войну съ которыми Траянъ потратилъ столько силъ, какъ въ Антіохіи избранъ былъ въ императоры Адріанъ, бывшій во главѣ войска. Въ Римѣ слышался прибой волнъ отъ шумящаго на границахъ государства моря народовъ, а вѣсти о неудачномъ походѣ Траяна еще болѣе усиливали опасенія. Напрасно римскіе легіоны пытались стать твердою ногою противъ Пиктовъ и Скоттовъ, на Рейнѣ безъ страха стояли предъ римскими крѣпостцами храбрые германцы, въ Иллиріи прорывались съ горъ Сарматы и Роксоланы. Чего можно было ждать отъ императора, избраннаго при такихъ обстоятельствахъ, какъ не продолженія войны, и въ случаѣ счастливаго хода оной скораго и побѣдоноснаго конца?

Адріанъ, утвержденный сенатомъ въ новомъ достоинствѣ, прибылъ въ Римъ, но не съ блестящею свитою императора, скорѣе въ видѣ простаго гражданина. Онъ отказался отъ

торжественнаго пріема, отклонилъ всякія церемоніи, которыми хотѣли почтить его какъ императора. Сенатъ собрался привѣтствовать его, но императоръ явился среди собранія съ глубокимъ почтеніемъ къ главамъ города. Въ его взорахъ написанъ былъ миръ, первыя распоряженія императора оправдали ожиданія народа. Онъ даровалъ всему римскому государству благодѣянія продолжительнаго мира.

На востокъ спѣшили вѣстники, чтобы положить конецъ наступательному движенію легіоновъ. Евфратъ долженъ былъ служить границею государства. Потомъ глаза императора обратились на сѣверъ, гдѣ слѣдовало также покончить военныя дѣйствія. «Валъ Пиктовъ», возведенный между рѣками Эденъ въ Кумберландѣ и Тинъ въ Нортумберландѣ, образовалъ римскій больверкъ на сѣверѣ. На Рейнѣ стояли страшные германцы, готовые отразить каждое движеніе римлянъ: императоръ велѣлъ усилить крѣпости съ этой стороны. Въ Иллирію вторгнулись сарматы и роксоланы. Адріанъ не страшился враговъ. Съ оружіемъ въ рукахъ онъ заставилъ ихъ удалиться въ горы, потомъ платилъ имъ ежегодную дань, лишь бы отклонить ихъ отъ дальнѣйшихъ вторженій.

Такъ онъ водворилъ миръ въ обширномъ государствѣ, чтобы мирно и безъ препятствій взяться за управленіе. Онъ не выпускалъ изъ своихъ рукъ принадлежащаго ему права верховной власти, самъ вникалъ въ государственныя нужды, самъ прінскивалъ и мѣры удовлетворить этимъ нуждамъ. Въ теченіе десяти лѣтъ онъ разъѣзжалъ по государству отъ одного конца до другаго. Знатные римляне имѣли обыкновеніе отправляться въ недальнія путешествія въ покойной, легкой повозкѣ, запряженной быстрыми конями. Кто бы подумалъ, что императоръ рѣшится налегкѣ совершать поѣздки на востокъ, въ Египетъ, въ Грецію, Испанію и Британію!

Адріанъ не обращалъ вниманія и на такого рода удобства.

Кто могъ узнать императора въ человѣкѣ, который съ непокрытою головою, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ, путешествовалъ пѣшкомъ, или въ рѣдкихъ случаяхъ на лошади верхомъ! За всѣмъ онъ самъ слѣдилъ, сидѣлъ на судѣ и повѣрялъ дѣйствія своихъ чиновниковъ. Чтобы судьи могли держаться опредѣленныхъ правилъ, онъ велѣлъ знаменитому правовѣду, Сальвію Юліану, собрать существующіе законы. Благо народа было близко его сердцу. Щедро раздавалъ онъ пособія нуждавшимся, уменьшилъ подати, основывалъ благотворительныя учрежденія, особенно для бѣдныхъ, безпріютныхъ дѣтей.

Неутомимо дѣятельный въ обыденной жизни, онъ не упускалъ изъ виду и общегосударственныхъ цѣлей. Онъ велѣлъ возобновить разрушенные города, основывалъ новые на удобныхъ мѣстахъ для оживленія промышленности и торговли, собиралъ въ музеи сокровища разныхъ странъ, созидалъ храмы въ честь боговъ, пролагалъ дороги и тѣмъ облегчалъ сношенія, строилъ мосты, создавалъ гавани, строилъ великолѣпныя виллы для поощренія строительнаго искусства; — слѣды его дѣятельности видны были спустя много столѣтій послѣ его смерти. Въ Римѣ между другими зданіями онъ приказалъ возвести себѣ надгробный памятникъ, нынѣшній замокъ С. Ангела, который въ теченіе многихъ столѣтій служилъ сильною крѣпостью вѣчнаго города.

Но этотъ человѣкъ, возстановившій честь и значеніе императорскаго трона, правившій честно ввѣренными ему народами, имѣлъ къ сожалѣнію въ своемъ характерѣ другую сторону. Одаренный отъ природы большими способностями, именно удивительною памятью и значительнымъ краснорѣчіемъ, все таки онъ былъ слишкомъ высокаго мнѣнія о своихъ талантахъ. Онъ считалъ себя во всемъ мастеромъ и знатокомъ и въ отношеніи къ окружавшимъ его былъ слишкомъ тщеславенъ. Онъ не терпѣлъ ни въ чемъ противорѣчія, даже не выносилъ совѣтовъ и наставленій. Знаменитый архи-

текторъ Аполлодоръ позволилъ себѣ кое-что поправить въ начерченномъ Адріаномъ планѣ одного зданія, — оскорбленный императоръ отправилъ его въ ссылку, и кажется впослѣдствіи велѣлъ умертвить его. Подобная же участь постигла и многихъ другихъ замѣчательныхъ людей, и все потому, что они были правдивы и не хотѣли льстить. Онъ удалялъ отъ должности людей, которые имѣли несчастіе прогнѣвать императора самыми незначительными поступками, нenравящимися императору, или пробудили въ немъ зависть заслуженною славою. При этомъ онъ дѣйствовалъ всегда такъ, что всю вину удаленія отъ должностей складывалъ па другихъ, чтобы самому быть въ сторонѣ; это было совершенно недостойно императора.

Не смотря на чрезвычайную простоту и бережливость императора во время путешествій, все таки онъ былъ сластолюбцемъ, расточительнымъ человѣкомъ. Въ Тибурѣ (нынѣ Тиволи) онъ построилъ себѣ виллу съ невиданнымъ до тѣхъ поръ великолѣпіемъ; тутъ онъ постарался воспроизвести и собрать всѣ чудеса различныхъ частей своего государства. Здѣсь сосредоточены были не только всѣ удобства, придуманныя довольно распущеннымъ временемъ, но и самыя окрестности дворца представляли различныя страны и зданія, которыя императоръ видѣлъ во время своихъ путешествій и которыя ему понравились. Здѣсь возведены были горы, вырыты долины, построены въ маломъ видѣ города Греціи и Египта, даже новый Іерусалимъ, въ томъ видѣ, какъ императоръ велѣлъ его возстановить. Въ ряду замѣчательныхъ зданій были лицей и академія Аѳинъ, равно воспроизведена была и темпейская долина.

Изнурительная болѣзнь, постигшая императора въ послѣдніе годы его жизни, еще болѣе открыла темныя стороны его характера. Подозрительность его обратилась въ злобу, которая повлекла за собою самыя вопіющія несправедливости

и безсмысленныя жестокости. Онъ умеръ ненавидимый всѣми, и скоро забыто было все, что онъ сдѣлалъ достойнаго хвалы.

КОММОДЪ И ДО АЛЕКСАНДРА СЕВЕРА.

(180—235 по Р. Х.).

Съ тѣхъ поръ какъ высшая власть въ римскомъ государствѣ перешла отъ собранія сената въ руки одного лица, императора, войско сдѣлалось его хранителемъ и опорою. Потребовались постоянныя войска для защиты границъ, для поддержанія порядка въ покоренныхъ странахъ. Для властелина теперь главною заботою стало привлечь къ себѣ войско, чтобы въ случаѣ нужды найти въ немъ защитника своего достоинства и своей власти. Чѣмъ чаще повторялось такое заискиванье, тѣмъ больше войско сознавало свое значеніе, свое вліяніе особенно на выборъ императора. Войско выкликнуло императоромъ Клавдія, Неронъ могъ поддерживать свою кровавую власть въ теченіи четырнадцати лѣтъ только опираясь на войско; войско выбрало въ императоры Веспасіана, который при смерти Вителія стоялъ далеко на Востокѣ.

Но настоящее солдатское правленіе началось въ Римѣ съ того времени, какъ Коммодъ сдѣлался императоромъ (180 г. по Р. Х.). Съ этихъ поръ солдаты, особенно преторіанцы, составлявшіе лейбъ-гвардію императора, выкликали императо-

ромъ того, кого они хотѣли, и низвергали его, когда онъ имъ надоѣдалъ.

Двѣнадцать лѣтъ Коммодъ носилъ имя императора, но не принималъ императорскаго достоинства, потому что предпочиталъ разыгрывать роль гладіатора. Его учитель борьбы, Нарциссъ, былъ и его убійцею. Преторіанцы тотчасъ возвели на престолъ стараго Пертинакса, но спустя три мѣсяца умертвили его, и продали тронъ распутному Дидію Юліану.

Громкія проклятія слышались на улицахъ Рима, когда Дидій вступалъ въ Римъ, въ провинціяхъ кипѣло возмущеніе. Сирійскіе легіоны выкрикнули своего полководца Нигера, въ Британіи солдаты избрали Альбина, паннонское войско возвело на престолъ своего предводителя африканца Септимія Севера. Северъ былъ ближе всѣхъ къ Риму, его сенатъ и утвердилъ императоромъ (193).

Прошли мирныя времена, провинціи огласились снова битвеннымъ крикомъ. Северъ поднялся въ Азію и побѣдилъ Нигера, потомъ повелъ войско въ Галлію, разбилъ Альбина, и велѣлъ умертвить въ Римѣ сенаторовъ, которые тайно держали сторону Альбина. Народъ, привыкшій къ такимъ сценамъ, смотрѣлъ на все равнодушно; онъ доволенъ былъ тѣмъ, что императоръ забавлялъ его играми и раздавалъ хлѣбъ. Северъ усилилъ свою лейбъ-гвардію до шестидесяти тысячъ человѣкъ, лишилъ значенія сенатъ и былъ неограниченнымъ властителемъ. Потомъ онъ пошолъ на пароянъ. По возвращеніи съ востока, онъ посвятилъ себя государственнымъ дѣламъ и усовершенствовалъ военный деспотизмъ большими преимуществами, дарованными имъ солдатамъ. Въ преклонныхъ лѣтахъ онъ предпринялъ походъ въ Британію въ 208 г. Здѣсь въ три года онъ потерялъ въ войнѣ съ каледонцами сорокъ тысячъ человѣкъ, и все таки не успѣлъ побѣдить ихъ. Разстроенный неудачами войны и недостойнымъ поведеніемъ своихъ сыновей Каракаллы и Геты, онъ умеръ въ Іоркѣ въ 211 г.

* *
*

Первымъ дѣломъ Каракаллы было умерщвленіе жены и другихъ лицъ, которыя когда-то помѣшали ему умертвить своего отца: вторымъ дѣломъ было умерщвленіе брата-Геты, съ которымъ, по желанію отца, онъ долженъ былъ раздѣлить правленіе. Денежными раздачами онъ склонилъ на свою сторону солдатъ, объявивъ имъ, что онъ самъ съ трудомъ спасся отъ злоумышленія своего брата. Потомъ онъ велѣлъ умертвить двадцать тысячъ человѣкъ, которыхъ считалъ приверженцами Геты. Мучимый угрызеніями совѣсти, онъ отправился на востокъ съ смѣшными притязаніями на славу Александра Великаго. Осмѣянный въ Александріи, онъ велѣлъ изрубить множество народа. Но пришолъ и его часъ. Одинъ изъ его полководцевъ, Макринъ, котораго императоръ рѣшился умертвить, предупредилъ ударъ и умертвилъ его самого (217 г. по Р. Х.).

Солдаты отмстили за смерть императора убійствами. Но Макрину удалось склонить солдатъ, чтобы они его, Макрина, провозгласили императоромъ. Чрезъ два мѣсяца онъ былъ разбитъ противною партіей и потомъ умерщвленъ. Осилившая партія возвела на тронъ отличавшагося своею красотою четырнадцатилѣтняго Бассіана Геліогабала, бывшаго верховнымъ жрецомъ Ваала или бога солнца въ Эмезѣ въ Финикіи.

Что за зрѣлище ожидало римлянъ, когда этотъ отрокъ, въ качествѣ императора міра, вступалъ въ ворота главнаго города? Это былъ не торжественный поѣздъ побѣдоноснаго тріумфатора, предъ которымъ несли оружіе разбитаго непріятеля, предъ побѣдною колесницею котораго вели дико выглядывающихъ плѣнниковъ, царей и вождей въ цѣпяхъ. Это было торжественное шествіе жреца солнца, а жрецомъ былъ императоръ. Шесть бѣлыхъ, богато убранныхъ коней,

везли священную колесницу бога солнца. На колесницѣ блестѣло изображеніе солнца, черный камень, окаймленный бриліантами. Предъ колесницею шолъ императоръ. Широкая, мидійская одежда, усѣянная золотомъ и перлами, падала съ его плечъ; на головѣ его была мидійская тіара, лицо его нарумянено, брови наведены чорною краской. Съ обращенною въ сторону головою и глазами, обращенными къ золотому изображенію солнца, шолъ императоръ держа въ рукѣ повода коней, въ сопровожденіи слугъ, богато одѣтыхъ; онъ медленно шолъ по улицамъ, усѣяннымъ золотою пылью. Шествіе двигалось къ Палатинскому холму, гдѣ красовался только что отстроенный чудный храмъ солнца.

Съ изумленіемъ римляне смотрѣли на эту глупую комедію. Народъ былъ до того нравственно испорченъ, что такое недостойное шествіе императора встрѣчено было кликами одобренія.

Когда шествіе достигло Палатинскаго холма, на встрѣчу ему вышли сирійскія жрицы. Онѣ сняли съ колесницы изображеніе солнца и внесли оное съ танцами и пѣснями въ храмъ. Потомъ самъ Геліогабалъ принесъ богу солнца торжественную жертву.

Чрезъ четыре года Римъ представлялъ другое зрѣлище. Царственный юноша, погрязнувшій во всевозможныхъ порокахъ и безумствахъ, наконецъ опротивѣлъ римлянамъ. Онъ ввелъ въ Римѣ служеніе Ваалу, велѣлъ приносить человѣческія жертвы этому богу и по внутренностямъ принесенныхъ въ жертву дѣтей приказалъ давать предсказанія. Кромѣ того онъ воздавалъ почести безнравственному божеству — финикійской Астартѣ и довелъ свою расточительность до того, что велѣлъ кормить собакъ гусиною печенью, львовъ фазанами. Почти каждый день онъ носилъ новую одежду, одну дороже другой. Въ покояхъ его сѣяли золотую и серебряную пыль, пока онъ еще не вставалъ; обыкновенная прислуга составляла его любимую свиту, презрѣнные

танцовщики и рабы готовы были исполнять, по приказанію императора, всякое безчестное и сумазбродное дѣло.

Иногда онъ посвящалъ себя государственнымъ дѣламъ, но не такъ, какъ это обыкновенно дѣлалось и какъ слѣдовало дѣлать, но особеннымъ, причудливымъ образомъ. Онъ основалъ сенатъ изъ женщинъ, которымъ поручилъ наблюденіе за придворнымъ этикетомъ, и уполномочилъ ихъ издавать законы, исполненія которыхъ самъ императоръ строго требовалъ. Однажды онъ даже назначилъ въ консулы своего коня и требовалъ, чтобы коню воздавали консульскія почести.

Эти безмѣрныя безумства наконецъ вывели изъ терпѣнія даже самыхъ миролюбивыхъ гражданъ. Родственники Геліогабала хлопотали о томъ, чтобы на мѣсто Геліогабала возвести его двоюроднаго брата, Александра Севера, сына Маммеи. Сначала они сдѣлали Севера соправителемъ Геліогабала; когда это удалось, они попытались склонить войско на сторону двѣнадцатилѣтняго мальчика. Оказалось, что и солдатамъ надоѣлъ пошлый императоръ.

Геліогабалъ замѣтилъ умыселъ, но считалъ впечатлѣніе своей личности довольно сильнымъ, чтобы уничтожить планы своихъ враговъ. Онъ отправился въ лагерь вмѣстѣ съ братомъ Александромъ. Но солдаты не только не сдѣлали ему пріема, подобающаго императору, но еще громко выражали свое презрѣніе къ нему, тогда какъ Александра Севера встрѣтили громкими восклицаніями. Императоръ велѣлъ перехватать зачинщиковъ, но никто не трогался съ мѣста, чтобы исполнить приказаніе. Тогда онъ хочетъ самъ ихъ наказать, но и тутъ находитъ сопротивленіе. Немногіе собрались около него, большая часть пристала къ Северу. Отъ угрозъ дошло до схватки, блестятъ мечи, звенятъ щиты. Сторона Геліогабала была побѣждена, самъ императоръ былъ убитъ вмѣстѣ съ своею матерью, которая хотѣла защитить его.

Не величавое зрѣлище представляла похоронная процессія осьмнадцатилѣтняго императора. Тотъ, кто при жизни едва довольствовался самыми великолѣпными одеждами, по смерти не имѣлъ никакого покрова. Обнаженный трупъ былъ брошенъ въ Тибръ — такъ слѣдовало поступать съ преступниками по римскимъ законамъ.

* *
*

Подобно привѣтной звѣздѣ въ мрачную ночь блеснуло міру мудрое и доброе правленіе Александра Севера, который правилъ подъ опекою превосходной женщины, своей матери Маммеи. Бережливость и простота явились снова при дворѣ; всюду проявилась справедливость, а своевольству преторіанцевъ положены были границы. Конечно, послѣднимъ очень не нравилось возвращеніе порядка и они задумали раздѣлаться съ императоромъ въ то время, когда послѣдній призвалъ ихъ къ оружію для похода.

Вѣсть о томъ, что основатель новоперсидскаго царства Арджиръ или Артаксерксъ I, смѣлый завоеватель, вторгся въ Месопотамію, дошла до Рима. Северъ тотчасъ поднялся съ легіонами въ Азію. Еще разъ блеснула слава римскаго оружія. Они прогнали вторгнувшихся персовъ и возстановили границу государства.

Между тѣмъ и германцы на Дунаѣ и Рейнѣ взялись за оружіе. По возвращеніи съ востока, императоръ послалъ на Дунай своего полководца Максимина, а самъ отправился на Рейнъ. Когда Максиминъ возстановилъ спокойствіе на Дунаѣ, пошолъ съ войскомъ на Рейнъ, такъ какъ здѣсь опасность была больше. Недостатокъ дисциплины въ войскѣ много затруднялъ веденіе войны съ отважными германцами. Северъ попробовалъ строгостію обуздать распущенныхъ галльскихъ солдатъ. Напрасно, онъ этимъ только навлекъ на себя ненависть войска. Оно перешло на сторону Максимина,

грубаго ѳракійца, котораго императоръ возвысилъ изъ низкаго званія до степени полководца. Этотъ воспользовался мятежниками и выступилъ противъ своего благодѣтеля. Опять римскій лагерь былъ обагренъ кровью. Галльскіе солдаты напали на императора въ его шатрѣ близъ Майнца и умертвили его вмѣстѣ съ матерью (235 по Р. Х.).

Когда такое злодѣяніе сдѣлалось извѣстнымъ, римскіе легіоны потребовали мщенія. Впрочемъ они достигли только того, что убійцы императора поплатились жизнью. Галльскія войска провозгласили императоромъ Максимина, значитъ поставили на своемъ.

КОНСТАНТИНЪ ВЕЛИКІЙ.

Едва ли въ исторіи найдется другой отдѣлъ, представляющій болѣе мрачный видъ упадка и безнравственности всѣхъ сословій, чѣмъ время римскихъ императоровъ послѣ Августа. Римъ шолъ неудержимо съ высоты своего могущества въ глубокую бездну упадка. Когда Римъ почти разбивался въ своемъ паденіи, еще разъ крѣпкая рука задерживаетъ теченіе событій къ роковой цѣли.

Уже власть надъ всемірною монархіею сдѣлалась трудною для одного человѣка. Императоръ Діоклеціанъ (284—305), раздѣлилъ государство на четыре части, чтобы сдѣлать управленіе болѣе легкимъ. Хотя при этомъ сильномъ человѣкѣ такое раздѣленіе не было новымъ шагомъ къ паденію государства, но власть правительства ослабѣвала. Когда онъ

къ удивленію міра добровольно отказался отъ правленія и заставилъ своего соправителя Максиміана сложить власть, началось раздробленіе государства. Въ теченіе осьмнадцати лѣтъ верховная власть находилась въ рукахъ многихъ лицъ, изъ которыхъ одинъ, Константинъ В. наконецъ сдѣлался единственнымъ правителемъ. Битва при Красномъ камнѣ, въ осьми миляхъ отъ Рима. въ которой Константинъ разбилъ своего соправителя Максенція, рѣшила судьбу государства. И другой соправитель, Максиминъ, былъ побѣжденъ. Когда Константинъ упрочилъ свое значеніе на Западѣ, заставилъ и послѣдняго соправителя, Лицинія, отказаться отъ власти въ 323 г.

Константинъ, сынъ благочестивой Елены, сдѣлался единодержавнымъ міроправителемъ, и взоры христіанъ обратились къ нему съ надеждою; падавшее язычество думало чрезъ него же снова достигнуть блеска и славы. Но трехъсотлѣтній періодъ гоненій на христіанъ достигъ своего конца, когда императоръ объявилъ, что онъ признаетъ христіанство единственною истинною религіею, хотя не желаетъ преслѣдовать и язычниковъ. Христіанство изъ рабства возвысилось до свободы, путь его распространенію былъ открытъ на всѣ времена. Церковь соединилась съ государствомъ и старалась облагородить государство; исходный путь былъ найденъ, — новой вѣрѣ суждено было сдѣлаться какъ бы закваскою для всѣхъ царствъ міра.

Римъ, какъ средоточіе воспоминаній языческаго величія и силы, гдѣ взглядъ каждаго останавливался на Капитоліѣ и величавыхъ храмахъ, показался императору неудобнымъ мѣстомъ для центра христіанскаго правительства. Онъ искалъ новаго мѣста для резиденціи и его проницательный взоръ остановился на Византіи, которая, находясь на рубежѣ двухъ частей свѣта, служитъ посредникомъ между Европою и Азіею и господствуетъ надъ сообщеніемъ Чернаго моря съ Средиземнымъ. Съ большими издержками въ теченіе четы-

рехъ лѣтъ императоръ создалъ здѣсь новую столицу. На пяти холмахъ вознесся городъ, украшенный великолѣпнымъ капитоліемъ, двумя императорскими дворцами, многими церквами и часовнями, площадями, циркомъ, портиками и банями. Городъ былъ укрѣпленъ со всѣхъ сторонъ, и жителямъ даны большія привилегіи. 11 мая 330 года онъ былъ освященъ, освященіе сопровождалось большими празднествами и процессіями. Чрезъ сто лѣтъ и остальные два холма, вошли въ составъ города, такъ что новая резиденція была подобно Риму седмихолмнымъ городомъ.

* * *

Новая резиденція потребовала и новыхъ учрежденій въ правленіи. Еще болѣе того требовалъ планъ императора утвердить во всѣхъ направленіяхъ монархическую власть. Поэтому онъ соединилъ управленіе государства съ управленіемъ своего двора, отдѣлилъ совершенно военную власть отъ гражданской и устроилъ нисходящую іерархію должностей.

Когда мы представляемъ себѣ всѣ эти новыя учрежденія Константина Великаго, то чувствуемъ себя какъ будто перенесенными ко двору и въ государство какого нибудь могущественнаго государя нашего времени. Прежде всего при императорѣ находится верховный совѣтъ и каммергеръ, глава его кабинета, которому подчинены всѣ остальные высшіе совѣтники императора. Императоръ не дѣлаетъ никакого важнаго рѣшенія безъ его совѣта. Этотъ человѣкъ есть также высшій придворный сановникъ, которому подчинены остальные каммергеры. За нимъ слѣдуетъ гофъ—и церемоніймейстеръ съ извѣстнымъ числомъ благородныхъ юношей—лейбъ-пажей. Къ нимъ примыкаютъ въ нисходящемъ порядкѣ ранга оберъ-кухмейстеръ, смотритель императорскаго гардероба и другія должностныя лица придворнаго штата. Они всѣ вмѣстѣ

составляютъ императорскій дворъ, котораго безопасность и военный блескъ обезпечивается тремя тысячами тремя стами человѣкъ лейбъ-гвардіи, состоящей изъ благородныхъ людей, частію пѣхоты, частію конницы. Глава этого отряда подчиненъ непосредственно императору и отъ него одного получаетъ приказанія.

Высшее управленіе государствомъ сосредоточено также въ лицѣ самого императора; всякій приговоръ зависитъ отъ его воли. Высшій сановникъ, министръ, которому поручены дѣла внутренняго управленія, принимаетъ всѣ бумаги, адресованныя къ императору; онъ наблюдаетъ за военнымъ конвоемъ императора — лейбъ-гвардіею и за всѣми служащими при дворѣ. Всѣ неудовольствія между этими служащими представляются на его рѣшеніе. Рядомъ съ нимъ въ томъ же рангѣ (чинѣ) стоитъ и государственный казначей, министръ финансовъ, которому поручены всѣ дѣла финансовыя, всѣ доходы и расходы по управленію государствомъ. Вѣдомству его не подлежатъ доходы коронные — управленіе коронныхъ имуществъ, которыми завѣдуетъ другой министръ, министръ императорскаго двора. Наконецъ есть еще министръ юстиціи или права; онъ также подчиненъ непосредственно императору и обязанъ приводить въ исполненіе указы его, для чего долженъ быть хорошо знакомъ съ законодательствомъ.

Всѣ эти высшіе чиновники составляютъ государственный совѣтъ, съ которымъ императоръ совѣщается въ особенно важныхъ случаяхъ. Въ этотъ совѣтъ онъ имѣлъ обыкновеніе назначать и другихъ лицъ, которые пользовались особеннымъ довѣріемъ его, и изъ этого правительственнаго мѣста, въ которомъ предсѣдательствовалъ самъ императоръ, выходили всѣ узаконенія, касавшіяся цѣлаго государства. Правда, былъ и сенатъ, который представлялъ собою народъ и правимыхъ въ противоположность властителю и правящимъ; но слово сенаторъ сдѣлалось больше титуломъ, чѣмъ должностью, потому что голосъ сенаторовъ не могъ рѣшать

дѣла; сенаторы должны были только исполнять указы императора.

Если представить себѣ, что всѣ части правленія сосредоточились въ рукахъ императора, что немногіе высшіе государственные и придворные чиновники нуждались при исполненіи своихъ обязанностей въ большомъ числѣ другихъ второстепенныхъ чиновниковъ, что каждый изъ нихъ имѣлъ свое бюро, то не льзя не видѣть въ этомъ сложномъ составѣ правленія совершеннѣйшаго образца правленія нынѣшняго времени. Даже титулы чины, здѣсь получили начало; строгая чиновная іерархія дѣлила чиновниковъ, и тѣ изъ нихъ, которые занимали должности, распредѣленныя по различнымъ рангамъ, носили и особенные почетные титулы.

Эти люди, окружавшіе императора, составляли высшее сословіе чиновниковъ. Сословіе это далѣе въ нисходящей степени распространялось по всему государству. Все государство раздѣлялось на четыре префектуры или экзархата, каждая префектура на многіе діоцезы, діоцезъ на провинціи, и провинція на округи и общины. Во главѣ префектуры стоялъ префектъ или экзархъ, оберъ-президентъ въ нашемъ смыслѣ, подчиненный собранію министровъ; онъ заботился о финансахъ, судебной части, полиціи и почтахъ своей префектуры. Начальники діоцезовъ, подчиненные префекту, назывались викаріями или намѣстниками и носили титулъ консуляровъ; ниже ихъ стояли правители провинцій, ректоры, имѣвшіе титулъ проконсуляровъ или президентовъ. Имъ наконецъ были подчинены начальники округовъ и общинъ. Каждая провинція имѣла свою собственную казну, въ которую шли подати изъ округовъ и общинъ и изъ которой покрывались издержки на провинціальное управленіе. Что оставалось изъ доходовъ, шло въ общую государственную казну.

Восточная префектура, состоящая изъ пяти діоцезовъ и 48 провинцій, заключала въ себѣ римскія земли въ Азіи, Египтѣ, Понтѣ и Ѳракіи. Иллирійская префектура состояла

изъ Македоніи, Греціи, Мезіи и Дакіи и распадалась на два діоцеза и 11 провинцій. Италія и окружающіе ее острова, восточный берегъ Адріатическаго моря и западъ сѣверной Африки принадлежали къ италійской префектурѣ, которая имѣла три діоцеза и 29 провинцій. Наконецъ галльская префектура содержала три діоцеза и 29 провинцій въ Испаніи, Галліи и Британіи.

* *
*

Какъ ни хорошо устроена была государственная машина, все таки она нуждалась въ сильной рукѣ, чтобы двигаться ровно безъ перерыва. Особенно было необходимо поддерживать значеніе чиновниковъ, дѣйствовавшихъ отъ имени императора. Для этой цѣли служило войско, разставленное по всему государству. Легіоны были уменьшены въ своемъ составѣ, и стояли во всѣхъ большихъ городахъ гарнизонами, особенно въ пограничныхъ крѣпостяхъ государства. Этимъ были предотвращены частыя при прежнихъ императорахъ возмущенія солдатъ, такъ какъ теперь они стояли небольшими отрядами. А если гдѣ нибудь проявлялось недовольство въ народѣ, военная сила была подъ рукою для того, чтобы подавить безпокойства.

Христіанская церковь еще не была организована какъ часть государства, церковь все еще была отдѣлена отъ политической власти. Но она нашла въ Константинѣ щедраго и сильнаго заступника. Конечно, и самъ онъ еще не вполнѣ ясно сознавалъ свое положеніе какъ христіанина; такъ, признавая себя христіаниномъ, онъ откладывалъ крещеніе до самаго смертнаго часа. Впрочемъ уже при немъ проложена была дорога къ позднѣйшему сліянію государства и церкви; уже Константинъ рѣшительно вмѣшался въ борьбу церковныхъ партій Арія и Анастасія, когда утвердилъ изгнаніе

Анастасія оклеветаннаго Аріанами и содѣйствовалъ возвращенію Арія, его соперника, въ церковное общество.

* * *

Послѣ того, какъ Константинъ такимъ образомъ обширнымъ умомъ и твердою рукою съ 324 года, самодержавно правилъ государствомъ, на шестьдесятъ пятомъ году жизни почувствовалъ онъ въ первый разъ недуги старости. Здоровье его начало разстроиваться, и онъ отправился въ Геленополь въ Виѳиніи, чтобы тамъ пользоваться цѣлебными ключами. Но воды, приносящія здоровье, отказали императору въ своемъ дѣйствіи, онъ почувствовалъ приближеніе смерти. Въ церкви мученика Лукіана онъ велѣлъ собраться многимъ епископамъ и изложилъ предъ ними обычное исповѣданіе грѣховъ; получивъ отъ нихъ благословеніе, онъ былъ крещенъ въ своемъ дворцѣ въ предмѣстьѣ Никомедіи епископомъ Евсевіемъ. Скоро за тѣмъ онъ умеръ 22 мая 337 года. Тѣло его было погребено въ Константинополѣ въ церкви апостоловъ съ большимъ торжествомъ. Христіане приняли его въ число святыхъ, язычники въ число боговъ. Слава его имени жила долго въ памяти потомства, но творенія его съ нимъ сошли въ могилу. Могущественное государство распалось и спустя пятьдесятъ лѣтъ сдѣлалось добычею варваровъ.

НАРОДНЫЯ ДВИЖЕНІЯ НА ВОСТОКѢ И ЗАПАДѢ.

ВРЕМЕНА ВЕЛИКАГО ПЕРЕСЕЛЕНІЯ НАРОДОВЪ.

Ни одно событіе въ исторіи не имѣло такого всеобъемлющаго значенія, какъ явленіе на землѣ сына Божія. Тотъ, котораго іудеи предали язычникамъ, подвигнулъ послѣднихъ на то, чтобы они — лоза въ его рукѣ — сначала привели въ ужасъ христіанскій міръ, но потомъ сами преклонили колѣна предъ его крестомъ, или же въ страхѣ опять отшатнулись отъ него. Такія движенія получили въ Азіи свое начало.

Эта часть свѣта, колыбель народовъ, есть въ то же время и кратеръ народовъ, который воспламенялся во время великихъ потрясеній и изливалъ на сосѣднюю Европу огромные потоки народовъ. Не льзя съ точностью опредѣлить, но вѣроятно около половины перваго столѣтія по Р. Х. началось броженіе у гунновъ, народа, жившаго на дальнемъ сѣверовостокѣ Азіи. Какъ въ морѣ волна идетъ за волною и гонитъ предъ собою другія волны, такое же движеніе произошло въ передней Азіи, когда гунны оставили свои жилища и потянулись къ западу. И народы передней Азіи поднялись съ своихъ мѣстъ, медленно двигались въ Европу, переходили рѣки и горы и собирались все болѣе и болѣе

въ низменныхъ мѣстахъ сѣверныхъ береговъ Дуная. Такъ мало по малу заселена была Дакія преимущественно племенемъ, которое въ послѣдствіи извѣстно было подъ именемъ Готовъ.

Уже четыре столѣтія христіанство распространялось между народами запада, оно пустило корни и у народа, живущаго между Дономъ и Тиссою (Танаисъ и Тубискусъ), и тутъ-то потокъ гунновъ обрушился на нихъ своими всепоглощающими волнами. Изъ горъ средней Азіи и прикаспійскихъ степей появился этотъ народъ почти неожиданно и въ такомъ числѣ, что сопротивленіе ему оказалось невозможнымъ. И кто бы рѣшился противится этой неблагородной вѣтви великаго тюркскаго племени?

Гунны двинулись густою массою, подобно рою саранчи. Маленькія, крѣпкія лошади имѣли коренастыхъ, средняго роста сѣдоковъ, которыхъ большая голова вдавалась глубоко между плечами. Буроватое лицо съ маленькими горящими глазами, сильно выдающимися скулами, щеками въ рубцахъ, производило на благообразныхъ обитателей Европы непріятное впечатлѣніе. Мущина казалось выросъ съ своимъ конемъ, одѣтъ онъ былъ въ армякъ изъ мышиныхъ шкурокъ; ноги были обернуты козьею кожею, голова въ мохнатой шапкѣ. Они возили женъ и дѣтей на телѣгахъ, сами же жили на коняхъ,— на конѣ обѣдали, совѣщались, даже спали. Они не имѣли понятія о земледѣліи, законахъ и нравственности, не зная что такое право; всѣми желаніями ихъ управляла одна грубая, необузданная натура, проявлявшаяся во всей своей силѣ въ ихъ нападеніяхъ на враговъ. Съ страшнымъ воплемъ, безъ порядка бросались они какъ молнія на непріятеля, бросали издали стрѣлы съ костяными наконечниками, и потомъ вблизи брались за сабли. Если противнику удавалось ускользнуть отъ ихъ сильныхъ ударовъ, они накидывали ему на шею петлю и волокли его за собою. Послѣ столь быстраго нападенія, они такъ же быстро

скрывались, чтобы потомъ снова повторить свой бурный налетъ и истомить врага безпрерывными нападеніями.

* * *

Первый ударъ гунны нанесли аланамъ, которые подвластны были остготамъ. Аланы потѣснили готовъ и увлекли ихъ съ собою; за ними по слѣдамъ стремились гунны (въ 375 г.). Такъ лавиною росла масса приведенныхъ въ движеніе народовъ. Еще вестготы спокойно жили на Днѣстрѣ. Но тѣснимые врагомъ народы приблизились къ нимъ, и вестготы должны были отодвинуться дальше на западъ. Они пошли къ Пруту и за Прутъ подъ предводительствомъ своего вождя Атанариха и здѣсь остановились. Но и здѣсь не могли они удержаться, удары все болѣе и болѣе растущей народной волны гнали ихъ далѣе. Снова вестготы должны были оставить свои жилища, предоставить ихъ напирающимъ остготамъ. Два пути лежало предъ ними. Атанарихъ съ своими толпами, еще погруженными въ язычество, отправился къ сѣверу въ Карпаты; другую толпу повелъ Фридигеръ къ нижнему Дунаю, гдѣ эта толпа, уже просвѣщенная христіанствомъ, получила позволеніе отъ императора Валента переправляться чрезъ Дунай. Двѣсти тысячъ бранныхъ мужей перешло Дунай.

Императоръ Валентъ не только указалъ имъ участокъ земли, гдѣ они могли поселиться, но также обѣщалъ имъ доставлять съѣстные припасы. Его ѳракійскіе намѣстники, Максимусъ и Лупицинусъ, должны были озаботиться исполненіемъ такого обѣщанія. Но они своекорыстно исполняли такое повелѣніе императора. Они доставляли самую нищенскую пищу голоднымъ чужеземцамъ, напр. собачье мясо, и требовали за это денегъ, равно сыновей и дочерей вестготовъ въ качествѣ рабовъ и рабынь. Оскорбленные готы грозили силою взять то, что обѣщалъ императоръ. Тогда

боязливые римляне прибѣгнули къ хитрости. Они дѣлили готовъ на малыя партіи и водили эти партіи подъ конвоемъ римскихъ солдатъ туда и сюда, стараясь препятствовать всякому сношенію между частями. Тогда прибыла изъ-за Дуная новая толпа — остготы, которые, не видя на Дунаѣ гарнизоновъ римскихъ, на плотахъ переправились чрезъ рѣку; этотъ натискъ былъ непреоборимъ, задумались римляне.

Когда на Дунаѣ происходила эта толкотня, а вестготы уже размѣщались въ новыхъ своихъ жилищахъ, пришло изъ Марціанополя отъ намѣстника Лупицина къ вождямъ вестготовъ Фридигеру и Алавиву приглашеніе на дружескую пирушку. Ничего не подозрѣвая, отправились приглашонные. Сильный отрядъ вооружонныхъ вестготовъ провожалъ ихъ до воротъ города и расположился предъ городомъ въ ожиданіи возвращенія своихъ вождей. Послѣдніе въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ въѣхали въ городъ и отправились къ намѣстнику. Здѣсь они были ласково приняты, потомъ сѣли обѣдать. Изысканны были кушанья, чаши съ виномъ обходили гостей, которые охочи были до крѣпкихъ напитковъ.

Вдругъ послышались вдали звонъ оружія и бранные клики готовъ. Вѣстникъ подходитъ къ намѣстнику, смущеніе отразилось на лицѣ послѣдняго. Что бы такое принесъ вѣстникъ? Готы вступили въ битву съ римскимъ гарнизономъ, и уже многіе изъ послѣднихъ были убиты. Лупицинусъ вскакиваетъ въ гнѣвѣ. Тотчасъ его лейбъ-гвардія бросается на немногихъ спутниковъ вестготскихъ вождей. Впрочемъ напуганные вожди скоро оправились. Они поднимаются съ своихъ мѣстъ и обнажаютъ мечи. Съ гордою осанкою стоятъ смѣлые, сильные мужи, и никто не осмѣливается къ нимъ подступить. Потомъ они громко объявляютъ, что только они въ состояніи усмирить тревогу; отрядъ римскихъ тѣлохранителей не смѣетъ задержать ихъ; герцоги спѣшатъ изъ зала, вскакиваютъ на коней и скачутъ къ воротамъ. Съ громкими кликами радости встрѣтили ихъ германцы; они думали, что

вожди умерщвлены коварными римлянами. Отрядъ конницы удаляется отъ города, горя жаждою кровной мести.

* * *

Съ тяжкими предчуствіями Лупицинусъ принялся за вооруженіе противъ враговъ. Но и вестготы также рѣшились исполнить свой обѣтъ кровной мести. Немного прошло времени и вся ихъ сила двинулась къ Марціанополю. Здѣсь римскій намѣстникъ рѣшился остановить дальнѣйшее ихъ движеніе. Но озлобленные непріятели съ яростію морской волны во время бури стремятся на римскіе легіоны, которые не въ силахъ стоять противъ готовъ Тогда готы разлились по всей Ѳракіи, обозначая убійствами и огнемъ слѣды своего похода.

Такъ они появились предъ Адріанополемъ. Готы въ первый разъ видѣли предъ собою сильныя укрѣпленія.

Они не унывали, тѣмъ болѣе что скоро римское войско снова отважилось появиться въ открытомъ полѣ. Это войско прислано было императоромъ Валентомъ, опытный полководецъ Рихіомеръ, по происхожденію германецъ, начальствовалъ надъ онымъ. На равнинѣ, называемой «Лугами» неподалеку отъ Томи, произошла битва. Долго она оставалась нерѣшительною, наконецъ склонилась въ пользу готовъ, которые впрочемъ понесли большой уронъ. Нужно бы ожидать, что греки отступятъ съ мѣста битвы. Но Рихіомеръ съ большою осмотрительностію собралъ остатокъ своихъ войскъ и не пускалъ дальше истомленныхъ готовъ. Послѣднимъ не было другаго исхода, какъ удалиться назадъ въ горы Гемуса.

Тутъ снова обошло ихъ римское войско; готы думали уже сдаться, чтобы не погибнуть отъ голода, какъ вновь подошедшіе къ нимъ на помощь союзные аланы и готы бросились на римскіе легіоны и принудили ихъ къ отступленію.

Римляне устроили крѣпкій лагерь предъ Адріанополемъ и

здѣсь ожидали прибытія императора. Онъ скоро явился, не успѣвъ въ Азіи кончить войну съ персами. Быстро онъ составилъ планъ войны. Герцогъ Фридигернъ посылалъ къ императору мирныя предложенія, но императоръ не поддался на хитрость, такъ какъ предложенія готовъ были одною заманкою. Когда составленъ былъ планъ сраженія, рано утромъ 9 августа 378 г. загремѣли по лагерю римскія тубы. Легіоны стали въ боевой порядокъ и приготовились къ нападенію. Опять Фридигернъ прислалъ посольство съ мирными предложеніями, на этотъ разъ императоръ согласился вступить въ переговоры. Но въ то время, когда онъ велъ переговоры, готы успѣли построить свое войско. Горячо печетъ солнце, а римляне въ своемъ тяжоломъ вооруженіи цѣлые часы стоятъ на солнцѣ безъ пищи и питья; они уже утомлены. Вдругъ неожиданная перемѣна: готскіе послы отозваны, и въ тотъ же мигъ готская и аланская конница бросается на римскихъ всадниковъ. Въ смущеніи и замѣшательствѣ римская конница обращается въ бѣгство. Тогда готскіе пѣшіе воины бросаются на легіоны, которые скоро были смяты.

Среди одного отряда конницы скачетъ императоръ по равнинѣ. Онъ пытается остановить бѣгущихъ всадниковъ; но онъ слишкомъ приблизился къ непріятельскимъ эскадронамъ и былъ окружонъ ими. Поражонный стрѣлою, онъ упалъ съ лошади и съ трудомъ вынесенъ былъ изъ свалки; его отнесли въ хижину. Здѣсь онъ лежалъ въ страданіи отъ тяжкой, хоть не смертельной раны, небольшой конвой оберегалъ мѣсто. Но и сюда проникли враги, они окружили хижину и зажгли ее. Хижина обратилась въ костеръ, въ пламени котораго погибъ императоръ съ своею гвардіей. Двѣ трети его легіоновъ покрыли мѣсто битвы.

* * *

Спустя шестнадцать лѣтъ вступилъ на римскій императорскій тронъ испанецъ, Ѳеодосій Великій. Сильною рукою онъ соединилъ снова государство, распавшееся послѣ Константина на восточную и западную имперію, и смирилъ храбрыхъ вестготовъ. Въ 392 г. онъ издалъ строгое запрещеніе совершать языческія жертвоприношенія и объявилъ христіанство единственною государственною религіею. Сенатъ въ Римѣ, противудѣйствовавшій до сихъ поръ всѣмъ попыткамъ подобнаго рода, принужденъ былъ уступить и закрыть въ городѣ языческіе храмы. Этотъ примѣръ оказалъ вліяніе на все государство. Началось повсюду разрушеніе языческихъ храмовъ, при чемъ конечно погибло много произведеній искусства отъ неумѣренной ревности. Тамъ, гдѣ христіане дѣйствовали нообдуманнѣе, языческіе храмы были обращаемы въ христіанскія церкви.

Такъ было въ Александріи. Епископъ здѣсь освятилъ одинъ языческій храмъ, который уже былъ закрытъ, но при этомъ неблагоразумно дозволилъ подвергнуть языческія статуи всенародному посмѣянію. Сторонники язычества были оскорблены этимъ въ высшей степени. Уже давно они ненавидѣли христіанъ, этотъ случай далъ поводъ открытому проявленію ихъ вражды. Они взялись за оружіе и заняли огромный, прекрасный храмъ Сераписа, Серапеумъ. Потомъ они притащили сюда нѣсколько человѣкъ христіанъ и заставили ихъ приносить жертвы идолу, котораго статуя стояла въ храмѣ, а тѣхъ, которые отказывались отъ жертвоприношенія, умерщвляли. Мятежъ продолжался нѣкоторое время, пока не появились римскіе солдаты, по приказанію императора усмирявшіе мятежниковъ. Наказаніе не замедлило. Правда Ѳеодосій простилъ языческихъ жителей города, которые дерзнули возстать противъ его указа, но въ то же время повелѣлъ разрушить Серапеумъ и другіе языческіе храмы.

Когда язычники услышали о такой волѣ императора, изу-

мленіе и отчаяніе овладѣли ими. Но кто дерзнетъ коснуться всеуважаемой статуи Сераписа, о которой давнее преданіе гласило, что когда падетъ статуя, не устоять ни небу, ни землѣ. Огромное множество народа собралось предъ воротами храма; явились рабочіе, чтобы начать ломку. Стѣны съ грохотомъ рушатся, колонны падаютъ, куполъ дрожитъ и разсыпается въ дребезги. Но никто не смѣетъ коснуться статуи Сераписа! И какъ было рѣшиться поднять святотатственную руку на такого чуднаго идола! Высоко стоитъ онъ въ кучѣ мусора, оставшейся отъ храма, лицо идола грозно будто живаго существа, его никто не коснется при общемъ разрушеніи. Тогда выскакиваетъ одинъ солдатъ, христіанинъ. Высоко взвивается топоръ—присутствующіе стоятъ безмолвно, замираетъ ихъ сердце—сильный ударъ падаетъ на изображеніе бога. Но идолъ не подается, онъ дрожитъ, но не падаетъ. Однако христіанинъ все смѣлѣе поднимаетъ топоръ, онъ бьетъ въ голову идола, — ударъ былъ вѣренъ, голова идола скатилась въ кучу мусора. Скоро упала туда же и остальная часть бога.

Въ страхѣ ожидаетъ народъ наказанія за совершонное кощунство, онъ ждетъ исполненія стариннаго предсказанія. Но небо и земля не подвинулись, — всѣ идолы суть прахъ и пепелъ.

Чѣмъ больше падало языческихъ статуй, тѣмъ больше развивался аскетизмъ внутри христіанской церкви. Требованіе умѣренной, воздержной жизни повело къ составленію обществъ, которыхъ члены рѣшались ввести у себя особенно строгій образъ жизни. Основаніе этихъ обществъ анахоретовъ или пустынниковъ восходитъ къ третьему вѣку.

Антоній (род. 251 г.) сынъ довольно богатыхъ родителей въ Египтѣ, проникнутый сильнымъ воодушевленіемъ къ христіанству, которое проповѣдуетъ любовь къ братьямъ, раздалъ свое имѣніе бѣднымъ. Онъ подвергалъ себя самоумерщвленію и бичеваніямъ и жилъ двадцать лѣтъ въ пустынѣ,

вдали отъ всякаго общенія съ людьми. Потомъ онъ снова явился среди людей, но только для того, чтобы склонять ихъ къ отшельнической жизни, къ жизни въ трудѣ и молитвѣ. По возвращеніи въ уединеніе онъ пріобрѣлъ такую славу своею святостію, что многіе приходили къ нему за совѣтомъ и утѣшеніемъ. Онъ умеръ 105 лѣтъ. (около 356 г.), и пустыни Ливіи тогда уже имѣли отъ двухъ до трехъ тысячъ отшельниковъ.

Пахомій подобнымъ же образомъ собралъ около себя общество единомыслящихъ, съ которыми жилъ на островѣ Нила въ Өивандѣ въ замкнутыхъ жилищахъ и по опредѣленному уставу. Это общество получило названіе монастыря и было первымъ монашескимъ учрежденіемъ.

Эти общества, благородныя и истинныя по своему началу, одушевляемыя неподдѣльнымъ благочестіемъ, неутомимыя въ стремленіи къ внутреннему самоусовершенствованію, неослабныя въ помощи братьямъ, со временемъ потерялись въ формальностяхъ. Замѣчателенъ контрастъ этого времени: въ то время, какъ языческіе народы стремились въ христіанскій міръ, и многіе напр. готы вступали въ церковь, многіе изъ христіанъ какъ бы выходили изъ этого общества въ уединеніе.

* * *

По смерти Өеодосія Великаго, который оставилъ государство двумъ несовершеннолѣтнимъ сыновьямъ, Аркадію и Гонорію, римская имперія окончательно распалась на восточную и западную. Въ первой столицею была Византія и господствующимъ языкомъ греческій, въ послѣдней резиденціею былъ Римъ, а офиціальнымъ языкомъ—латинскій.

Өеодосій съ умною предусмотрительностію обращался съ вестготами какъ съ своими союзниками, и пользовался ихъ силами для выгодъ имперіи. Теперь пошло иначе. Вестготы,

сначала бродившіе безъ пристанища по берегамъ Дуная, умолявшіе римскаго императора дать имъ жилище и пищу, потомъ получившіе и то и другое и, въ развитіи своихъ силъ, сдѣлавшіеся оплотомъ имперіи противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ ея, эти готы теперь выступаютъ врагами имперіи подъ предводительствомъ храбраго Алариха. Вѣсть объ этомъ страшно поразила Римъ: сначала Аларихъ проникъ въ Грецію чрезъ Ѳермопилы, опустошилъ ее и Пелопоннесъ, разграбилъ города, разрушилъ языческіе храмы и избилъ жрецовъ; теперь онъ идетъ съ войскомъ на Италію. За вѣстями, дошедшими до Италіи, послѣдовало дѣло: на восточномъ берегу Адріатическаго моря показались передовые отряды готовъ. Затрепеталъ западъ предъ всеопустошающими ордами чужеземцевъ, но еще разъ былъ спасенъ отъ опасности Стилихономъ, великимъ полководцемъ своего времени и опекуномъ императорскихъ сыновей.

Скоро впрочемъ правитель восточной имперіи, Евтропій, изъ зависти къ побѣдоносному Стилихону, заключилъ миръ съ Аларихомъ и сдѣлалъ его преторомъ Иллиріи. Послѣдній поднялся снова на Римъ, но опять въ двухъ битвахъ при Поленціѣ и Веронѣ долженъ былъ уступить своему противнику (403 г.) Италія была нѣкоторое время спокойна. Но скоро приблизилась буря съ другой стороны.

Съ Дуная стремилась на западъ огромная туча народовъ. Герцогъ Радагайсъ велъ чрезъ Альпы двѣсти тысячъ бранныхъ мужей, смѣсь готовъ, аланъ, вандаловъ, свевовъ и бургундовъ. За страшнымъ войскомъ тянулись женщины и дѣти со всѣмъ имуществомъ. Это была голодная, хищная толпа, которой мало было пользоваться чужимъ добромъ и покоиться подъ чужою кровлею, которая оставляла за собою въ пламени города и деревни, разрушивъ напередъ храмы и церкви. Это смѣшеніе народовъ катилось подобно лавинѣ съ Альпъ въ сѣвероиталійскія долины и стояло уже предъ Флоренціею, никѣмъ не сдержанное. Только здѣсь Стилихонъ

заперъ ему дальнѣйшій путь. Готы почувствовали голодъ, голодъ произвелъ болѣзни, похищавшія людей тысячами. Остальные упали духомъ. Герцогъ Радагайсъ съ 12000 отборнаго войска попалъ римлянамъ въ плѣнъ и вступилъ въ римскую службу. Остальное войско разсѣялось и наводнило Галлію, не встрѣтивъ сопротивленія.

Опять Италія была спасена какъ бы чудомъ. Но снова буря разразилась надъ далекимъ сѣверомъ. Въ Британіи провозгласилъ себя императоромъ простой солдатъ, Константинъ. Онъ явился въ Галліи, соединился съ народами, здѣсь живущими, и думалъ уже идти на Италію. Всѣ ожидали спасенія отъ одного Стилихона, какъ извѣстнаго опытностію полководца. Но у него не было порядочнаго войска. Тогда онъ обратился за помощью къ Алариху. За четыре тысячи пудовъ золота Аларихъ обѣщалъ поставить своихъ готовъ подъ римскіе орлы. Дѣло съ Константиномъ казалось будетъ улажено. Но Стилихонъ палъ жертвою своихъ завистниковъ при византійскомъ дворѣ; они обвинили его въ измѣнѣ и успѣли погубить великаго человѣка. Съ нимъ сошла въ гробъ послѣдняя опора имперіи.

* * *

Теперь Италія была открыта врагамъ. Аларихъ, пользуясь обстоятельствами, которыя благопріятствовали исполненію его плановъ, двинулся на Римъ въ 409 году. Городъ имѣлъ въ то время болѣе милліона жителей, но изнѣженнымъ римлянамъ недоставало полководца и совѣтника. Голодъ и болѣзни свирѣпствовали въ городѣ, окруженномъ врагами; вмѣсто того, чтобы храбро защищаться, римляне рѣшились купить миръ. Римскіе сенаторы отправились въ качествѣ пословъ въ лагерь готовъ. Ихъ привели къ шатру Алариха, который окинулъ ихъ презрительнымъ взглядомъ. Тогда еще разъ одушевились мужествомъ римскіе мужи. Гордо высту-

паютъ они навстрѣчу гордому вестготу, напоминаютъ ему о храбрости своихъ предковъ, о числѣ гарнизона римскаго, который ждетъ повелѣнія, чтобы выступить изъ городскихъ воротъ. Аларихъ между тѣмъ понимаетъ суетность и хвастовство пословъ. «Если у васъ такъ много войска, говоритъ онъ, тѣмъ лучше: чѣмъ гуще трава, тѣмъ легче косить!» Потомъ онъ предлагаетъ свои невыполнимыя условія. Римскіе послы возражали, что требованія слишкомъ велики и спрашивали: «Что жъ ты хочешь намъ оставить?»—«Души!» насмѣшливо отвѣчалъ Аларихъ.

Послѣ долгихъ совѣщаній согласились: Аларихъ будетъ хранить миръ, за что Римъ заплатитъ 5,000 фунтовъ золота, 30,000 фунтовъ серебра, 4,000 шолковыхъ одеждъ, 3,000 красныхъ сафьянныхъ шкуръ и 3,000 фунтовъ перцу. Посольство въ смущеніи возвращается въ Римъ. Но откуда взять такое множество золота и товаровъ? Особенно не хватаетъ золота. Взяли золотую статую Virtus (т. е. Мужества) и растопили ее,—уже давно исчезло въ народѣ всякое мужество!

Миръ продолжался только одинъ годъ. Аларихъ, обольщенный, потомъ обманутый византійскимъ дворомъ, явился съ мщеніемъ къ вѣчному городу въ 410 году. Теперь не было переговоръ, готы взяли резиденцію западно-римскаго императора штурмомъ въ ночь на 24-е августа. Побѣдитель отдалъ городъ на разграбленіе. Но готы были христіане и щадили жителей христіанскаго города. Изъ Рима Аларихъ двинулся далѣе на югъ и занялъ Нижнюю Италію. Отсюда онъ думалъ переправиться въ Сицилію и Африку. Но когда буря на глазахъ его разбила транспортные корабли и онъ снаряжалъ новый флотъ, смерть постигла 34-хъ лѣтняго героя въ Козенцѣ (411 г.). Ложе Бузенто скрыло въ нѣдрахъ своихъ останки готскаго князя.

* * *

Послѣ такихъ пораженій Римъ уже не могъ оправиться. Равно и основанный Константиномъ новый Римъ —Византія не въ силахъ была поддержать силу и значеніе имперіи, при постоянно усиливающихся нашествіяхъ враговъ. Послѣ того, какъ западъ подвергся нашествію вестготовъ, страшные гунны стучали въ ворота восточной имперіи и требовали пропуска. Подъ предводительствомъ Аттилы, соединившаго подъ своею властію всѣ племена гунновъ, равно какъ остготовъ, лонгобардовъ, гепидовъ, они опустошили 447 г. Ѳракію и Иллирію и разграбили 70 греческихъ городовъ. Аттила могъ выставить войско въ 700,000 человѣкъ.

Хотя онъ по своему происхожденію принадлежалъ востоку, скоро однако освоился съ новымъ отечествомъ и поселился довольно охотно на западѣ. Его народы любили кочевую жизнь, и Аттила умѣлъ имъ угождать, мѣняя часто мѣста стоянки, самъ же предпочиталъ оставаться на одномъ постоянномъ мѣстѣ жительства. Дворецъ Аттилы стоялъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ съ одной стороны Дунай и Тисса, съ другой Карпаты, сдерживающіе суровые сѣверные вѣтры, образуютъ прекрасную равнину. Полагаютъ, что эта столица была недалеко отъ нынѣшняго Токая въ Венгріи, которая тогда называлась Панноніею. Это было обширное, возведенное изъ дерева зданіе, обнесенное деревяннымъ тыномъ, что обезпечивало дворецъ противъ нападенія. Онъ не выдерживалъ и малѣйшаго сравненія съ дворцомъ западнаго императора, такъ какъ на немъ вовсе не было внѣшнихъ украшеній. Но за то тѣмъ больше житейскихъ удобствъ было въ срединѣ дворца,—такъ какъ предводитель гунновъ любилъ окружать себя роскошью. Во дворцѣ были прохладныя галлереи, служившія для прогулокъ въ тѣни, тутъ были устроены бани для освѣженія тѣла купаньемъ, здѣсь находилось пространное женское отдѣленіе, устроенное по образцу женскихъ покоевъ восточныхъ царей.

Въ этомъ дворцѣ помѣщался Аттила съ дворомъ, устроен-

нымъ на подобіе двора восточныхъ властителей. Благородные отроки, бывшіе заложниками отъ подвластныхъ ему народовъ, служили царю гунновъ. Послы изъ тѣхъ земель, которымъ грозилъ Аттила нашествіемъ, представляли ему просьбы своихъ государей и подносили богатые дары. Онъ любилъ роскошные пиры, но самъ не принималъ въ нихъ участія и избѣгалъ всякаго блеска. Столъ его былъ уставленъ отборными кушаньями, гости его ѣли и пили изъ золотыхъ сосудовъ, было вдоволь лучшихъ напитковъ. Но угощавшій дорогими обѣдами и блиставшій такою роскошью, самъ Аттила былъ воздерженъ, любилъ простой образъ жизни. По обычаю своего народа онъ ѣлъ изъ деревянныхъ блюдъ и довольствовался простою пищею. Онъ ласково и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на веселье окружающихъ его лицъ, покои оглашались веселыми кликами пирующихъ. И въ срединѣ ихъ Аттила сидѣлъ съ молчаливою важностію, онъ или спокойно наблюдалъ, что происходило вокругъ него, или сидѣлъ, погрузясь въ себя, обдумывая свои обширные планы. Онъ охотно выслушивалъ тѣхъ, кто просилъ у него помощи и защиты, и если могъ, исполнялъ ихъ желанія. Если изгнанникъ или бѣглецъ искалъ у него пріюта, онъ всегда готовъ былъ его принять. Онъ самъ рѣшалъ несогласія подвластныхъ ему народовъ, выслушивалъ обѣ стороны и рѣшалъ безъ лицепріятія. За это подвластные народы высоко чтили своего царя, можно сказать, боготворили его.

Кто бы узналъ въ немъ храбраго, дѣятельнаго вождя, когда Аттила являлся предъ фронтомъ своихъ гуннскихъ всадниковъ! Маленькій ростомъ, но коренастый, съ широкою грудью, короткою шеей и большою головою—сидѣлъ онъ на конѣ, имѣвшемъ самую простую упряжь, и разъѣзжая по рядамъ, обозрѣвалъ войско. Его осанка была горда и повелительна, но по одеждѣ онъ не отличался отъ самыхъ простыхъ воиновъ. Маленькіе глаза горѣли въ своихъ глубокихъ впадинахъ, рѣдкая борода окаймляла лицо, значительно обезо-

браженное плоскимъ вздернутымъ носомъ. Его бранный кликъ одушевлялъ войско, которое бросалось на враговъ съ полнымъ презрѣніемъ къ смерти. Онъ всегда самъ предводительствовалъ, и чѣмъ милостивѣе былъ къ друзьямъ, тѣмъ безпощаднѣе къ врагамъ. Въ его характерѣ соединялись удивительнымъ образомъ азіатская грубость и европейскіе обычаи.

* * *

Уже онъ сдѣлался ужасомъ восточной имперіи, которая должна была платить ему дань, но тутъ же счелъ болѣе выгоднымъ для себя вступить въ дружественныя отношенія съ римскимъ дворомъ. Тогда на византійскомъ престолѣ былъ храбрый Марціанъ, супругъ умной сестры Ѳеодосія II Пульхеріи. Онъ снабдилъ пограничныя укрѣпленія всѣмъ, нужнымъ для обороны, и снаряжалъ войско. Онъ считалъ срамомъ платить дань гуннскому вождю; и когда послы Аттилы явились къ нему съ требованіемъ золота, которое обязался платить слабый Ѳеодосій II, Марціанъ отвѣчалъ: у меня есть золото для друзей, а для враговъ желѣзо! Аттила примолкъ. Скоро онъ началъ сватать за себя сестру императора Валентиніана II, славившуюся красотою Гонорію. По другимъ извѣстіямъ сама Гонорія, заключенная своей матерью Плацидою въ монастырь, предложила руку гуннскому вождю и обѣщала ему въ приданое половину царства. Такая вѣсть принята была при дворѣ римскомъ съ немалымъ удивленіемъ. Аттила получилъ отказъ. Тщетными оказались попытки его раздѣлить римлянъ и вестготовъ. Онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ, значеніе его начинало ослабѣвать. Рожденный для власти, а не для повиновенія, онъ взялся за мечъ, чтобы сломить всякое противодѣйствіе своимъ планамъ.

Призывъ къ оружію раздавался у всѣхъ подвластныхъ ему

племенъ. Послѣ кратковременнаго отдохновенія, снова собираются воины съ дикимъ одушевленіемъ къ битвамъ; весною 451 г. выступилъ Аттила въ походъ. Въ войскѣ его находилось болѣе полумилліона воиновъ. Цѣль его плановъ, его мщенія была на западѣ. Не одну Италію, центръ западноримской имперіи, но весь западъ онъ хотѣлъ покорить своей власти. Западъ долженъ былъ узнать, какъ оскорбленный Аттила, бичъ Божій, наказывалъ противниковъ.

Подобно бурею возмущенному морю, катящему сокрушительныя волны на берегъ, гуннское войско наводнило страны, лежащія по Дунаю, нынѣшнюю Австрію и Баварію. Неудержимо оно уносило съ собою народы, здѣсь жившіе, и увеличивалось подобно лавинѣ по мѣрѣ приближенія къ Галліи. Оно переправилось чрезъ Рейнъ у впаденія въ него Неккара и двинулось дальше, опустошая страшно города на пути. Дымящіяся развалины, потоптанныя поля, груды труповъ обозначили слѣды его похода. Отъ Рейна до Сены, отъ Мозеля до Марны вся страна обратилась въ пустыню, все было разграблено, избито, сожжено, опустошено. Еще никогда бичъ войны не свирѣпствовалъ здѣсь съ такою силою.

Вождь гунновъ стоялъ предъ воротами Орлеана, чтобы взять штурмомъ и этотъ городъ, выдерживавшій осаду. Тогда онъ получилъ извѣстіе, что на Каталаунскихъ поляхъ собрались римляне въ союзѣ съ вестготами, франками и саксами, и ожидаютъ его нападенія. Этого только и желалъ Аттила. Здѣсь онъ рѣшитъ, кто долженъ господствовать на западѣ, гунны или римляне, счастье еще никогда не измѣняло мечу вождя гунновъ.

Когда Аттила утромъ въ день битвы (въ 451 г.) построилъ свое войско, то повелѣлъ вождямъ своимъ явиться къ себѣ и приказывалъ имъ напасть главнымъ образомъ на вестготовъ и алановъ, которые образовали правое крыло и средину непріятельскаго войска, и заключилъ свою рѣчь словами: «если вамъ суждено умереть, то умрете, если и побѣжите.

Смотрите жъ на меня, я ѣду впереди всѣхъ,—кто не послѣдуетъ за мною, тотъ пропалъ!» Аттила словно предчувствовалъ несчастный исходъ битвы; прежде не слыхали такихъ словъ отъ всегда убѣжденнаго въ своей побѣдѣ вождя. То, что онъ предчуствовалъ, сбылось. Правда, центръ римскій былъ прорванъ Аттилой, палъ предводитель готовъ, Теодорихъ. Но сынъ послѣдняго, Торисмундъ, отомстилъ смерть своего отца и рѣшилъ дѣло въ пользу римлянъ. Сто шестьдесятъ тысячъ труповъ покрыли поле битвы; страшнымъ кровопролитіемъ сломлена была сила дикихъ гунновъ, побѣда надъ ними была побѣдою образованности надъ варварствомъ.

Въ слѣдующемъ году Аттила опустошилъ сѣверную Италію. Самый Римъ онъ пощадилъ только по просьбѣ епископа Льва I. Отсюда онъ возвратился въ Паннонію, гдѣ и умеръ въ 453 году. Похороны происходили со всею торжественностью. Умершаго положили въ золотой гробъ, поставили этотъ гробъ въ другой серебряный и наконецъ въ третій желѣзный. Потомъ вырыли могилу и опустили туда гробъ Аттилы съ разными драгоцѣнностями и любимыми его сосудами. А чтобы никто не зналъ мѣста его погребенія, всѣ служившіе при этомъ были умерщвлены.

РАЗВАЛИНЫ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ.

Какъ ни разрушительно было великое движеніе народовъ, прошедшее чрезъ югъ и западъ Европы, римское государство сначала противостояло частнымъ, отдѣльнымъ ударамъ

варваровъ, и пало только при общемъ натискѣ ихъ. Послѣдняя знаменитая побѣда на каталаунскихъ поляхъ, сломившая силу не гунновъ только, но вообще силу варварства, не могла однакожъ возвратить Риму владычество надъ міромъ. Уже давно имперія походила на трупъ, котораго погребеніе отлагали до поры до времени, потому что считали его за мнимо мертвый. Теперь, когда оказались явные слѣды тлѣнія, послѣдовало погребеніе чрезъ четверть вѣка послѣ знаменитой битвы (476. Дѣлежъ огромнаго наслѣдства запутался на короткое время, и еще чрезъ четверть вѣка былъ завершонъ; только въ имени жила теперь древняя слава.

Италія съ Сициліей, восточная Швейцарія и вся страна къ югу отъ Дуная до Македоніи, Өессаліи и Адріатическаго моря принадлежали остготскому государству. Испанія и Галлія до Луары составили вестготское государство. Въ сѣверо-западномъ углу Испаніи жили свевы. Рѣчная область Роны между Луарою и Альпами до истоковъ Сены принадлежала бургундамъ. Вся страна къ сѣверу отъ Луары отъ атлантическаго океана на западѣ до истоковъ Везера на востокѣ, область Сены и нижняго Рейна съ его притоками вошли въ составъ франкскаго государства. Къ сѣверу отъ него по Эмсу, Везеру и Эльбѣ жили саксы; къ югу по верхнему и среднему Рейну аллеманы; между истоками Везера и Эльбы тюринги. Британія была занята англосаксами, призванными на помощь противъ пиктовъ и скоттовъ.

На востокъ отъ Эльбы по Одеру и Вислѣ до карпатскихъ горъ жили вендскія племена, которыя еще никогда никѣмъ не были покорены. Въ нынѣшней Богеміи жили чехи, въ долинахъ у южнаго склона Карпатъ лонгобарды, ближе къ Дунаю ругіи, и между чехами и лонгобардами кроаты. Обширная рѣчная страна между Дравою и Савою образовала область гепидовъ.

* * *

Какъ не въ одинъ день или годъ Римъ былъ созданъ, такъ не въ одинъ день или годъ и пало римское всемірное владычество. Нужно было цѣлое шестое столѣтіе для того, чтобы изъ развалинъ римскаго государства образовать новыя и сколько нибудь упрочить вышеуказанный дѣлежъ между чужеземными народами. Но еще не минуло столѣтіе, какъ на западѣ и востокѣ произошли нѣкоторыя перемѣны, приготовившія новое обширное господство франковъ, а восточную или византійскую имперію приближавшія къ концу.

Вестготы, которыхъ Аларихъ привелъ въ Италію, при преемникѣ его Атаульфѣ двинулись въ Галлію въ 412 г. Здѣсь онъ разсѣялъ римское войско, занялъ важнѣйшіе римскіе города и праздновалъ въ Нарбоннѣ свой бракъ съ Плацидіею, сестрою западнаго императора Гонорія, которая была въ плѣну у вестготовъ. Потомъ онъ перешолъ чрезъ Пиренеи въ Испанію, гдѣ съ 409 г. жили аланы, вандалы и свевы, завоевалъ Барцелону и намѣренъ былъ продолжать свой побѣдоносный походъ, какъ неожиданно поразилъ его кинжалъ невѣрнаго слуги. Храбрый Валлія продолжалъ начатыя завоеванія. Сохраняя миръ съ римлянами, онъ прогналъ хищныхъ аланъ и свевовъ въ непроходимыя горы Галиціи и уничтожилъ остатки вандалъ и алановъ. За это императоръ Гонорій далъ ему югозападную Галлію между Гаронною и моремъ, и здѣсь-то Валлія основалъ вестготское царство, котораго главнымъ городомъ была Тулуза. Съ этаго времени успокоились готы; осѣвшись прочно на постоянныхъ мѣстахъ жительства, они вмѣсто меча принялись за плугъ и упражнялись въ мирныхъ искусствахъ. Преемникъ Валліи Ѳеодорикъ II распространилъ власть готовъ и на Испанію, и мирно упрочивалъ за готами новооснованное господство.

* * *

Въ Испаніи подлѣ свевовъ поселились вандалы, и въ соединеніи съ первыми подъ предводительствомъ Гундариха разбили въ двадцатыхъ годахъ пятаго столѣтія римское войско и заняли почти всю страну. Уже давно они алчно посматривали на привлекательные берега сѣверной Африки, а въ 429 г. подъ предводительствомъ смѣлаго, но дикаго короля своего Гейзериха, брата Гундариха, переправились въ Африку въ числѣ 80,000 человѣкъ, изъ которыхъ было 30,000 воиновъ.

Это племя, особая толпа тѣхъ странствующихъ народовъ, которые съ востока наводнили Европу, было смѣшаннаго происхожденія германскаго и сарматскаго, извѣстное своею дикостью, страстью къ грабежу и жестокостью. Несчастная Африка должна была сдѣлаться жертвою этихъ варваровъ. Подобно стаѣ хищныхъ животныхъ свирѣпствовали вандалы на африканской почвѣ. Города и деревни занялись пожаромъ, какъ только ихъ нога ступила сюда, жители были ограблены, избиты. Безжалостный вандалъ любилъ разбивать дѣтей о камень, онъ умерщвлялъ не прежде, какъ насладившись страданіями своей жертвы. Всѣ произведенія искусства въ церквахъ или домахъ богатыхъ людей были истреблены, опустошеніе было такое, какого еще можетъ быть не видалъ свѣтъ. И въ этой-то странѣ, такъ неистово опустошенной, прочно осѣлись вандалы, никто не посмѣлъ вытѣснить ихъ отсюда.

Послѣ смерти Гейзериха мало по малу народъ дошолъ до полнаго нравственнаго развращенія, и бичъ, который они такъ безжалостно взмахивали надъ другими, обратился теперь на нихъ самихъ. Они предались распутной жизни, которая ослабила ихъ силу и начала свирѣпствовать противъ ихъ собственной плоти и крови. Гуннерихъ, сынъ Гейзериха, умерщвлялъ своихъ родственниковъ и преслѣдовалъ христіанъ; таковые же были и два его преемника. Третій Гильдерихъ (523 г.) былъ болѣе кроткаго нрава, но за то

вандалы презирали своего короля. Двоюродный братъ его Гелимеръ заключилъ его въ тюрьму, а самъ принялъ правленіе 530 г.

Въ это время императоръ Юстиніанъ I рѣшился покорить вандаловъ. Велизарій переправился въ Африку въ 533 г. на пятистахъ корабляхъ съ десятью тысячъ пѣхоты и пятью тысячъ конницы. Скоро онъ взялъ Кароагенъ и чрезъ три мѣсяца уничтожилъ вандальское войско. Это былъ смертельный ударъ для вандальскаго владычества, которое продолжалось 95 лѣтъ. Африка сдѣлалась экзархатомъ византійской имперіи, а остатки вандаловъ мало по малу потерялись между туземнымъ населеніемъ.

* * *

Одоакръ, предводитель геруловъ и ругіевъ, въ 476 г. свергнулъ съ престола послѣдняго римскаго императора, Ромула Августула, и провозгласилъ себя королемъ Италіи. Двѣнадцать лѣтъ онъ спокойно властвовалъ. Но около этого времени византійскій императоръ Зенонъ поручилъ покорить Италію остготскому вождю Ѳеодорику, который и поднялся съ 200,000 войска (489 г.) Походъ его былъ подобенъ послѣднему прибою постепенно затихающей народной волны. Въ медленномъ, но побѣдоносномъ движеніи остготы сначала одолѣли гепидовъ, потомъ переправились чрезъ Дунай и близъ Аквилеи у сѣверной бухты адріатическаго моря напали на лагерь Одоакра. Онъ былъ взятъ штурмомъ, вслѣдъ за тѣмъ было разбито при Веронѣ главное войско Одоакра, и когда Одоакръ отступалъ къ Равеннѣ, остготы двинулись на Миланъ. Еще разъ они одержали побѣду на Аддѣ и три года осаждали крѣпкую Равенну, которая наконецъ сдалась вслѣдствіе голода въ городѣ. Одоакръ былъ убитъ, Ѳеодорихъ провозглашенъ королемъ Италіи; византійскій императоръ

призналъ его въ этомъ достоинствѣ, хоть и противъ своего желанія.

Это основаніе остготскаго царства на классической почвѣ Италіи къ сѣверу отъ По, отъ Роны до Дуная, озарило еще разъ эту страну блескомъ сильнаго, и въ тоже время кроткаго и справедливаго правленія. Неутомимо заботясь о земледѣліи, ремеслахъ, торговлѣ, даже о наукахъ и искусствахъ, Θеодорихъ умѣлъ поддерживать и укрѣплять согласіе между готами и римлянами. Съ могущественнѣйшими германскими князьями того времени онъ былъ въ дружбѣ и мирѣ, и не было народа на западѣ, который бы не связанъ былъ съ нимъ узами дружбы или подданства. Только указъ византійскаго императора, Юстина перваго, осудившій приверженцевъ Арія, возбудилъ въ римлянахъ громкое негодованіе. Теодорихъ просилъ императора о смягченіи приговора, но его не слушали. Онъ потерялъ уваженіе римлянъ, и въ негодованія на ихъ неблагодарность сдѣлался съ этихъ поръ несправедливымъ и жестокимъ (525 г.) Однако предъ смертію своею въ 526 г. онъ раскаялся въ своихъ поступкахъ и увѣщевалъ своего внука Аталариха, который наслѣдовалъ дѣду, никогда не отступать отъ пути справедливости.

Сильное остготское царство было предметомъ зависти и ненависти византійскихъ императоровъ. Юстиніанъ I нашолъ желанный поводъ вмѣшаться во внутреннія дѣла готовъ. Мать Аталариха, Амалазунта, дочь Теодориха, по смерти перваго мужа вышла замужъ за Теодота, который умертвилъ ее, 535 г. Какъ будто бы для мщенія за смерть дочери Теодориха, Юстиніанъ послалъ въ Италію храбраго полководца Велизарія. Геройскіе подвиги этого мужа, который съ небольшимъ войскомъ совершалъ чудныя дѣла, заслужили удивленіе потомства. Но не дремали и его завистники и довели свои козни до того, что императоръ лишилъ Велизарія

начальства надъ войскомъ въ самую свѣтлую минуту его геройскаго поприща.

Снова оправились готы. Они подняли на щиты храбраго Тотилу, который въ теченіе пяти лѣтъ очистилъ отъ грековъ Италію. Около 546 г. онъ былъ государемъ всей Италіи, кромѣ Рима, который обязанъ былъ своимъ спасеніемъ только Велизарію. Но Велизарій былъ опять смѣненъ и на его мѣсто прибылъ Нарзесъ. Этотъ человѣкъ весьма умный, дѣятельный и опытный разбилъ готовъ при Тагенѣ 552 г. Но готы не потеряли бодрости и соединились вокругъ новаго своего вождя Тейи. Однако послѣ геройской обороны и этотъ предводитель долженъ былъ отступить и оставить свой крѣпкій лагерь, стоявшій на одномъ отрогѣ Везувія, недалеко отъ Ноцеры. Тогда остатки готовъ бѣжали въ норійскія и ретійскія Альпы, а Италія сдѣлалась провинціею восточной имперіи. Впрочемъ не надолго. Правда, Нарцесъ, бывшій намѣстникомъ Италіи, разбилъ Аллемановъ, которые пробрались по Италіи до Капуи, опустошая все на пути. Онъ пятнадцать лѣтъ изъ Равенны управлялъ Италіею; но когда умеръ Юстиніанъ, а преемникъ его Юстинъ II съ безчестіемъ лишилъ его должности, Нарзесъ призвалъ лонгобардовъ въ Италію.

* * *

Побѣдивъ гепидовъ и уступивъ землю ихъ аварамъ, лонгобарды двинулись изъ Панноніи подъ предводительствомъ Альбоина (568 г.) На высотахъ юлійскихъ альповъ они устроили стоянку. Тутъ были не одни люди, способные носить оружіе, это былъ цѣлый народъ со всѣмъ имуществомъ. На Царской горѣ устроенъ былъ лагерь для женъ и дѣтей, а вождь ободрялъ своихъ бранныхъ мужей. Онъ указывалъ имъ на плодородныя равнины, лежавшія у ихъ ногъ. Глаза воиновъ съ удивленіемъ и жадностью обозрѣвали равнину. Эти

манящія къ себѣ пажити казались имъ достаточною наградою за предстоящій трудъ битвы. Съ воодушевленіемъ они спускаются съ горы; племянникъ Альбоина Гизульфъ остался сторожить проходы въ Альпахъ, а войско разлилось по верхней Италіи. Неукрѣпленные города взяты были безъ труда, Миланъ сдался послѣ штурма, а Павія послѣ трехлѣтней осады. Горожане защищались храбро, много лонгобардовъ нашло здѣсь свою могилу, самыя смѣлыя нападенія были отбиты. Ожесточенный долгою осадою, Альбоинъ поклялся въ страшной мести, онъ обѣщался истребить всѣхъ жителей, когда возьметъ городъ. И городъ палъ, граждане, измученные голодомъ, отворили ворота врагамъ, не расчитывая на ихъ милость.

Съ мрачнымъ видомъ, съ жаждою мщенія Альбоинъ вступалъ въ городъ. Его боевой конь подходитъ къ воротамъ, потомъ дѣлаетъ еще шагъ и вдругъ останавливается. Вождь побуждаетъ его идти, но напрасно; онъ ударяетъ коня въ бока острыми концами шпоръ, конь фыркаетъ и пѣнится, высоко поднимается на заднихъ ногахъ, всадникъ готовъ упасть, но не идетъ дальше конь. Тогда подъѣзжаетъ къ Альбоину одинъ изъ его приближонныхъ и проситъ его позабыть свое обѣщаніе,—пощадить несчастныхъ жителей города, которые были христіане. Полководецъ бросилъ презрительный взглядъ на того, кто рѣшился давать непрошенный совѣтъ. Но лонгобардъ не смутился, онъ сознаетъ силу правды своего совѣта. Задумался Альбоинъ и рѣшился последовать доброму совѣту; послушный поводу всадника, успокоившійся конь пошолъ къ дворцу короля Теодориха. Тутъ Альбоинъ велѣлъ объявить пощаду трепетнымъ жителямъ города и принялъ ихъ привѣтствія. Спустя два года онъ палъ жертвою мстительности оскорбленной имъ супруги (573).

Съ этого времени расцвѣло въ верхней Италіи ломбардское государство и достигло большаго благосостоянія. Кромѣ срединной равнины По, получившей названіе Ломбардіи, этому

государству принадлежали области Турина и Генуи, часть Тироля и Тосканы; даже герцогство Беневентъ, часть Калабріи и Неаполь подчинились господству лонгобардовъ. Остальная Италія находилась еще подъ властью византійскихъ императоровъ.

МАГОМЕТЪ.

(571 — 632).

Въ то время какъ на западѣ христіанство болѣе и болѣе распространялось и укрѣплялось, на востокѣ поднялась буря, дѣйствовавшая съ такою быстротою и такою разрушительною силою, что въ теченіе значительнаго періода времени христіанству грозила большая опасность. Впрочемъ при появленіи исламизма оставался еще больверкъ, о который разбивались волны этого новаго язычества; такимъ больверкомъ служила Византія, хотя слабая и все болѣе приближавшаяся къ своему концу. Оттого произошло, что магометанизмъ, въ своемъ быстромъ движеніи отъ востока къ западу, принялъ большой обходъ чрезъ Африку въ Европу; по искорененіи христіанства въ Африкѣ, онъ распространился по Испаніи. На этомъ дальнемъ концѣ европейскаго материка долго господствовало ученіе Магомета, но дальше за Пиренеи перешагнуть оно не могло. Между тѣмъ византійская имперія была все больше и больше раздираема внутренними междоусобіями. Изрѣдка являлись во главѣ государства люди,

имѣвшіе довольно силы обуздывать внутреннихъ враговъ и держать въ страхѣ внѣшнихъ. Владѣнія въ Азіи одно за другимъ были потеряны, и государство наконецъ ограничивалось одними европейскими владѣніями.

Въ началѣ седьмаго столѣтія захватилъ византійскій престолъ дикій, грубый солдатъ Фока. Его осьмилѣтнее правленіе отъ 602 до 610 г. было правленіемъ смерти и тиранства. Персидскій царь Хозрой опустошилъ византійскія провинціи Азіи; казалось, византійское государство приближалось къ совершенному разложенію, какъ неожиданно явилось спасеніе. Гераклій, сынъ африканскаго Экзарха, явился предъ Константинополемъ съ войскомъ и флотомъ. Съ радостью выходилъ ему на встрѣчу народъ, уже давно недовольный правленіемъ Фоки. Гераклій былъ провозглашонъ императоромъ, Фока былъ разорванъ на куски. Внутри водворился порядокъ, но извнѣ свирѣпствовали враги, дикіе авары и персы. Первые пробились до стѣнъ резиденціи и увели изъ предмѣстій до 270,000 человѣкъ, которыхъ и обратили въ рабство. Гераклій дрожалъ предъ этими неистовыми ордами и уже хотѣлъ отказаться отъ престола, на который только что вступилъ; Константинопольскій патріархъ побудилъ его не оставлять трона и дѣйствовать. Переговоры съ Хозроемъ повели къ перемирію. Но персидскій царь отказывался возвратить завоеванныя провинціи Малой Азіи. Тогда Гераклій собралъ войско, а одушевленіе народа облегчило ему приготовленія къ войнѣ. Онъ явился предъ врагомъ и во многихъ сраженіяхъ разбилъ его. Персидскій царь собралъ главныя силы у развалинъ Ниневіи (627 г.). Византійцы неустрашимо ударили на персовъ, и послѣ жаркой сѣчи одержали побѣду. Еще разъ были возстановлены древнія границы государства. Но уже прошло время, когда востокъ былъ средоточіемъ христіанства. Отъ семитовъ, которые до сихъ поръ были избранными носителями христіанства, оно перешло теперь къ іафетитамъ, а

надъ востокомъ пронеслась разрушительная сила магометанизма.

* * *

Земля, о которой до сихъ поръ ходили одни темныя известія, сдѣлалась исходнымъ пунктомъ событій, долженствовавшихъ потрясти цѣлый свѣтъ. Народъ, извѣстный своимъ умѣньемъ править конемъ, искусный въ звѣздосчетствѣ, но кочевникъ и остававшійся долгое время безъ вліянія на ходъ событій исторіи, теперь выступилъ на сцену. Аравія сдѣлалась театромъ великихъ событій, и арабы, жители этой жаркой, изрѣзанной горами, возвышенной, песчаной пустыни, изумили и наполнили страхомъ весь міръ. Это были потомки Измаила, бедуины, тогда какъ и теперь кочевыя орды, мало знакомыя съ скотоводствомъ, нѣсколько больше съ караванною торговлею, но болѣе всего съ хищничествомъ — свободнымъ ремесломъ. Лишь на развалинахъ занятой земледѣльцемъ почвы сынъ пустыни чувствуетъ себя туземцемъ, и если бы онъ могъ обратить въ пустыню цѣлый свѣтъ, онъ нашолъ бы здѣсь царство небесное. Неутомимо и вихремъ онъ несется по Аравіи на стройномъ и легкомъ конѣ чрезъ степи, лишонныя растительности, чрезъ каменистыя скалы, поднимающіяся горою. Онъ ѣстъ и спитъ, куритъ и живетъ на своемъ конѣ; конь для него второе *я*, связанное неразрывными узами инстинкта съ хозяиномъ, съ его лицомъ, съ его жизнью.

Въ такомъ-то независимомъ, непривязанномъ къ постоянному мѣсту жительства народѣ и нуждался Магометъ. На такомъ-то неустрашимомъ сердцѣ сына пустыни, на его пламенномъ воображеніи, его пылкомъ одушевленіи, на рѣдкомъ смѣшеніи въ немъ воздержной жизни и въ то же время жажды чувственныхъ удовольствій, онъ построилъ свои надежды покорить свѣтъ мечомъ и кораномъ. Его воин-

ственный огонь онъ превратилъ въ трескучее пламя, его пылкому мужеству онъ указалъ славное поприще. Будучи самъ арабомъ отъ рожденія, онъ умѣлъ воспользоваться всѣми свойствами своего народа для своихъ цѣлей, особенно его суевѣріемъ, склоннымъ ко всему чудесному. Впрочемъ въ основѣ суевѣрія измаильтянъ первоначально лежала вѣра въ одного Бога и тайная внутренняя потребность души обращаться мыслью къ небу, въ синюю даль, гдѣ блестятъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды. Позднѣе эта вѣра помрачилась, хотя въ самомъ суевѣріи не льзя было не усмотрѣть основъ небеснаго происхожденія. Обожаніе природы выразилось у нихъ служеніемъ у камня, павшаго съ неба,—этому камню они приписывали чудную силу. Въ Меккѣ съ незапамятныхъ временъ хранился въ храмѣ черный, четырехъугольный камень, Кааба, святыня арабовъ, тѣло ихъ бога; народъ совершалъ путешествія къ этому камню и молился ему. Больные смотрѣли на него чтобы исцѣляться, обремененные грѣхами прикасались къ нему и получали прощеніе.

Власть надъ Меккою принадлежала тому племени, которому доставалось храненіе Каабы и храма. Сначала храненіе святилища принадлежало измаильтянамъ, но они должны были уступить оное джорамитамъ. Эти были вытѣснены хузаитами, при которыхъ религія омрачалась все болѣе и болѣе; въ храмѣ Каабы выставлено было при нихъ 300 идоловъ. Въ срединѣ пятаго столѣтія до Р. Х., снова достигло господства надъ Меккою измаелитское племя хорейшиты, они же были и хранителями Каабы. При нихъ почитаніе этой святыни выработывалось все болѣе и болѣе.

Четыре мѣсяца въ году всѣ племена не должны были браться за оружіе. Войны замолкали, когда наступало это время, и вмѣсто вооруженныхъ войнолюбивыхъ мужей всюду видны были толпы пилигримовъ, стремившихся въ сокрушеніи сердца къ Каабѣ въ Мекку. Здѣсь на улицахъ постоянно двигались эти толпы; здѣсь были ярмарки и состязанія сти-

хотворцевъ. Такимъ образомъ Мекка составляла средоточіе для всѣхъ племенъ, это былъ союзный городъ кочующихъ бедуиновъ. Когда въ шестомъ столѣтіи послѣ Р. Х. Хозрой, царь новоперсидскаго государства, началъ свои завоевательные походы, и Аравія подпала его власти (574 г.). Она сдѣлалась провинціею новоперсидскаго царства и управлялась намѣстникомъ персидскаго царя.

* *
*

Абулъ Каземъ Эбнъ Абдаллахъ, прозванный Магометомъ, то есть «достославнымъ» родился 20 апрѣля 571 г. въ Меккѣ и принадлежалъ по происхожденію къ племени хорейшитовъ, которымъ принадлежало храненіе Каабы. Отецъ его былъ купецъ; и сынъ въ качествѣ купца дѣлалъ поѣздки въ Сирію и южную Аравію. По смерти отца и дяди онъ самостоятельно занимался торговлей, но не особенно любилъ дѣла такого рода. На двадцать пятомъ году онъ женился на богатой купчихѣ, вдовѣ Хадиджѣ изъ Бассоры, и съ того времени предался своей страсти къ созерцательной жизни. Онъ былъ человѣкъ съ большими талантами и весьма краснорѣчивый. Его огненная душа выражалась въ проницательномъ взглядѣ его черныхъ глазъ, походка его была величава и смѣла. Полное силы здоровье отпечатлѣлось на его щекахъ, нѣжная смуглость обличала въ немъ жителя востока. Черты лица его были тонки и благородны, его улыбка милостива и привлекательна. Онъ имѣлъ тонкія брови, орлиный носъ, хорошо сложенный ротъ и прекрасные зубы. Росту онъ былъ средняго, сложенія крѣпкаго. Куда онъ ни являлся, всюду покорялъ сердца.

Уединенная пещера въ горѣ Гера была свидѣтельницею его чудесныхъ восторговъ. Туда Магометъ удалялся по временамъ, однажды онъ пробылъ тамъ цѣлый мѣсяцъ. Погруженный въ глубокое раздумье о божественныхъ предметахъ,

занятый благочестивыми мыслями, онъ часто приходилъ въ восторженное состояніе души, при чемъ ему казалось открытымъ то, что для другихъ сокрыто. Ему казалось, что онъ бесѣдуетъ съ ангелами и отъ нихъ получаетъ откровенія о назначеніи человѣка, о жизни загробной, объ отношеніяхъ человѣка къ Богу и міру. Чѣмъ больше онъ предавался такимъ мыслямъ, тѣмъ болѣе въ немъ укрѣплялась вѣра въ истину такихъ откровеній. Онѣ убѣдили его въ суетности языческаго богослуженія и вызвали въ немъ убѣжденіе, что Богъ призвалъ его избавить своихъ соотечественниковъ отъ узъ язычества. Его конечно, поверхностное, знакомство съ исторіей израильскаго народа содѣйствовало тому, что убѣжденіе въ своемъ посланничествѣ перешло въ немъ въ сознаніе своего пророческаго призванія по примѣру пророковъ ветхаго завѣта. Онъ призналъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, равно какъ и Іисуса Назарея своими предшественниками, себя же послѣднимъ и высшимъ изъ пророковъ. Такъ отуманенный мнимыми откровеніями, онъ создалъ религіозное ученіе, основанное на вѣрѣ въ единаго Бога, но искаженное смѣсью іудейско-христіанскихъ и самимъ имъ придуманныхъ правилъ; это ученіе онъ выдавалъ за единственно истинную религію.

На сороковомъ году жизни Магометъ однажды отдыхалъ въ пещерѣ Гера, погруженный въ мысли о бывшихъ ему откровеніяхъ, занятый планами новой религіи. Еще все было въ душѣ его неясно и смутно, еще онъ не остановился ни на какой опредѣленной мысли, какъ и гдѣ начать ему свою проповѣдь, вдругъ пришло ему небесное призваніе. Была ночь божескаго совѣта, такъ онъ разсказываетъ, благословенная ночь, и ангелъ явился предъ его одромъ; ангелъ посмотрѣлъ на него свѣтоносными очами и сказалъ: «Магометъ, ты пророкъ Божій, а я ангелъ Гавріилъ»! Этихъ словъ было довольно, чтобы окончательно убѣдить восторженнаго мужа въ его призваніи. Съ этого времени онъ уже

больше не сомнѣвался въ томъ, что онъ посланъ отъ Бога освободить свой народъ отъ идолослуженія и суевѣрія и проповѣдовать ему въ своемъ ученіи единственную, святую истину.

* *
*

Прошло три года послѣ этой ночи, но число увѣровавшихъ въ божественное посланничество Магомета не превышало сорока. Онъ пригласилъ этихъ послѣдователей на обѣдъ: тутъ были его жена и ея отецъ многоуважаемый Абу Бекръ и Али, пылкій юноша. Они явились на призывъ, хотя знали, что обѣдъ Магомета будетъ простъ и тощъ.

Когда они усѣлись, принесенъ былъ хлѣбъ, мясо ягненка, молоко въ кружкахъ: это обѣдъ пророка. Но разговоръ за столомъ не совсѣмъ обыкновенный, дѣло идетъ о видѣніяхъ и планахъ Магомета. Магометъ уже рѣшался выступить публично съ своимъ ученіемъ; желая попробовать начало на своихъ близкихъ и родныхъ, онъ обратился къ нимъ съ такою рѣчью: «Никто не можетъ предложить вамъ такихъ сокровищъ, какъ я. Я предлагаю вамъ блага здѣшней и будущей жизни; Богу угодно, чтобы я привелъ васъ къ нему. Кто изъ васъ желаетъ быть моимъ помощникомъ (визиремъ)? Кто изъ васъ хочетъ поднять часть бремени, которое я несу, кто хочетъ быть моимъ братомъ, моимъ другомъ, моимъ сотрудникомъ»? Съ большимъ одушевленіемъ слова эти были произнесены Магометомъ. Теперь онъ ожидалъ отвѣта и обводилъ глазами собравшихся. Но никто изъ присутствующихъ не вымолвилъ слова; видно было, что они не рѣшались въ одинъ мигъ порѣшить со всѣмъ прошлымъ, не рѣшались пожертвовать имуществомъ, жизнью, честью для новаго ученія. Магометъ дрожитъ. Какъ, ужели ни у кого нѣтъ мужества пристать къ нему!

Тогда вскакиваетъ Али, младшій, и говоритъ: «Магометъ, я хочу быть твоимъ другомъ, твоимъ сотрудникомъ»!

Магометъ обнимаетъ отрока, и, обратившись къ собранію, приказываетъ всѣмъ клясться въ послушаніи Али. Но собраніе со смѣхомъ отказалось исполнить такое повелѣніе. Теперь должно было высказаться, вѣрны ли, тверды ли приверженцы Магомета, довольно ли въ нихъ мужества.

* * *

Скоро послѣ этого пророкъ выступилъ публично съ проповѣдью своего новаго ученія. Всюду почти онъ встрѣчалъ противодѣйствіе, и особенно въ корейшитахъ. Они обрекли на изгнаніе пророка и весь его родъ. Приверженцы его въ страхѣ бѣжали въ Абиссинію, самъ же Магометъ рѣшился остаться въ Меккѣ. Къ нему подосланы были убійцы, и пророкъ долженъ былъ бѣжать, чтобы не быть предательски убитымъ. Корейшиты обязались клятвенно другъ другу убить его и приговоръ объ этомъ повѣсили въ Каабѣ въ святилищѣ. Дядя Магомета, Абу Талебъ, отецъ Али, высокоуважаемый человѣкъ, принялъ къ себѣ бѣглеца; онъ принадлежалъ къ числу послѣдователей Магомета. Съ его помощью Магометъ возвратился опять въ Мекку. Тутъ онъ объявилъ дядѣ, что самъ Богъ уничтожилъ приговоръ корейшитовъ бурею, и притомъ такъ, что каждое слово приговора продырявилось, кромѣ слова Богъ. Нашли, что пророкъ сказалъ правду, устрашонные корейшиты поспѣшили уничтожить свой клятвенный обѣтъ.

Во время такихъ смутъ немногіе рѣшались открыто пристать къ пророку. И здѣсь-то по видимому несчастное событіе дало удачный оборотъ дѣлу.

Уже съ давняго времени жители Медины смотрѣли съ завистью на возрастающее богатство Мекки, старались подорвать ея торговлю и вообще вредить ей возможнымъ обра-

зомъ. Въ Медину пришла вѣсть объ ученіи и достойныхъ удивленья дѣлахъ Магомета; принесли эту вѣсть чужіе купцы, видѣвшіе и слышавшіе Магомета во время своего пребыванія въ Меккѣ. Мединцы откликнулись на призывъ быть послѣдователями Магомета. Они отправили пословъ въ Мекку и просили пророка, чтобы онъ въ случаѣ преслѣдованія явился въ Медину, гдѣ найдетъ защиту и помощь. Магометъ принялъ съ благодарностію такое радушное предложеніе. Но, прибавилъ онъ, еще не пришолъ его часъ оставить Мекку. Если такой часъ наступитъ, онъ явится въ Медину.

Скоро этотъ часъ пришолъ. Снова возгорѣлась къ нему ненависть корейшитовъ. Въ глубокую ночь они окружили его домъ, но Магомету удалось бѣжать съ небольшимъ числомъ вѣрныхъ ему. Между послѣдними былъ Абу-Бекръ. Ночныя тѣни скрывали бѣглецовъ отъ преслѣдователей. Бѣглецы нашли убѣжище въ уединенной пещерѣ; но враги идутъ за ними по пятамъ, они осматриваютъ каждую пещеру, каждую скалу, каждое мѣсто, удобное для притона. Вотъ они проходятъ около скалистой пещеры, гдѣ укрываются бѣглецы. Уже они рѣшаются войти въ пещеру, какъ вдругъ замѣчаютъ, что голуби вьютъ гнѣзда у самаго входа, а паукъ распустилъ надъ нимъ свою паутину. Здѣсь должно быть нѣтъ никого; если бы кто нибудь вошолъ, то спугнулъ бы голубей и разорвалъ паутину. Говоря такимъ образомъ, они удаляются.

Магометъ и Абу Бекръ сидятъ въ пещерѣ. Они слышатъ приближеніе враговъ, слышатъ ихъ рѣчи. Абу Бекръ, уже отчаявшійся въ спасеніи, почерпнулъ мужество въ словахъ Магомета: «Ты думаешь, говорилъ Магометъ, что мы здѣсь одни. Знай же, что съ нами здѣсь есть третій, Богъ, защищающій насъ отъ враговъ».

Это бѣгство пророка изъ Мекки въ Медину (Геджера) случилось въ 622 году. Впослѣдствіи установлено было считать мусульманское лѣтосчисленіе съ этого года. Теперь

Магометъ взялся за мечъ. Тысячи приступили къ нему, и чрезъ два года корейшиты были разбиты имъ въ сраженіи при Бедрѣ. Но скоро они снова собрали силы и въ числѣ 10,000 осадили Медину. Пророкъ выдержалъ осаду съ 3,000 послѣдователей своихъ, потомъ рѣшился идти въ Мекку. Корейшиты съ изумленіемъ услышали о приближеніи его. Въ страхѣ они поспѣшили заключить съ нимъ десятилѣтнее перемиріе, чтобы только держать его вдали отъ священнаго города.

Съ тѣхъ поръ быстро расли значеніе и сила Магомета. Онъ приглашалъ византійскаго императора Гераклія, царя Абиссиніи, египетскаго экзарха и персидскаго царя Хозроя II принять его ученіе, впрочемъ нигдѣ не имѣлъ успѣха. Но ничто не могло остановить человѣка, уже выступившаго на путь безмѣрнаго честолюбія и фанатизма. Слова: «Ла илла Аллах ве Магомед Ребуль Аллах, то есть: Нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, а Магометъ его пророкъ!» одушевляли его послѣдователей. Кто не хотѣлъ добровольно принять исламъ, того надобно принудить мечомъ — такова была проповѣдь Магомета. Война сдѣлалась священнымъ дѣломъ, «Божіимъ путемъ».

Въ 630 году завоевана была Мекка и объявлена священнымъ городомъ. Чрезъ два года знамя Магомета развѣвалось по всей Аравіи, сотни тысячъ вѣрныхъ тянулись длинною вереницею въ Мекку. Тогда пророкъ почувствовалъ приближеніе смерти. Онъ находился въ Мединѣ, гдѣ неожиданно заболѣлъ. Приближонные въ скорби окружали постель больнаго. Онъ обратился къ одному изъ своихъ довѣренныхъ лицъ, приказывалъ ему бичевать себя и не прежде оставить бичеваніе, какъ откроется теченіе крови изъ многихъ ранъ. Потомъ онъ даровалъ свободу своимъ рабамъ, роздалъ богатую милостыню бѣднымъ жителямъ города. За тѣмъ велѣлъ отнести себя въ мечеть и просилъ прощенія у всѣхъ, кого когда нибудь оскорбилъ. Онъ умеръ на рукахъ своей

жены Аеши, дочери Абу Бекра. Останки его погребены на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ его смертный одръ; стоявшая около его дома мечеть послѣ смерти Магомета была расширена, такъ что включила въ себя и его гробъ.

КАЛИФАТЪ.

Преемники Магомета въ званіи пророка и князя, Калифы, мечемъ распространяли далѣе его ученіе и господство арабовъ. Уже Абу Бекръ и его полководецъ Каледъ поставили свои знамена на Евфратѣ. Омаръ I завоевалъ Іерусалимъ въ 637 г. и поставилъ мечеть на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Соломоновъ храмъ. Чрезъ два года была покорена Палестина и вся Сирія. Теперь онъ раздѣлилъ свое войско, уменьшенное язвою на 25,000 человѣкъ, и одну половину послалъ на завоеваніе Персіи, другую для завоеванія Египта.

Полководецъ Омара, Амру взялъ Александрію въ 641 г. въ то время, какъ самъ Омаръ покорилъ Персію въ 642 г. Побѣдоносный Калифъ возвращался въ Медину, какъ пораженъ былъ кинжаломъ одного перса, Фируца, при входѣ въ мечеть. Омаръ умеръ чрезъ два дня.

Такъ въ 20 лѣтъ были завоеваны Аравія, Сирія, Палестина, Персія и Египетъ; міръ смотрѣлъ съ изумленіемъ, какъ горсть храбрыхъ, одушевленныхъ людей совершала почти чудеса. Но мусульманское войско въ это время одушевлено было также всюду господствовавшимъ порядкомъ и чистою нравственностью. Предводители, подобно пророку,

довольствовались весьма малымъ, и ни одинъ солдатъ не искалъ добычи. Омаръ явился предъ Іерусалимомъ на верблюдѣ, на которомъ висѣли мѣхъ для воды и кошель съ хлѣбомъ и финиками. Это былъ провіантъ Калифа, который ѣлъ изъ одного блюда съ своими спутниками. Женщины и дѣвушки, одушевленныя новымъ ученіемъ, слѣдовали за войскомъ и помогали одерживать побѣды. Вѣра была въ полной силѣ, сражались за Бога и его святое дѣло; для вѣры рѣшались на все, всѣмъ жертвовали. Заключонные съ врагами договоры свято соблюдались, съ плѣнными обходились милостиво, многимъ давалась свобода, всѣмъ позволено выкупаться. Строгая нравственность предводителей сообщалась и войску, фанатизмъ къ мнимой истинѣ ислама внушалъ всѣмъ полнѣйшее самоотверженіе и презрѣніе къ смерти.

Во время войны съ Омаромъ въ византійскомъ войскѣ было много плѣнныхъ арабовъ. Ихъ привели въ Антіохію къ императору Гераклію. Мусульмане съ гордостію отказались подчиниться придворному этикету и преклонить колѣна предъ императоромъ. Такая честь, говорили они, принадлежитъ одному Богу, и пророкъ запретилъ оказывать ее смертнымъ. Эти рѣчи понравились императору. «Въ какомъ дворцѣ живетъ калифъ»? спросилъ императоръ. «Въ глиняной мазанкѣ», отвѣчали арабы. — «А какая у него свита»? продолжалъ императоръ. «Бѣдные и нищіе»!—«На какихъ коврахъ онъ возсѣдаетъ»? «На чистотѣ и справедливости»! — «Какой у него тронъ»? «Умѣренность и великая мудрость». — «Какія у него сокровища»? «Вѣра въ Бога»!

Императоръ изумленъ былъ такими отвѣтами: какъ непохожи были на арабовъ люди, надъ которыми онъ царствовалъ. Онъ старался скрыть свое удивленіе. Но отпуская мусульманъ, онъ еще сдѣлалъ имъ вопросъ: «Что за тѣлохранители у калифа»?—Одинъ изъ плѣнныхъ отвѣчалъ ему твердымъ голосомъ: «Храбрѣйшіе изъ вѣрующихъ составляютъ его тѣлохранительную стражу»; потомъ съ полнымъ

сознанiемъ своего достоинства прибавилъ: «нѣкоторые говорили калифу: Омаръ, ты владѣешь сокровищами императора, и великiе владыки подвластны тебѣ, почему ты не одѣваешься въ дорогiя одежды? Калифъ на это отвѣчалъ: «Вы ищете мiрскихъ благъ, я жъ благодати Того, кто есть владыка этой и будущей жизни»!

* * *

По смерти Омара начались раздоры между близкими калифу лицами. Самовластiе Османа, преемника Омарова, подало поводъ къ этимъ раздорамъ, — и осьмидесятидвухлѣтнiй старецъ, Османъ, палъ жертвою возмущенiя. На престолъ возвели всѣми уважаемаго Али. При немъ произошло возмущенiе на Евфратѣ въ провинцiи Иракъ, которое однако удалось Али подавить въ кровопролитномъ сраженiи недалеко отъ Бассоры въ 657 г, извѣстномъ подъ именемъ «верблюжьяго дня». Тогда противъ Али выступилъ Моавiя; третейскiй судъ, составленный хитрымъ Моавiею, объявилъ Али лишоннымъ калифата и передалъ оный Моавiи, которому помогала Аеша. Скоро составился заговоръ противъ обоихъ, и Али былъ убитъ 661 г.

Съ этого времени началось грубое, военное правленiе Омайядовъ, при которыхъ государство пошло къ упадку. Правда, въ теченiе 7 лѣтъ дрожала Византiя предъ войскомъ мусульманъ, и владычество ихъ начало побѣдоносно распространяться въ сѣверной Африкѣ, но смуты и убiйства продолжали свирѣпствовать внутри государства. Раздражонныя свирѣпымъ правленiемъ Езида, племена населявшiя Иракъ призывали къ себѣ магометова внука Гуссейна, предлагая ему власть. Послѣ нѣкотораго колебанiя онъ согласился на ихъ просьбу. Но кроткiй мужъ не смогъ устоять въ такой борьбѣ. Съ небольшимъ отрядомъ онъ двинулся на Евфратъ, надѣясь найти тамъ тысячи, готовыя помочь ему. Но онъ

обманулся, намѣстникъ Басры и Куфы подстерегалъ въ засадѣ этотъ небольшой отрядъ Гуссейна. Внезапно онъ бросился на Гуссейна съ горстью его спутниковъ. Произошла страшная свалка, стрѣлы и мечъ не щадятъ ни женъ, ни дѣтей. Наконецъ Гуссейнъ падаетъ на землю, кровь течетъ изъ многихъ ранъ, на рукахъ у него младшій сынъ, еще отрокъ и внукъ, пораженный стрѣлами. Тогда снова встаетъ смертельно раненый Гуссейнъ. Съ поднятымъ мечомъ онъ бросается въ густые ряды непріятелей. Враги отступаютъ предъ внукомъ пророка, кто рѣшится поднять на него руку? Только одинъ грубый солдатъ съ толпою идетъ на него. Они нападаютъ на Гуссейна и скоро подъ ихъ ударами падаетъ внукъ пророка, покрытый тридцатью тремя ранами. Дикіе солдаты съ тріумфомъ несутъ его окровавленную голову къ намѣстнику. Этотъ смотритъ на нее съ насмѣшливою улыбкой, потомъ бьетъ палкою трупъ по лицу. Тогда выходитъ изъ ряду воиновъ одинъ старый солдатъ и говоритъ: «Перестань, вѣдь на губахъ этого лица нѣкогда были поцѣлуи пророка»!

* * *

Въ 705 г. Валидъ вступилъ на тронъ калифовъ. Уже полководецъ его Муза покорилъ большую часть сѣверной Африки; онъ проникъ до Атлантическаго океана и привелъ къ исламу всѣ племена, жившія въ сѣверной Африкѣ. Съ этого времени онѣ всѣ сдѣлались извѣстны подъ именемъ мавровъ, хотя первоначально это названіе относилось только къ нѣкоторой части туземцевъ.

Въ сѣверозападномъ углу Африки вестготы, господствовавшіе тогда въ Испаніи, владѣли городомъ Цеутою. Напрасно Тарикъ, начальникъ одного изъ отрядовъ Музы, осаждалъ крѣпость; вестготскій намѣстникъ, графъ Юліанъ храбро защищалъ городъ. Но Юліанъ поссорился съ

вестготскимъ королемъ Родерикомъ и теперь соединился съ смѣлымъ Музою. Онъ отворилъ ворота города маврамъ, которые такимъ образомъ господствовали уже надъ проливомъ между Испаніею и Африкою.

Алчно посматривалъ теперь Тарикъ на скалистые берега Испаніи. Туда манили его темныя оливковыя рощи, и еще болѣе слухи объ этой землѣ, богатой металлами. Хорошо было бы, если бы представился случай утвердиться въ Испаніи! Графъ Юліанъ сильно желалъ отмстить Родерику за нанесенное оскорбленіе. Мавркій вождь предложилъ ему свои услуги. Безъ всякаго шума онъ переправилъ отрядъ смѣльчаковъ на крѣпкихъ баркахъ чрезъ проливъ. И вотъ на скалѣ южнаго берега Испаніи развѣвалось знамя пророка; скала съ этихъ поръ получила названіе Тариковой горы (Гебель ель Тарикъ — Гибралтаръ). Отрядъ готовъ, которые хотѣли отразить Тарика, былъ скоро разсѣянъ.

Король Родерикъ былъ на сѣверѣ Испаніи, когда получилъ извѣстіе о высадкѣ мавровъ. Было что-то сказочное для него въ этой вѣсти, но сомнѣваться въ ней невозможно было. Тотчасъ король рѣшается прогнать враговъ. Быстро собралъ онъ войско, самъ сталъ во главѣ онаго и пошолъ на встрѣчу пришельцамъ. Но раньше чѣмъ онъ дошолъ до южной части своего государства, мавры получили изъ Африки подкрѣпленія и готовы были вступитв въ битву. Кажется, Родерикъ не зналъ хорошо числа мавровъ, ожидавшихъ его при Хересъ де ла Фронтера; онъ не думалъ, чтобы ихъ было такъ много, какъ оказалось въ дѣйствительности. Не дождавшись прибытія всѣхъ своихъ силъ, которыя подходили изъ разныхъ областей, онъ напалъ на враговъ. Послѣдніе сражались съ львинымъ мужествомъ. Семь дней, отъ 19 до 26 іюля 711 г. происходила борьба вестготовъ и мавровъ, наконецъ послѣдніе побѣдили. Владычество готовъ въ Испаніи кончилось, началось господство ислама. Скоро вся Испа-

нія лежала у ногъ мавровъ, которые и основали здѣсь прочное государство.

* * *

Въ то же время власть калифовъ распространилась въ Азіи до самой Индіи. Но внутреннія смуты все болѣе и болѣе усиливались до тѣхъ поръ, пока не дошло до распаденія огромнаго государства. Омайяды остались владыками Сиріи и Испаніи, фатимиды правили въ Аравіи, аббасиды въ восточныхъ областяхъ Азіи. Это раздѣленіе было причиною страшныхъ войнъ.

Ибрагимъ изъ рода аббасидовъ началъ войну противъ омайяда Мервана, но былъ взятъ въ плѣнъ и умеръ въ темницѣ. Братъ его Абулъ Аббасъ продолжалъ борьбу. Въ 750 г. онъ разбилъ Мервана при Цабѣ, каналѣ, соединяющемъ Евфратъ съ Тигромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ окончилось владычество омайядовъ, и на ихъ мѣсто выступили аббасиды. Мерванъ ходилъ бѣглецомъ съ мѣста на мѣсто, наконецъ прибылъ въ Египетъ. Здѣсь онъ еще попыталъ искать счастья въ битвѣ, но былъ побѣжденъ. Преслѣдуемый врагами, онъ скрылся въ одной христіанской церкви, гдѣ и палъ отъ кинжала. Началось кровавое преслѣдованіе его родственниковъ и друзей; отчасти хитростію, отчасти силою истребляли ихъ всѣхъ на пространствѣ отъ Индійскаго до Атлантическаго моря.

Абдаллахъ, дядя Абулъ Аббаса, имѣлъ мѣстопребываніе въ Дамаскѣ. Сюда онъ пригласилъ девяносто принцевъ изъ рода омайядовъ, обѣщая имъ прощеніе. Какъ было усомниться въ искренности такого приглашенія! Они явились и были дружески приняты во дворцѣ Абдаллаха. Ихъ просили войти въ парадную комнату и здѣсь приняли со всею предупредительностію и откровенностію какъ хорошихъ друзей; они просятъ позволенія засвидѣтельствовать Абдаллаху свое по-

чтеніе и благодарность. Князь пригласилъ ихъ къ столу. Ничего не подозрѣвая, они вошли въ столовую. Но едва заняли мѣста, тотчасъ по знаку Абдаллаха вооруженные воины бросаются на нихъ и безжалостно умерщвляютъ. Абдаллахъ смотрѣлъ на эту рѣзьню съ иронически улыбающимся лицомъ. Когда же всѣ они были умерщвены, онъ велѣлъ покрыть убитыхъ ковромъ, на которомъ сѣлъ обѣдать подъ стоны и хрипъ умирающихъ.

* * *

При Гарунѣ аль Рашидѣ, современникѣ Карла Великаго, власть аббасидовъ достигла высшаго блеска. Резиденція калифовъ Багдадъ на Тигрѣ превосходила великолѣпіемъ и числомъ жителей всѣ города міра. Арабскія сказки славятъ пышность резиденціи и ея властителя. Въ стѣнахъ Багдада насчитывали десять тысячъ мечетей и столько же общественныхъ бань, сто пять мостовъ, шестьсотъ каналовъ, Четыреста водяныхъ мельницъ, четыре тысячи ресторановъ, сто тысячъ садовъ, множество фонтановъ и великолѣпныхъ дворцовъ. Но при всемъ внѣшнемъ блескѣ власть калифа отличалась произволомъ и жестокостью. Правда, правленіе его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ было справедливо, но эта заслуга принадлежитъ не столько ему, сколько умному и ученому верховному судьѣ страны Абу Іосифу. Тамъ, гдѣ калифъ слѣдовалъ собственнымъ побужденіямъ, онъ былъ несправедливъ и жестокъ. Фамилія бармекидовъ, которой онъ сначала очень благодѣтельствовалъ, подверглась гоненію за какое-то личное оскорбленіе калифа. Онъ приказалъ схватить главу этой фамиліи, Джіафара, и тотчасъ обезглавить, остальныхъ членовъ ловить и сажать въъ тюрьму. Съ этого времени онъ потерялъ значительную долю вліянія на своихъ подданныхъ, такъ какъ бармекиды были очень уважаемы народомъ.

Византійское государство уже давно платило дань аббасидскимъ калифамъ. Но императоръ Никифоръ отказался отъ позорной дани и объявилъ о томъ калифу въ короткомъ письмѣ. Отвѣтъ былъ такой: «Гарунъ, владыка правовѣрныхъ, Никифору, римской собакѣ. Я прочиталъ твое письмо, сынъ невѣрной матери. Отвѣтъ на него ты увидишь, а не услышишь»! Война, происшедшая по этому случаю, кончилась не въ пользу императора, который долженъ былъ снова признать себя данникомъ калифа.

Гарунъ поощрялъ науки и искусства вѣроятно не столько изъ любви къ нимъ, сколько для того, чтобы прослыть мудрымъ. Онъ приглашалъ отвсюду ученыхъ къ своему двору, учреждалъ школы, особенно покровительствовалъ занятіямъ математикою, астрономіею и медициною. Онъ велѣлъ перевести Аристотеля на арабскій языкъ и объяснить его философію, много заботился о больныхъ, устроивалъ для нихъ гошпитали и аптеки. Поэтовъ и музыкантовъ щедро награждалъ и поощрялъ продолжать ихъ занятія. Съ этой стороны правленіе его на долго осталось памятнымъ. Онъ умеръ въ 809 г., раздѣливъ царство между своимъ сыномъ Аминемъ и его двумя сведенными братьями, что повело къ безконечнымъ смутамъ.

ВИЗАНТІЙСКАЯ ИМПЕРІЯ.

(527 — 800 г.)

Въ началѣ шестаго столѣтія, когда на западѣ германскіе народы старались основать новыя государства на развали-

нахъ римской имперіи, на востокѣ еще стояла византійская имперія, представлявшая впрочемъ одну тѣнь минувшаго величія при Константинѣ Великомъ. Не смотря на то, она служила для Европы оплотомъ противъ натиска языческихъ народовъ. Какъ ни старался Юстиніанъ поддержать порядокъ внутри и усилить внѣшнее значеніе государства, все таки онъ не могъ воспрепятствовать болгарамъ, аварамъ и туркамъ грабить окрестности Константинополя. У персовъ, съ которыми сражался храбрый Велизарій, онъ долженъ былъ купить миръ 532 г. Его ревность къ христіанской церкви, которой чистое ученіе онъ старался поддержать, наказывая всѣхъ уклоняющихся отъ принятыхъ церковью догматовъ, произвела большое смятеніе и грозила опасностью столицѣ и самому императору.

Дѣло зашло такъ далеко, что образовались и стояли другъ противъ друга двѣ партіи, одна церковная, другая политическая, которую поддерживали всѣ, уклонявшіеся отъ чистаго ученія церкви; первая называлась голубою, вторая зеленою, потому что во время игръ въ циркѣ, на которыхъ выступали обѣ партіи для взаимнаго состязанія, одна носила голубыя повязки, другая зеленыя. Какъ только отворялись ворота цирка, являлись на арену сторонники той и другой партіи. Это были уже не гимнастическія состязанія для удовольствія зрителей и для полученія побѣдныхъ вѣнковъ, но кровавыя схватки, въ которыхъ народъ принималъ живое участіе. Каждая партія искала помощи и защиты императора, Юстиніанъ склонился на сторону голубыхъ, потому что раздѣлялъ ихъ религіозныя мнѣнія. Зеленые сильно озлобились на императора.

Императоръ праздновалъ третій годъ восшествія на престолъ. Въ Константинополѣ приготовлялись большія празднества къ этому дню. Отъ обѣихъ партій явились ко двору уполномоченные поздравить Юстиніана. Съ благосклонностію онъ принялъ голубыхъ, которые не просили его о помощи,

а только благодарили за поддержку, которую онъ имъ оказывалъ. Явились и зеленые, затаивъ недовольство и все еще разсчитывая, что императоръ не откажетъ имъ въ ихъ просьбѣ. Во всякомъ случаѣ они рѣшились заставить императора дать имъ положительное обѣщаніе помощи или отказъ. Они представили ему свои просьбы. Раздраженный императоръ позволилъ себѣ высказать противъ нихъ нѣкоторыя обвиненія, которыхъ они не заслуживали: онъ назвалъ ихъ лжецами и самарянами. Тогда они забыли о должномъ почтеніи къ императору и наговорили ему дерзостей, обвиняя его въ тиранствѣ и клятвопреступленіи.

Такіе необдуманные поступки зеленыхъ привели въ ярость голубыхъ. Они напали на зеленыхъ. Императоръ потребовалъ къ суду предводителей обѣихъ партій и наказалъ тѣхъ и другихъ. Это произвело общее возстаніе, во время котораго и голубые дѣйствовали противъ правительства. Пять дней длилась борьба на улицахъ главнаго города. Часть города обратилась въ пепелъ и все населеніе взялось за оружіе. Дѣло шло уже не о побѣдѣ той или другой партіи, дѣло шло о лицѣ императора, потому что зеленые рѣшились возвести на престолъ племянника прежняго императора, Анастасія. Юстиніанъ былъ въ большой тревогѣ. Уже онъ думалъ тайно бѣжать, какъ рѣшительная супруга его Өеодора успѣла успокоить голубыхъ и снова привлечь ихъ на сторону императора. Буря затихла на время.

Зеленые опять должны были уступить. Истощенные, утомленные борьбою, они собрались въ циркъ на совѣщаніе, что дальше дѣлать. Ихъ собралось больше тридцати тысячъ. Но тутъ выступилъ противъ нихъ Белизарій во главѣ трехъ тысячъ ветерановъ, на которыхъ можно было положиться. Онъ окружилъ циркъ, вломился туда и избилъ всѣхъ. Это было страшное кровопролитіе, песокъ арены обратился въ кровавое болото. Но спокойствіе было возстановлено, обезпечены тронъ императора и положеніе церкви (530 г.).

* * *

Спустя два столѣтія, государство упадавшее при слабыхъ преемникахъ Юстиніана еще разъ достигло нѣкотораго значенія при Львѣ Исавряниѣ. Этотъ императоръ стойко защищалъ сѣверныя границы отъ нападеній болгаръ, а свою резиденцію отъ напора арабовъ, предводимыхъ калифомъ Сулейманомъ. Тѣмъ достойнѣе славы были эти дѣла, чѣмъ незначительнѣе были средства, въ его распоряженіи, чѣмъ больше былъ упадокъ имперіи при его восшествіи на престолъ. Но необдуманнымъ указомъ онъ воспламенилъ борьбу, которая много содѣйствовала упадку государства.

Повсюду въ Европѣ господствовалъ обычай украшать христіанскіе храмы во славу Божію изображеніями событій изъ библейской исторіи, равно образами мучениковъ и картинами жизни мужей, особенно прославившихся святостію жизни. Цѣль была та, чтобы олицетвореніемъ этихъ событій пробудить въ христіанахъ подражаніе жизни святыхъ. Императоръ Левъ заботился о распространеніи христіанства и между магометанами и евреями, которые не терпѣли никакихъ изображеній въ храмахъ. Замѣчая, что мѣшало евреямъ и магометанамъ принимать христіанство, онъ хотѣлъ облегчить имъ этотъ переходъ, устранивъ то, что имъ не нравилось. Для этого онъ издалъ указъ, запрещавшій поклоненіе иконамъ; это запрещеніе тотчасъ вошло въ силу въ столицѣ.

Произошло сильное негодованіе на императора, когда его слуги явились въ церквахъ и начали выносить иконы. Духовенство сдѣлало императору представленія объ отмѣнѣ указа, народъ раздраженъ былъ до высшей степени; произошли безпокойства, такъ какъ народъ хотѣлъ силою воспрепятствовать исполненію указа. Всюду, гдѣ только пытались привести въ исполненіе волю императора, происходили волненія. Сопротивленіе усилилось еще отъ того, что иконо-

писцы, жившіе своимъ ремесломъ, лишились работы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и хлѣба. Народъ противопоставилъ силѣ силу.

Это до крайности раздражило императора. Вмѣсто того, чтобы поумѣрить себя, онъ рѣшился на все, чтобы только привести въ исполненіе свой планъ. Онъ оставался глухъ ко всякимъ добрымъ совѣтамъ. Достоуважаемый константинопольскій патріархъ, напрасно представлявшій императору несправедливость его поступковъ, сложилъ съ себя свое достоинство. Повсюду въ греческихъ областяхъ приготовлялось отложеніе отъ имперіи. Іерусалимскій патріархъ и папа Григорій II произнесли на Льва отлученіе отъ церкви. Церковное дѣло получило политическій характеръ. Греческія области въ Италіи отложились отъ Византіи Римъ подчинился папѣ, Венеція избрала дожа (или герцога), въ Равеннѣ греческій экзархъ палъ во время возмущенія, а ломбардцы овладѣли экзархатомъ. На востокѣ образовались двѣ партіи, иконопочитателей и иконоборцевъ, послѣдняя опиралась на императора и послушное ему войско, первая на простой народъ. Расколъ былъ до того силенъ, что только спустя 50 лѣтъ на седьмомъ вселенскомъ соборѣ въ Никеѣ въ 787 г. удалось императрицѣ Иринѣ примирить партіи объявленіемъ, дозволяющимъ украшеніе церкви образами, чествованіе иконъ поклоненіемъ, цѣлованіемъ, кажденіемъ и свѣчами.

Такъ слабѣла имперія, раздираемая внутренними междоусобіями, подъ властью правителей, которые своими неосмотрительными поступками только раздували пламя раздора. Наконецъ императрица Ирина, хитрая, не совсѣмъ нравственная аѳинянка, правившая нѣкоторое время съ страшнымъ произволомъ, похоронила послѣдніе остатки императорскаго могущества. Въ началѣ IX вѣка византійская имперія была тѣнью государства, готоваго совершенно распасться.

ЦЕРКОВЬ И УЧЕНІЕ ЦЕРКВИ.

Все стремленіе глубокихъ мыслителей наполнить бездну между божескимъ и человѣческимъ или указать связь между невидимымъ творцомъ и видимымъ твореніемъ не привело ни къ чему. Христіанство разрѣшило эту задачу. Но какъ боецъ, на смерть пораженный ударомъ противника, хочетъ снова подняться съ земли, чтобы съ послѣдними силами низложить своего противника, такъ и языческая философія, видя свое близкое паденіе, собрала послѣднія силы, чтобы отстоять себя противъ христіанства. Важный стоицизмъ пытался убѣдить себя въ томъ, что онъ не нуждается въ искупленіи, проповѣдуемомъ новымъ ученіемъ, такъ какъ человѣкъ самъ по себѣ имѣетъ довольно силъ добродѣтельно мыслить и жить. Скептицизмъ напротивъ думалъ успокоить себя тѣмъ, что во всемъ сомнѣвался, отрицалъ всякое положительное существованіе предметовъ и явленій, всюду видѣлъ кажущееся, но не самую истину, и считалъ, что въ этомъ сомнѣніи и есть цѣль всякой мыслительной дѣятельности. Наконецъ новоплатонизмъ, признавая недостаточность нашего знанія о предметахъ и явленіяхъ, равно какъ ничтожество многобожія, старался таинственнымъ образомъ возстановить связь между тѣмъ, что человѣческій духъ можетъ познать только чрезъ непосредственное откровеніе отъ Бога, съ тѣмъ, что можетъ познать собственными силами. Но ни одно изъ этихъ стремленій не достигло цѣли. Появившись изъ сознанія и чувства болѣзненной слабости, онѣ носили въ самихъ себѣ зародышъ смерти, который быстро въ нихъ развивался.

Противъ этихъ послѣднихъ проблесковъ языческой жизни и дѣятельности христіанство должно было извлечь изъ своего хранилища дарованное ему оружіе и изощрять оное, чтобы съ нимъ не только выступить на борьбу съ язычествомъ, но и одержать несомнѣнную побѣду въ этой борьбѣ. Такимъ образомъ противъ языческой философіи выступило ученіе христіанской апологіи, представители котораго научились отъ язычества, какъ защищать истину. Въ Александріи и Антіохіи въ Сиріи, жили самые знаменитые и даровитые защитники христіанскихъ догматовъ: Климентъ, прозванный александрійцемъ, и Оригенъ, глубокомысленный мужъ въ Александріи, Юлій, африканецъ, Ипполитъ, Дороѳей и Лукіанъ въ Антіохіи. Какъ эти на востокѣ, такъ на западѣ въ томъ же духѣ и съ тою же цѣлію трудились и вели борьбу знаменитый карѳагенскій епископъ, Купріанъ, и Тертуліанъ, равно какъ два знаменитыхъ ритора: Арнобій и Лактанцій.

Но не съ однимъ язычествомъ должна была бороться церковь, въ собственной ея средѣ уже въ третьемъ вѣкѣ началось сильное броженіе. Нѣкоторые отлично даровитые люди, но слишкомъ увлекшіеся своими односторонними сужденіями, думали расширить общепринятыя церковныя положенія, выводя изъ нихъ слѣдствія, которыя стояли въ противорѣчіи съ утвердившимися въ церкви воззрѣніями. Такъ напр. они пытались разрѣшить, какъ ариѳметическую задачу, непостижимое таинство святой Троицы, или доказать сходство библейскихъ и языческофилософскихъ понятій о невидимомъ мірѣ Противъ такихъ заблужденій церковь считала себя призванною постоянно испытывать чистоту своего ученія, своей истины и вносить ее въ сознаніе людей въ болѣе и болѣе опредѣленныхъ и положительныхъ выраженіяхъ. Такъ утвердились догматы или положенія вѣры, составившія ученіе церкви; эти догматы были утверждены на вселенскихъ соборахъ.

* * *

Гдѣ только является чистая истина, тамъ и заблужденія стараются найти себѣ почву. Царство свѣта находится въ постоянной борьбѣ съ царствомъ тьмы, и чѣмъ больше является силъ для утвержденія добра, тѣмъ больше старается укрѣпиться и другая сила, цѣль которой — уничтожать добро. Уже изначала признана была церковью истина о полнотѣ божества, открывшагося въ Христѣ. Только божественный искупитель могъ совершенно успокоить чаяніе людей, чаяніе избавленія отъ власти грѣха и смерти. Естественно эта великая тайна: «Богъ явился во плоти» сдѣлалась предметомъ глубокихъ размышленій даровитѣйшихъ изъ христіанъ, для которыхъ было настоятельною потребностью сколько возможно уяснить это таинство. Сначала пытались сдѣлать понятнымъ для человѣческаго ума ученіе о Троицѣ, при чемъ конечно зашли на окольныя дороги, на которыхъ не только не сняли покрова съ этой тайны, но еще болѣе затуманили ее. Шагъ дальше повелъ къ сужденіямъ о человѣческомъ естествѣ Христа сравнительно съ Богомъ Отцомъ. Церковь уже изначала утвердила равенство по естеству Отца и Сына. Теперь выступилъ взглядъ о богоподобномъ существѣ Христа, противный ученію церкви.

Арій, священникъ александрійскій, образованный человѣкъ, училъ, что естество Сына только подобосуще естеству Бога Отца, но не равносуще. Часть духовенства присоединилась къ нему, но большая часть была противъ его ученія. Борьба была до того сильна, что даже въ селахъ сторонники Арія отдѣлились отъ ученія церкви. Послѣднее защищалъ и объяснялъ архидіаконъ, а потомъ епископъ александрійскій, Аѳанасій, въ которомъ сила вѣры и теплота души уравновѣшивали силу разума. Споръ между аріанами и послѣдователями Аѳанасія дошолъ до такого ожесточенія, что

потребовалось созвать вселенскій соборъ въ Никеѣ въ 325 г. чтобы разрѣшить дѣло. Здѣсь ученіе Аѳанасія одержало верхъ, и составленъ былъ символъ вѣры, такъ называемый Никейскій, утвердившій на всѣ вѣка ученіе церкви. Арій и его приверженцы были отлучены отъ церкви, и съ тѣхъ поръ церковь, не смотря на позднѣйшія раздѣленія, постоянно держалась никейскаго символа, утвердившаго божество Христа безъ всякаго ограниченія.

* * *

Но борьба между аріанами и послѣдователями Аѳанасія не кончилась рѣшеніемъ никейскаго собора. Она еще болѣе усилилась тѣмъ, что къ ней присоединилась борьба между разными народами. Восточное христіанство держалось никейскаго исповѣданія, тогда какъ готы на западѣ приняли ученіе Арія. Чѣмъ больше послѣдніе усиливались на западѣ, основывая здѣсь новыя государства, тѣмъ больше и шире здѣсь распространялось аріанство. Когда съ теченіемъ времени Римъ сдѣлался церковнымъ средоточіемъ запада, и римская церковь усвоила себѣ никейское вѣроученіе, она должна была выдерживать частыя столкновенія съ аріанизмомъ, котораго упорно держались готы. Къ этой борьбѣ присоединилась другая, въ которой вождями были съ одной стороны Августинъ, епископъ Гиппорегія, съ другой монахъ Пелагій. Дѣло шло о томъ, чтобы опредѣлить отношеніе между божескою благодатью и нравственнымъ паденіемъ человѣческой души. Августинъ доказывалъ всецѣлую грѣховность человѣческаго рода, который самъ собою не могъ освободиться отъ власти грѣха; онъ приписывалъ искупленіе человѣка одной божественной благодати. Пелагій напротивъ думалъ, что душа человѣческая столько же склонна къ злу сколько и къ добру, и потому можетъ собственными силами достигнуть блаженства. Такъ какъ эта борьба болѣе касалась жиз-

ня, чѣмъ аріанскіе споры, то и успокоить ее было труднѣе, чѣмъ послѣднюю. На западѣ дѣло остается спорнымъ и до нашего времени

Не должны ли мы отнестись съ сожалѣніемъ къ той борьбѣ, въ которой дѣло шло объ уясненіи вѣчныхъ благъ нашего спасенія? Нисколько. Она послужила къ тому, чтобы доставить побѣду христіанству не только внѣ церкви надъ язычествомъ и іудействомъ, но также обезпечить церкви окончательную побѣду надъ всѣмъ, что было противнаго вѣрѣ внутри самой церкви. И въ церковной области борьба рѣшаетъ побѣду, только здѣсь идетъ борьба между свѣтомъ и тьмою, между вѣрою и невѣріемъ, борьба божьяго царства съ мірскимъ царствомъ.

ОСНОВАНІЕ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ.

ФРАНКСКОЕ ГОСУДАРСТВО.

Отъ Мааса и нижняго Рейна до занятой римлянами Галліи распространился франкскій народъ, салійскіе и рипуарскіе (побережные) франки. Отъ какого бы слова ни произошло названіе франковъ отъ frank ли, что значитъ свободный, или отъ wrang то есть дикій, — оба эпитета идутъ хорошо къ ихъ характеру. Свободнорожденные люди, они ходили на бой не такъ какъ готы, бургунды и другія германскія племена; женъ и дѣтей франки оставляли дома, и только храброе, жадное до добычи юношество слѣдовало за смѣлымъ вождемъ для завоеванія новыхъ областей. Въ половинѣ V вѣка управлялъ ими родъ меровинговъ. Изъ этого рода происходилъ Хлодвигъ (Людвигъ), наслѣдовавшій тронъ на пятнадцатомъ году жизни своей, по смерти своего отца Хильдериха (481 г.) Уже давно франки пытались уничтожить римское господство въ Галліи, только теперь удалось имъ это. Храбрый, жаждущій дѣятельности юноша, спустя пять лѣтъ по вступленіи на престолъ, созвалъ франкскихъ людей на войну; съ нимъ соединились два другихъ князя франковъ, его родственники. Тогда онъ послалъ римскому намѣстнику Сіагрію, имѣвшему мѣстопребываніе въ Парижѣ, вызовъ на битву, — Сіагрій со-

гласился. На Соасонской равнинѣ къ сѣверовостоку отъ Парижа произошла битва, которая кончилась пораженіемъ римлянъ.

Этотъ благопріятный исходъ битвы воодушевилъ молодаго вождя франковъ къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ. Его манило бургундское царство въ юговосточной Галліи. Здѣсь не за долго до этого времени занялъ престолъ Гундобальдъ, побѣдившій своихъ братьевъ. Одного изъ нихъ, Хильпериха, онъ взялъ въ плѣнъ и умертвилъ, жену его утопилъ въ рѣкѣ, а дочь Клотильду, съ сокровищами ея отца, привезъ съ собою въ Ліонъ. Клодвигъ узналъ про нее и пожелалъ вступить съ нею въ бракъ. Послы его прибыли къ Гундобальду и начали сватать Клотильду за короля франковъ. Гундобальдъ не рѣшался дать согласіе на этотъ бракъ, но Клотильда, въ надеждѣ отметить смерть своего отца, готова была выдти за Хлодвига. Наконецъ Гундобальдъ уступилъ, страшась франкскаго вождя, и послы Хлодвига привезли ему невѣсту съ сокровищами ея отца. Хлодвигъ отпраздновалъ свадьбу съ Клотильдою, христіанкою, тогда какъ самъ былъ язычникомъ (493).

Вскорѣ за тѣмъ двоюродный братъ Хлодвига Сигбертъ, король побережныхъ франковъ, имѣвшій резиденцію въ Кельнѣ, звалъ Хлодвига на помощь противъ алемановъ, которые въ то время начали распространяться по нижнему Рейну. Въ рѣчной области Роера, впадающаго въ Маасъ, при Цюльпихѣ, между Бонномъ и Ахеномъ, произошла битва, долго остававшаяся нерѣшительною. Франки дрогнули предъ бурнымъ натискомъ аллемановъ. Вожди снова собрали отступавшее войско и снова повели его въ бой. Но и въ другой разъ они уступили аллеманамъ мѣсто битвы. Уже алеманы считали себя побѣдителями, какъ Хлодвигъ, отчаявшись въ помощи своихъ боговъ, воскликнулъ: «Іисусъ Христосъ, котораго называютъ божіимъ сыномъ, помоги мнѣ, ибо мои боги оставили меня; если ты поможешь мнѣ въ такой нуждѣ,

я буду въ тебя вѣровать.» Еще разъ онъ пошолъ съ своими франками въ битву, и алеманы не устояли. Герцогъ ихъ палъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ была потеряна и жаркая битва (496). Владычество франковъ распространилось до Майна.

* *
*

Послѣ побѣды Хлодвигъ однако скоро забылъ о своемъ обѣтѣ. Но супруга его, Клотильда, не давала ему покоя, при каждомъ удобномъ случаѣ она напоминала ему о данномъ обѣщаніи. Реймскій епископъ Ремигій поддерживалъ ее своими убѣжденіями, такъ что король уже не хотѣлъ противиться ихъ желанію. Онъ созвалъ знатнѣйшихъ франковъ и старался узнать ихъ мнѣніе относительно новой религіи. Они пожелали оставить своихъ смертныхъ боговъ и служить Богу, который даровалъ имъ побѣду. Хлодвигъ больше не упорствовалъ, онъ видимо боялся только неодобренія франковъ, рѣшаясь на такой шагъ. Когда онъ убѣдился, что и многіе франки готовы послѣдовать его примѣру и принять крещеніе, положилъ креститься.

Былъ праздникъ рождества Христова, улицы Реймса были украшены по праздничному; множество народа собравшагося на улицахъ, ожидало торжественной процессіи. Церковь св. Мартина вся была освѣщена, и облака благовоннаго ѳиміама носились по обширнымъ галлереямъ. Часть желавшихъ быть свидѣтелями приближавшейся процессіи уже собралась въ церковь. Наконецъ тронулось торжественное шествіе; франкскій вождь Хлодвигъ съ супругою и тремя стами благородныхъ, всѣ въ бѣлыхъ одеждахъ, шолъ въ церковь, чтобы принять крещеніе. У церковныхъ воротъ принялъ высокаго новокрещенца епископъ Ремигій. Блескъ отъ свѣчей, облака дыма, подымавшагося съ курильницъ и кадилъ, отлично убранный алтарь, священники и ихъ помощники въ дорогихъ одеждахъ — все это произвело на Хлодвига глубокое впечат-

лѣніе. «Отецъ мой, сказалъ онъ, обращаясь къ епископу, не это ли и есть царство, которое вы мнѣ обѣщали?» Ремигій отвѣчалъ: «Нѣтъ, это только путь, ведущій въ царство.»

Хлодвигъ занялъ мѣсто у алтаря, около него и за нимъ размѣстилась свита его. Прочтены были обычныя молитвы, потомъ слѣдовалъ обрядъ крещенія. Принесли купель, наполненную священною водою. Священники съ благовонными свѣчами стали вокругъ купели. Одинъ изъ нихъ держалъ сосудъ съ священнымъ муромъ, которымъ слѣдовало помазать короля послѣ крещенія. Сладкій, пріятный ароматъ распространился по храму, франкамъ онъ казался райскимъ благовоніемъ.

Тогда выступилъ достопочтенный епископъ въ пышномъ облаченіи, блиставшемъ серебромъ и золотомъ, и занялъ мѣсто посрединѣ предъ купелью. Въ ту же минуту вошолъ въ кругъ съ другой стороны Хлодвигъ и сталъ противъ епископа. Послѣдній произнесъ торжественнымъ голосомъ: «Склони, гордый Сигамбръ, въ смиреніи твою выю! Молись тому, что ты когда то сожигалъ, и сожигай то, чему прежде молился!» Король въ отвѣтъ проговорилъ исповѣданіе своей вѣры въ тріединаго Бога. Потомъ склонилъ голову, которую епископъ трикратно облилъ святою водою, произнося благословеніе.

Потомъ онъ взялъ елей, и опять съ благословеніемъ и знаменіемъ святаго креста помазалъ перваго короля франковъ. Онъ далъ ему имя «всехристіаннѣйшаго» короля, такъ какъ Хлодвигъ былъ въ то время единственнымъ правовѣрнымъ государемъ на всемъ западѣ.

Франки, бывшіе свидѣтелями этого священнодѣйствія, мало по малу также принимали христіанство. Но нужно было еще цѣлое столѣтіе, чтобы государство франковъ въ Галліи сдѣлалось христіанскимъ государствомъ.

* * *

Опять жажда дѣятельности и битвъ вызвала франкскаго короля въ поле. Нужно было побѣдить бургундовъ, которыхъ король Гундобальдъ, дядя супруги Хлодвига, независимо правилъ своею землею. Поддерживаемый братомъ Гундобальда Годегизелемъ, который самъ стремился къ власти въ Бургундіи, Хлодвигъ выступилъ противъ перваго и разбилъ его при Дижонѣ (501 г.) Впослѣдствіи, когда Годегизель палъ въ борьбѣ съ своимъ братомъ, Гундобальдъ свергнулъ иго франковъ и правилъ независимо до самой смерти (516). Менѣе счастливы были вестготы, владѣвшіе значительною частью Галліи. Могъ ли Хлодвигъ оставить ихъ спокойными! Онъ пригласилъ своихъ франковъ на войну съ вестготами. Они явились, и на равнинѣ Bouglé произошла битва, въ которой поединокъ двухъ королей, Алариха II и Хлодвига, рѣшилъ дѣло. Аларихъ палъ.

Такими побѣдами Хлодвигъ пріобрѣлъ большую славу. Къ нему явилось посольство отъ византійскаго двора, повидимому безъ приглашенія, но Хлодвигъ воспользовался этимъ посольствомъ, чтобы получить титутъ и одежду римскаго патриція. Опять заблисталъ на западѣ погасшій блескъ древняго Рима. Хлодвигъ съ дворомъ своимъ отправился въ базилику Тура. Здѣсь находился гробъ покровителя Галліи, святаго Мартина. Окруженный воинами, онъ явился среди ожидавшихъ его священнослужителей, готовыхъ исполнить все, чего потребуетъ отъ нихъ могущественный государь. Здѣсь онъ надѣлъ на себя присланныя изъ Византіи украшенія, пурпуровую мантію и римскую корону. Онъ былъ на вершинѣ могущества и славы. Потомъ онъ вышелъ изъ церкви во всемъ облаченіи къ собравшемуся здѣсь народу. Радостно привѣтствовала его толпа, въ чести своего короля франки видѣли собственную честь, а король ихъ былъ побѣдитель всѣхъ враговъ. Слуги держали подъ устцы коня, богато убраннаго. Новокоронованный сѣлъ на него и медленно

ѣхалъ по улицамъ, разсыпая въ народѣ золотую монету полными горстями. Народъ праздновалъ коронацію.

Этимъ рѣшена была судьба свободныхъ герцоговъ франкскаго племени, которые до сихъ поръ еще не признавали его своимъ королемъ: они должны были подчиниться. Сигбертъ, король рейнскихъ франковъ, дѣйствовалъ въ союзѣ съ Хлодвигомъ въ сраженіи при Цюльпихѣ; здѣсь онъ получилъ тяжкую рану и сдѣлался хромъ. Онъ состарѣлся, но былъ еще здоровъ и съ силою управлялъ франками на Рейнѣ. Хлодвигъ зазвалъ къ себѣ Сигбертова сына Хлодерика и пробудилъ въ немъ желаніе поскорѣе получить отцовское наслѣдство. Злой совѣтъ подѣйствовалъ на сердце властолюбиваго сына и убилъ въ немъ сыновнія чувства. Скоро представился случай исполнить дѣло. Сигбертъ, утомленный охотою, легъ отдохнуть въ тѣни буковаго лѣса: старикъ, окруженный своими вѣрными, беззаботно уснулъ. Но между окружавшими короля были люди, подкупленные сыномъ, они умертвили короля; Хлодерихъ тотчасъ отправилъ пословъ къ франкскому королю съ приглашеніемъ взять изъ Кельна часть отцовскихъ сокровищъ.

Хлодвигъ отправилъ своихъ пословъ съ порученіемъ будто бы только посмотрѣть сокровища, но не брать. Хлодерихъ ввелъ пословъ въ комнату, гдѣ хранились драгоцѣнности. Здѣсь онъ развязалъ одинъ изъ мѣшковъ и нагнулся, чтобы вынуть оттуда сокровища. Неожиданно одинъ изъ пословъ взмахнулъ бердышомъ надъ головой Хлодериха, и отцеубійца палъ обагренный своей кровью. Тогда Хлодвигъ прибылъ въ Кельнъ, обвинилъ убитаго Хлодериха въ смерти отца и предложилъ поберёжнымъ франкамъ свою защиту. Они ударили въ щиты и провозгласили Хлодвига своимъ королемъ.

Подобнымъ же образомъ онъ поступалъ и съ другими франкскими герцогами, которые не хотѣли ему повиноваться. Коварнымъ образомъ онъ лишалъ ихъ жизни и достигъ власти надъ всѣми салійскими племенами франковъ. Но его

кровопійственная жестокость пала на голову его сыновей. Самъ онъ не долго наслаждался плодами своихъ побѣдъ; въ 511 году онъ умеръ на сорокъ пятомъ году своей жизни, а со смертью его быстро рушилось то, что онъ созидалъ.

ХРИСТІАНСТВО НА НѢМЕЦКОЙ ПОЧВѢ.

Дикое, беззаконное было то время, когда родъ Меровинговъ правилъ франками. Правда, христіанство уже начало распространяться, основывались епископства и монастыри, строились церкви и капеллы, тысячи принимали крещеніе, но языческіе нравы, языческій образъ мысли и жизни были въ полной силѣ. Это было время борьбы язычества съ начинающейся образованностію. Мы уже видѣли изъ разсказа о Хлодвигѣ, какъ ссорились князья, стремясь къ расширенію своихъ владѣній, какъ необузданное честолюбіе и стремленіе къ усиленію своего значенія и своей силы вели къ безчеловѣчной жестокости. Теперь бросимъ взглядъ на мирную и миръ несущую сторону тогдашней жизни, на полную высокаго одушевленія дѣятельность миссіонеровъ.

Простые люди, закалившіеся въ строгихъ нравахъ и умѣренности, дошедшіе до познанія спасенія во Христѣ, начали расходиться во всѣ стороны и всюду проповѣдывать слово жизни. Никакой трудъ не былъ имъ страшенъ, никакое препятствіе не смущало ихъ, непреклонное мужество ихъ, ихъ терпѣніе готовы были бороться со всякими затрудненіями. Утѣшеніе и укрѣпленіе въ нуждѣ и трудахъ они находили въ

сознаніи своего божескаго призванія, въ мысли о небесной наградѣ, приготовленной тѣмъ, кто до конца устоитъ въ вѣрѣ.

Гдѣ дикая трава покрывала безплодную почву и мѣшала произрастанію полезныхъ растеній, тамъ эти люди начали очищать терніе и дѣлать почву плодородною, — они были учителями земледѣлія. Тутъ тянулся густой лѣсъ, наполненный величаво разросшимися дубами и буками, въ чащѣ котораго жилъ дикій медвѣдь и мощный зубръ. Монахи берутся за топоръ, гордые пни деревьевъ падаютъ съ грохотомъ, лѣса исчезаютъ, и на мѣстѣ ихъ являются плодовыя деревья и пріятные сады. Среди нихъ проповѣдники христіанства строятъ свои скромныя жилища, въ которыхъ живутъ или одиноко, въ родѣ эрмитовъ пустынниковъ, служа примѣромъ воздержанія и самоотверженія, или обществами. Отъ этихъ центровъ образованная жизнь начала распространяться далѣе и далѣе и усвоиваться окрестными жителями. Люди, знакомые до сихъ поръ только съ мечемъ, умѣвшіе пріобрѣтать грабежомъ необходимое для себя, научились употребленію заступа и плуга, и при благородныхъ занятіяхъ начали вести тихую, мирную жизнь.

Но дѣятельность этихъ людей была обращена не на одну земную жизнь народовъ, среди которыхъ они жили. Какъ сами проповѣдники больше заботились о душѣ и ея потребностяхъ, такъ и въ отношеніи къ грубымъ франкамъ они постоянно старались дѣйствовать на душу ихъ и грубый нравъ. Въ деревянныя кельи ихъ собирались окрестные жители для молитвы; сами учители ходили по домамъ и дружески увѣщевали жителей отстать отъ грубаго, языческаго образа жизни; они появлялись и при дворахъ сильныхъ людей, гдѣ безбоязненно порицали развратную, расточительную жизнь князей и ихъ свиты. Гдѣ больные нуждались въ помощи, туда христіанскіе проповѣдники приносили цѣлебныя лекарства и слово утѣшенія; гдѣ умирающіе боролись со смертью, и здѣсь они являлись, принося успокоительную

надежду. Они выступали посредниками въ семейныхъ ссорахъ, между родственниками и друзьями и возстановляли миръ; они брали на воспитаніе юношество, пріучали его къ порядку и послушанію и сообщали ему необходимыя знанія. Знакомые съ сокровищами древности, съ знаніями грековъ и римлянъ, они неутомимо трудились надъ перепискою ихъ трудовъ, которые такимъ образомъ сохранялись отъ забвенія. При помощи письма они распространяли по домамъ молитвенники, упражняли юношество въ пѣніи благочестивыхъ пѣсней, и совершали богослуженіе, гдѣ представлялся къ тому случай.

Такъ они были истинными апостолами запада, которые, помня заповѣдь Спасителя идти по всему міру и учить всѣхъ язычниковъ, готовы были на всякія жертвы при исполненіи такой заповѣди. Имъ западная европа обязана христіанскимъ образованіемъ, христіанскими нравами, христіанскимъ строемъ жизни.

* * *

Возрожденіе христіанской жизни пришло въ Германію изъ англосаксонской Британіи. Колумбанъ прибылъ изъ Ирландіи въ Галлію, поселился съ своими спутниками въ вогезской долинѣ и отсюда совершалъ свои апостольскія странствованія. Привычные ко всѣмъ лишеніямъ эти люди часто питались одними кореньями и лѣсными ягодами, терпѣли отъ холода и непогоды. Но теплое сердце билось въ ихъ груди, ихъ душу наполняли высокая любовь къ братьямъ, неутомимая ревность извлечь ихъ изъ духовной нищеты. Какая жъ награда выпала имъ на долю? Здѣсь сторожатъ ихъ измѣнники или шпіоны, тамъ гонятъ ихъ отъ воротъ, бьютъ, когда послѣ многодневнаго пути, послѣ ночей, проведенныхъ безъ пріюта подъ открытымъ небомъ, они рѣшаются просить покрова и проповѣдывать ничтожество язы-

ческихъ кумировъ. Когда Колумбанъ представлялъ безъ страха королевѣ Брунегильдѣ всю ея безнравственность, то былъ изгнанъ изъ страны. Презрѣніе и насмѣшка всюду сопровождали этихъ людей.

Но число ихъ увеличивалось, и съ препятствіями росла ихъ ревность. Всѣхъ ихъ превосходилъ ревностью германскій апостолъ Винфридъ или Бонифацій.

Онъ родился въ Киртонѣ (Krötenhof) въ Девонширѣ въ Вессекскомъ королевствѣ, принадлежалъ къ знаменитой, но благочестивой фамиліи и уже съ раннихъ лѣтъ посвятилъ себя духовному званію. Сдѣлавшись мужемъ, онъ однако не нашолъ въ тихой, уединенной жизни того, чего искалъ, не нашолъ удовлетворенія своего желанія передать и другимъ то счастіе, которое самъ узналъ. Безпокойно онъ ходитъ взадъ и впередъ по своей кельѣ, то читая про себя молитвы, то въ восторженныхъ словахъ высказывая самому себѣ свои планы. Потомъ падаетъ на колѣна и горячо молится. Раздается звонъ колокола, онъ идетъ въ церковь исполнять свои монастырскія обязанности. Молча, погруженный въ глубокія думы, сидитъ онъ за трапезою съ своею братіею, мало принимаетъ пищи, почти не принимаетъ участія въ разговорахъ сидящихъ вкругъ него. Непобѣдимое чувство пламенѣетъ въ его груди подобно неугасимому пламени. Наконецъ это пламенное чувство прорывается, сильною рѣчью онъ приглашаетъ братьевъ слѣдовать за нимъ, идти вмѣстѣ съ нимъ къ язычникамъ. Но его рѣчи не находятъ отголоска въ братіи, никто не рѣшается дѣлить съ нимъ опасности.

Такъ стоитъ онъ одинъ, но стоитъ тверже прежняго. Онъ одинъ рѣшается идти къ фризамъ (716 г.). Здѣсь еще до него проповѣдывалъ Виллибродъ, но немногихъ обратилъ въ христіанскую вѣру. Теперь явился Винфридъ чтобы быть всѣмъ для всѣхъ. Онъ странствовалъ изъ края въ край, онъ выносилъ холодъ и непогоду, терпѣлъ недостатокъ во всемъ, нося одно въ сердцѣ, какъ бы обратить язычниковъ.

Но слова его пропадали безслѣдно, его рѣчей или не слушали, или смѣялись надъ ними, онъ самъ былъ предметомъ насмѣшекъ. Никто не принималъ его къ себѣ, каждый отворачивался отъ него или искалъ нанести ему оскорбленіе. Наконецъ онъ возвратился на родину, глубоко опечаленный, но не отказавшійся отъ своего призванія; болѣе обширные планы зрѣли въ его душѣ.

Около 718 г. онъ отправился въ Римъ, чтобы склонить папу Григорія II въ пользу своихъ плановъ, просить его совѣта и помощи. Онъ явился предъ апостольскимъ престоломъ въ самое благопріятное время. Папа благосклонно принялъ вдохновеннаго англосакса и выслушалъ его. Онъ видѣлъ въ его планахъ чистую ревность трудиться для церкви христовой и для спасенія язычниковъ; какъ было не поддержать такой ревности! Чрезъ этого проповѣдника будетъ проложенъ путь папскому значенію и папской силѣ туда, гдѣ еще мало склонны были слушать римскаго первосвященника. Григорій указалъ мужественному апостолу поприще въ сердцѣ Германіи, въ Гессенѣ и Турингіи, гдѣ христіанство пустило толвко слабые корни, вообще же господствовало язычество. Папа отпустилъ Винфрида, снабдивъ его мощами и укрѣпивъ его на трудъ своимъ благословеніемъ.

Апостолъ пробылъ нѣкоторое время въ Турингіи. Когда жъ услышалъ, что герцогъ фризовъ, Радбодъ, упорно отказывавшійся отъ христіанства, умеръ, то поспѣшилъ къ фризамъ. Здѣсь онъ нашолъ престарѣлаго епископа Виллиброда, и три года дѣйствовалъ вмѣстѣ съ нимъ. Старецъ пожелалъ сдѣлать Винфрида своимъ преемникомъ, но послѣдній, помня о данномъ папѣ обѣщаніи, отказался отъ епископства и снова отправился въ Германію въ 722 г. Два знатныхъ гессенца приняли крещеніе; въ Аменебургѣ въ верхнемъ Гессенѣ основанъ былъ монастырь; многіе изъ нижняго Гессена послѣдовали примѣру двухъ знатныхъ лицъ и были крещены. Но все таки Винфридъ чувствовалъ свою

безпомощность въ отношеніи къ язычникамъ, плоды его трудовъ зрѣли очень медленно,—такъ казалось покрайней мѣрѣ его пламенной ревности. Еще разъ онъ отправился въ Римъ въ 723 г., просить у папы новой помощи. Папа посвятилъ его въ епископы нѣмецкой церкви и заставилъ присягнуть въ вѣрности святому престолу. Съ новыми силами, съ новымъ одушевленіемъ Винфридъ возвратился въ нѣмецкія области.

* *
*

Въ то время франками управлялъ Карлъ Мартелъ, а Турингія, тогдашняя восточная франконія, составляла часть франкскаго государства. Винфридъ явился ко двору Карла, чтобы просить у него помощи своему дѣлу. Но какъ опечалила его роскошная жизнь, которую онъ здѣсь нашолъ! Пьяныя пирушки, дикія ссоры, кровавыя схватки составляли обычное занятіе знати. Всюду господствовало безпорядочная семейная жизнь, нигдѣ не видно было нравственности, благопристойности, повиновенія. Не было и слѣдовъ христіанской жизни, за то всюду господствовало язычество. Удивляться ли послѣ этого, что и въ народѣ идолопоклонство имѣло полную силу! При всемъ томъ Винфридъ получилъ отъ вождя франковъ покровительственное письмо, въ которомъ было сказано, что Карлъ принимаетъ проповѣдника подъ свою сильную руку и будетъ оказывать ему помощь и защиту. Больше ничего.

Винфридъ чувствовалъ себя слишкомъ огорченнымъ. Какъ скоро измѣнили ему всѣ его надежды! Ужели ему опять одному начинать дѣло! Его рука еще не доросла до такого дѣла, его трудъ подобенъ каплѣ воды, падающей въ море, чтобы подсластить морскую волну. Но онъ не унывалъ, онъ вѣровалъ въ помощь Господа, которому готовъ былъ слу-

жить во всякой скорби,—724 г. онъ опять отправился къ остъфранкамъ.

Здѣсь онъ нашолъ слѣды своей первой дѣятельности растоптанными и смытыми. Тѣ, кого онъ крестилъ, опять сдѣлались язычниками, другіе, въ которыхъ еще тлѣла искра вѣры, все таки жили подобно язычникамъ; волшебство и другіе нечестивые поступки были въ полному ходу. Суевѣріе и вся языческая жизнь группировались около священнаго дуба Одина, который стоялъ на возвышеніи у Гейсмара, недалеко отъ Фрицлара. Со всѣхъ сторонъ стремилась толпа совершать праздничную жертву въ честь бога грома (Доннера). Жрецы убивали жертвенныхъ животныхъ, алтари дымились, толпа приходила въ изступленіе и просила милости бога. Тогда вступилъ въ среду собравшихся Винфридъ, съ епископскимъ облаченіемъ на плечахъ, съ священнымъ жезломъ на рукѣ. Народъ съ почтеніемъ разступился предъ нимъ, смѣло подошелъ проповѣдникъ къ пню дуба, далеко развѣсившаго свои вѣтви. Потомъ онъ воскликнулъ: «Что вы молитесь ложнымъ богамъ! Есть одинъ Господь, единородный сынъ живаго Бога, который сотворилъ небо и землю. Смотрите жъ, какъ безумна ваша вѣра, я срублю этотъ дубъ и ни одинъ изъ вашихъ боговъ не придетъ къ нему на защиту!»

Глухой, зловѣщій ропотъ пронесся по собранію. Ужъ не слѣдуетъ ли раздѣлаться съ смѣлымъ кощуномъ! «Нѣтъ, посмотримъ, говорятъ одни, кто сильнѣе, нашъ Торъ или его Богъ!»—Да, да, продолжаютъ другіе, если наши боги не отмстятъ за оскорбленіе ихъ, мы будемъ молиться его Богу!» Винфридъ беретъ топоръ, съ свистомъ раздаются удары по пню дуба, далеко летятъ щепки коры и дерева. Въ нѣмомъ ужасѣ язычники смотрятъ на совершающееся. Тогда сторонники епископа слѣдуютъ его примѣру, и со всѣхъ сторонъ заносятъ топоры на могучее дерево. Дубъ начинаетъ скрипѣть и шататься, онъ дрожитъ отъ корней до

вершины. Никто не рѣшается прекратить работу, и Торъ не защищается, нѣтъ молніи и громовыхъ стрѣлъ. Наконецъ гнется мощное дерево, еще ударъ, еще и еще разъ, и оно со стономъ падаетъ на землю. Съ паденіемъ его потряслось въ своихъ основаніяхъ язычество, христіанство начало побѣдоносно пролагать себѣ дорогу въ Германіи.

* *
*

Въ нѣсколько лѣтъ Винфридъ могъ уже насчитать болѣе 100,000 крестившихся. Но онъ не только проповѣдывалъ народу евангеліе, онъ старался также поддерживать въ духовенствѣ строгій порядокъ и дать церкви твердое, прочное устройство. Правда, онъ въ этомъ дѣлѣ встрѣтилъ большое препятствіе со стороны Карла Мартела, который неохотно видѣлъ развитіе церковной власти объ руку со свѣтскою. Уже въ 732 г. Бонифацій былъ поставленъ папою Григоріемъ II въ архіепископы Германія; чрезъ 6 лѣтъ онъ былъ опять въ Римѣ, гдѣ опять просилъ согласія и помощи папы для своихъ плановъ. Папа принялъ въ нихъ дѣятельное участіе. Такимъ образомъ онъ учредилъ въ Гессенѣ епископство Бюрабургъ около Фрицлара и монастырь Фульда; въ Тюрингіи епископства Вюрцбургское, Эйхштедтское и Эрфуртское; въ Баваріи Фрейзингенское, Пассауское, Регенсбургское и Залцбургское. Къ нимъ присоединены были еще съ 739 г. епископство Утрехтское и знаменитыя впослѣдствіи епископства въ древней Аллеманіи: Майнцъ, Шпейеръ, Ворисъ, Страсбургъ, Констанцъ, Куръ и Аугсбургъ. Такъ этотъ мужъ, призванный Богомъ на апостольское поприще, наполнилъ своею архіепископскою дѣятельностью обширную страну отъ Альповъ до Нѣмецкаго моря и отъ Атлантическаго моря до Балтійскаго и Одера.

Но чтобы созданное имъ церковное раздѣленіе не сгибло, онъ основалъ провинціальные синоды, которые ежегодно со-

бирались, и на которыхъ предсѣдательствовалъ архіепископъ отъ имени папы. Эти собранія старались упорядочить слишкомъ одичавшее духовенство, которое любило больше носить желѣзный мечъ, нежели мечъ слова Божія, и съ охотою принимало участіе въ воинскихъ упражненіяхъ и княжеской охотѣ, вмѣсто того, чтобы по заповѣди Спасителя плести сѣти для уловленія человѣческихъ душъ вѣрѣ и евангелію. Эти синоды служили также и къ тому, чтобы поддержать значеніе самаго епископа, равно какъ и церкви, которой онъ былъ представителемъ; на синодахъ возросла законодательная власть церковная, и сдѣлалось возможнымъ чрезъ духовенство дѣйствовать на уничтоженіе еще очень сильнаго суевѣрія въ народѣ. Наконецъ Винфридъ устроилъ дѣленіе званій и должностей церковныхъ на высшія и подчиненныя, чѣмъ значительно усилено было значеніе церкви въ отношеніи ея къ свѣтской власти.

Такъ велики, такъ обширны, такъ мудры были дѣла этого апостола германскаго. Онъ положилъ основаніе всему последующему церковному устройству Германіи. Чрезъ него монастыри сдѣлались разсадниками образованія и нравственности, школы разсадниками миссіонеровъ, которые распространяли далѣе и далѣе вѣсть спасенія во Христѣ. Чрезъ него самая церковь укоренилась на нѣмецкой почвѣ и въ сердцахъ нѣмцевъ; и хотя впослѣдствіи являлись люди съ сѣкирами, чтобы срубить пень, выросшій изъ этого корня, но это имъ не удалось. Сила божія его мощною рукою обвила нѣмецкіе народы, и уже они не могли оторваться отъ этой руки; онъ вытащилъ ихъ изъ омута язычества, чтобы насадить на хорошо воздѣланную, осѣненную солнцемъ евангелія почву. Повсюду онъ хлопоталъ о связи и единеніи, и такимъ образомъ создалъ внѣшнюю и внутреннюю силу нѣмецкаго народа. Когда онъ основывалъ церкви въ Баваріи, герцогъ Одило хотѣлъ этимъ воспользоваться, чтобы отдѣлиться отъ франковъ. Винфридъ остановилъ его, не смотря

на то, что папа поддерживалъ планы герцога. Только во внѣшнемъ единствѣ франко-нѣмецкаго государства онъ находилъ опору церковному единству. Такъ онъ былъ съ одной стороны основателемъ церковной іерархіи въ Германіи, съ другой творцомъ политическаго, національнаго могущества и единства нѣмецкаго народа.

* * *

А кончина этого мужа: какъ невидна и незначительна по человѣческимъ понятіямъ, и какъ велика и возвышенна по призванію этого человѣка!

Во время епископства своего въ Майнцѣ онъ чувствовалъ себя не вполнѣ спокойнымъ. Его влекло къ язычникамъ, среди которыхъ онъ хотѣлъ дѣйствовать. Съ разрѣшенія папы онъ сдѣлалъ своимъ намѣстникомъ въ Майнцѣ своего ученика Луллуса (754 г.). Самъ же со многими священниками отправился въ Фрисландію. Тамъ ходилъ онъ, семидесятилѣтній старецъ, съ проповѣдью и многихъ крестилъ. Его вдохновенное слово дѣйствовало съ такою силою, что ежедневно сотни народа приходили къ нему и принимали крещеніе. Сколько было радости для него, когда онъ видѣлъ почти побѣжденнымъ всякое сопротивленіе, которое прежде здѣсь находилъ!

Приближался праздникъ Духова дня. Винфридъ приготовлялся отпраздновать оный и велѣлъ устроить для себя и своихъ спутниковъ палатки и шалаши въ области нынѣшняго Доккума на восточномъ берегу Зюйдерзе. Здѣсь въ святой день онъ хотѣлъ благословить толпу новокрещенныхъ фризовъ. Беззаботно онъ сидѣлъ съ священниками предъ шалашами, солнце ярко горѣло, небо было чисто въ 5 день іюня 775 г. Радостныя мысли наполняли его душу. Ему суждено было получить отъ Бога столько благодати на закатѣ своей жизни,

что онъ готовъ уже считать фризскій народъ, когда-то смѣявшійся и презиравшій его юношескую проповѣдь, въ числѣ христіанъ. Сердце его таяло отъ умиленія и благодарности къ Богу, совершившему чрезъ него столько великаго и славнаго.

Тогда послышался шумъ вдали, человѣческіе голоса и шаги.

«Это наши фризы, промолвилъ одинъ изъ священниковъ, они идутъ принять благословеніе»!

Винфридъ смотритъ въ ту сторону, откуда идетъ толпа. Нѣкоторое время прошло въ молчаніи, потомъ епископъ воскликнулъ: «Не они это, а наши враги»! Предчувствуя свою судьбу и своихъ спутниковъ, онъ увѣщеваетъ ихъ стоять твердо до конца, и запечатлѣть смертью вѣру, которую они проповѣдывали въ теченіе жизни.

«Смотрите, сказалъ онъ, какъ блеститъ ихъ оружіе. Они несутъ намъ смерть. Но она будетъ для насъ находкою»!

Между тѣмъ приблизились фризы. «Что вамъ нужно въ чужой землѣ? кричатъ дикіе люди. Зачѣмъ вы осмѣиваете нашихъ боговъ и хочете сдѣлать насъ рабами франковъ? Вы должны умереть, потому что мы наказываемъ смертью каждаго, кто покусится отнять у насъ наше право и нашу свободу»!

Винфридъ сказалъ въ отвѣтъ немного словъ: «ваши боги суть бѣсы, мы же проповѣдуемъ вамъ Іисуса Христа, Господа небеснаго, несемъ вамъ избавленіе отъ вашихъ языческихъ узъ и истинную свободу»!

«Бейте ихъ»! закричали много голосовъ. Заблестѣли мечи, высоко поднимаются топоры и со свистомъ сыплются удары на беззащитныхъ священниковъ. Одинъ изъ ударовъ палъ на голову Винфрида. Съ словами «Господи, въ руки твои»!... онъ упалъ на землю и не могъ докончить молитвы. Его окровавленная голова легла на евангеліе.

Останки смертные были перенесены въ Майнцъ, и оттуда въ Фульду, гдѣ онъ пожелалъ быть погребеннымъ. Потомство соорудило ему мѣдный памятникъ.

ФРАНКСКІЕ МАЙОРДОМЫ.

За несчастнымъ временемъ междоусобій и кровавыхъ схватокъ преемниковъ Хлодвига, послѣдовалъ около половины осьмаго столѣтія періодъ замѣчательныхъ событій, которыя на долгое время опредѣлили судьбу франко-германскихъ народовъ. Ландкарта западной и средней Европы представляла тогда не тотъ видъ, что теперь; взглянемъ же на страну, гдѣ происходили эти великія события.

Нынѣшняя Франція раздѣлялась на двѣ половины, сѣверную и южную, границею между ними была Лоара. Къ югу отъ этой рѣки находилась Аквитанія, простиравшаяся до Пиренеевъ, къ сѣверу Нейстрія до области Мааса. Отсюда по среднему Рейну до Эмса и Везера, и на югъ до Швейцаріи и Тирольскихъ альповъ лежала Австразія. Между нею и Атлантическимъ моремъ находилась область Батавовъ; между Эмсомъ и Эльбою жили Саксы. По Ронѣ и Саонѣ къ ЮЗ. отъ Нейстріи и къ ЮВ. отъ Австразіи, вокругъ Женевскаго озера, раскинулась плодородная Бургундія, къ которой примыкали на ЮЗ. узкая полоса земли, окруженная Средиземнымъ моремъ и Аквитаніею—Септиманія, а на востокѣ Лонгобардское царство по рѣкѣ По. На востокъ отъ Австразіи жили славянскія племена, а за пиренеями — на

Испанскомъ полуостровѣ было цвѣтущее государство калифовъ; вестготы удержались только въ сѣверо-восточной части между океаномъ и Дуэро.

Изъ этихъ областей Нейстрія и Австразія были главными частями франкскаго государства, но различіе нравовъ и образа жизни, взглядовъ и мыслей у этихъ двухъ народовъ уже въ то время проявлялись въ частомъ соперничествѣ и взаимныхъ неудовольствіяхъ. Впослѣдствіи это различіе между Нейстріею и Австразіею перешло въ различіе между франками и германцами. Нужна была сильная рука, чтобы держать подъ однимъ скипетромъ обѣ земли, и сильные правители часто испытывали, какъ власть надъ тою или другою землею ускользала изъ ихъ рукъ.

* *
*

Уже давно слабые меровинги не были настоящими властителями франкскаго государства. Они носили только имя королей, власть же находилась въ рукахъ одного изъ придворныхъ, такъ называемаго Майордома. Онъ заботился о порядкѣ и продовольствіи рыцарской королевской свиты и управлялъ коронными имуществами. Такимъ образомъ ему не трудно было сосредоточить въ своихъ рукахъ большую власть. Сначала отдѣльные майордомы завѣдывали правленіемъ Австразіи, Нейстріи и Бургундіи и иногда пользовались этою властью пожизненно; потомъ одному изъ нихъ удалось пріобрѣсти господство во всѣхъ трехъ земляхъ.

Пипинъ Геристальскій, такъ называемый отъ своего любимаго помѣстья на Маасѣ, былъ майордомомъ въ Австразіи въ то время, когда въ Нейстріи царствовалъ сынъ Хлодвига II Теодерихъ. Умный и храбрый майордомъ привлекъ къ себѣ и нейстрійцевъ, которые, будучи недовольны своимъ слабымъ королемъ, вручили ему управленіе и Нейстріею. Но дѣло это не обошлось безъ войны. Въ сраженіи при

Тестри 687 г., недалеко отъ С. Кантена на Соммѣ, Теодерихъ былъ разбитъ и долженъ былъ признать и утвердить Пипина герцогомъ и княземъ франковъ въ Нейстріи, Бургундіи и Австразіи.

* *
*

До 714 г. Пипинъ твердою рукою держалъ бразды правленія. Когда онъ умеръ, соединенное государство готово было снова распасться. Но сынъ его Карлъ, сначала попавшій въ темницу, бѣжалъ изъ заключенія и опираясь на преданныхъ ему австрійцевъ, снова утвердилъ свое полновластіе въ трехъ областяхъ. Въ то время необходимо было народамъ христіанскаго запада соединиться, потому что сильный врагъ приближался съ юга.

Мавры владѣли Испаніею. Храбрый калифъ ихъ, Абдеръ Рахманъ, желалъ покорить страну, лежащую по сю сторону пиренеевъ и водрузить на ней вмѣсто креста луну. Его планы были такъ обширны, что онъ уже замышлялъ чрезъ франкское государство двинуться на востокъ и по этому пути достигнуть Сиріи; покрайней мѣрѣ южная часть Европы должна была подчиниться исламу.

Съ безчисленными войсками онъ вторгнулся въ Аквитанію и Бургундію. Хотя здѣсь его встрѣтилъ мужественный герцогъ Ейдо, но не могъ стоять противъ враговъ. Храбрые франки должны были отступить предъ бурнымъ натискомъ арабовъ. Подобно лавинѣ покатились арабы по плодороднымъ областямъ, все опустошая, не щадя никого. Волны Роны окрасились кровью убитыхъ франковъ. Говорили, что «только Богъ можетъ исчислить, сколько народа пало подъ мечомъ мавровъ».

Не двигаясь съ мѣста, Карлъ смотрѣлъ на приближеніе страшнаго врага. Тогда явились ко двору его вѣстники отъ несчастнаго герцога Ейдо, который до сихъ поръ былъ вра-

гомъ Карла, теперь же просилъ у него помощи. Карлъ принимаетъ пословъ герцога. Они умоляютъ со слезами о помощи. Все будетъ потеряно, если Карлъ не возьмется за мечъ и не поставитъ плотины неудержимо стремящейся волнѣ язычниковъ. Молча слушаетъ Карлъ о потерянныхъ Ейдомъ битвахъ, потомъ говоритъ: «Пускай они идутъ. Пусть насытятся грабежомъ и добычею, — тогда у нихъ начнутся несогласія изъ-за добычи, — и мы побѣдимъ ихъ».

Такъ мало утѣшительнаго было въ этомъ отвѣтѣ! Между тѣмъ Карлъ собиралъ войско, къ которому подходили силы подвластныхъ Карлу племенъ. Мавры все подвигались дальше съ мечомъ и огнемъ. Уже они стояли на равнинѣ между Туромъ и Поатье, отряды ловкихъ наѣздниковъ рыскали кругомъ по равнинѣ для грабежа, ихъ мѣткіе стрѣлки изъ лука грабили вдоволь. Абдеръ Рахманъ уже видѣлъ предъ собою цѣль своихъ желаній. И кто посмѣлъ бы стать противъ многочисленнаго, привыкшаго къ побѣдамъ войска!

Когда услышалъ Карлъ о томъ, что мавры на равнинѣ у Тура, велѣлъ подниматься своему войску; самъ онъ, изъ храбрѣйшихъ храбрый, сталъ во главѣ онаго. Франкскіе и германскіе мужи послѣдовали за вождемъ на избранное для битвы мѣсто. Здѣсь длинный рядъ холмовъ образовалъ естественную оборонительную линію, чѣмъ умный полководецъ франковъ умѣлъ воспользоваться. Опираясь на нихъ, онъ занялъ крѣпкую позицію, такъ что непріятелю съ его конницею нельзя было прорвать боевой линіи франковъ. Тутъ Карлъ неустрашимо ждалъ нападенія.

Въ теченіе семи дней семь разъ Абдеръ Рахманъ съ своими войсками дѣлалъ нападенія на франковъ, но каждый разъ былъ отбитъ. Не помогли ему его ловкіе наѣздники, ни его хищная конница, налетавшая и улетавшая подобно вѣтру;

ударившись о плотные ряды франковъ, они разсыпались въ стороны. Не пособили ему мѣткіе стрѣлки изъ лука, ихъ стрѣлы ударялись о франкскіе щиты, а если враги рѣшались приблизиться, ихъ встрѣчалъ лѣсъ копій, предъ которымъ они отступали въ страхѣ. Уже равнина была покрыта трупами, больше арабскими, чѣмъ франкскими. Тогда, на седьмой день, калифъ собралъ всѣ силы и ринулся на врага. И все напрасно. Битва продолжалась отъ солнечнаго восхода до заката, но побѣда осталась за франками (732 г.). Это была побѣда креста надъ луною, образованія надъ варварствомъ — первый ударъ маврскому господству на западѣ.

Когда ночь пала на поле битвы, 375,000 арабовъ лежали здѣсь, покрытые кровью, такъ по крайней мѣрѣ разсказывали. Смертельно измученные послѣ нечеловѣческихъ усилій, лежали около убитыхъ арабовъ остатки франкскаго войска. На другой сторонѣ долины, бывшей театромъ рѣшительной битвы, стоялъ маврскій лагерь, все еще страшный по числу оставшагося послѣ пораженія войска. Большой шумъ въ этомъ лагерѣ нарушалъ ночную тишину. Ужь не готовятся ли мавры опять къ бою? Франки на сторожѣ. Но когда взошло солнце и освѣтило мѣсто лагеря арабовъ, это мѣсто уже было пусто. Все, чего враги не успѣли взять съ собою, досталось въ добычу побѣдителямъ. Карлъ съ этого времени носилъ почетное прозвище Мартела, т. е. молотка, такъ какъ ему удалось разбить силу арабовъ.

* *
*

Сынъ Карла Пипинъ былъ по уму и силѣ подобенъ мужественному отцу своему, Карлу Мартелу. Правда, его прозвали въ шутку Короткимъ, такъ какъ онъ былъ малъ ростомъ и невзраченъ по виду, но за то шагъ его былъ твердъ,

осанка бодра, короткая рука могла носить тяжолый мечъ. Однажды онъ собралъ вельможъ на блестящій праздникъ. Съ высокой трибуны (подмостки) онъ смотрѣлъ на игры, устроенныя для увеселенія гостей. Ввели за рѣшотку льва. Съ глухимъ рычаніемъ благородное животное ходитъ мѣрными шагами по мѣсту боя. Вдругъ отворяется дверь, и дикій быкъ съ согнутою головою бросается льву на встрѣчу. Послѣдній хвостомъ бьетъ о ребра, потомъ прыжокъ, и начинается страшный бой. Быкъ, которому левъ вспрыгнулъ на спину, зашатался и упалъ на землю. Въ этотъ моментъ Пипинъ вскричалъ: «Кто отниметъ добычу у льва»? Никто изъ гостей не далъ отвѣта. Тогда Пипинъ молча спускается къ рѣшоткѣ и входитъ за нее. Со взмахнутымъ мечомъ онъ приблизился къ животнымъ, борющимся другъ съ другомъ,— за тѣмъ послѣдовалъ ударъ и голова льва лежала на пескѣ у ногъ Пипина. Еще ударъ и голова быка покатилась туда же. Герой спокойно возвратился на свое мѣсто, промолвивъ: «Хотя я и малъ, но рука моя крѣпка».

Понятно, что такой человѣкъ дѣйствительно царствовалъ вмѣсто слабаго, дѣтски слабаго короля, Хильдериха III. Послѣдній, къ которому перешла по наслѣдству корона, былъ только призрачнымъ королемъ. Такое недоразумѣніе не могло долго тянуться. Кто же долженъ былъ произнести рѣшеніе? Пипинъ предложилъ папѣ знаменитый вопросъ: «Кто долженъ быть королемъ, тотъ ли, кто только имя короля носитъ, или тотъ, кто несетъ на себѣ всѣ тягости правленія»? Аббатъ монастыря Сендени Фульрадъ былъ посредникомъ въ этомъ трудномъ дѣлѣ между папою и Пипиномъ. Папа Захарія не задумался надъ отвѣтомъ, папскому престолу нуженъ былъ могущественный союзникъ. Рѣшеніе было произнесено въ пользу того, кто просилъ онаго: «Королемъ долженъ быть тотъ, кто управляетъ государствомъ».

Тотчасъ Пипинъ созвалъ сеймъ въ Суасонѣ, 752 г. Онъ

представилъ здѣсь вельможамъ папскій приговоръ, который былъ принятъ единодушно. Каждый понималъ значеніе онаго. Радостно подняли франки Пипина на щитъ и три раза пронесли его вокругъ собранія. Хильдерихъ долженъ былъ отправиться въ монастырь, а Пипинъ получилъ царское помазаніе святымъ муромъ.

Спустя два года папа просилъ у Пипина услуги за услугу. Айстульфъ король лонгобардовъ, сильно тѣснилъ папу Стефана II. Стефанъ прибылъ въ Парижъ. Вблизи отсюда, въ своемъ почти пригородномъ помѣстьѣ, Понтьонѣ, жилъ Пипинъ. Здѣсь святой отецъ посѣтилъ Пипина, разсказалъ ему объ опасности, которая угрожаетъ папскому престолу отъ хищнаго сосѣда, и просилъ о помощи. Пипинъ медлилъ обѣщаніемъ исполнить просьбу папы. Не чуждый широкихъ замысловъ, онъ все таки сообразилъ всѣ затрудненія, всѣ столкновенія, къ которымъ должно непремѣнно повести вмѣшательство въ дѣла далекой Италіи. Но папа не переставалъ просить и наконецъ бросился къ ногамъ раздумывавшаго короля. Послѣдній уступилъ и обѣщалъ помощь. Въ благодарность папа далъ ему званіе римскаго патриція, и тѣмъ наложилъ печать законности на его королевское достоинство.

Франкское войско перешло Альпы и осадило въ Павіи ломбардскаго короля. Послѣдній нѣкоторое время сопротивлялся, но потомъ сдалъ городъ и подписалъ позорный миръ. Пипинъ смирилъ врага римскаго престола и увѣнчанный побѣдою возвратился домой. Но едва онъ удалился, Айстульфъ снова собрался съ силами и напалъ на Римъ. Теперь уже не стѣсненное положеніе папы, теперь честь Пипина требовала его втораго похода. Онъ явился съ хорошо вооруженнымъ войскомъ въ качествѣ защитника престола св. Петра и силою меча заставилъ Айстульфа возвратить то, что уже было пріобрѣтено послѣднимъ: Равенну и другіе города и земли. Пипинъ отдалъ эти земли папскому престолу и тѣмъ поло-

жилъ начало свѣтской власти папы, начало Церковной области: событіе, имѣвшее важныя слѣдствія для исторіи запада. Съ этого времени глава церкви вступилъ въ число свѣтскихъ князей.

Пипинъ жилъ еще 13 лѣтъ, распространяя свое государство на сѣверъ и на югъ. Онъ заставилъ саксовъ платить ему дань, у мавровъ отнялъ послѣднія владѣнія ихъ въ Галліи, именно Нарбону, заставилъ аквитанцевъ признать свою землю леномъ франкскаго государства. Онъ старался также поддерживать дружественныя отношенія съ византійскимъ императоромъ и съ арабскою династіею аббасидовъ, принималъ къ своему двору греческихъ пословъ и уже тогда старался оказать защиту многочисленнымъ пилигримамъ въ святую землю. Когда онъ почувствовалъ приближеніе смерти, то по прежнему обычаю раздѣлилъ государство между своими двумя сыновьями: Карломаномъ и Карломъ. Въ 768 г. умеръ основатель величаваго развитія королевской власти, которая вполнѣ расцвѣла при сынѣ его Карлѣ.

КАРЛЪ ВЕЛИКІЙ.

Съ послѣднимъ вздохомъ Пипина, темное облако появилось надъ горизонтомъ франкскаго государства, которое готово было затмить славу сильнаго правительства и грозило возобновленіемъ кровавыхъ временъ меровинговъ. Отецъ оста-

вилъ старшему сыну Карлу сѣверъ, младшему Карломану югъ франкскаго государства, но Аквитаніею они должны были владѣть съобща. Тутъ-то и вспыхнуло несогласіе между братьями. Старый аквитанскій герцогъ Гунольдъ возмутился. Карломанъ хотѣлъ оставить герцога въ покоѣ, Карлъ напротивъ сильною рукою уничтожилъ возстаніе. Это было сигналомъ къ войнѣ между братьями; приготовленія шли на той и на другой сторонѣ, но Карломанъ неожиданно умеръ недалеко отъ Ліона въ 771 г. Провидѣніе не желало видѣть разрушеннымъ дѣло Пипина, и Карлъ сознавалъ необходимость единовластнаго въ государствѣ порядка. Исторія вписала въ свои мѣдныя скрижали его имя, какъ имя величайшаго государя не только своего времени, но многихъ вѣковъ. Западъ впродолженіе тысячи лѣтъ послѣ Карла не видалъ государя, котораго можно было бы поставить съ нимъ рядомъ по силѣ ума и мужеству, по благородству и христіанской доблести.

* * *

Карлъ родился въ 742 г. 2 апр., вѣроятно въ Ахенѣ. Съ раннихъ поръ пріучаемый отцомъ къ рыцарскимъ упражненіямъ, а матерью Бертрадою (Берта) къ умственной дѣятельности, воспитанный въ благочестіи, Карлъ еще дитятею былъ свидѣтелемъ двухъ событій, которыя произвели на душу его глубокое впечатлѣніе, опредѣлившее все его духовное направленіе.

Ему было десять лѣтъ, когда отецъ его былъ провозглашонъ на сеймѣ королемъ франковъ. На этотъ торжественный сеймъ въ Соасонѣ собрались всѣ вельможи государства. Герцоги и графы въ богатыхъ одеждахъ и блестящемъ вооруженіи окружали здѣсь Пипина и его сыновей! И всѣ эти мужи, изъ которыхъ каждый былъ важнѣйшимъ и почетнѣй-

шимъ лицомъ мѣста, откуда прибылъ, склонялись предъ отцомъ и давали ему присягу въ вѣрности, обѣщались быть ему послушными во всемъ, жертвовать за него жизнью и достояніемъ. Присягали они не отцу только, но и его сыновьямъ, и ему, еще отроку. Когда онъ достигъ возраста мужескаго, когда снова потребовалось избраніе короля, корона была предложена ему. Не должно ли было все это пробудить въ немъ сознаніе необходимости крѣпкой воли для государя? Только въ томъ случаѣ можно разсчитывать на признаніе власти, когда сильна воля правителя. Только такой государь могъ обуздывать народъ, сознающій свою силу, только такой государь могъ надъ нимъ властвовать. На Соасонской равнинѣ, гдѣ послѣдній остатокъ римской всемірной державы подчинился меровингу Хлодвигу, чрезъ три столѣтія въ первый разъ пробудилось властительное сознаніе Карла Великаго.

Спустя два года послѣ того, какъ Карлъ видѣлъ въ Соасонѣ высшихъ вельможъ въ качествѣ слугъ своего отца, онъ былъ свидѣтелемъ другаго, подобнаго же зрѣлища. Въ одномъ покоѣ отцовскаго замка въ Понтьонѣ у ногъ отца лежалъ глава церкви, моля его о защитѣ. Что же привело сюда главу христіанства? Церкви нужна была защита сильнаго государя. Ей угрожала опасность отъ нападенія враговъ на владѣнія ея главнаго епископа. Если на сеймѣ въ Соасонѣ проявилась сила повелителя, бывшая въ рукахъ его отца, здѣсь воззваніе папы на защиту церкви указывало въ государѣ и высшую церковную силу. И это невидимое, духовное единство христіанскихъ народовъ, склонялось предъ свѣтскою рукою, которая призвана была держать и надъ церковью свой щитъ, за нее обязана была обнажать свой мечъ. Какая полнота значенія и власти, соединенныхъ въ рукахъ одного человѣка! И все это пало по наслѣдству юному Карлу. Мѵропомазаніемъ, которое совершено было папою и надъ нимъ, какъ надъ отцомъ, Карлъ былъ торжественно призванъ

вступить во всѣ права наслѣдства послѣ своего отца. Если онъ тамъ подобно герцогамъ и графамъ клялся въ вѣрности волѣ отца и короля, здѣсь клялся онъ въ своемъ собственномъ сердцѣ быть защитникомъ и покровителемъ церкви.

* * *

Карлъ былъ 29-ти лѣтъ, когда одинъ безраздѣльно началъ управлять франками (771 г.). Едва онъ принялъ скипетръ въ свои руки, какъ окинулъ взоромъ западъ и востокъ, сѣверъ и югъ, всѣ границы своего государства. Онѣ были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не безопасны отъ враговъ, и въ то же время узки его властительной волѣ. Поэтому ему предлежала двоякая задача: въ однѣхъ мѣстахъ прочно устроить границы государства, въ другихъ, гдѣ это было необходимо, расширить ихъ.

Живущіе на Везерѣ саксы были неутомимыми врагами государства. Своими постоянными вторженіями они разоряли и грабили сѣверныя провинціи. Ктому жъ они упорно стояли за язычество и не хотѣли быть христіанами. Христіанскій король не могъ терпѣть, чтобы эти люди, презирающіе церковь, постоянно тревожили его подданныхъ.

Карлъ созвалъ въ Вормсѣ первый Сеймъ (772 г.). Сюда прибыли всѣ герцоги и графы, всѣ рыцари и дворяне узнать отъ короля, какая нужда ему въ нихъ. Карлъ указывалъ имъ на сѣверъ, тамъ еще господствуютъ дикіе язычники. Туда зоветъ его, христіанскаго князя, обязанность; для такого-то похода онъ потребовалъ своихъ благородныхъ, они должны составить королю ополченіе. Предложеніе принято съ радостью и война противъ саксовъ рѣшена. За рѣшеніемъ слѣдовало и дѣло: собрано было войско, къ которому присоединилось много духовныхъ лицъ, чтобы обра-

щать саксовъ въ христіанство, когда они будутъ побѣждены. Войско шло чрезъ нынѣшнюю Вестфалію. Что за смѣшеніе племенъ, воиновъ, рыцарей, повозокъ, запряженныхъ быками! Всадники въ латахъ открывали шествіе, повозки, нагруженныя богажомъ, находились въ концѣ. Каждый воинъ снабжонъ былъ припасами жизненными на три мѣсяца; отдѣльныя части находились подъ предводительствомъ герцоговъ, клинообразнымъ строемъ онѣ подвигались впередъ. Такъ войско чрезъ Рейнъ достигло Везера, взяло Эресбургъ, лежащій недалеко отъ нынѣшняго города Бергена; это было укрѣпленное мѣсто саксовъ на Диммелѣ, обведенное валомъ и палисадомъ. Здѣсь находилось бронзовое изображеніе богини войны Ирминъ; въ лѣвой рукѣ она держала вѣсы, символъ измѣнчивости военнаго счастья, въ правой рукѣ знамя. На щитѣ ея изображонъ былъ левъ, покоящійся на цвѣтахъ, на грудной бронѣ медвѣдь. Карлъ велѣлъ разрушить этого языческаго идола. Его солдаты подрыли пень, на которомъ стояла статуя, и она съ грохотомъ упала на землю. Въ страхѣ смотрѣли саксы на поруганіе своей святыни. Они упали духомъ и рѣшились подчиниться Карлу, выставили 12 знатныхъ юношей изъ своей среды въ качествѣ заложниковъ, и дозволили христіанскимъ проповѣдникамъ проповѣдывать среди ихъ и учить.

Карлъ тогда еще не зналъ хорошо саксовъ. Онъ думалъ, что эта первая сдѣлка съ ними навсегда обезпечитъ границы отъ ихъ нападеній. Но впослѣдствіи они ежегодно возобновляли свои набѣги, и только чрезъ тридцать два года трудной войны ему удалось привести ихъ къ совершенному повиновенію (803 г.). Вмѣстѣ съ этою первою саксонскою войною начался рядъ военныхъ предпріятій, которыя сдѣлали жизнь Карла необыкновенно безпокойною, хотя въ то же время славною и достойною удивленія.

* *
*

Ломбардскіе короли, слѣдовавшіе за Айстульфомъ, старались снова возвратить ломбардскую область, подаренную римскому престолу Пипиномъ. Король Дезидерій занялъ ее и отказывался возвратить святому престолу; кромѣ того онъ дружески принялъ и держалъ у себя возмутившагося противъ Карла герцога аквитанскаго, который былъ изгнанъ Карломъ изъ своей области. Онъ также приютилъ у себя бѣжавшихъ отъ Карла сыновей Карломана съ ихъ матерью Гербергою, и даже требовалъ отъ папы Адріана, чтобы онъ помазалъ ихъ на царство.

Все это оскорбляло Карла, его благочестивое чувство, его благоговѣніе къ церкви и къ ея главѣ, равно какъ и личное значеніе его какъ государя: онъ долженъ былъ дѣйствовать. Опять онъ созвалъ своихъ вельможъ на сеймъ, на которомъ рѣшена была война съ ломбардскимъ королемъ. Позднею осенью 773 г. собралось франкское войско около Женевы и готовилось выступить. Самъ Карлъ принялъ начальство надъ одною частью, дядя его Бернгардъ надъ другою; первый пошолъ на Mont Cenis, послѣдній чрезъ гору, которая впослѣдствіи получила названіе С. Бернардъ. Это было повтореніемъ похода карѳагенянъ, предводимыхъ Аннибаломъ. Нужно было преодолѣть несказанныя затрудненія, вступить въ борьбу съ природою, съ снѣжными вихрями и лавинами, съ холодомъ и непогодою, съ тысячами препятствій въ бездорожныхъ горныхъ проходахъ. Но личное мужество Карла, его настойчивость, его мудрость преодолѣли всѣ препятствія. Войско перешло чрезъ горы надъ бездонными пропастями, подъ катящимися сверху снѣжными лавинами и на южномъ склонѣ у Клаузена соединились обѣ части войска.

И все таки не всѣ еще трудности были побѣждены. Теперь нужно было проложить дорогу съ Альпъ въ равнины По, гдѣ находились ломбардскіе гарнизоны въ крѣпкихъ бургахъ. Какъ только франкское войско дѣлало попытку пробраться по скалистой долинѣ, съ высотъ катились огром-

ные камни и поражали беззащитныхъ воиновъ, со свистомъ летѣли на нихъ мѣткія стрѣлы, и франки не въ состояніи открыть, откуда онѣ пущены и чьею рукою; скала скрываетъ непріятеля отъ глазъ воиновъ Карла. Мало помогалъ и ободрявшій воиновъ кличъ Карла тамъ, гдѣ воинъ за воиномъ падалъ бездыханнымъ на землю. Передовымъ отрядомъ предводительствовалъ самъ Карлъ; но и въ этомъ отрядѣ много воиновъ поплатились жизнью за свое мужество, — изъ недоступной засады поражали ихъ стрѣлы.

Полный мрачныхъ думъ, Карлъ сидѣлъ въ своей простой палаткѣ, около него собрались вельможи на военный совѣтъ. Предъ ними были страшные проходы, стоившіе уже столькихъ жертвъ, позади уходящія въ облака, снѣгомъ покрытыя вершины Альповъ, кругомъ открывались первые слѣды тяжолой зимы. Впередъ звала честь и горькая необходимость; возвращеніе загорожено было цѣпью Альповъ, въ стороны некуда было идти. Но какъ двинуться впередъ, не рискуя здѣсь пожертвовать большею частью войска въ безславной борьбѣ? Никто не могъ дать совѣта, даже самъ король, который до сихъ поръ умѣлъ составлять мудрые планы.

Тогда къ передовому отряду прибылъ одинъ ломбардецъ, гусляръ, который, зная трудное положеніе Карла, пожелалъ быть представленнымъ королю. Когда неизвѣстный человѣкъ увидѣлъ Карла, то смутился отъ страха предъ его высокимъ ростомъ и сверкающими глазами. Но скоро онъ оправился и предложилъ провести войско окольными путями въ равнину По. Слѣдуетъ ли повѣрить ему, происходящему изъ враждебнаго племени? Карлъ орлинымъ взглядомъ пронизываетъ ломбардскаго крестьянина, какъ бы желая прочитать сокрытое въ глубинѣ его души. Но крестьянинъ, оправившись отъ перваго смущенія, спокойно выноситъ испытующій взглядъ короля и повторяетъ свое предложеніе: «Хорошо,

сказалъ Карлъ, будь нашимъ проводникомъ, и если ты проведешь насъ невредимыми по странѣ, я дамъ тебѣ столько земли, что на концахъ ея не будетъ слышно звуковъ рога, раздающихся по срединѣ».

Тотчасъ франки поднимаются и слѣдуютъ по дорогѣ, указанной странствующимъ музыкантомъ. Не тревожимое непріятельскими выстрѣлами войско достигло долины По.

* *
*

Съ высокой башни крѣпкой Павіи Дезидерій видитъ длинные ряды закованныхъ въ латы воиновъ, и забилось сердце въ его груди. Эти желѣзные отряды всадниковъ, эти высокіе пѣхотинцы въ панцыряхъ, это безчисленное множество повозокъ, запряжонныхъ волами, нагружонныхъ съѣстными припасами и лагерными принадлежностями, все это безконечнымъ цугомъ идетъ къ крѣпости, готовое осадить ломбардскаго короля. Правда, крѣпость имѣетъ сильный гарнизонъ, провіанта хватитъ на много мѣсяцевъ; но когда выйдутъ запасы, откуда ихъ взять? Если войско изнеможетъ въ осадномъ положеніи, если ему не удастся пробиться сквозь непріятельскіе ряды, что тогда будетъ? Да и можно ли разсчитывать на удачу, можно ли перескочить чрезъ этотъ желѣзный валъ, который все плотнѣе, все ближе и ближе облегаетъ городъ? Глазъ Дезидерія ищетъ предводителя этихъ желѣзныхъ труппъ. Наконецъ онъ отыскалъ его: онъ превосходитъ всѣхъ воиновъ ростомъ и величіемъ. Онъ ѣдетъ на широковыйномъ конѣ, который также покрытъ желѣзомъ съ головы до ногъ, никакое копье, никакая стрѣла не могутъ ранить боеваго коня. А человѣкъ, сидящій на немъ въ блестящемъ панцырѣ, съ сіяющимъ шлемомъ на головѣ, съ желѣзными поручами и наножниками, съ широкимъ мечемъ за поясомъ,—кто сможетъ противустоять силѣ

его удара, кто противустанетъ натиску этихъ отрядовъ, которые несутся подобно всеопустошающему вихрю по одному слову предводителя, по одному мигу его сверкающаго глаза!

Дезидерій возвращается съ башни и говоритъ своимъ, которые подобно ему со страхомъ глядѣли на враговъ: «пустите насъ сойти внизъ и сокрыться въ землю отъ гнѣвнаго лица этого сильнаго врага»!

Послѣ семимѣсячной осады Павія была взята, король Дезидерій принужденъ отрѣчься отъ короны и отосланъ въ Корвейскій монастырь. Лонгобардская корона перешла на голову Карла, и съ этихъ поръ Карлъ называлъ себя *королемъ франковъ и ломбардовъ* (774 г.).

* * *

Въ слѣдующіе годы Карлъ почти непрерывно находился на войнѣ. Едва онъ смирилъ ломбардовъ, какъ возмутились саксы; онъ бился съ ними въ 775 году и дошолъ до Одера. За тѣмъ ломбарды пытались свергнуть франкское иго; но Карлъ явился съ такою быстротою въ Италіи, что ломбарды не успѣли и приготовиться къ оборонѣ, — страна была наказана за возмущеніе (776 г.). Снова возстали саксы въ томъ же году и Карлъ снова долженъ былъ идти на сѣверъ; онъ прошолъ до истоковъ Липпе и усмирилъ бунтовщиковъ. На сеймѣ въ Падербонѣ, первомъ созванномъ въ странѣ саксовъ, онъ принималъ присягу отъ нихъ и съ удовольствіемъ видѣлъ, какъ многіе изъ нихъ приняли крещеніе.

Между тѣмъ въ промежутки времени, свободные отъ военныхъ дѣлъ, когда Карлъ не былъ озабоченъ и важными государственными дѣлами, онъ любилъ жить въ своихъ зам-

кахъ, особенно въ любимомъ замкѣ въ Ахенѣ. Этотъ дворецъ былъ особенно богато украшенъ и находился на южномъ и восточномъ спускѣ городскаго холма на городской площади. Надъ главною частью зданія, расположенною на верхушкѣ возвышенія, распускалъ свои крылья государственный орелъ, а предъ фасадомъ стояла конная статуя Θеодориха Великаго, бывшая когда-то украшеніемъ Равенны. Король остготовъ мощною рукою взмахиваетъ копье, подъ нимъ стоитъ на дыбахъ конь, готовый къ сильному прыжку. Карлъ жилъ въ восточной части дворца, въ западной находились государственные архивы и большія залы. Крытый ходъ велъ къ замковой капеллѣ. Кругомъ находилось множество пристроекъ, и весь дворецъ обнесенъ былъ паркомъ, въ которомъ разведены были олени, изюбры, даже медвѣди.

Когда Карлъ являлся здѣсь для суда, отворялись двери богатой залы, потолокъ которой поддерживали высокіе мраморные столбы съ золотыми капителями; стѣны ея покрыты были красивою живописью. Здѣсь король принималъ своихъ вельможъ, съ которыми совѣтовался о дѣлахъ государства; здѣсь онъ принималъ на аудіенціи иноземныхъ пословъ и подарки, присланные отъ иноземныхъ государей. Въ шитой золотомъ одеждѣ, которая состояла изъ камзола выдровой кожи и накинутой на него пурпурной мантіи, опушенной соболемъ и застегнутой на груди золотою запоною, съ золотою, усыпанною драгоцѣнными камнями, короною на головѣ, съ поясным мечомъ, золотая рукоятка котораго украшена была алмазами, сидѣлъ онъ здѣсь на тронѣ, вокругъ него многіе герцоги и графы, дворянство его царства. Благосклонно, но съ достоинствомъ онъ обращался съ каждымъ, творилъ праведный судъ, милости и правосудія требовалъ отъ всѣхъ, которые, подобно ему, были поставлены въ положеніе властителей; каждый смотрѣлъ съ удивленіемъ на сильнаго человѣка и государя.

Послѣ такого собранія онъ отправлялся въ столовый залъ, куда за нимъ слѣдовало и дворянство. Съ двѣнадцатью высшими придворными чиновниками онъ занималъ мѣсто за золотымъ столомъ, который стоялъ на нѣкоторомъ возвышеніи, тогда какъ другіе садились за тремя серебряными столами, стоявшими вокругъ королевскаго. Это было блестящее застольное общество. Нѣкоторые изъ здѣсь сидящихъ были въ кафтанахъ изъ тонкаго сукна, подбитыхъ мѣхомъ, другіе въ камзолахъ изъ крысьихъ шкурокъ, богато украшенныхъ золотымъ шитьемъ. Еще болѣе блестящи были шолковыя одежды женщинъ, протканныя золотыми и серебряными нитями и шнурками; пояса ихъ горѣли золотомъ и драгоцѣнными камнями. На столахъ было множество дорогихъ кушаньевъ, дичины, птицъ и рыбъ, сырые и различнымъ образомъ приготовленные плоды. Въ золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ искрились тонкія, прозрачныя вина. Толпы музыкантовъ и хоры пѣвчихъ наполняли залъ мелодическими звуками. Богато одѣтые слуги сновали туда и сюда, чтобы прислуживать гостямъ, у дверей стояли тѣлохранители въ блестящемъ вооруженіи.

Здѣсь-то послы папы Льва передали франкскому королю римское знамя и ключи святаго Петра (796 г.), здѣсь мавры просили его помощи, а послы византійской императрицы представили королю поклонъ отъ своей государыни, здѣсь представлены были ему семь сарациновъ въ полномъ вооруженіи,—это былъ подарокъ короля Галиціи, Альфонса. Здѣсь онъ получилъ изъ рукъ легата іерусалимскаго патріарха ключи святаго гроба, 799 г., здѣсь разложены были предъ нимъ подарки калифа Гарунъ аль Рашида, искавшаго его дружбы; подарки эти были: дорогой ѳиміамъ, шатеръ, дорогія ткани, искусно сдѣланные, приводимые въ движеніе водою часы, въ которыхъ ежечасно указывалъ время дня и ночи падавшій на колокольчикъ металлическій шарикъ.

Карлъ щедро угощалъ и дарилъ пословъ мулами изъ испанской марки, франкскими охотничьими собаками, отличными конями, пестрыми одеждами изъ тонкой фрисландской шерсти.

Когда оканчивались такого рода празднества, Карлъ съ своими гостями и придворными отправлялся на охоту. Въ такихъ случаяхъ онъ носилъ полотняные панталоны, такой же камзолъ, и сверхъ всего кафтанъ, обшитый шолковою тесьмою. Отъ баррета, который прикрывалъ его локонами падающіе на плеча волосы, вѣяли цаплиныя перья, съ боку висѣлъ легкій охотничій мечъ. Благородный, сильный конь носилъ хорошо сложоннаго мужа. — Далеко отзывалось тявканье собакъ, которыхъ отроки вели на туго натянутыхъ сворахъ; лошади, везшіе спутниковъ Карла, нетерпѣливо рыли копытомъ землю, рога гремѣли; явился Карлъ и вложилъ ногу въ стремя. Легкою рысью онъ выѣхалъ въ поле, потомъ въ лѣсъ, гдѣ уже ждали его загонщики общества охоты. Какое поприще для охоты представляла тогда лѣсная чаща! Глухо мычалъ дикій зубръ, спугнутый съ своего ложа крикомъ охотниковъ. Преслѣдуемый легкими собаками, онъ яростно устремился въ кустарникъ. Карлъ самъ пускалъ въ него копье, или даже рѣшался вступить съ нимъ въ поединокъ съ глазу на глазъ. Здѣсь рылъ своими клыками землю лютый вепрь, когда стая собакъ съ тявканьемъ разсыпалась вкругъ него и неистово бросалась на него. Тамъ летитъ по полю олень, за нимъ съ громкимъ воплемъ стремятся легко вооружонные охотники. Въ глубокомъ ущельѣ прислушивается медвѣдь къ шуму приближающихся преслѣдователей. Туда онъ скрылся. Но собаки открыли его убѣжище; сильнымъ ударомъ лапы онъ откинулъ и посшибъ съ ногъ самыхъ смѣлыхъ собакъ, рѣшившихся напасть на него; но и его осилили, вѣрная стрѣла охотника угодила ему въ глазъ.

Гдѣ жъ теперь скрылся блескъ тѣхъ временъ! Съ этимъ величавымъ дворцомъ ахенскимъ, отъ котораго не осталось никакихъ слѣдовъ, исчезъ и блескъ того времени. Ничего не осталось, кромѣ капитальныхъ стѣнъ осьмиугольнаго собора, для постройки котораго собранъ былъ матеріалъ изъ всѣхъ тогда извѣстныхъ странъ земли.

* *
*

На Падербонскомъ сеймѣ, гдѣ саксы присягали франкскому королю, явились послы арабскаго намѣстника Сарагоссы, Абдеръ Рахмана I, который просилъ помощи у Карла противъ эмира Кордовскаго. Христіанскій король считалъ своею обязанностью дать почувствовать магометанамъ, врагамъ христіанства, силу своего оружія и положить границы ихъ завоеваніямъ на западѣ. Благосклонно онъ принялъ пословъ, и въ кругу своихъ вельможъ, которые охотно слѣдовали за героемъ королемъ всюду, куда бы онъ ихъ не пригласилъ, Карлъ обѣщалъ помощь. Въ 778 г. онъ явился во главѣ сильнаго войска въ Испаніи. Сарогосса уже была занята эмиромъ. Онъ взялъ городъ приступомъ и возвратилъ изгнанному Абдеръ-Рахману его достоинство. За это впрочемъ Абдеръ-Рахманъ и другіе намѣстники Испаніи между Эбро и Пиренеями должны были дать ему ленную присягу, а франкское государство пріобрѣло *Испанскую марку*.

Едва былъ побѣдоносно оконченъ этотъ походъ, снова поднялись саксы, подстрекаемые и соединенные въ большой союзъ своимъ герцогомъ, храбрымъ Виттекиндомъ. Страшнѣе чѣмъ когда либо были ихъ приготовленія, опустошительнѣе ихъ хищническіе набѣги; Турингія и Гессенъ нещадно были опустошены ими. Даже монахи Фульдскаго монастыря должны были бѣжать съ мощами святаго Винфрида; до самаго Дейтца на Рейнѣ пробирались ихъ разбойничьи шайки. На Карла обращены были глаза всѣхъ, искавшихъ

спасенія. Весною 779 г. онъ выступилъ въ Вестфалію съ франками и аллеманами. Здѣсь онъ побѣдилъ саксовъ при Бохольтѣ на Аа, потомъ разбилъ остфаловъ и энгеровъ на Везерѣ и занялъ зимнія квартиры. Въ слѣдующемъ году онъ проникъ до Эльбы, преодолѣвъ всякое сопротивленіе, и покорилъ Барденгау. Герцогъ Виттекиндъ бѣжалъ въ Данію, гдѣ нашолъ пріютъ и защиту. Саксы снова клялись въ вѣрности королю, согласились на всѣ тяжолыя условія мира, и опять многіе приняли крещеніе. Это уже въ четвертый разъ усмирялъ ихъ Карлъ. Онъ велѣлъ сдѣлать шанцы и засѣки, чтобы такимъ образомъ обезопасить сѣверную границу своего государства противъ вражескихъ нападеній.

Зиму этого года Карлъ провелъ въ Италіи, рождество встрѣчалъ въ Павіи, пасху въ Римѣ. Здѣсь онъ понялъ, что на значеніи папы покоится и часть его собственнаго могущества. Онъ, защитникъ христіанской церкви, принималъ здѣсь отъ духовнаго главы присягу вѣрности. Папа Адріанъ помазалъ Карлова сына Пиппна въ ломбардскіе короли, а другаго Людовика въ короли Аквитаніи.

Этимъ моментомъ, когда Карлъ удостоился столь высокой чести, воспользовался Тассилонъ, герцогъ баварскій, чтобы испросить себѣ прощеніе за возстаніе противъ короля. Оно было дано при посредничествѣ папы, и герцогъ явился въ Вормсъ къ Карлу для присяги. Но онъ вскорѣ нарушилъ эту клятву.

* *
*

Слѣдующіе за тѣмъ два года франкское государство наслаждалось миромъ. Тѣмъ ревностнѣе король занимался внутренними дѣлами государства. Онъ самъ и онъ одинъ былъ неограниченнымъ властителемъ, въ королѣ сосредоточивалась вся сила правленія, отъ его лица выходили указы по всѣмъ направленіямъ. Ему непосредственно подчинены были епи-

скопы и аббаты, которые были представителями духовенства, потомъ герцоги и маркграфы, областные и посольскіе графы, бывшіе представителями вассаловъ, наконецъ шеффены или старосты, какъ представители народа. Всѣ они являлись на ежегодно собираемыхъ сеймахъ, гдѣ имѣли мѣсто и голосъ. Здѣсь совѣщались отдѣльно одна отъ другой двѣ куріи, — духовныхъ сановниковъ и свѣтскихъ. Они сходились для общаго рѣшенія и дѣлали постановленіе, которое становилось закономъ только послѣ королевскаго утвержденія. Если таковое послѣдуетъ, новый законъ сообщался правящимъ властямъ для исполненія. Такимъ образомъ все законодательство, на которомъ покоится власть государя, находилось въ рукахъ одного короля, который могъ утвердить или отвергнуть рѣшеніе курій. Одна воля держала все зданіе государства.

Равнымъ образомъ и войско имѣло въ королѣ своего главу. Для набора войска все государство было раздѣлено на три военныхъ округа, изъ которыхъ первый заключалъ земли между Пиренеями и Лоарою, второй между Лоарою и Рейномъ, третій между Рейномъ и Эльбою. Каждый округъ имѣлъ своего генерала, которымъ былъ герцогъ провинціи; онъ созывалъ войско и начальствовалъ надъ нимъ. Войско раздѣлялось на ополченіе и ленное или ѳеодальное войско. Первое состояло изъ всѣхъ свободныхъ людей, владѣвшихъ четырьмя гуфами земли (120 акровъ), также и изъ мелкихъ поземельныхъ владѣльцевъ, выставлявшихъ съобща воина и наконецъ изъ гинтерзассовъ. Послѣднее состояло изъ ленныхъ владѣльцевъ равно и изъ свиты вассаловъ. Они то и составляли собственно войско, военное сословіе, тогда какъ первые становились подъ оружіе только во время войны. Духовенство было изъято отъ военной службы.

Гражданское управленіе государства опредѣлялось раздѣленіемъ онаго на небольшія округи или гау. Каждый гау состоялъ въ вѣденіи графа, назначеннаго королемъ; графъ

собиралъ подати, судилъ народъ, и начальствовалъ надъ войскомъ своего гау. На границахъ государства нѣсколько гау соединялись въ одну марку, которая имѣла начальникомъ маркграфа. Это соединеніе необходимо было, чтобы маркграфъ могъ оборонять границу отъ непріятелей. Но что бы каждый гауграфъ исполнялъ свои обязанности, особо избираемые королемъ зендграфы, изъ которыхъ одинъ былъ духовный, другой свѣтскій, посѣщали четырежды въ годъ всѣ гауграфства, и удостовѣрялись на мѣстѣ о веденіи дѣла высшими и низшими чиновниками. Что они находили во время осмотра, обо всемъ доносили королю, который такимъ образомъ могъ знать о положеніи подданныхъ въ разныхъ частяхъ государства.

Такимъ образомъ гауграфъ имѣлъ въ своемъ гау вполнѣ самостоятельное положеніе, и только состоялъ подъ надзоромъ зендграфа. Но народъ терялъ болѣе и болѣе свою самостоятельность. Правда онъ еще имѣлъ право на гаутингахъ (мѣстныхъ судебныхъ сходкахъ) избирать своихъ старостъ и судей и избирать изъ своей среды; но послѣдніе чрезъ принятіе судебной должности дѣлались королевскими чиновниками и должны были дѣйствовать какъ чиновники. Частыя войны сопровождались уменьшеніемъ числа свободныхъ людей, потому что многіе, истомленные войною, продавали свою собственность, что освобождало ихъ отъ обязанности военной службы; или же уступали право собственности на свою землю кому нибудь изъ могущественныхъ вассаловъ, а потомъ получали эту землю уже въ видѣ лена, чѣмъ также отдѣлывались отъ военной службы. За то тѣмъ болѣе увеличивалась ленная дружина, получившая нѣкоторыя права, такъ что уже въ то время положены были основы постояннаго войска, или собственно военнаго сословія.

Эти учрежденія дали королю возможность собирать въ короткое время хорошовооруженное войско,—потому что каждый, поступавшій въ ополченіе, долженъ былъ имѣть свое

вооруженіе, на три мѣсяца продовольствіе; благодаря этимъ учрежденіямъ король могъ приводить въ исполненіе свою волю, т. е. законъ по всѣмъ направленіямъ, по всѣмъ частямъ государства. Такое устройство государства могло стоять твердо и непоколебимо до тѣхъ поръ, пока во главѣ стояло сильное лицо, при слабомъ правителѣ оно расшатывалось быстро. Только при такомъ устройствѣ король могъ противопоставить врагамъ общую силу всего государства, а во время мира слѣдить всюду за правосудіемъ. Хотя различныя племена, принадлежащія къ государству, имѣли свои особенные законы, свои собственные обычаи — и Карлъ не хлопоталъ объ уничтоженіи ихъ,—все-таки король былъ въ состояніи всюду чрезъ чиновниковъ проявлять свое вліяніе, если только того потребуютъ обстоятельства. Правленіе было совершенно монархическимъ, но оно не лежало тяжкимъ бременемъ надъ народомъ, оно являлось всюду водворяющимъ порядокъ и направляющимъ ко благу.

* * *

Съ наступленіемъ 782 г. саксы снова начали заявлять свое недовольство франками. Карлъ былъ въ Римѣ, когда къ нему пришла вѣсть о томъ, что сорбскіе славяне переправились чрезъ Салу, вторгнулись въ Турингію и тамъ много зла надѣлали. Король поспѣшилъ на мѣсто сорбскихъ опустошеній и въ первый разъ потребовалъ отъ саксовъ составить для него ополченіе; такъ онъ увѣренъ былъ въ ихъ покорности. Требованіе это напомнило привыкшему къ свободѣ племени, что самостоятельности его теперь наступаетъ конецъ. Съ неудовольствіемъ становились саксы подъ знамена, но думали не о походѣ. Герцогъ Виттекиндъ возвратился изъ Даніи, въ немъ саксы видѣли своего природнаго герцога, равно какъ освободителя отъ франкскаго ига.

Но они чувствовали себя недовольно сильными для открытаго дѣйствія противъ Карла, поэтому прибѣгнули къ хитрости. Видимо послушные повелѣнію короля, они собрались вооруженные и присоединились къ франкскому войску. Но коварство ихъ недолго скрывалось. Между Минденомъ и Ринтельномъ у горы Зюнтеля они напали на франкскій корпусъ, умертвили предводителей, одного графа и 20 благородныхъ, потомъ бросились на христіанскія церкви, умерщвляли священниковъ, опустошали поля и земли до самаго Рейна.

Гнѣвъ Карла возросъ до высшей степени. Онъ смотрѣлъ на нихъ какъ на клятвопреступниковъ и бунтовщиковъ и созвалъ на сеймъ своихъ вельможъ въ Верденъ на Аллерѣ. Они явились, но не явился герцогъ Виттекиндъ, который также былъ приглашенъ. Никогда еще не видали короля столь мрачнымъ, какъ теперь; онъ явился въ торжественное собраніе, которому уже извѣстна была цѣль сейма. Карлъ былъ оскорбленъ не только въ своемъ лицѣ государя, который вступалъ въ собраніе, едва удостоивая присутствующихъ поклономъ, онъ оскорбленъ былъ какъ человѣкъ, которому саксы клялись въ вѣрности, какъ полководецъ, которому постыдно измѣнила часть войска. Съ важностью подошолъ онъ къ опредѣленному для него мѣсту. Кругомъ господствовала глубокая тишина. Король самъ представилъ дѣло и докладывалъ о совершившемся злодѣяніи. Голосъ его дрожалъ, губы тряслись, лобъ сжимался въ мрачныя складки, когда онъ сообщалъ о случившемся. Потомъ онъ назначилъ для производства суда нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ, въ томъ числѣ и многихъ саксонскихъ вельможъ, и требовалъ отъ нихъ приговора по дѣлу. Задумались на нѣкоторое время судьи, они понимали чувства короля, они чувствовали, какое оскорбленіе ему нанесено. Худой примѣръ будетъ для всего войска, если дѣло не будетъ наказано со всею строгостью и справедливостью! Послѣдовалъ приговоръ, судьи признали измѣну, которая была тѣмъ преступнѣе, что по-

слѣдовала во время военныхъ дѣйствій, и приговорили виновныхъ къ смерти.

Когда Карлъ услышалъ о такомъ приговорѣ, лицо его мрачное нѣсколько прояснилось. Тотчасъ онъ приказалъ привести приговоръ въ исполненіе. Но виновныхъ не было на мѣстѣ, что дѣлать? Онъ потребовалъ отъ саксихъ вельможъ, чтобы они представили изъ своего ополченія 4500 человѣкъ. Несчастные явились, не предчувствуя, что ихъ ожидаетъ. По приказанію своихъ начальниковъ они сложили оружіе. Потомъ они были окружены франками, по данному королемъ знаку на нихъ наложили цѣпи. Приблизились палачи съ бѣлыми топорами и изрубили всѣхъ 4500 человѣкъ.

Это былъ страшный актъ справедливости — кто можетъ сказать, слѣпой злобы! И все таки это былъ судъ слишкомъ жестокій, котораго послѣдствія были очень непріятны для короля. Едва закончилась кровавая баня, всѣ саксонскія племена поднялись, чтобы отмстить за смерть своихъ соотечественниковъ; предводителемъ былъ снова Виттекиндъ. Вмѣсто того, чтобы идти противъ славянъ, Карлу пришлось тушить пожаръ въ землѣ саксовъ. Еще никогда не поднимался народъ саксовъ съ такимъ единодушіемъ противъ короля, какъ теперь, еще никогда не пылалъ такою злобою, еще никогда не проявлялось такой рѣшимости всѣмъ пожертвовать, чтобы только отстоять свою свободу.

Король понялъ опасность и приготовился встрѣтить ее. Уже въ слѣдующемъ году онъ чувствовалъ себя довольно сильнымъ, чтобы выступить на рѣшительную борьбу. Равнина дрожала подъ стопами многочисленнаго войска, созваннаго подъ знамена короля. Испытующимъ взглядомъ король окинулъ ряды, прежде чѣмъ двинулъ ихъ въ битву; сильною рѣчью одушевилъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, самъ сталъ во главѣ всей силы. При Титмелѣ (Детмольдъ) онъ напалъ на враговъ (783). Битва была кровавая, но осталась нерѣшенною. Карлъ принужденъ былъ отступить къ Падер-

бону. Здѣсь онъ пополнилъ войско и ревностно готовился къ новымъ битвамъ. При Газѣ въ другой разъ саксы напали на франковъ. Послѣдніе въ своихъ желѣзныхъ панцыряхъ стояли подобно стѣнѣ, и нанесли врагамъ, бившимся большею частію безъ всякой брони, такое пораженіе, что они потерявши все и совершенно истощенные просили мира. Миръ имъ данъ съ условіемъ полнаго подчиненія Карлу, въ 785 г. Герцогъ Виттекиндъ и его братъ по оружію, Аббіо, запечатлѣли свою вѣрность Карлу принятіемъ крещенія.

Около 793 г. еще разъ возмутились саксонскія племена. Король подавилъ возстаніе и переселилъ возмутившихся съ Эльбы на Рейнъ. Только въ 803 г. когда Карлъ предложеніемъ саксамъ мира и союзнаго договора привлекъ ихъ на свою сторону, онъ могъ заключить съ ними прочный миръ въ Зельцѣ (Кенигсгофенъ на Саалѣ). Такимъ образомъ окончилась война, продолжавшаяся 31 годъ.

* * *

Вѣроломный герцогъ баварскій Тассилонъ вынудилъ Карла предпринять походъ для усмиренія этого внутренняго врага (788). Карлъ низложилъ герцога и раздѣлилъ землю его на мелкіе гау. За тѣмъ славянскіе Вильцы, соединившіеся съ датчанами, отозвали его на сѣверъ. И здѣсь онъ водворилъ спокойствіе и сдѣлалъ Эйдеръ сѣверною границею государства. Наконецъ онъ велъ упорную войну съ аварами, которые жили между Дунаемъ и Тиссою, и побѣдоносно окончилъ ее. На закатѣ своей дѣятельной жизни онъ имѣлъ счастіе видѣть свое государство наслаждающимся внутреннимъ миромъ, извнѣ огражденное противъ непріятелей будто крѣпкою стѣною оборонительными марками.

Одного недоставало для его славы — признанія въ немъ защитника и покровителя всего христіанскаго народа, недоставало *императорскаго достоинства*.

Папа Левъ III, избранный въ 795 г. народомъ, дворянствомъ и духовенствомъ, имѣлъ жестокихъ враговъ въ родственникахъ своего предшественника Адріана. Въ день св. Георгія въ 799 обычная торжественная процессія направилась изъ Латеранскаго дворца къ церкви Георгія. Когда процессія проходила около монастыря Сильвестра, шайка недовольныхъ папою бросилась на него, сбила его съ коня, изорвала его одежды, и хотѣла выколоть ему глаза и вырвать языкъ. Но спутники папы успѣли оказать ему помощь и покрытому кровью папѣ удалось убѣжать въ монастырь Эразма, гдѣ излечили его отъ ранъ. Римъ пережилъ разительное зрѣлище поруганія главы церкви,—почтеніе къ папѣ не могло не поколебаться.

Гдѣ жъ папѣ искать помощи и защиты? Кто имѣлъ довольно силы для смиренія враговъ его? Одинъ король Карлъ. Какъ только папа выздоровѣлъ, бѣжалъ чрезъ Сполетто въ Падербонъ. Въ другой разъ являлся къ могущественному франкскому королю изгнанный изъ Рима папа и просилъ помощи. Король принялъ его съ большою честью. Праздничные гимны раздавались на улицахъ при въѣздѣ папы, весь народъ вышелъ ему навстрѣчу, и среди ликующей толпы, король Карлъ и глава церкви обнялись со слезами на глазахъ. Святой отецъ обратился къ народу и запѣлъ хвалебную пѣснь: Слава въ вышнихъ Богу,—народъ закончилъ: и на землѣ миръ, на людяхъ благоволеніе! Папа распростеръ руки и далъ народу благословеніе.

Нѣкоторое время онъ пробылъ въ Падербонѣ, потомъ сопровождалъ короля въ Аахенъ. Тутъ узнали о святотатственныхъ дѣлахъ враговъ папы. Въ сопровожденіи франкскихъ комисаровъ и солдатъ Левъ отправился въ Римъ, гдѣ народъ принялъ его съ громкими радостными кликами. Противники его своею жестокостью скоро потеряли всякое довѣріе народа, главные враги папы были схвачены.

Но папа не могъ слишкомъ полагаться на прочность только

что водвореннаго спокойствія. И Карлъ понималъ, что опасность не миновала; чтобы предотвратить ее, онъ считалъ необходимымъ посѣщеніе Рима. Въ августѣ слѣдующаго 800 года онъ отправился въ Италію съ войскомъ. Повсюду принимали его съ радостью и почетомъ. Когда Карлъ вступалъ въ Римъ, папа съ духовенствомъ встрѣтилъ его предъ Ватиканомъ. Король былъ гостемъ папы, духовный и свѣтскій глава жили въ мирѣ и согласіи въ столицѣ міра. Приближался торжественный день; король Карлъ долженъ былъ открыть судъ и разобрать дѣло папы и его враговъ. Засѣданіе суда происходило въ церкви св. Петра. Наступилъ самый день, великолѣпный храмъ блисталъ огнемъ и золотомъ. Среди духовенства въ его полномъ, шитомъ золотомъ и серебромъ облаченіи, среди франковъ, въ блестящемъ вооруженіи гордо озиравшихъ собраніе, заняли мѣсто папа, его царственный гость и прелаты. Только они сидѣли, всѣ прочіе стояли. Жалобы на папу были представлены королю, но духовенство отказалось отъ суда надъ своимъ главою. Папа взошолъ на каѳедру и клятвою надъ святымъ евангеліемъ призналъ себя невиннымъ во взносимыхъ на него обвиненіяхъ. Тогда Карлъ произнесъ свой приговоръ, но по просьбѣ папы согласился наказать враговъ его только изгнаніемъ.

Эта сцена была только прелюдіею другаго акта, который изумилъ Карла, вручивъ ему высшее достоинство.

* * *

Опять было многочисленное блестящее собраніе въ церкви св. Петра. Это было на канунѣ праздника Рождества Христова, 24 декабря 800 г. Какъ сіялъ теперь этотъ храмъ, вызолоченный полъ крипты, въ тысячу фунтовъ вѣсомъ серебряные листы главныхъ дверей, надъ которыми возносилось изображеніе спасителя, сдѣланное изъ кованаго се-

ребра, въ позолотѣ. Столбы, поддерживавшіе сводъ храма, были украшены серебромъ, возвышенный алтарь блисталъ золотомъ, на стѣнахъ висѣли пурпурные и шолковые ковры, на которыхъ изображенія усѣяны были жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Храмъ огласился величавыми звуками органа, то шумными подобно приближающейся бурѣ, то нѣжными, мелодическими, подобно хору ангеловъ и серафимовъ. Торжественно раздавались по храму гимны, пѣтые хоромъ опытныхъ пѣвцовъ; это пѣніе оковывало сердца и пробуждало священное благоговѣніе. Всюду виднѣлись праздничныя одежды, богатыя украшенія; здѣсь проявилось все, что было блестящаго и торжественнаго въ Римѣ. Безчисленныя лампы и паникадила освѣщали высокій соборъ сверху до низу и по всѣмъ направленіямъ.

Папу украшала высокая тіара съ короною, и всѣ прелаты и епископы, всѣ священники и служители алтаря были одѣты въ шитыя золотомъ и серебромъ одежды. Король Карлъ явился въ одеждѣ римскаго патриція, сверхъ зеленаго камзола онъ имѣлъ мантію, обшитую пурпуромъ. Созерцая величіе храма, онъ стоялъ прислонясь къ столбу. Папа совершалъ службу. Тронутый торжествомъ момента, когда первый епископъ всего христіанства совершалъ священный обрядъ въ храмѣ, изъ средины котораго поднимался ароматъ оиміама, король палъ на колѣна, изливая въ молитвѣ чувствованія сердца. Глаза его опустились на землю, онъ забылъ все окружавшее его, душа его была исполнена молитвою. Въ эту минуту папа приступилъ къ нему, возложилъ на его голову золотую императорскую корону, а на плеча богатую далматику или императорскую мантію, на которой вышиты были кресты и изображенія святыхъ. При этомъ онъ произнесъ громкимъ голосомъ: «во имя римскаго народа и святой церкви провозглашаю тебя римскимъ императоромъ!» Еще Карлъ не успѣлъ опомниться, какъ собравшійся народъ воскликнулъ: «Здравіе и побѣда Карлу Августу, великому,

мироносному императору римскому!» За тѣмъ папа взялъ сосудъ съ освященнымъ мѵромъ и помазалъ Карла, а потомъ и его сына въ италійскіе короли. Затрубили въ трубы, забили въ литавры, безконечныя восклицанія наполнили храмъ, и весь народъ стремился видѣть новаго императора, мужа, который ростомъ и видомъ превосходилъ всѣхъ, котораго гордая осанка возбуждала въ каждомъ удивленіе.

Кончился церковный праздникъ; теперь все духовенство и вельможи—спутники Карла отправились въ праздничный, парадный залъ Латерана, особенно убранный папою на этотъ случай. Здѣсь среди колоннъ изъ мрамора и порфира, въ залѣ, стѣны котораго украшены были превосходными скульптурными изображеніями, императоръ принималъ поздравленія съ новымъ достоинствомъ, исполнившимъ мѣру его славы.

Если эта церемонія съ одной стороны была только обрядомъ, окружившимъ Карла внѣшнимъ блескомъ и славою, то съ другой стороны обрядъ этотъ имѣлъ для него и важное внутреннее значеніе. Онъ считалъ теперь себя призваннымъ слить воедино государство и церковь, обновить церковное устройство своего государства, и дать свѣтскому законодательству христіанскій характеръ. Уже въ слѣдующемъ году онъ началъ вводить новые церковные порядки, — такъ онъ назначилъ при свѣтскихъ зендграфахъ духовныхъ пословъ изъ епископовъ и аббатовъ, которые вмѣстѣ съ первыми разъѣзжали и ревизовали провинціи. Имъ предоставлено было всѣми мѣрами карать неправду, помогать церкви и ея членамъ, бѣднымъ, вдовамъ и сиротамъ, всему народу безъ различія званія и состоянія, и все это дѣлать отъ лица сильнаго римскаго императора. Въ императорѣ должны были всѣ признать и видѣть главнаго защитника церкви и послѣдній источникъ всякаго порядка и правды. Впрочемъ эта цѣль не могла быть вполнѣ достигнута. Почва, на которой Карлъ сѣялъ, еще не была достаточно воздѣлана, почему и не могла принести ожидаемыхъ плодовъ. Но онъ положилъ ос-

нованіе разнообразному государственному и церковному развитію, которое и въ позднѣйшее время все еще носило слѣды его творческой дѣятельности.

* *
*

Такъ Карлъ Великій на закатѣ дней своихъ былъ средоточіемъ всей жизни народовъ своего времени, нѣмецкимъ мужемъ и государемъ въ полномъ смыслѣ этого слова, страшнымъ для однихъ, прославляемымъ другими, и всѣми уважаемымъ. Воля его исполнялась на пространствѣ земель отъ нѣмецкаго моря до средиземнаго, отъ атлантическаго до Эльбы и Рааба; но онъ былъ равно страшенъ и морскимъ разбойникамъ—норманнамъ и византійскому двору; предъ нимъ дрожали славяне и авары, даны и англосаксы. Однако жъ не смотря на то, что въ его лицѣ выражалась вся сила средней и западной Европы, что онъ сильно былъ проникнутъ убѣжденіемъ въ необходимости для государства одной сильной воли, все таки онъ кажется не имѣлъ цѣли — передать свое государство одному лицу. Онъ рѣшился раздѣлить оное между сыновьями. На сеймѣ въ Дитенгофенѣ (Thionville) въ 806 г. онъ заявилъ свое желаніе и сдѣлалъ необходимыя распоряженія, впрочемъ не рѣшилъ окончательно, кто долженъ носить императорское достоинство. Этому плану впрочемъ не суждено было осуществиться по причинѣ смерти обоихъ старшихъ сыновей его: Карла и Пипина. Они умерли одинъ за другимъ въ 810 и 811 годахъ. Одинъ Людовикъ пережилъ отца, младшій и вмѣстѣ слабѣйшій изъ сыновей Карла. Въ 813 г. императоръ назначилъ его единственнымъ наслѣдникомъ своего государства и своихъ достоинствъ; Карлъ потребовалъ только, чтобы Людовикъ оставилъ сыну Пипина, Карлову внуку Бернгарду, королевство италійское.

То былъ торжественный моментъ, когда старый государь въ церкви Божіей матери, по окончаніи богослуженія, представилъ собравшемуся народу своего сына Людовика какъ наслѣдника престола и потомъ громкимъ голосомъ говорилъ ему объ обязанностяхъ правителя. Съ достоинствомъ государя, съ отеческою нѣжностью онъ убѣждалъ сына чтить Бога, защищать церковь противъ всѣхъ враговъ ея, быть справедливымъ ко всѣмъ подданнымъ, добрымъ къ роднымъ, сострадательнымъ къ бѣднымъ. Чье сердце не было тронуто, чей глазъ оставался невлажнымъ при такихъ словахъ! Когда кончилъ императоръ, онъ повелъ своего сына къ алтарю. Здѣсь лежала золотая корона, которую носилъ самъ Карлъ. Онъ велѣлъ Людовику взять ее собственными руками и возложить на свою голову и помнить, что не людямъ, а одному Богу онъ обязанъ императорскимъ достоинствомъ. Потомъ онъ взялъ за руку сына и представилъ собранію какъ будущаго императора. Здѣсь въ послѣдній разъ они видѣлись; скоро смерть императора разлучила ихъ навсегда, сынъ былъ въ Аквитаніи, когда умеръ отецъ.

Карлъ въ теченіе своей дѣятельной жизни никогда не боялся физическихъ трудовъ. Но не смотря на воздержаніе и умѣренность, все таки подъ старость его стали посѣщать лихорадки, которыя имѣли такое вліяніе на организмъ, что Карлъ явно ослабѣвалъ и началъ прихрамывать. Но и въ болѣзни онъ болѣе довѣрялъ самому себѣ, чѣмъ совѣту врачей: какъ только онъ чувствовалъ себя лучше, постился, что было очень вредно для здоровья. Въ январѣ 814 г. возвратились лихорадки, двадцатаго числа того жъ мѣсяца къ нимъ присоединилось колотье въ боку. 72-хъ лѣтній старецъ чувствовалъ, что силы оставляютъ его. Незадолго предъ тѣмъ онъ занимался исправленіемъ одной рукописи четырехъ евангелій. На седьмой день по возобновленіи лихорадокъ, онъ пожелалъ причаститься. На слѣдующее утро — то было 28-е января около пяти часовъ приблизились пос-

слѣднія минуты его жизни. Блѣдный, но съ спокойнымъ лицомъ онъ лежалъ на постелѣ. Дыханіе замедлялось съ каждою минутою. Еще разъ онъ поднялъ правую руку, сдѣлалъ знаменіе креста на лбу и груди, потомъ сложилъ обѣ руки и съ закрытыми глазами тихо запѣлъ слова: «въ руки Твои предаю мой духъ!» Его жизнь отлетѣла, его сердце перестало биться.

ЛЮДОВИКЪ БЛАГОЧЕСТИВЫЙ И ЕГО СЫНОВЬЯ.

(814 — 870 г.)

Трудно было преемнику Карла Великаго управлять его государствомъ. Когда охладѣла рука, сдерживавшая порывы независимости народовъ и своеволіе вельможъ, начали подниматься противуобщественные и противугосударственные элементы, и Людовикъ, человѣкъ съ добрымъ сердцемъ но безъ характера, уже не смогъ бороться съ притязаніями вельможъ.

Уже было сказано, какъ онъ по волѣ отца принялъ императорскую корону въ Ахенѣ. При этомъ не требовалось посвященія папскаго. Съ горечью принято было въ Римѣ извѣстіе объ этомъ коронованіи, но Левъ молчалъ. Иначе дѣйствовалъ его преемникъ Стефанъ IV. То, чего онъ не надѣялся достигнуть прямымъ путемъ, попытался достигнуть околицею. По вступленіи на престолъ онъ привелъ римлянъ къ присягѣ въ вѣрности императору.

Вѣсть объ этомъ событіи, равно какъ и о своемъ восше-

ствіи на престолъ Петра, онъ отправилъ къ Людовику. Посольство было благосклонно принято, и папѣ, который желалъ личнаго свиданія съ императоромъ, разрѣшено было пріѣхать. Когда-то императоръ переходилъ Альпы въ сопровожденіи храбраго войска, чтобы возстановить тишину въ Италіи, равно и папское значеніе. Теперь папа предпринимаетъ путешествіе къ императору, но не для того, чтобы подобно своимъ предшественникамъ просить его помощи, но съ затаенною мыслью присвоить себѣ право давать императорскую корону. Съ многочисленною свитою онъ явился къ Людовику (816). Императоръ, уже по природѣ преданный духовенству, вышелъ навстрѣчу папѣ съ глубокимъ самоуничиженіемъ. Три раза онъ поклонился ему до земли. Папа съ удовольствіемъ видѣлъ такую преданность императора, но она должна была повести къ исполненію другихъ его плановъ. Нѣкоторое время онъ оставался гостемъ императора, и въ тоже время умѣлъ умно и съ тактомъ держать Людовика въ зависимости отъ себя. Однажды въ разговорѣ онъ предложилъ императору коронованіе въ реймскомъ соборѣ. Людовикъ не видѣлъ въ этомъ ничего обиднаго для себя, тѣмъ болѣе, что онъ уже владѣлъ императорскою короною и императорскою властью. Начались приготовленія, а по окончаніи ихъ приступили къ торжественному акту. Папа Стефанъ при многочисленномъ собраніи возложилъ на главу императора драгоцѣнную корону и помазалъ его святымъ мνромъ. Этимъ онъ не только утверждалъ прежнее коронованіе въ Ахенѣ, но и поставилъ оное на второй планъ предъ новымъ единственно законнымъ коронованіемъ. Папа явился здѣсь лицомъ, которое уполномочено давать императорскую корону и даетъ ее тому, кого считаетъ достойнѣйшимъ.

* *
*

Такъ Людовикъ сначала подчинился духовенству, скоро онъ испыталъ другое уничиженіе, весьма важное по своимъ слѣдствіямъ. Будучи только сорока лѣтъ (817), онъ уступилъ требованію своихъ вельможъ — раздѣлить государство, чѣмъ они надѣялись ослабить власть императора. Три сына Людовика: Лотарь, Пипинъ и Людвигъ получили свои удѣлы, первый—старшій получилъ императорскій титулъ и соправительство вмѣстѣ съ отцомъ. Этимъ положено было сѣмя зависти братьевъ другъ къ другу, а зависть перешла въ неприязнь и злобу сыновей къ отцу.

По смерти своей первой супруги Ирменгарды, Людовикъ Благочестивый вступилъ во второй бракъ съ Юттою (Юдиѳь), коварною и мстительною дочерью Вельфа, графа Баварскаго (819). Отъ этого брака родился четвертый сынъ императора, Карлъ, впослѣдствіи прозванный Лысымъ. Едва ему исполнилось 10 лѣтъ, какъ императрица выпросила у Людовика, чтобы онъ сдѣлалъ Карла королемъ Аллеманіи и далъ ему въ удѣлъ Рецію и часть Бургундіи. Это было началомъ печальныхъ событій, которыя все болѣе и болѣе отравляли жизнь императора. Его сынъ Пипинъ склонилъ на свою сторону войско отца (830) и принудилъ императрицу удалиться въ монастырь; а другой сынъ Лотарь рѣшился даже наложить руку на отца и взялъ его въ плѣнъ. Сеймъ въ Нимвегенѣ прекратилъ пагубный раздоръ и примирилъ отца съ Пипиномъ и Лотаремъ. Людвигъ былъ на сторонѣ отца. Но миръ недолго продолжался. Пипинъ не хотѣлъ явиться на сеймъ въ Орлеанѣ, какъ того требовалъ отецъ. Людовикъ отнялъ у него Аквитанію и отдалъ ее Карлу, сыну Юдиѳи. Пипинъ и Лотарь взялись за оружіе, а папа Григорій IV поддерживалъ ихъ.

Въ 833 г. оба войска стояли другъ противъ друга въ боевомъ порядкѣ на равнинѣ у Кольмара. Ужели въ самомъ дѣлѣ дѣти обнажатъ мечъ на отца? Папа былъ тутъ же. Онъ явился въ лагерь Людовика Благочестиваго. Но никто не вы-

ходитъ ему на встрѣчу, нѣтъ и слѣда торжественнаго пріема. Какъ епископы выказывали явное неодобреніе поступкамъ папы, такъ и солдаты не показали къ нему почтенія. Папа простираетъ руки и произноситъ апостольское благословеніе, но оно принято съ холодностію. Онъ входитъ въ шатеръ императора. Но и императоръ оказываетъ папѣ мало сочувствія, въ немъ—союзникѣ своихъ сыновей, Людовикъ видитъ своего врага. Однако Григорій умѣлъ обойти императора. Увѣщевая его къ миру, онъ грозитъ императору, что въ случаѣ его упорства, миръ Христовъ отступитъ отъ него и его царства. Въ тоже время сыновья Людовика успѣли склонить на свою сторону воиновъ императора. Остававшіеся до сихъ поръ вѣрными императору отряды ночью переходятъ къ сыновьямъ. Когда императоръ пробудился отъ сна утромъ 29 іюня, услышалъ, что все почти войско оставило его. Тогда онъ палъ духомъ, освободилъ отъ присяги немногихъ, остававшихся еще при немъ и послалъ къ сыновьямъ просить пощады себѣ, своей супругѣ и сыну Карлу.

* *
*

Въ послѣдствіи Лотарь особенно самымъ безсовѣстнымъ образомъ оскорблялъ отца. На равнинѣ у Кольмара Людовикъ все еще былъ принятъ съ почетомъ, но потомъ на сеймѣ въ Компьенѣ, созванномъ однимъ Лотаремъ, сынъ заключилъ отца въ монастырь св. Медарда въ Суасонѣ, супругу его въ Тортонѣ, а молодаго Карла въ монастырь Прюма въ Арденахъ. Затѣмъ онъ пытался заставить отца отказаться отъ короны и надѣть монашескую рясу. Людовикъ противился. Отказъ его распалилъ злобу сына; отложивъ въ сторону должное почтеніе къ отцу, слѣдуя только дикимъ порывамъ своего сердца, Лотарь принудилъ отца къ унизительному церковному покаянію. Старый императоръ,

удовлетворяя неестественной злобѣ своего сына, долженъ былъ среди народа, въ власяницѣ кающагося грѣшника, на мѣшкѣ предъ алтаремъ, признать себя виновнымъ въ клятвопреступленіи, богохульствѣ, въ святотатствѣ и другихъ страшныхъ преступленіяхъ Потомъ, чтобы исполнить до краевъ мѣру своей злобы, безчувственный сынъ взялъ отца съ собою въ Ахенъ и тамъ держалъ его въ строгомъ заключеніи.

Общій вопль глубокаго негодованія пронесся по государству, особенно раздражены были германскія племена такою жестокостью Лотаря. Оба брата, Людвигъ и Пипинъ, призвали къ оружію свои народы. Призванные явились быстро и въ короткое время императоръ былъ освобожденъ, церковное покаяніе признано вынужденнымъ. Одинъ Лотарь продолжалъ противиться. Только когда отецъ повелъ противъ него войско, онъ покорился и на колѣнахъ просилъ прощенія.

Къ несчастію Людовикъ Благочестивый скоро далъ поводъ къ обнаруженію новой неприязни сыновей своихъ. Онъ отнялъ у своего сына Людвига часть его земель и отдалъ ихъ Карлу. Потомъ по смерти своего сына Пипина, (838) онъ передалъ тому же Карлу и всю землю Пипина, а область, лежащую къ востоку отъ Мааса, льстивому Лотарю. Этимъ онъ возбудилъ къ себѣ злобу Людвига, и послѣдній снова взялся за оружіе. Правда, онъ уклонился отъ битвы съ вышедшимъ противъ него отцомъ, но имъ уже не удалось больше видѣть другъ друга.

Наскоро устроенная палатка на одномъ островѣ Рейна, противъ Ингельгейма, была мѣстомъ кончины Людовика Благочестиваго. Оставленный сыновьями, лежалъ здѣсь 64-хъ лѣтній старецъ почти одинокимъ, когда пришла къ нему смерть. Это было зрѣлище, раздирающее душу. Куда дѣвался блескъ его императорскаго достоинства, гдѣ слава каролингскаго имени! Казалось возвращались кровавыя времена меровинговъ со всѣми ихъ злодѣйствами и ужасами. Одинъ только изъ родственниковъ государя остался ему вѣрнымъ,

это сводный братъ его Дрого, архіепископъ Мецскій. Получивъ извѣстіе о положеніи Людовика, онъ поспѣшилъ на островъ Рейна и вошолъ въ палатку умирающаго (840).

Людовикъ принялъ его съ радостью. Какъ забилось истерзанное печалями сердце больнаго при взглядѣ на добраго брата. Ему жаловался императоръ на поступки сыновей, въ особенности Людвига, который рѣшился выступить съ войскомъ противъ отца, но при встрѣчѣ съ отцовымъ войскомъ боязливо удалился въ Баварію. Благородный Дрого уговаривалъ Людовика оставить теперь гнѣвъ на сыновей. Его увѣщанія нашли отголосокъ въ сердцѣ императора. «Хорошо» сказалъ умирающій, «если Людвигъ не можетъ придти ко мнѣ, я съ своей стороны сдѣлаю что могу. Бога и васъ я призываю въ свидѣтели, что я прощаю ему все, въ чемъ онъ погрѣшилъ противъ меня!» Дыханіе его дѣлалось все труднѣе, голосъ его дрожалъ, часто онъ долженъ былъ прерывать свою рѣчь и отдыхать. Послѣ одной паузы Людовикъ продолжалъ: «Прошу васъ однако напомнить ему, что онъ свелъ въ гробъ мою сѣдую голову!» Скоро онъ испустилъ послѣдній вздохъ и закрылъ глаза.

* *
*

Смерть отца была сигналомъ къ жесточайшей непріязни и потомъ войнѣ между братьями,—Людовикъ и Карлъ вооружились противъ Лотаря и разбили его при Фонтенайлѣ въ Бургундіи 24 іюня 841 г. Лотарь бѣжалъ, нашолъ помощь у саксовъ и снова выступилъ съ войскомъ противъ братьевъ. Но онъ не устоялъ, когда братья двинулись чрезъ Мозель у Кобленца и принужденъ былъ принять миръ, утвержденіе котораго впрочемъ онъ умѣлъ отдалить до 843 г. все грозя войною братьямъ.

Этотъ миръ, извѣстный подъ названіемъ Вердюнскаго договора 843 г., самъ по себѣ былъ только окончаніемъ несча-

стной вражды братьевъ, въ которой погибло почти всякое уваженіе народовъ къ королевскому достоинству, страна была истощена, благосостояніе разрушено. Но по своимъ послѣдствіямъ это событіе имѣетъ великое историческое значеніе. Оно служило основаніемъ сохраняющемуся до нынѣ дѣленію главныхъ земель средней и западной Европы, особенно дѣленію на Францію и Германію. Тутъ отдѣлились другъ отъ друга состоявшія подъ однимъ скипетромъ, но разнородныя національности: романскій народъ отъ нѣмецкаго. Съ того момента, какъ братья подписали этотъ договоръ, начинается самостоятельная Франція рядомъ съ неменѣе самостоятельною Германіей.

Рейнъ служилъ естественною границею народностей за немногими исключеніями. Жившіе на правомъ берегу Рейна остфранки, равно и города на лѣвомъ берегу Шпейеръ, Вормсъ и Майнцъ—область населенная собственно германскими племенами—перешли къ Людвигу, который оттого и получилъ названіе «Нѣмецкаго».

Земли, лежащія на лѣвомъ берегу Рейна, извѣстныя подъ общимъ именемъ Вестфранконіи: Нейстрія, Бургундія, Лангедокъ, Аквитанія, Гасконь, Испанская марка и часть Фрисландіи остались за Карломъ Лысымъ.

Наконецъ область, лежащая между остъ и вестфранками отъ Нѣмецкаго моря между Шельдою и Рейномъ, и отъ истоковъ Саоны до мѣста, гдѣ она впадаетъ въ Рону, потомъ внизъ по этой рѣкѣ до Средиземнаго моря, отдана была Лотарю вмѣстѣ съ Италіей. Лотарь получилъ и императорское достоинство.

На сколько прочно было дѣленіе на остъ и вестфранковъ, на столько грозило опасностью въ будущемъ соединеніе съ Италіею полосы между Рейномъ и Шельдою. Спустя 27 лѣтъ послѣ Вердюнскаго договора, когда Карлъ и Людвигъ еще сидѣли на своихъ престолахъ, а Лотарь еще съ 855 г. оставилъ скипетръ и удалился въ монастырь Прюма, царство

послѣдняго досталось двумъ оставшимся братьямъ. Оба брата взялись было за оружіе, но Карлъ долженъ былъ уступить сильному Людвигу. 8 августа 870 г. состоялся договоръ въ Мерзенѣ, по которому вся нѣмецкая земля на лѣвомъ берегу Рейна, названная Лотарингіею, присоединена была къ остфранкскому государству, а вся романская земля съ городами Ліономъ, Безансономъ, Вьенною, Туломъ, Вердюномъ, Камбре и Генегау къ Вестфранкскому.

Такъ установлена была граница между западною и среднею Европою, и народы, жившіе по сю и по ту сторону этой границы, получили естественное и самостоятельное положеніе. Исторія Франціи съ тѣхъ поръ пошла иною дорогою, чѣмъ исторія Германіи и каждая земля, отдѣленная отъ сосѣда, развивалась свойственнымъ ей образомъ.

ПОСЛѢДНІЕ КАРОЛИНГИ.

(870—987).

Междоусобія сыновей Людовика Благочестиваго положили начало разрушенію государства, созданнаго Карломъ и управляемаго съ твердостію. Самое Вердюнское и Мерзенское раздѣленіе государства не было вполнѣ прочно. Европа представляетъ нашимъ взорамъ печальный видъ внутренняго разстройства и внѣшняго безсилія противъ враговъ.

Во главѣ остфранковъ или нѣмцевъ стоялъ сильный Людовикъ, сынъ Людовика Благочестиваго. Нѣсколько разъ онъ

являлся съ помощію своему брату Карлу Лысому, поддерживая его власть противъ усилившихся вельможъ, защищая границы противъ морскихъ грабителей, норманновъ. За это онъ получилъ Эльзасъ. Но въ собственномъ его государствѣ начались возстанія сыновей противъ отца, нападенія славянъ и болгаръ. Когда сынъ Лотаря Людовикъ II умеръ въ 875 г. Людовикъ хотѣлъ получить императорскую корону, но Карлъ Лысый предупредилъ его, и папа Іоаннъ VIII въ декабрѣ 875 короновалъ Карла въ Римѣ.

Карлъ Лысый французскій, сдѣлавшись императоромъ, успѣлъ въ слѣдующемъ году по смерти Людовика нѣмецкаго занять Лотарингію. Но Людовикъ III остфранконскій, сынъ Людовика нѣмецкаго, разбилъ его при Андернахѣ и возвратилъ спорную область. Затѣмъ сыновья Людовика нѣмецкаго раздѣлили отцовское государство: Карломанъ получилъ Баварію, Людовикъ Остфранконію, Карлъ Аллеманію. Послѣдній, по прозванію Толстый, принялъ и императорскій титулъ.

Карлъ Толстый получилъ и корону императорскую отъ папы Іоанна VIII послѣ смерти Карла Лысаго. Казалось, еще разъ проявится погасавшій блескъ Карлова царствованія, потому что въ слѣдующемъ году (882) по смерти Людовика Остфранкскаго (Карломанъ умеръ еще въ 880 г.), Германія и Италія соединились подъ скипетромъ Карла. Спустя еще два года (884), и вестфранки передали ему корону, и твореніе Карла было возстановлено. Но не было больше сильной руки Карла Великаго, а Карлъ Толстый былъ слишкомъ слабъ, чтобы управлять такимъ государствомъ. Въ особенности много ему было дѣла съ *Норманнами*, которые въ соединеніи съ датчанами продолжали свои хищническія нападенія на Францію. Предводителемъ ихъ былъ король Зигфридъ, по морямъ странствующій рыцарь. Его государство было тамъ, гдѣ становились на якорь его корабли, гдѣ располагалась лагеремъ его воинственная дружина. Уже сѣдѣли его волосы, но предпріимчивость его не

ослабѣвала, битвенный огонь не угасалъ въ его груди. Съ нимъ соединился король Готфридъ, имѣвшій пристанище на островѣ Вальхернѣ у Шельды. Оба короля проникли до Мааса, сожгли Люттихъ, Мастрихтъ и другіе города. Тысячами появлялись ихъ всадники на Рейнѣ; Кельнъ, Боннъ и Нейсъ занялись пожаромъ. Потомъ они свернули отъ Рейна опять на западъ, и пепелища Цюльпиха, Юлиха и Ахена, гдѣ ихъ лошади стояли въ королевской капеллѣ, опустошенные монастыри Корнеліевъ, Мюнстерскій, Прюмъ, Стабло и Мальмеди обозначили ихъ путь. Невдали отъ Люттиха они разбили свой лагерь, укрѣпили его и назвали Ашло; отсюда продолжали они опустошать страну по всѣмъ направленіямъ. Сюда-то двинулся на нихъ Карлъ Толстый; войско его, состоявшее изъ франковъ, баваровъ, швабовъ, тюринговъ и саксовъ, было столь многочисленно, что съ нимъ можно было совершенно окружить лагерь норманновъ. Даны должны были погибнуть. Но Карлъ рѣшился лучше вступить съ ними въ переговоры. На валу лагеря дановъ былъ вывѣшенъ щитъ въ знакъ мира, ворота Ашло отворились, но каждаго вступавшаго въ нихъ или убивали, или брали въ плѣнъ. Не смотря на то, Карлъ все продолжалъ вести переговоры; король Зигфридъ требовалъ денегъ. Императоръ обобралъ церковныя сокровища и заплатилъ ему больше двухъ тысячъ фунтовъ золота и серебра. Теперь онъ былъ воспріемникомъ датскаго короля, пожелавшаго креститься; Зигфридъ обѣщалъ больше не возвращаться изъ Даніи. Готфридъ женился на дочери умершаго Лотаря II Гизеллѣ, и въ приданое получилъ Кеннемерландъ, бывшій прежде удѣломъ его дяди Рориха. Двѣсти кораблей, нагруженныхъ добычею и плѣнниками отплыли въ Данію, а императоръ приказалъ: кто убьетъ кого либо изъ норманновъ, долженъ поплатиться за это жизнью или глазами.

* *
*

Уступчивость императора Карла возбудила союзныхъ норманновъ и登 дановъ заявить ему новыя требованія. Особенно неумѣренъ былъ въ требованіяхъ король Готфридъ. Онъ говорилъ, что земля его не производитъ никакого вина, что ему нечѣмъ содержать ополченія и защищать границы своего государства, что ему очень понравились округи Кобленца, Андернаха и Зинциха, богатые виноградниками. Императоръ Карлъ готовъ былъ исполнить его желаніе. Но Генрихъ, маркграфъ Нейстріи, обѣщалъ уладить дѣло, если императоръ уполномочитъ его на то. Карлъ согласился и Генрихъ отправился въ качествѣ императорскаго посла къ королю Готфриду. Спутниками его были Виллибертъ, архіепископъ кельнскій и нѣсколько вѣрныхъ друзей; невдалекѣ за ними слѣдовалъ отрядъ воиновъ на всякій случай.

Ничего не подозрѣвая, Готфридъ вышелъ навстрѣчу императорскому послу и принялъ его съ подобающею честью. На островѣ Бетуве, отдѣляющемъ Ваалъ отъ Рейна, назначено было совѣщаніе. Готфридъ повторилъ свое требованіе и подкрѣпилъ оное лучшими по его разумѣнію доводами. Но маркграфъ Генрихъ упорствовалъ, на доводы короля онъ представлялъ свои, которые шли въ разрѣзъ съ желаніями короля. Цѣлый день прошолъ въ переговорахъ, не достигшихъ цѣли. На слѣдующій день Генрихъ чрезъ архіепископа пригласилъ супругу Готфрида будто бы для ускоренія дѣла. Самъ же отправился на островъ, гдѣ снова начались переговоры.

Расположившись на землѣ по тогдашнему обычаю, опять начали обсуждать требованія короля и уже казалось, что маркграфъ дѣлается уступчивѣе. Начинали сходиться въ мнѣніяхъ, сдѣланы нѣкоторыя уступки и переговоры близились къ концу. Вдругъ графъ Евергардъ вмѣшался въ переговоры. Онъ жалуется на Готфрида, называетъ его нарушителемъ мира, грабителемъ и грозно ударяетъ по мечу. Запальчивый король отвѣчалъ ему также бранью. Еще онъ

не смекнулъ въ чемъ дѣло, какъ графъ уже стоялъ около него, и когда король хотѣлъ подняться съ земли, Эвергардъ поразилъ его на смерть. Таковъ былъ планъ графа и онъ удался. Спутники Готфрида были изрублены воинами Генриха, и этотъ врагъ былъ больше не опасенъ.

* * *

Но никогда измѣна и убійство не сопровождались добрыми слѣдствіями. Правда, онѣмѣлъ корыстный языкъ короля Готфрида, но злое дѣло маркграфа Генриха пало на голову императора, который допустилъ оное. Усиленное новыми шайками норманно-датское населеніе Кеннемерланда утвердилось прочно въ Левенѣ и отсюда начало свои новыя опустошенія. Враги дѣлались все смѣлѣе, все упорнѣе требовали они земли, золота и серебра.

Въ декабрѣ 885 г. датскій флотъ явился предъ Парижемъ. Семьсотъ кораблей стояло на Сенѣ, и сорокъ тысячъ воиновъ готовились штурмовать городъ и грабить окрестности. Они явились отъ Понтуаза, который обратили въ пепелъ. Вождемъ же ихъ былъ король Зигфридъ, когда-то обѣщавшій императору не возвращаться изъ-за моря, но теперь явившійся мстителемъ за коварно убитаго своего товарища по оружію Готфрида. Парижъ былъ тогда еще малъ, онъ находился на островѣ Сены, но былъ обведенъ крѣпкою стѣною. Оба моста, соединявшіе городъ на островѣ съ берегами сѣверной и южной стороны, были защищены сильными башнями. Датскій флотъ не могъ пройти дальше вверхъ по Сенѣ. Король Зигфридъ обратился къ парижскому епископу съ требованіемъ пропуска; никто въ городѣ не подвергнется грабежу или другой обидѣ. Епископъ спросилъ, какое ручательство король дастъ за исполненіе такого обѣщанія: «Мою голову, отвѣчалъ Зигфридъ, мой добрый мечъ и мои сѣдые волосы»! Затѣмъ онъ прибавилъ: «если ты

не уступишь, не будетъ городу покоя отъ нашихъ стрѣлъ и отъ голода»! Епископъ призадумался на минуту. Потомъ грозно глядя въ глаза отважнаго короля, онъ отказываетъ ему въ его требованіяхъ и удаляется отъ него.

На слѣдующее утро началась осада Парижа. Архіепископъ и графъ Одо руководили защитою города съ большою осмотрительностію и мужествомъ. Сначала даны штурмовали башню у сѣвернаго моста, но безуспѣшно: кипящее масло и смола окачивали идущихъ на приступъ. Тогда враги выставили метательныя орудія,—камни и свинцовыя пули сильно громили башню. Подъ прикрытіемъ въ родѣ башни приблизился къ стѣнѣ датскій отрядъ и съ своими топорами пробрался до крыши. Тогда сверху падаетъ на нихъ огромный булыжникъ и шестьдесятъ человѣкъ были раздавлены. Теперь враги пытались зажечь башню, но дождь помѣшалъ пожару. Наступила ночь, труды осаждавшихъ не увѣнчались успѣхомъ, защитники радовались.

Скоро настала жестокая зима. Даны расположились лагеремъ вокругъ города и опустошали страну до самаго Реймса. Въ концѣ генваря они возобновили приступы къ башнѣ. И опять она защищалась хорошо противъ стѣнобитныхъ орудій и метательныхъ машинъ, равно и противъ дождя непріятельскихъ стрѣлъ. Осажденнымъ удалось пустить ко дну три непріятельскихъ корабля, приближавшихся къ башнѣ чтобы зажечь ее. Но съ окончаніемъ зимы разлилась Сена. 6 февраля теченіемъ прорвало мостъ, соединявшій башню съ городомъ. Башня попала въ руки дановъ. Но въ то же время явились воины, чтобы отнять ее обратно. Маркграфъ Генрихъ, посланный императоромъ, явился съ отрядомъ войска, который впрочемъ очень ослабленъ былъ худою погодою. И все таки даны были обращены въ бѣгство.

Между тѣмъ король Зигфридъ утомился осадою города и удалился домой. Но большая часть кораблей осталась и продолжала облежаніе города, который ктому жъ много терпѣлъ

отъ голода и чумы. Маркграфъ Генрихъ удалился изъ города, теперь ожидали самого императора съ большимъ войскомъ. Но онъ не шолъ. Опять онъ послалъ напередъ маркграфа. Еще до начала жнива, Генрихъ подступилъ съ своимъ отрядомъ къ лагерю дановъ. Лагерь былъ окруженъ рвами и защищенъ плетнемъ. Такъ какъ непріятель не показывался изъ лагеря, нетерпѣливый маркграфъ подскакалъ къ самому лагерю. Нѣкоторые изъ дановъ начали подстрекать его свернуть съ дороги и проѣхать по полю. Едва онъ повернулъ съ дороги, какъ лошадь его упала въ ровъ и увлекла съ собою всадника. Даны видѣли это, они напали на маркграфа и умертвили его. Воины маркграфа съ трудомъ успѣли спасти трупъ его.

Наконецъ явился и императоръ и вступилъ въ Парижъ. Но едва онъ прибылъ, какъ разнеслась вѣсть о томъ, что возвратился король Зигфридъ. Робкій императоръ предложилъ опять деньги для полученія мира. Деньги были отданы, но опустошенія продолжались. Карлъ заболѣлъ и удалился на Боденское озеро. Здѣсь получилъ онъ вѣсть о томъ, что нѣмцы низложили его (887), а въ Парижѣ въ короли избранъ графъ Одо, храбрый защитникъ города.

* *
*

Въ Германіи корону передали храброму каринтійскому герцогу, Арнульфу. Король Одо явился къ нему въ Вормсъ и испросилъ признаніе въ новомъ своемъ достоинствѣ. Потомъ въ Регенсбургѣ присягнулъ ему Рудольфъ, герцогъ Верхнебургундскій, бывшій до сихъ поръ врагомъ Арнулвфа. Богемію отдалъ Арнульфъ въ удѣлъ моравскому князю Святополку, потомъ двинулся въ Баварію, чтобы смирить непокорнаго герцога этой области. Онъ уже стоялъ на границѣ Баваріи, какъ пришла вѣсть, что нѣмецкое войско, сто-

явшее на Гейлѣ противъ дановъ и норманновъ, уничтожено хитростью и силою, что самъ архіепископъ майнцскій убитъ. Арнульфъ пошолъ на норманновъ, которые соединили свои силы при Левенѣ. Здѣсь валъ и болото окружали лагерь непріятелей, и всадники Арнульфа ничего не могли сдѣлать. Быстро переправился онъ чрезъ рѣку, чтобы на Дилѣ поправить то, что испорчено было на Гейлѣ. Нужно было дѣйствовать смѣло и рѣшительно. Императоръ соскочилъ съ коня, бросился впередъ съ знаменемъ, за нимъ слѣдовали пѣшкомъ старый и малый. Часть всадниковъ осталась назади, чтобы обезпечить возвратный путь. Съ воплемъ бросились воины обѣихъ сторонъ другъ на друга, въ непріятельскомъ лагерѣ поднялись страшныя знамена. Бой былъ очень силенъ, сражались одинъ на одинъ, обнаженные мечи будто рубили камень или желѣзо. Нѣмцы побѣдили. Враги въ страхѣ бѣжали къ рѣкѣ и гибли тысячами въ ея волнахъ. Два датскихъ короля, Зигфридъ и Готфридъ, легли мертвыми на полѣ битвы, шестнадцать отнятыхъ у норманновъ королевскихъ знаменъ Арнульфъ взялъ съ собою въ Баварію.

Послѣ такой побѣды, одержанной въ 891 г., поднялось значеніе императора въ Германіи, и устрашенные герцоги уже не пытались противиться ему. Спустя три года, онъ поднялся въ Римъ, чтобы тамъ получить изъ рукъ папы императорскую корону. Но смуты въ верхней Италіи, въ которыхъ запутался самъ Арнульфъ, помѣшали ему исполнить свои планы. Онъ возвратился опять въ Германію, созвалъ нѣмецкихъ князей и епископовъ на большой синодъ въ Трибурѣ, гдѣ въ угоду духовенству далъ церкви новую силу, а герцога Лотарингіи возвелъ въ званіе короля. Потомъ онъ снова отправился въ Италію, взялъ приступомъ Римъ, защищаемый Агильтрудою, вдовою герцога Гвидо Сполетскаго, и заставилъ папу Формоза короновать и помазать себя въ римскіе императоры. Но на верху славы и могу-

щества не суждено было ему долго носить императорскую корону. Внезапная болѣзнь, слѣдствіе отравы, приготовленной ему въ Италіи, свела его въ могилу въ 899 г. въ Регенсбургѣ.

Людовикъ, семилѣтній сынъ Арнульфа, сдѣлался его преемникомъ; правителями на время его малолѣтства были Гаттонъ, архіепископъ майнцскій, и Оттонъ, герцогъ саксонскій. Въ слѣдствіе частыхъ нападеній славянъ государство приходило все въ большее и большее разстройство. Императоръ, по прозванію дитя, умеръ среди этихъ бѣдствій на 18 году жизни, и съ нимъ угасла нѣмецкая мужская линія каролинговъ (911 г.).

Во Франціи избранный въ 887 г. въ короли графъ Одонъ не могъ удержаться на престолѣ. Каролингская партія успѣла въ 893 г. короновать въ Реймсѣ Карла Простаго. Но когда послѣдній уступилъ Нормандію предпріимчивому норманнскому предводителю Роллону, на тронъ возведенъ былъ другою партіею братъ Одона, Робертъ графъ Иль-де-Франса—(922). Робертъ палъ въ слѣдующемъ году въ битвѣ съ Карломъ, и королемъ сдѣлался Рудольфъ, герцогъ Бургундскій. По смерти его носили королевскій титулъ Каролинги Людвигъ IV, сынъ его Лотарь и Людовикъ, сынъ Лотаря, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ силы и значенія. Послѣдняго короля отравила жена въ 987 г., когда онъ только что получилъ корону. Его отцу за годъ предъ тѣмъ приготовлена была подобная же участь.

Такъ безславно и безъ сожалѣнія отъ современниковъ сошолъ со сцены каролингскій родъ, котораго родоначальникъ былъ величайшимъ человѣкомъ всѣхъ временъ. Свѣтская власть, всѣ отрасли которой сходились въ рукахъ императора, пала, такъ какъ эта власть не могла больше связать и сдерживать эти отрасли. За то тѣмъ сильнѣе сдѣлалось духовенство, іерархія, вышедшая изъ Рима и стремив-

шаяся подчинить себѣ всѣ свѣтскія власти. Для этой цѣли она создала изъ такъ называемыхъ «Исидоровскихъ декреталій» особенное церковное право, которое и поставила на мѣсто древняго первоначальнаго права (каноническаго). Этимъ церковь сдѣлала первый, обильный и своими послѣдствіями шагъ для того, чтобы въ умахъ народовъ основать и укрѣпить мысль о преобладаніи церковной власти надъ свѣтскою, даже надъ властью императора.

ВОЗВЫШЕНІЕ ГЕРМАНІИ ПРИ САКСОНСКИХЪ ИМПЕРАТОРАХЪ.

КОРОЛЬ КОНРАДЪ (911—918).

Во время слабаго правленія каролинговъ усилились герцоги разныхъ нѣмецкихъ племенъ. Когда умеръ Людовикъ дитя, мысль Карла Великаго объ основаніи всемірнаго нѣмецко-христіанскаго государства была почти забыта. Герцоги и графы воевали другъ съ другомъ, епископы и аббаты должны были окружить себя военною дружиною, чтобы защищаться отъ нападеній дворянъ. Земледѣліе упало, крестьянинъ обѣднѣлъ, монастыри и церкви лежали въ развалинахъ или подъ пепломъ. Война сдѣлалась ремесломъ, многія мѣста, прежде людныя, опустѣли, грабежъ оставался безнаказаннымъ. При такихъ обстоятельствахъ кто бы рѣшился принять бразды правленія? Чья рука была довольно крѣпка, для того, чтобы возстановить личную безопасность и собственность, дать силу закону?

Германія сдѣлалась избирательнымъ государствомъ. Естественно было вручить корону сильнѣйшему изъ герцоговъ. Въ государствѣ было шесть герцогствъ: Фрисландія, Франконія, Саксонія, Тюрингія, Швабія и Баварія. Выборъ дол-

женъ былъ пасть на одного изъ сильнѣйшихъ герцоговъ, франконскаго или саксонскаго. На равнинѣ у Форхгейма въ ноябрѣ 911 г. собрались герцоги, епископы и графы съ своею свитою на коняхъ. Здѣсь долженъ былъ произойти выборъ. Послѣ совѣщанія пришли къ соглашенію. Общій голосъ рѣшилъ дѣло въ пользу стараго Оттона саксонскаго. Но Оттонъ не хотѣлъ въ преклонныхъ лѣтахъ нести тяжесть правленія и отклонилъ предложеніе короны. Онъ рекомендовалъ молодаго франконскаго герцога, который и былъ поднятъ на щитъ и коронованъ въ короли.

Тернистое поприще лежало предъ Конрадомъ, государство было сильно раздираемо внутренними междоусобіями, король не могъ установить мира. Изъ земель за Рейномъ онъ имѣлъ вліяніе только на Эльзасъ. По смерти Оттона свѣтлѣйшаго, Конрадъ хотѣлъ отнять у сына его Генриха часть саксонскаго герцогства и тѣмъ ослабить его. Но не такъ легко было исполнить это дѣло. Генрихъ былъ высоко уважаемъ своими саксами какъ за качества своего отца, такъ и за собственныя.

Говорили про него, что онъ подобенъ цвѣтку, обѣщающему пришествіе весны. Пріятно было видѣть высокаго, стройнаго мужа на военныхъ играхъ, на рыцарскихъ поединкахъ и ристалищахъ; не было въ Саксоніи болѣе смѣлаго и удачнаго охотника. И на полѣ сраженія онъ былъ однимъ изъ храбрѣйшихъ. Онъ возвратился побѣдителемъ съ войны съ Далеменціями, обнажалъ мечъ противъ Венгровъ и воевалъ съ ними не всегда успѣшно, но не безъ славы. Ктому жъ онъ обладалъ рѣдкою проницательностью и не терялся при самыхъ запутанныхъ обстоятельствахъ. Онъ съ перваго взгляда понималъ возможное и удобоисполнимое, и никогда не ставилъ цѣли, которой достиженіе было сомнительно. У него не было заносчивости и легкомыслія. Если онъ и бывалъ иногда за обѣдомъ веселъ, за то большею частію оставался серьезнымъ и строгимъ. Никто изъ его

подданныхъ не терпѣлъ отъ него обиды, миръ и порядокъ онъ строго поддерживалъ, и это ему легко удавалось.

* * *

Когда Конрадъ послалъ своего брата Эбергарда противъ саксовъ въ 915 г., возмутилась противъ короля вся Швабія Эбергардъ былъ разбитъ на голову при Эресбургѣ, въ то же время напали венгры на Германію и опустошили Швабію, Турингію и Франконію, прошли даже до Бремена. Венды съ данами явились съ мечемъ и огнемъ на Эльбѣ. Государство было въ страшномъ смятеніи.

Тогда въ сентябрѣ 916 г. собрались въ Гогенальтгеймѣ въ Рейсѣ, недалеко отъ Нордлингена, епископы нѣмецкихъ земель, возобновили присягу, данную королю Конраду и опредѣлили страшныя наказанія вассаламъ, затѣвающимъ смуты. Но трудно было привести въ исполненіе эти наказанія. Арнульфъ, герцогъ Баварскій, пасынокъ Конрада, приготовлялся къ войнѣ съ нимъ. Когда Конрадъ явился въ Баварію съ войскомъ, Арнулвфъ бѣжалъ къ врагамъ государства — венграмъ. Эти снова разлились по Баваріи и Швабіи съ грабежомъ и убійствами, а король заболѣлъ въ это время отъ раны.

Смуты, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, разстроили его силы больше, чѣмъ физическая болѣзнь. Въ постоянной борьбѣ съ противуобщественными силами времени, сломлена была его сила; его благородная натура измѣнилась, онъ сдѣлался скрытенъ и жестокъ. Когда онъ почувствовалъ приближеніе смерти, то велѣлъ призвать своего брата Эбергарда и говорилъ ему: «Чувствую, что не долго мнѣ остается жить. Что теперь будетъ съ государствомъ — зависитъ отъ тебя, поэтому подумай хорошенько и послушай моего совѣта братскаго. У насъ хорошая дружина и большой народъ, готовый слѣдовать за нами на войну; у насъ есть оружіе и

замки, въ нашихъ рукахъ корона и скипетръ, насъ окружаетъ весь блескъ королевскаго величія. Но не достаетъ намъ счастья и вѣрнаго такта. Счастье и тактъ выпали на долю Генриха, судьбы государства въ землѣ саксовъ. Возьми жъ королевскія регаліи, королевскую мантію съ золотыми запястьями, мечъ и корону нашихъ древнихъ королей, ступай къ Генриху и заключи съ нимъ миръ, чтобы впередъ имѣть въ немъ друга. Иначе: ужели франконскій народъ долженъ гибнуть отъ его меча? Ему суждено быть королемъ и государемъ многихъ народовъ»! Такъ говорилъ умирающій Конрадъ и Эбергардъ не могъ удержаться отъ слезъ. Онъ обѣщалъ исполнить совѣтъ брата и сдержалъ свое слово.

Скоро Конрадъ умеръ 918 г. 23 декабря и былъ погребенъ въ старомъ Фульдскомъ монастырѣ у алтаря святаго Креста. Смерть примирила его съ врагами и много о немъ жалѣли.

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ I.

(919 — 936).

Герцогъ Генрихъ жилъ въ своемъ крѣпкомъ замкѣ Кведлинбургѣ на Гарцѣ и ничего не зналъ еще о смерти Конрада. Замокъ по тогдашнему обычаю былъ окруженъ высокими стѣнами и валомъ. Надъ главными воротами возвышалась угловатая башня, на которой виднѣлся герцогскій гербъ, вырѣзанный на камнѣ. За этими воротами находились ко-

нюшни и амбары, окружонныя пространнымъ дворомъ, изъ котораго чрезъ подъемный мостъ, чрезъ вторыя ворота со сводами вступали во внутренній дворъ замка. Третьи ворота, снабжонныя опускною рѣшоткою или дверью, образовали входъ въ третій дворъ, который окружалъ одноэтажный замокъ.

Было раннее утро. Съ высокой сторожевой башни, стоявшей на стѣнѣ втораго двора, рожокъ стражи возвѣстилъ приближеніе неизвѣстныхъ гостей. Небольшой отрядъ всадниковъ проѣзжалъ мимо Бланкенбурга, укрѣпленнаго мѣстечка герцога, въ которомъ онъ имѣлъ птичью охоту. Зимнее солнце освѣщало покрытую снѣгомъ равнину и отражалось на бѣлыхъ доспѣхахъ всадниковъ. При звукѣ рога герцогъ подошолъ къ окну, его зоркій глазъ замѣтилъ приближавшихся. Онъ велѣлъ впустить ихъ безъ задержки, какъ только они постучатъ въ ворота. Исполненный какого-то предчувствія, онъ сѣлъ на одну изъ мягкихъ скамеекъ, которыя стояли вдоль каменныхъ стѣнъ зала. Въ каминѣ ярко горѣли дрова, трещащее пламя отражало свой свѣтъ на оружіи, добытомъ въ разныхъ битвахъ, на оленьихъ рогахъ, украшавшихъ стѣны. Миновало время, когда Генрихъ мечталъ лишь о воинской славѣ, теперь онъ мирно и уединенно жилъ въ своемъ замкѣ, занимаясь охотою и именно птичьею охотою.

Между тѣмъ прибыли всадники. Они пришли издалека изъ земли франконской—графъ Эбергардъ и нѣсколько знатныхъ франковъ. Служители герцога взяли у нихъ на дворѣ замка коней и повели гостей по каменной витой лѣстницѣ въ самый замокъ. Здѣсь они отворили узкую дверь, гости вошли въ залъ съ низкимъ потолкомъ и стали предъ герцогомъ. Онъ встрѣтилъ вшедшихъ дружескимъ привѣтствіемъ, но не мало удивился, видя у себя въ гостяхъ своего недавняго врага, съ которымъ велъ упорную войну. Еще герцогъ не успѣлъ вымолвить своего удивленія, какъ графъ Эбергардъ объявилъ

ему о смерти своего брата и прибавилъ: «теперь я прошу тебя исполнить волю брата, которую онъ мнѣ высказалъ при смерти. Государство остается безъ главы, окружонное врагами, раздираемое внутренними междоусобіями. Только сильная рука можетъ спасти оное отъ погибели. На тебя возлагаетъ надежду государство, тебѣ посылаетъ мой братъ государственные клейноды, я прошу тебя принять корону».

По знаку, данному графомъ, принесены были клейноды и положены предъ герцогомъ: золотая корона, скипетръ и шпоры, мечъ Карла Великаго съ дорогою рукояткою, украшенною золотомъ и драгоцѣнными камнями, голубая шолковая далматика, золотыя запястья (поручи), держава съ крестомъ и шпора святаго Морица.

До высшей степени изумленный герцогъ медлилъ отвѣтомъ. Его глазъ обращенъ былъ на сіяющіе знаки королевскаго достоинства.

Тогда Эбергардъ прибавилъ: «Прими немедля, исполни послѣднее желаніе Конрада. Пожалуй меня своею дружбою, и я буду съ этихъ поръ всегда вѣренъ и преданъ тебѣ»!

Тогда Генрихъ сказалъ, подавая графу руку въ знакъ примиренія: «Корона эта—тяжолая ноша. Но если на то воля князей, чтобы я принялъ ее по желанію Конрада, такъ принимаю во имя Божіе и буду править государствомъ во славу Божію».

Такой отвѣтъ былъ радостно принятъ франками, которые и остались на нѣсколько дней въ замкѣ герцога, потомъ поѣхали домой и всюду славили короля.

* *
*

14 апрѣля 919 г. былъ созванъ сеймъ во Фрицларъ для избранія короля на мѣсто умершаго Конрада. Сюда собрались герцоги и графы саксовъ и франковъ, равно и

епископы; Эбергардъ предложилъ избрать Генриха, герцога саксонскаго. Всѣ согласились на такое предложеніе, а архіепископъ майнцскій Геригеръ предложилъ новому королю коронованіе и помазаніе на царство. Но Генрихъ отклонилъ отъ себя такую честь: «довольно для меня, говорилъ онъ, что я избранъ въ короли и ношу это имя, котораго еще не носилъ никто изъ саксовъ. Я благодарю Бога за милость его ко мнѣ, и васъ за вашу любовь; этого довольно. Помазаніе и коронованіе пусть достанутся кому нибудь получше меня, а я пока недостоинъ такой чести»! Тогда весь народъ громко воскликнулъ: «слава и счастіе королю Генриху»! и поднялъ правую руку къ небу, обѣщая вѣрность новому королю.

Король Генрихъ преслѣдовалъ ту же цѣль, къ которой стремился Конрадъ, но слѣдовалъ къ ней другимъ путемъ. Конрадъ хотѣлъ изъ одного пункта править различными нѣмецкими народами, при помощи большаго числа чиновниковъ, Генрихъ предоставилъ каждому племени самостоятельное, но крѣпкое управленіе. Каждое племя само устроивало свои дѣла подъ вѣдѣніемъ своего герцога, которому графы и прочіе владѣльцы обязаны послушаніемъ, который водилъ ихъ на войну, творилъ судъ, защищалъ слабыхъ, охранялъ церковь, поддерживалъ земскій миръ и защищалъ землю отъ враговъ. Но если герцогъ такимъ образомъ возвышался надъ всѣми въ своей области, то король стоялъ выше герцоговъ, завѣдывалъ всѣмъ народомъ, всѣми областями государства; онъ былъ высшимъ судьею и предводителемъ всего народа, послѣднимъ прибѣжищемъ для всѣхъ, терпящихъ отъ насилія, высшимъ защитникомъ церкви. Какъ кольцо его короны соединяло на себѣ сіяющіе бриліанты, такъ королевская власть соединяла всѣ нѣмецкія земли и давала имъ въ этомъ соединеніи полное значеніе и силу.

Когда Генрихъ получилъ корону, эта цѣль была далека, но онъ тотчасъ началъ стремиться къ ней. Сперва онъ

изгналъ изъ государства венгровъ, потомъ обратился на строптиваго швабскаго герцога Бурхарда. Послѣднiй не рѣшился выступить противъ короля съ войскомъ, онъ смирился при приближенiи Генриха, и Швабiя успокоилась. Съ Рудольфомъ Бургундскимъ Генрихъ заключилъ дружескiй союзъ и выдалъ за него свою дочь Берту. Но не была еще покорена Баварiя, герцогъ Арнульфъ стоялъ съ войскомъ у Регенсбурга, готовый къ битвѣ. Генрихъ не хотѣлъ войны и пригласилъ герцога на свиданiе. Арнульфъ явился въ полномъ вооруженiи какъ бы на поединокъ. Генрихъ обратился къ нему съ примирительною рѣчью: «Зачѣмъ ты противишься волѣ Божiей? говорилъ король. Его воля была на то, что меня избрали въ короли. Если бы тебя народъ возвелъ на тронъ, никто не порадовался бы этому больше меня. Зачѣмъ же ты хочешь изъ честолюбiя проливать христiанскую кровь»? Герцогъ Арнульфъ, не убѣдившись такими словами, отправился къ своимъ воинамъ и посовѣтовался съ ними. Они совѣтовали смириться и герцогъ уступилъ. Генрихъ далъ ему право замѣщать епископскiя мѣста въ своей землѣ.

Недоставало одной Лотарингiи, чтобы вся Германiя составляла одно цѣлое, какъ это было при Людовикѣ Нѣмецкомъ. Въ Лотарингiи герцогомъ былъ Гизельбертъ, человѣкъ небольшаго роста, но крѣпкаго сложенiя и храбрый; глаза его безустанно бѣгали, такъ что никто не могъ сказать, какого цвѣта они, рѣчь его была отрывиста, его вопросы загадочны, отвѣты неясны и двусмысленны. Онъ ни передъ кѣмъ не гнулся, былъ въ войнѣ съ французскимъ королемъ Карломъ Простоватымъ.

Король Карлъ, руководимый духовенствомъ, рѣшился на войну съ Генрихомъ, но у Вормса былъ разбитъ въ 920 г. нѣмцами. Генрихъ, не желая кровопролитiя, предложилъ миръ. У Бонна на Рейнѣ въ 921 г. имѣли свиданiе два короля. Войска ихъ стояли лагеремъ на противоположныхъ

берегахъ, среди Рейна стоялъ корабль, на которомъ встрѣтились короли. Здѣсь послѣдній каролингъ призналъ перваго короля саксонскаго племени королемъ восточныхъ франковъ—событіе, имѣющее много смысла. О Лотарингіи здѣсь ничего не рѣшили, но спустя четыре года Генрихъ склонилъ къ уступчивости непостояннаго Гизельберта; такимъ образомъ въ шестой годъ его правленія (926 г.) успѣшно завершено было дѣло соединенія всѣхъ нѣмецкихъ земель и племенъ. А достигъ онъ цѣли не страхомъ и угрозами, но готовностью къ миру, умомъ и осмотрительностью.

Новый порядокъ вещей получилъ силу незамѣтно, запутанныя отношенія рѣшены были искусно и просто. Въ ночной мракъ, лежавшій надъ царствомъ при смерти Конрада, въ темную страшную тучу, облегавшую небо, въ яростную бездну междоусобій пробился солнечный лучъ и все согрѣлъ, оживилъ, обновилъ какъ бы волшебствомъ. Это было дѣло Генриха, кроткаго, миролюбиваго короля.

* * *

Затихла буря внутренней вражды, но на границахъ государства все грабили и жгли внѣшніе враги: венгры, венды, даны. Генрихъ не рѣшался вступить съ ними въ открытую борьбу. Особенно страшны были венгры. Но разъ попалъ въ руки нѣмцевъ знатный плѣнникъ изъ венгровъ. Много золота и серебра предлагали они за него въ видѣ выкупа. Король не взялъ ничего, но пожелалъ перемирія на 9 лѣтъ, за что обѣщалъ платить венграмъ ежегодную дань и отпустить плѣнника. Враги согласились, и Генрихъ занялся устройствомъ укрѣпленій на границахъ беззащитнаго государства.

Саксы все еще жили по старому обычаю въ домахъ, отстоящихъ одинъ отъ другаго на значительное пространство,

расположенныхъ среди луговъ и полей, рѣдко въ деревняхъ. Только кое-гдѣ виднѣлись замки и королевскіе бурги, заповѣдныя епископскія зданія. Заложенныя Карломъ Великимъ пограничныя укрѣпленія лежали большею частью въ развалинахъ. Генрихъ занялся прежде всего исправленіемъ этихъ укрѣпленій. Онъ велѣлъ въ пограничныхъ мѣстахъ строить домъ къ дому, дворъ ко двору, безъ устали и отдыха работали саксы; такъ Генрихъ пріучалъ ихъ во время мира выносить труды и лишенія. Скоро появились мѣстечки, которыя король призывалъ обвести стѣнами и валомъ, чтобы они служили оборонпою противъ враговъ; таковы были Кведлинбургъ на поляхъ, орошаемыхъ рѣчкою Беде, Госларъ при Раммельсбергѣ. Онъ велѣлъ расширить Мерзебургъ, заложить предмѣстья, куда собралъ безпокойную толпу воровъ и разбойниковъ; онъ милостиво поступалъ съ ними, но бдительно наблюдалъ за ихъ жизнью въ городѣ. Этимъ положено было начало *городамъ*, которые теперь стали появляться не на границахъ только, но и вездѣ при бургахъ и епископскихъ дворцахъ.

Затѣмъ онъ началъ пріучать саксовъ къ военной службѣ, обучалъ ихъ верховой ѣздѣ и сраженію на коняхъ. Франки уже прежде имѣли нѣкоторую опытность военную. Скоро съ названіемъ воина тѣсно соединилось названіе всадника, и саксы могли выставить въ поле смѣлые отряды конницы. Воспользовавшись такимъ образомъ временемъ мира, Генрихъ рѣшился бороться съ внѣшними врагами.

Сначала онъ обратился на слабѣйшихъ враговъ вендовъ. Бреннабургъ (Бранденбургъ), омываемый Гавелемъ, былъ главною ихъ крѣпостью. Король взялъ ее, а съ нею покорилъ всю страну при Гавелѣ. Потомъ онъ взялъ укрѣпленія Далеминцієвъ и обратился къ Прагѣ, главному городу богемскихъ славянъ. Здѣсь онъ заставилъ богемскаго герцога Венцеля платить дань. Это было въ 928 г. Когда въ слѣдующемъ году венды опять поднялись, нѣмецкій король опять

встрѣтилъ ихъ съ хорошимъ войскомъ. При укрѣпленномъ мѣстечкѣ Ленценъ, которое они занимали, произошла кровопролитная, но кончившаяся побѣдою нѣмцевъ, битва, около 100,000 вендовъ пало въ сраженіи (929 г.). Когда венды въ третій разъ попытались отложиться, Генрихъ обложилъ крѣпость ихъ Лебузу (въ Лаузитцѣ) и взялъ ее (932 г.). Съ тѣхъ поръ нѣмецкій бытъ водворился въ странѣ между Эльбою и Одеромъ, и рука короля лежала ярмомъ на покоренныхъ племенахъ. Неохотно несли славяне нѣмецкое иго, но бороться не могли.

Еще грозны были венгры, истекалъ срокъ девятилѣтняго перемирія; пришло время доказать имъ силу нѣмецкаго народа. Король созвалъ своихъ мужей, представилъ имъ все зло, претерпѣнное нѣмцами отъ венгровъ и присовокупилъ: «до сихъ поръ я обременялъ податями васъ, вашихъ сыновей и дочерей, чтобы только наполнить мѣшки этихъ враговъ, теперь мнѣ приходится обирать церкви Божіи и служителей Господа, и мы останемся совершенно наги. Подумайте и скажите, что мнѣ дѣлать». Всѣ отвѣчали: «Праведный, живой Богъ, истинный во всѣхъ путяхъ своихъ и святой во всѣхъ дѣлахъ, да поможетъ намъ освободиться отъ враговъ»! Они поклялись вѣрно служить королю на войнѣ во всякой опасности.

Скоро явились послы отъ венгровъ съ требованіемъ дани. Но король велѣлъ принести имъ изуродованную собаку и сказалъ: «У насъ не осталось ничего кромѣ этой собаки и мечей, которыми будемъ бить васъ, если вы отважитесь ступить на нашу землю»! Раздраженные послы возвратились домой. Враги сѣдлаютъ коней и многочисленные отряды ихъ разливаются по нѣмецкой землѣ. Генрихъ выждалъ, пока жажда добычи и грабежа не разъединила ихъ, тогда напалъ на разсѣявшихся враговъ и разбилъ ихъ. Но оставался еще сильный отрядъ, стоящій у Ріаде, замка, расположеннаго на Унштрутѣ. Генрихъ собралъ свои конные отряды подъ

главное государственное знамя, на которомъ виднѣлось изображеніе архангела Михаила, и одержалъ знаменитую побѣду 15 марта 933 г. Съ этихъ поръ ни одинъ венгръ не осмѣливался ступить на нѣмецкую землю, пока живъ былъ Генрихъ. Дань, платимую нѣкогда венграмъ, король вручилъ церкви, которая должна была дѣлить ее между бѣдными.

Оставались еще даны, владѣвшіе при Гормѣ старомъ всею страною къ сѣверу отъ Эльбы. И надъ ними Генрихъ одержалъ побѣду въ 934 г. Страна между Эйдеромъ, Трене и Шлей осталась датскою пограничною маркою.

* * *

Теперь всѣми уважаемый и любимый король Генрихъ твердою рукою правилъ государствомъ, успокоеннымъ внутри и извнѣ. Онъ заботился о правѣ и справедливости, о нравственности и порядкѣ. Онъ умѣлъ сдерживать и притязательность заносчиваго духовенства. Всегда вѣрно соблюдающій правила церкви, полный внутренняго благочестія, онъ однако не допускалъ вмѣшательства духовенства въ управленіе государствомъ и былъ вполнѣ независимымъ и самостоятельнымъ государемъ. Въ послѣдніе годы жизни онъ занялся дѣлами монастырскими, именно перенесъ изъ Вендгаузена въ Кведлинбургъ женскій монастырь.

Тогда задумалъ онъ о будущей судьбѣ своего государства, особенно послѣ одного удара, разстроившаго его крѣпкое тѣлосложеніе (935 г.). Ударъ получилъ онъ въ то время, когда занимался охотою въ своемъ замкѣ Бодфельдѣ на Гарцѣ. Преемникомъ своимъ онъ назначилъ старшаго сына своего Оттона, даровитѣйшаго изъ сыновей. Онъ созвалъ вассаловъ въ Эрфуртъ, представилъ имъ свое желаніе и получилъ согласіе. Оттуда онъ отправился въ свой пфальцъ (замокъ) Мемлебенъ на Унштрутѣ. Здѣсь онъ получилъ второй ударъ, который указывалъ уже на приближеніе смерти.

Онъ вызвалъ свою супругу Матильду, долго и тихо говорилъ съ нею, потомъ очень внятно проговорилъ: «Любезная, вѣрная моя подруга, благодарю Господа Христа, что умираю на твоихъ глазахъ. Никто не имѣлъ такой доброй, испытанной во всякомъ благочестіи супруги, какъ я. Ты часто меня успокоивала во время моего гнѣва, подавала мнѣ всегда полезные совѣты, — когда я заблуждался, возвращала меня на путь истины, ты постоянно убѣждала меня заботиться о тѣхъ, которые терпятъ отъ насилія. Благодарю тебя за все это. Поручаю Богу и заступничеству его святыхъ тебя и нашихъ дѣтей, равно какъ мою душу, готовую разлучиться съ тѣломъ». Глубоко печальная Матильда благодарила своего мужа и отправилась въ замковую капеллу помолиться о немъ Богу. Король Генрихъ скоро умеръ на рукахъ своихъ сыновей (936 г. 2 іюля).

Тѣло его отнесли въ Кведлинбургъ, тамъ онъ покоится въ церкви св. Петра, надгробный памятникъ его состоитъ изъ простой, теперь растрескавшейся мраморной доски. Онъ былъ, по словамъ одного хрониста, величайшимъ въ Европѣ королемъ своего времени, онъ не уступалъ никому по душевнымъ и тѣлеснымъ качествамъ, но оставилъ по себѣ сына, который былъ еще славнѣе, чѣмъ отецъ»!

ИМПЕРАТОРЪ ОТТОНЪ ВЕЛИКІЙ.

(936 — 973.)

Нѣмецкое государство было все еще избирательнымъ государствомъ, хотя царствующій государь обыкновенно еще

при жизни совѣтовался съ своими высшими вассалами на счотъ преемника. Такъ поступилъ Генрихъ, и когда онъ умеръ, собрались знатнѣйшія лица изъ франковъ и саксовъ для избранія короля. Выбирать слѣдовало одного изъ двухъ, Оттона или другаго сына Генриха, который имѣлъ отцово имя. Оба брата были различны по склонностямъ и образу мыслей, послѣдній больше походилъ на отца и больше былъ любимъ. Генрихъ надѣялся, что его предпочтутъ старшему брату и готовъ былъ оспоривать у Оттона корону.

Выборъ палъ на Оттона, народъ радостно привѣтствовалъ 24-хъ лѣтняго короля. Это былъ мужъ, рожденный для власти. Для него были потребностью строгій порядокъ и повиновеніе. Но онъ имѣлъ въ то же время благородный характеръ, обширный умъ, непоколебимую вѣру въ Бога. Насколько онъ былъ довѣрчивъ къ своимъ друзьямъ, настолько же великодушенъ къ врагамъ. Онъ откровененъ былъ со всѣми, но каждый приближался къ нему съ глубокимъ почтеніемъ. Онъ былъ веселаго нрава, любилъ соколиную охоту и на уединенной лѣсной тропинкѣ имѣлъ обычай что нибудь напѣвать; но гнѣвъ его былъ страшенъ и даже близкіе къ нему люди боялись подпасть его гнѣву. Онъ видѣлъ въ коронѣ не столько даръ, сколько собственность, на которую имѣлъ полное право, почему и требовалъ торжественнаго признанія своего королевскаго достоинства въ актѣ коронованія.

Въ ахенскомъ портикѣ, соединяющемъ императорскій замокъ съ мюнстеромъ (это была постройка Карла Великаго, который выписывалъ мраморъ и колонны изъ Рима и Равенны) стоялъ королевскій тронъ. Здѣсь Оттонъ принималъ присягу своихъ вассаловъ (936 г.). Потомъ отправился съ ними въ торжественной процессіи въ мюнстеръ. У входа стоялъ майнцскій архіепископъ Гильдебертъ со всѣми архіепископами, епископами и священниками въ праздничномъ облаченіи. Онъ ввелъ молодаго короля въ церковь, гдѣ на-

ходился надгробный монументъ Карла Великаго. Съ верхнихъ ходовъ мюнстера народъ смотрѣлъ на торжественный обрядъ.

«Видите, я представляю вамъ Оттона, избраннаго въ короли Богомъ, назначеннаго королемъ Генрихомъ и признаннаго всѣми князьями. Если вы довольны этимъ избраніемъ, поднимите къ небу правую руку»!

Всѣ подняли руку, и какъ бы въ одинъ голосъ провозгласили: «Здравіе и долгоденствіе новому повелителю»!

Потомъ слѣдовало коронованіе. Архіепископъ подвелъ Оттона къ алтарю, гдѣ лежали знаки королевскаго достоинства. Здѣсь онъ взялъ мечъ и перевязь, подалъ королю и сказалъ: «Прими этотъ мечъ и поражай имъ всѣхъ враговъ Господа, язычниковъ и худыхъ христіанъ, ибо для того тебѣ и дана по волѣ Божіей власть надъ франкскимъ государствомъ, чтобы все христіанство жило въ безмятежномъ мирѣ»!

Потомъ онъ возложилъ мантію на плечи Оттона, застегнулъ ее золотою запоною и сказалъ: «края этой одежды, опускающіеся до земли пусть напоминаютъ тебѣ, что ты долженъ до конца ревновать о Богѣ и пещись о мирѣ»!

Наконецъ онъ подалъ ему скипетръ и жезлъ съ словами: «изъ этихъ знаковъ научись отечески наказывать подвластныхъ тебѣ»!

Глубокая тишина господствовала въ собраніи во время этого священнодѣйствія, глаза всѣхъ были обращены на короля, который бодро стоялъ предъ первосвященникомъ въ плотно прилегавшей къ тѣлу одеждѣ по обычаю франковъ и получалъ отъ него королевскія регаліи. Архіепископъ теперь взялъ золотой рогъ, наполненный освященнымъ мvромъ, и помазавъ онымъ голову короля, прибавилъ: «Особенно же будь щедръ и милостивъ къ служителямъ Божіимъ, ко вдовамъ и сиротамъ; да не изсякнетъ на твоей главѣ елей милосердія, пока ты не получишь въ награду нетлѣннаго вѣн-

ца»! Потомъ приблизился кельнскій архіепископъ и помогалъ королю возложить золотую діадему, корону.

Помазанный на царство и украшенный королевскими регаліями, Оттонъ взошолъ на богато убранный тронъ, устроенный между двумя мраморными колоннами, на которомъ онъ былъ всѣмъ видѣнъ и самъ могъ обозрѣвать все собраніе. Священники совершали обѣдню, по окончаніи которой король возвратился во дворецъ, гдѣ между тѣмъ приготовленъ былъ обѣдъ на мраморномъ столѣ. Когда онъ здѣсь занялъ мѣсто съ князьями, архіепископами и епископами, герцогъ лотарингскій Гизельбертъ исправлялъ должность камергера или распорядителя празднества, франконскій герцогъ Эбергардъ былъ въ должности стольника, герцогъ швабскій Германъ исправлялъ должность чашника, герцогъ баварскій Арнульфъ— маршала, который долженъ былъ озаботиться о рыцаряхъ и ихъ свитѣ, расположившихся въ палаткахъ за городомъ. Городъ Ахенъ не могъ вмѣстить всѣхъ прибывшихъ на праздникъ. Эти первые слуги короля, богато одаренные имъ, были отпущены домой по окончаніи торжествъ праздника.

* *
*

Королевская корона была тогда не легкою ношей: Оттонъ испыталъ это въ полной мѣрѣ. Скоро пришло извѣстіе о возстаніи вендовъ и чеховъ. Послѣдніе стояли подъ оружіемъ, предводимые своимъ герцогомъ Болеславомъ. Оттонъ нашолъ хорошаго полководца въ Германѣ Биллингѣ. Съ нимъ онъ привелъ къ повиновенію непокорныхъ. Въ слѣдующемъ году венгры разлились въ пограничныхъ областяхъ, но и они были изгнаны и смирены. Самымъ большимъ бѣдствіемъ для государства была непокорность вассаловъ. Герцогъ Эбергардъ велъ войну съ однимъ изъ своихъ вассаловъ и самъ расправлялся съ непокорными ему. Это было нарушеніемъ земскаго мира. Король наложилъ штрафъ на него и франк-

скихъ вельможъ, помогавшихъ ему. Тогда начались крамолы противъ короля. Старшій братъ короля, Танкмаръ, соединился съ бунтовщиками. Баварія возстала подъ предводительствомъ сыновей герцога Арнульфа. Оттонъ отправился туда съ войскомъ (938 г.), трудно было установить миръ. Онъ отдалъ герцогское достоинство брату Арнульфа Бертольду, а второму сыну Арнульфа, носившему отцово имя, далъ титулъ Пфальцъ-графа Баваріи.

Такія сильныя мѣры устрашили враговъ короля, но не сломили ихъ Открытое возмущеніе вспыхнуло подъ предводительствомъ герцога Эбергарда и Танкмара. Злоба ихъ обратилась сначала на Генриха, младшаго брата Оттона. Король не оставался празднымъ зрителемъ безпорядковъ. Онъ созвалъ сеймъ въ Стелѣ на Рурѣ, куда пригласилъ Эбергарда и Танкмара къ отвѣту, но они не явились. Оттонъ прощалъ ихъ заочно, но они не прощали королю его дѣйствій. Танкмаръ напалъ на Генриха, взялъ его въ плѣнъ и отправилъ къ Эбергарду. Тогда король повелъ войско къ Эресбургу въ Вестфалію, гдѣ находился Танкмаръ. Жители впустили въ городъ королевское войско, Танкмаръ бѣжалъ въ церковь св. Петра, гдѣ и былъ убитъ ворвавшимися въ церковь саксами. Тогда и друзья Эбергарда, наконецъ и самъ онъ, всѣ враги просили на колѣнахъ прощенія, Оттонъ простилъ. Венгры, сдѣлавшіе второй набѣгъ, были отбиты. Такъ кончился 938 годъ, 939-й начался при болѣе несчастныхъ обстоятельствахъ.

Къ бунтовщикамъ присоединились Гизельбертъ, герцогъ лотарингскій и братъ Оттона, Генрихъ, оба въ союзѣ съ Эбергардомъ. Король едва вѣрилъ слухамъ и послалъ одного довѣреннаго человѣка, ленника Генриха, Гагена, къ своему брату, чтобы отклонить его отъ союза съ врагами. Самъ король стоялъ на Рейнѣ около того мѣста, гдѣ Липпе впадаетъ въ Рейнъ. Съ безпокойствомъ онъ ждалъ возвращенія Гагена. Наконецъ послѣдній вернулся и сказалъ: «Твой

братъ, а мой ленный господинъ желаетъ тебѣ, королю, долгаго, счастливаго царствованія; скоро онъ самъ явится къ тебѣ съ покорностью»! Оттонъ повѣрилъ дружескимъ намѣреніямъ брата, какъ вдругъ показался на томъ берегу отрядъ всадниковъ. «Чьи это всадники, и что имъ нужно»? спросилъ король Гагена. «Это мой ленный господинъ, а твой братъ»! отвѣчалъ Гагенъ. Страхъ напалъ на короля, небольшой отрядъ его саксовъ стоялъ на той сторонѣ рѣки, но не могъ держаться противъ враговъ.

Въ смущеніи Оттонъ бросается на коня, безпокойно скачетъ по берегу внизъ и вверхъ по теченію. Но нѣтъ подъ рукою судовъ, чтобы переправить свое войско, ему придется видѣть погибель вѣрныхъ своихъ воиновъ. Въ такой нуждѣ онъ вспомнилъ о Томъ, кто можетъ помочь тамъ, гдѣ нѣтъ человѣческой помощи, кто помогаетъ призывающимъ его. Онъ сходитъ съ коня, падаетъ на колѣна, и поднявъ руки къ небу, молится за себя и свой народъ: «Господь, создавшій все и всѣмъ управляющій, умилосердись надъ этимъ народомъ, во главѣ котораго ты поставилъ меня. Избавь его отъ твоихъ враговъ, чтобы позналъ свѣтъ, что никто изъ смертныхъ не можетъ противиться твоей волѣ, ибо ты можешь все сдѣлать, живущій и царствующій вѣчно».

Укрѣпленный молитвою, онъ поднимается, глазъ его обращается за Рейнъ. Тамъ идетъ страшный бой! Копья саксовъ блестятъ, звонъ раздается отъ щитовъ. Враги по недоразумѣнію обращаются въ бѣгство, много убитыхъ легло на мѣстѣ, много попалось въ плѣнъ. Самъ Генрихъ былъ тяжело раненъ. Не обнаживъ меча, Оттонъ былъ побѣдителемъ. Мѣсто, гдѣ была битва, называется Биртенъ.

Снова вооружались Генрихъ и Гизельбертъ въ союзѣ съ Эбергардомъ; на границахъ грозили нападеніемъ даны и венды. Страна замутилась болѣе прежняго. Казалось невозможнымъ долѣе удерживать скипетръ, но король восторжествовалъ. Разъ Оттонъ стоялъ съ войскомъ у Брейзаха на

Рейнѣ; онъ сѣлъ рано утромъ на коня и отправился въ церковь, которая находилась не въ близкомъ разстояніи отъ Брейзаха, чтобы помолиться. На пути онъ замѣтилъ куда-то спѣшащаго человѣка. «Куда ты спѣшишь, какія несешь вѣсти»? — «Эбергардъ и Гизельбертъ убиты и дружина ихъ разсѣяна»! Король сошолъ съ коня, и совершилъ благодарственную молитву. Потомъ отправился дальше къ церкви.

Но еще живъ былъ Генрихъ и злобился на короля. Когда же увидѣлъ, что все потеряно, бѣжалъ во Францію (940 г.). Но и сюда проникъ Оттонъ. Тогда Генрихъ бросился къ нему въ ноги и просилъ прощенія. Оттонъ простилъ брата и далъ ему Лотарингію. И снова Генрихъ соединился съ врагами короля, задумавшими умертвить его. На пасху 941 г. предстояло Оттону погибнуть отъ коварныхъ враговъ, но король узналъ заблаговременно о заговорѣ. Онъ встрѣтилъ праздникъ съ заговорщиками; но тутъ же велѣлъ перехватать ихъ и многихъ обезглавить. Опять жестокій братъ долженъ былъ молить короля о прощеніи. «Ты не заслуживаешь милости, сказалъ Оттонъ, но такъ какъ ты уже очень унизилъ себя, то я не хочу усугублять твоей скорби»! Онъ отпустилъ брата, но велѣлъ держать его въ Ингельгеймѣ подъ стражею. Строгое заключеніе измучило Генриха, онъ рѣшился бѣжать, и это ему удалось. Король праздновалъ Рождество Христово во Франкфуртѣ на Майнѣ. Небесные гимны раздавались по храму на утренѣ. Тогда подошолъ къ королю босоногій человѣкъ, въ власяницѣ кающагося грѣшника, упалъ на холодный помостъ къ ногамъ короля и просилъ милости. Король смотритъ на него, узнаетъ въ немъ своего брата Генриха. Съ церковнаго хора раздается: «Миръ на землѣ»! Какъ не простить королю своего брата! Онъ поднимаетъ брата и даетъ ему свободу.

Съ этихъ поръ измѣнился характеръ Генриха. Онъ сдѣлался вѣрнѣйшимъ другомъ своего брата, лучшимъ совѣтни-

комъ. Любовь и согласіе царствовали между братьями, все дѣлалось съобща, какъ бы оба они правили государствомъ.

* * *

Первое большое несчастіе поразило короля Оттона въ 946 году: въ генварѣ этого года умерла его умная и добрая супруга. Въ церкви онъ искалъ утѣшенія въ скорби. Истинная, глубокая религіозность стала съ этихъ поръ одною изъ главныхъ чертъ его характера. Со всею ревностью онъ принялся за распространеніе и укрѣпленіе христіанства, при чемъ вѣрнымъ совѣтникомъ его былъ Брунъ или Бруно, младшій сынъ короля Генриха, посвятившій себя въ молодости духовному званію. Это былъ благочестивый, ученый и истинно благородный человѣкъ; о немъ говоритъ Руотгеръ біографъ: «Когда онъ имѣлъ часы отдыха, и тогда трудно было бы найти другаго болѣе дѣятельнаго человѣка, а среди занятій онъ казался отдыхающимъ». Его неутомимою дѣятельностію и примѣромъ воспиталась любовь къ наукамъ которыми прилежно занимались при дворѣ императора; въ монастыряхъ занятія науками получили сильное движеніе, а изъ капеллы королевскаго двора, управляемой самимъ Бруно, вышли почти всѣ замѣчательныя духовныя лица государства.

И свѣтская власть короля пріобрѣтала всѣ болѣе и болѣе твердую почву. Съ полною любовью онъ заботился о своихъ дѣтяхъ отъ Эдиты Ліудольфѣ и Ліутгардѣ. Въ 946 году на торжественномъ собраніи вельможъ государства онъ провозгласилъ Ліудольфа своимъ преемникомъ и принялъ присягу отъ подданныхъ; въ слѣдующемъ году женилъ его на Идѣ, дочери Германа, герцога швабскаго, и далъ ему герцогство швабское. Дочь Ліутгарду онъ выдалъ за лотарингскаго герцога Конрада, котораго особенно любилъ. Ген-

рихъ, братъ короля, получилъ баварское герцогство, Саксоніею и Франконіею король самъ правилъ. Одно семейство владѣло всѣми областями государства, что связывало различныя племена Германіи въ одно великое народное семейство.

На высотѣ власти, человѣкъ съ такими дарованіями, съ такими широкими планами какъ Оттонъ, не могъ успокоиться, не достигнувъ высшей, возможной для него цѣли. Когда онъ измѣрялъ свое положеніе и значеніе, могъ видѣть, что ему недоставало одного: римской императорской короны. Онъ — не простой подражатель Карла Великаго, съ планами болѣе обширными, чѣмъ были планы его отца, онъ долженъ былъ къ зданію своей силы присоединить еще одинъ послѣдній камень. По странному стеченію событій, обстоятельства сложились очень благопріятно для его похода въ Италію и для успѣха его плановъ.

* *
*

Въ ноябрѣ 950 года умеръ Лотарь, король Италіи изъ новобургундскаго дома. Полагаютъ, что честолюбивый маркграфъ Иврейскій, Беренгаръ, былъ виновникомъ смерти юнаго короля. Покрайней мѣрѣ онъ тотчасъ объявилъ свои права на италійскую корону, а сына наслѣдникомъ своимъ; многіе изъ страха признали ихъ въ этомъ достоинствѣ. Вдова Лотаря, юная, прекрасная Адельгейда заключена была въ тюрьму на Гардскомъ озерѣ.

Такіе поступки возбудили большое негодованіе и смуты, которыя однако Беренгаръ подавлялъ строгостью и жестокостью. Одинъ Оттонъ могъ успокоить Италію, къ нему обратились глаза всѣхъ, недовольныхъ положеніемъ вещей. Онъ сообразилъ обстоятельства, они, казалось, давали полную надежду на успѣхъ; планъ былъ составленъ и король

твердо рѣшился привести его въ исполненіе, но это первое вмѣшательство короля въ дѣла Италіи породило рядъ несчастнѣйшихъ междоусобій.

Въ то время какъ Оттонъ приготовлялся къ походу, Адельгейда томилась въ тюрьмѣ. Одна только служанка дѣлила съ нею печальный жребій; кромѣ того дозволено было посѣщать ее одному священнику. Нигдѣ не видно было спасенія, не было возможности бѣжать изъ тюрьмы, глазъ стражей бдителенъ, какъ ихъ обманешь! Но одинъ человѣкъ думалъ о ней, это епископъ города Реджіо Адельгардъ. Священникъ, посѣщавшій плѣнницу, былъ у него на жалованьѣ и нашолъ средство къ освобожденію. Нужда дѣлаетъ человѣка находчивымъ и твердымъ въ намѣреніи, какъ только блеснетъ лучъ спасенія. Служанка королевы и священникъ съ несказаннымъ трудомъ прокопали подземный ходъ изъ тюрьмы. Никто изъ стражи не замѣтилъ этого. Такъ подготовлено было бѣгство. Въ темную ночь съ большою опасностью удалось уйти плѣнницѣ. Когда священникъ отправился въ Реджіо извѣстить епископа объ освобожденіи, королева и ея служанка скитались въ лѣсахъ и ущельяхъ горъ, терпя недостатокъ во всемъ; пищи не было, пещера была ихъ убѣжищемъ во время дня, камень постелью. Ночью онѣ шли далѣе въ изорванныхъ одеждахъ, почти безъ обуви. Преслѣдователи шли за ними по пятамъ, бѣглянкамъ слышны были ихъ крики, звонъ оружія — и все таки Богъ помогъ ихъ бѣгству. Епископъ Адельгардъ послалъ королевѣ конный отрядъ, самъ ввелъ ее въ Реджіо, а оттуда въ нагорный замокъ Каноссу.

Здѣсь пронесся слухъ о походѣ короля Оттона въ Италію. Жаждущій славы сынъ короля, Ліудольфъ, шелъ впереди, но пылкому юношѣ не удался его походъ въ Ломбардію. Опечаленный неудачею, онъ присоединилъ свой отрядъ къ шедшему въ Италію отцовскому войску. Оттонъ перешолъ долину пѣнистой рѣки Эчь и вступилъ въ равнины Италіи.

Уже при одной вѣсти о появленіи Оттона, ворота городовъ растворялись предъ его войсками; такъ было въ Тріэнтѣ, Веронѣ, Павіи, резиденціи Беренгара, который бѣжалъ изъ оной. Скоро верхняя Италія безъ боя досталась императору; теперь онъ послалъ своего брата Генриха въ Каноссу просить руки Адельгейды. Адельгейда согласилась, и Оттонъ отпраздновалъ въ Павіи свой бракъ съ королевою при радостныхъ кликахъ ликующаго народа (951 г.).

* *
*

Но если походъ Оттона принесъ сладкіе плоды для его дома, то для государства нѣмецкаго слѣдствія онаго были несчастны. Побывать въ вѣчномъ городѣ ему не удалось, а оружіемъ пролагать дорогу онъ не считалъ удобнымъ. Сынъ его Ліудольфъ возвратился въ Германію еще раньше отца и присоединился къ его врагамъ. Беренгаръ нашелъ пріютъ при дворѣ Конрада, герцога лотарингскаго. Повсюду господствовали зависть и смуты между вельможами; но наибольшую скорбь пришлось королю вытерпѣть отъ своего сына, который возсталъ на отца.

Въ августѣ 952 г. король созвалъ сеймъ въ Аугсбургѣ. Здѣсь онъ далъ Беренгару въ ленъ италійское королевство, но часть онаго, герцогство Фріуль, отдѣлилъ Генриху, котораго силы въ слѣдствіе этого увеличились. Насколько этимъ онъ привязалъ къ себѣ Генриха, настолько отдалилъ Конрада и Ліудольфа. Наконецъ прорвалась долго сдерживаемая злоба. Въ Майнцѣ, куда Оттонъ отправился въ 953 г., не хотѣли его впустить; ясно было, что Конрадъ и Ліудольфъ подняли знамя бунта. Оттонъ поспѣшилъ въ Саксонію, въ Дортмундѣ отпраздновалъ пасху и началъ приготовляться къ борьбѣ.

Онъ былъ равно великъ въ счастіи и въ несчастіи. Тутъ

нельзя было медлить. Конрадъ и Ліудольфъ были лишены своихъ герцогствъ, противъ Конрада выступили съ оружіемъ сами лотарингцы; оба мятежника бѣжали въ Майнцъ. Два мѣсяца Оттонъ осаждалъ городъ, но не могъ взять его, почему пригласилъ Конрада и Ліудольфа на переговоры. Они явились въ лагерь, бросились королю въ ноги и просили о пощадѣ не столько самихъ себя, сколько своихъ союзниковъ и друзей. Трудно было королю дать согласіе на такую просьбу и примиреніе не состоялось.

Глубоко опечаленный упорствомъ своего сына и своего зятя, король сидѣлъ въ своемъ шатрѣ: онъ не видѣлъ конца этой несчастной ссоры. Тогда пришла вѣсть, что возмутилась Баварія, что саксы недовольны правленіемъ намѣстника его, Генриха Биллинга. Въ такомъ положеніи Брунъ явился опорою короля. Король далъ ему упраздненное епископство кельнское, а къ епископскому жезлу присовокупилъ еще герцогское лотарингское знамя. Самъ же Оттонъ двинулся въ Баварію.

Но буря все усиливалась. Венгры опустошали Баварію и Швабію. Герцогъ Конрадъ однако успѣлъ успокоить ихъ гостепріимствомъ въ Вормсѣ и богатыми подарками. Въ Баваріи король не могъ ничего сдѣлать. Ліудольфъ все болѣе раздражалъ отца. Оттонъ двинулся къ Регенсбургу, гдѣ стояли главныя силы Ліудольфа, которыми онъ самъ предводительствовалъ. Когда въ городѣ началъ свирѣпствовать голодъ, Ліудольфъ удалился отсюда въ Швабію. Король последовалъ за ними и при Иллертиссенѣ разбилъ свой лагерь. Здѣсь наконецъ рѣшился сынъ примириться съ отцомъ; сеймъ въ Фрицларѣ долженъ былъ положить конецъ смутамъ.

Король возвратился въ Саксонію осенью 954 г. Послѣ стольких трудовъ, онъ отдыхалъ и занимался охотою, которую любилъ съ молодыхъ лѣтъ. Между тѣмъ Ліудольфъ томился угрызеніемъ совѣсти, и наконецъ пришолъ къ пол-

ному сознанію своего преступнаго поведенія. Однажды Оттонъ углубился въ лѣсъ около Берки на Ильмѣ и охотился на дичь. По обычаю онъ былъ одинъ; такъ онъ дошолъ до деревни Сауфельдъ. Около деревни въ глухомъ лѣсу онъ не думалъ видѣть кого либо изъ близкихъ. Но тутъ-то человѣкъ съ босыми ногами бросается къ его ногамъ. Въ изумленіи Король смотритъ, кто бы это былъ. И кто опишетъ удивленіе его, когда лежавшій у ногъ короля поднялся и со слезами просилъ прощенія и милости у своего отца! Это былъ Ліудольфъ, казавшійся потеряннымъ для отца. Теперь онъ возвратился на истинный путь, онъ обнимаетъ колѣна отца. Отецъ поднимаетъ его и съ глазами полными слезъ прижимаетъ къ своей груди. Онъ нашолъ своего сына, давно потеряннаго.

Конрадъ еще раньше раскаялся; король простилъ и ему, но ни сыну, ни зятю уже не возвратилъ ихъ герцогствъ.

* *
*

Едва успокоена была Баварія (955 г.) и герцогъ Генрихъ снова утвердился въ ней, какъ по государству пронеслась недобрая вѣсть: «Идутъ венгры и наводняютъ пограничныя области»! Въ то время, какъ ихъ послы прибыли ко двору Оттона и увѣряли его въ своей вѣрности, необузданныя шайки ихъ садятся на коней и несутся опустошать Баварію. Они расположились предъ Аугсбургомъ, но епископъ Ульрихъ храбро держался противъ нихъ въ городѣ, окруженномъ большими стѣнами.

Скоро явился король съ своими войсками на помощь городу и сталъ лагеремъ на равнинѣ Леха. Но когда онъ увидѣлъ безчисленное множество дикихъ наѣздниковъ, смутился его мужественный духъ. Еще не всѣ нѣмцы собрались, еще не пришли лотарингцы и франки. Наконецъ и они

явились, послѣдніе подъ предводительствомъ герцога Конрада. Предстояло жаркое дѣло. Король назначилъ наканунѣ битвы день покаянія и поста. На слѣдующій день—это было 10-е августа 955 г. въ сумерки онъ приказалъ войскамъ занять свои мѣста. Онъ палъ на колѣна со всѣми своими воинами и молился о побѣдѣ. Наконецъ войско двинулось.

Это было сильное войско. Впереди тремя отрядами шли баварцы, которыми къ несчастію не могъ предводительствовать герцогъ Генрихъ, такъ какъ онъ былъ боленъ. За ними двинулись франки подъ предводительствомъ храбраго герцога Конрада. Въ срединѣ шолъ король съ своими саксами и съ отборною дружиною изъ всѣхъ областей государства. Шестой и седьмой отрядъ образовали швабы подъ предводительствомъ герцога Бурхарда, осьмой и послѣдній составляла тысяча богемскихъ всадниковъ въ блестящихъ доспѣхахъ; имъ же поручено было храненіе обоза.

Думали напасть на венгровъ врасплохъ. Но вдругъ въ тылу поднялась большая суматоха. Войско было обойдено, сильный отрядъ венгровъ переправился чрезъ Лехъ и напалъ на богемцевъ. Они были разсѣяны и багажъ попалъ въ руки враговъ. Затѣмъ поколебались и швабы. Но тутъ подобно вѣтру понеслись франки на непріятеля чрезъ ряды швабовъ. Ихъ добрые мечи нашли кровавую жатву, плѣнные богемцы были освобождены и багажъ снова возвращенъ. Опасность въ тылу была устранена.

Но главное рѣшеніе было еще впереди. Главная сила венгровъ стояла противъ баварцевъ и саксовъ и ожидала ихъ нападенія. Тогда самъ король выѣхалъ предъ фронтъ своего войска, одушевилъ оное сильною рѣчью, и взявъ свой щитъ и священное копье, полетѣлъ на своемъ конѣ въ средину непріятелей. Онъ былъ въ одно время и воиномъ и предводителемъ; все войско послѣдовало за королемъ-героемъ. Страшно свирѣпѣла битва, нѣмцы бились какъ львы. Герцогъ Конрадъ, уничтоживъ непріятеля въ тылу, поспѣшилъ

съ своими франками въ главную битву. Эта помощь рѣшила битву. Но когда герцогъ, утомленный битвою, вздумалъ отдохнуть на мгновеніе и отвязалъ свой шлемъ, такъ какъ сильно пекло лѣтнее солнце, одна стрѣла попала ему въ горло. Бездыханный герцогъ упалъ съ лошади.

Вечеромъ кончена была битва, но побѣда досталась дорого. Много знатныхъ лицъ легло на полѣ сраженія. На опѣненномъ конѣ король вступалъ въ Аугсбургъ. Утромъ на слѣдующій день епископъ Ульрихъ причастилъ его. Между тѣмъ нѣмцы преслѣдовали бѣгущихъ враговъ, немногіе изъ нихъ возвратились въ отечество. Это была блестящая побѣда, какую когда либо одерживали надъ этимъ врагомъ государства. День св. Лаврентія на равнинѣ Леха освободилъ не только Германію, но и всю Европу отъ дикихъ венгерскихъ шаекъ, которыя больше полустолѣтія опустошали большую часть западной Европы.

Въ томъ же году были разбиты венды при Штекеницѣ, но снова дѣлали набѣги съ большими силами.

* *
*

Во время упомянутыхъ смутъ король Оттонъ не терялъ изъ виду своей еще недостигнутой цѣли—принятія римской императорской короны. То, чего онъ не могъ добиться при бурномъ ходѣ событій, предстояло теперь исполнить болѣе обдуманнымъ образомъ. Кто опишетъ радость честолюбиваго Ліудольфа, когда въ 956 г. отецъ призвалъ его къ себѣ и велѣлъ вести войско за Альпы для завоеванія итальянскаго королевства. Въ награду онъ обѣщалъ сыну итальянскую королевскую корону. Сынъ долженъ былъ проложить отцу путь къ Риму.

Успѣхъ превзошолъ ожиданія. Какъ только Ліудольфъ ступилъ на италійскую почву, многочисленные враги Берен-

гара приступили къ нему. Скоро Павія была въ его рукахъ, и войско, предводимое сыномъ Беренгара Адальбертомъ, было два раза разбито. Кротость и ласка сына нѣмецкаго короля привлекли къ нему сердца всѣхъ. Цѣль казалось была достигнута. Тогда одно неожиданное событіе уничтожило всѣ надежды. Губительная лихорадка похитила королевскаго юношу во цвѣтѣ лѣтъ. Онъ умеръ 957 г. въ Піумбіи, въ Новарской области, имѣя всего 30 лѣтъ. Горесть родственниковъ не имѣла границъ. Воины оставили Италію и несли на плечахъ дорогіе останки чрезъ Альпы до самаго Майнца. Здѣсь погребены были они въ церкви св. Альбана.

Слѣдствія этого событія обнаружились тотчасъ. Беренгаръ въ короткое время возвратилъ все свое государство, которымъ началъ править съ большою жестокостью. Онъ далъ чувствовать силу своего скипетра и самому папѣ, и если Оттонъ уже раньше имѣлъ въ виду быть въ Италіи, то теперь присутствіе его здѣсь было настоятельною необходимостью, хотя онъ и желалъ бы иначе достигнуть цѣли. Послы папы явились къ нему въ Регенсбургъ на Рождество 960 г. и просили его вступиться за стѣсненный римскій престолъ и защитить оный отъ насилій Беренгара.

* *
*

Въ концѣ 961 г. король Оттонъ стоялъ предъ Римомъ; въ сѣверной Италіи повсюду онъ встрѣчалъ дружескій пріемъ. Теперь онъ подступилъ къ вѣчному городу для полученія императорской короны.

Когда онъ стоялъ на Нероновскомъ лугу у горы Марино, не подалеку отъ церкви Петра, папа по древнему обычаю выслалъ римскій сенатъ и вооружонныхъ горожанъ привѣтствовать короля. Торжественная процессія съ крестами и знаменами, съ драконовыми головами на длинныхъ шестахъ,

въ сопровожденіи представителей отъ всѣхъ общинъ иноземцевъ, жившихъ въ Римѣ, вышла на встрѣчу императору съ пѣніемъ гимновъ на разныхъ языкахъ. Знатные юноши, принадлежавшіе къ благороднѣйшимъ фамиліямъ, привѣтствовали короля, цѣловали его ноги и предложили ему папскаго коня. Короля окружила праздничная толпа, среди ея ѣхалъ государь, которому предстояло получить высшее достоинство въ христіанскомъ мірѣ. Шествіе направилось къ ступенямъ, ведущимъ ко двору Петровской церкви. Здѣсь сидѣлъ папа Іоаннъ XII на золотомъ креслѣ, по обѣимъ сторонамъ его стояли духовныя лица въ парадныхъ одеждахъ, блестящихъ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями. Онъ ожидалъ короля, который считался свѣтскимъ главою западнаго христіанства, какъ папа былъ духовнымъ главою.

Король сошолъ съ коня, знатные юноши держали стремя, самъ онъ былъ одѣтъ въ пурпуровую мантію, на боку висѣлъ большой мечъ, котораго рукоятка искрилась бриліантами. Онъ поднялся по тридцати пяти ступенямъ и стоялъ предъ папою. Папа всталъ и пошолъ ему навстрѣчу, предложилъ поцѣлуй и подалъ руку. Тогда отворились мѣдныя ворота двора, и папа съ королемъ вступили въ «парадизъ святаго Петра» какъ называли дворъ. За ними слѣдовала свита духовныхъ и свѣтскихъ князей и сановниковъ. Предъ серебряными воротами, ведущими въ церковь, остановились въ безмолвіи король и папа. Король утвердилъ за папою дары прежнихъ императоровъ и принесъ клятву въ томъ, что онъ прибылъ на благо церкви. Тогда уже открылось святилище, мощныя врата съ шумомъ отворились и при пѣніи: «Благословенъ грядый во имя Господне» вошли они въ празднично-убранную церковь.

Здѣсь, гдѣ все блистало золотомъ и серебромъ, мраморомъ и дорогими каменьями, гдѣ искусная мозаика украшала хоры и стѣны, гдѣ возносился алтарь надъ алтаремъ, капелла надъ капеллою, выдавался особенно великолѣпный алтарь, посвя-

щенный святому Петру и гробъ этого апостола. Четыре порфировыхъ столба поддерживали куполъ надъ этимъ гробомъ, и предъ нимъ стояло двѣнадцать тонкихъ, стройныхъ колоннъ. Около него возвышалось драгоцѣннѣйшее украшеніе церкви—чистаго золота крестъ въ тысячу фунтовъ вѣсомъ, усѣянный алмазами, рубинами и смарагдами. Это былъ вкладъ папы Льва VI. Король приблизился къ гробу святаго апостола, сталъ на колѣна и молился. Потомъ папа благословилъ его и праздникъ заключился торжественными гимнами.

Коронованіе происходило въ слѣдующее воскресенье 22 февраля 962 г. Король получилъ императорскую корону и мечъ изъ рукъ папы, потомъ помазаніе. Супруга Оттона присутствовала на праздникѣ, и радостный народъ привѣтствовалъ новаго императора, какъ нѣкогда Карла Великаго «Августомъ, великимъ, миролюбивымъ императоромъ римскимъ».

* *
*

Много блеска и славы доставила Оттону императорская корона, но съ новымъ достоинствомъ умножились и заботы. Иначе и быть не могло до тѣхъ поръ, пока ключи св. Петра носилъ недостойный развратникъ Іоаннъ XII. Скоро онъ почувствовалъ силу императора, который хотѣлъ и въ Римѣ быть настоящимъ государемъ. Папа началъ строить козни противъ императора, и вотъ въ ноябрѣ слѣдующаго года императоръ явился въ Римѣ побѣдителемъ папы и соединенныхъ съ нимъ римлянъ.

На торжественномъ собраніи епископовъ и прелатовъ подъ предсѣдательствомъ императора, папа Іоаннъ былъ низложенъ, а на его мѣсто избранъ и утвержденъ Левъ. Но какъ только императоръ возвратился въ Германію, Іоаннъ уничтожилъ новый выборъ и непостоянные римляне признали

опять его своимъ главою. Когда Іоаннъ умеръ въ маѣ 964 г. римляне возвели на его мѣсто Бенедикта. Это уже было возмущеніемъ противъ императора. Когда Оттонъ узналъ объ этомъ, пришолъ въ сильный гнѣвъ. Онъ двинулся на Римъ, все опустошая огнемъ и мечомъ, осадилъ хорошо защищенный городъ, который долженъ былъ сдаться въ слѣдствіе голода и моровой язвы. 23 іюня 964 года раздраженный императоръ вступилъ въ Римъ. Бенедиктъ былъ лишонъ палліума и епископскаго жезла, а Левъ VIII снова возведенъ.

Но въ Римѣ скоро забыли о гнѣвѣ императора. Правда, по смерти Льва въ 965 г. римляне просили императора о замѣщеніи престола Петрова и по его желанію избрали Іоанна XIII. Но этотъ папа скоро вступилъ въ ожесточенную борьбу съ римскимъ дворянствомъ, которое изгнало его изъ Рима. Впрочемъ папа былъ подъ покровительствомъ императора, который поэтому не замедлилъ подать ему помощь. Опять нѣмецкое войско подъ предводительствомъ императора перешло Альпы, опять оно побѣдоносно вступило въ Римъ. Между тѣмъ Іоаннъ успѣлъ уже возвратиться въ Римъ и снова занять папскій престолъ. Тѣмъ не менѣе императоръ наказалъ возмутителей кровавымъ судомъ, потомъ присутствовалъ здѣсь на синодѣ и отпраздновавъ пасху въ Равеннѣ 967 г. На прощаньи онъ получилъ отъ папы обѣщанье короновать юнаго сына-Оттона императорскою короною.

Въ слѣдующіе годы Оттонъ ходилъ въ нижнюю Италію, во владѣнія греческаго императора. И здѣсь являлся онъ властителемъ, издавалъ законы и повелѣнія, такъ что скоро вся Италія покорилась его скипетру.

* *
*

На закатѣ дней своихъ великій императоръ остался въ своей семьѣ почти одинокимъ.

Сынъ его Ліудольфъ, дочь Ліутгарда, братья Генрихъ и Брунъ, зять Конрадъ покоились въ могилѣ. Изъ трехъ сыновей отъ Адельгейды Генрихъ и Брунъ умерли въ раннемъ дѣтствѣ, остался только одинъ, носившій отцово имя. И мать его, королева Матильда умерла въ 968 году, неоцѣненная мать, бывшая утѣшеніемъ сына во всѣхъ обстоятельствахъ его тревожной жизни. Когда ему, сильному, рѣшительному человѣку, встрѣчалось въ жизни большое горе или большая радость, онъ спѣшилъ къ матери, чтобы подѣлиться съ нею своими чувствами. Всегда онъ находилъ у нея полное сочувствія, любвеобильное сердце, мудрые совѣты и нѣжныя увѣщанія. У ногъ матери онъ слагалъ корону, скипетръ и императорскую мантію и былъ преданнымъ, послушнымъ сыномъ, всегдашнимъ исполнителемъ ея наставленій.

Еще предъ своимъ походомъ въ Италію въ 966 г., онъ прибылъ къ ней уже многолѣтней старушкѣ ; онъ не надѣялся больше увидѣться съ нею въ здѣшней жизни, а потому провелъ съ нею много дней въ Нордгаузенѣ въ разныхъ бесѣдахъ. Наконецъ наступилъ день его отъѣзда. Оттонъ рано всталъ, равно и его старая мать, много и серьезно разговаривали они другъ съ другомъ. Потомъ вмѣстѣ отправились въ церковь отстоять обѣдню. Сердце королевы было очень возмущено предстоящею разлукой, но она скрывала душевное волненіе. Она вѣрила, что видитъ сына въ послѣдній разъ.

Отошла обѣдня и мать съ сыномъ вышли изъ церкви, предъ которою уже стояли спутники императора съ осѣдланнымъ конемъ государя. Оттонъ остановился у дверей, еще разъ онъ обнялъ дорогую мать, слезы полились изъ его глазъ. Тогда онъ вскочилъ на коня и поскакалъ отъ церкви. А мать возвратилась опять въ церковь, поспѣшила къ мѣсту, гдѣ стоялъ сынъ во время обѣдни, пала на колѣна, и обливаясь горячими слезами, цѣловала слѣды его ногъ. Многіе

придворные, бывшіе свидѣтелями трогательнаго зрѣлища, поспѣшили за императоромъ и сказали ему о томъ, что видѣли. Онъ тотчасъ повернулъ коня и поспѣшилъ къ церкви, гдѣ мать еще стояла на колѣнахъ. Онъ поднялъ ее, заключилъ въ объятья и сказалъ: «Чѣмъ я могу заплатить тебѣ за эти слезы?» Дрожащимъ голосомъ сказали они другъ другу нѣсколько словъ, наконецъ старая королева сама напомнила сыну о прощаньѣ. «Какъ ни горестно будетъ намъ, сказала она, мы должны разстаться. Минута не уменьшитъ горя, но увеличитъ оное. Ступай съ миромъ. Ты не увидишь болѣе моего лица въ этомъ смертномъ тѣлѣ».

* *
*

Весною 973 г. императоръ отправился въ Магдебургъ, гдѣ онъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ основалъ архіепископство. Онъ хотѣлъ видѣть это новое учрежденіе. Въ церкви Морица, надъ гробомъ своей первой супруги, онъ праздновалъ вербное воскресенье и былъ въ чрезвычайно серьезномъ настроеніи духа. На слѣдующій день онъ далъ церкви богатые вклады, и предъ всѣмъ народомъ передалъ архіепископу дарственную грамоту. Потомъ поспѣшилъ въ Кведлинбургъ, гдѣ покоилась его мать около ея супруга Генриха. Съ глубокимъ волненіемъ онъ стоялъ надъ гробомъ своихъ дорогихъ родителей; ему казалось, что онъ окруженъ только гробами, мысли его были посвящены усопшимъ. Потомъ онъ здѣсь принималъ свою супругу Адельгейду и сына Оттона съ его супругою Ѳеофаніею, которыя были вызваны сюда къ празднику пасхи.

Въ Кведлинбургъ отвсюду стекались князья, графы и епископы. Императоръ имѣлъ обычай въ большіе церковные праздники совершать торжественный ходъ въ церковь въ сопровожденіи всего мѣстнаго духовенства; при этомъ духовныя лица шли съ крестами, кадилами, реликвіями и хо-

грувями. Такъ было и на этотъ разъ. Еще никогда церковь Сервація не видѣла столь блестящаго праздника пасхи.

Послѣ праздника императоръ принималъ явившихся съ заявленіемъ почтенія и вѣрности польскаго князя, герцога богемскаго, пословъ короля Гаральда, руссовъ, болгаръ и венгровъ, депутатовъ изъ Рима, Беневента и Константинополя. Онъ стоялъ на высшей ступени земной славы; преклонявшіеся предъ нимъ дѣйствительно видѣли въ немъ сильнѣйшаго, благороднѣйшаго государя своего времени.

И герцогъ Германъ Биллингъ былъ въ Кведлинбургѣ въ числѣ гостей. Императоръ много бесѣдовалъ съ этимъ послѣднимъ выдающимся лицомъ, съ которымъ онъ выросъ, который оказывалъ всегда непоколебимую вѣрность къ нему и любовь, и стоялъ съ нимъ объ руку въ часы жаркой сѣчи. 27 марта герцогъ внезапно умеръ. Вѣсть объ его смерти глубоко тронула императора. Ему казалось, что уже близокъ и его конецъ. 5 апрѣля опечаленный императоръ оставилъ Кведлинбургъ и посѣтилъ многіе бурги и пфальцы въ Саксоніи. На Вознесенье онъ былъ въ Мерзебургѣ. Здѣсь онъ съ удовольствіемъ увидѣлъ, что учрежденное имъ епископство святаго Лаврентія прочно устроилось. Еще разъ здѣсь окружило его блестящее собраніе. Послы одного африканскаго сарацинскаго князя поднесли ему дорогіе подарки. Все вокругъ него дышало радостью, только императоръ былъ въ себѣ сосредоточенъ, важенъ и какъ будто занятъ; смерть герцога Германа все еще носилась предъ его мыслями.

6-го мая король отправился въ Мемлебенъ во дворецъ, въ которомъ отецъ его, король Генрихъ, провелъ послѣдніе дни свои. По прибытіи сюда, онъ чувствовалъ себя очень слабымъ, но по обычаю рано утромъ посѣтилъ капеллу. Днемъ ему было лучше, за обѣдомъ былъ бодръ и веселъ, вечеромъ лихорадка схватила его. Онъ принялъ причастіе и безъ стона испустилъ духъ при пѣніи духовныхъ гимновъ

окружающими. Трупъ его перенесли въ Магдебургъ и похоронили около первой супруги его Эдиты.

Смерть императора Оттона была міровымъ событіемъ. По нѣмецкимъ землямъ пронеслась печальная вѣсть о кончинѣ великаго императора; отозвалась эта вѣсть на берегахъ адріатическаго и сѣвернаго моря, у Дарданеллъ и на Одерѣ. Окоченѣла рука, державшая крѣпко бразды правленія: страшно было за будущее.

* *
*

При преемникахъ Оттона Великаго, сынѣ его Оттонѣ II и двухъ внукахъ—родномъ Оттонѣ III и двоюродномъ Генрихѣ II разстроилось государство, созданное и укрѣпленное Генрихомъ I и Оттономъ Великимъ. Нельзя сказать, чтобы имъ недоставало ума и талантовъ,—оба Оттона были очень образованными государями своего времени, но они забыли, что они нѣмцы и хотѣли быть римлянами. Оттонъ I будучи римскимъ императоромъ, жилъ среди нѣмцевъ, держался нѣмецкихъ обычаевъ, былъ нѣмецкимъ государемъ. Преемники его мало цѣнили Германію и хотѣли утвердить свой тронъ въ Римѣ, думали вмѣсто нѣмецкаго основать новое идеальное государство римское. Нѣмецкій народъ отвернулся отъ своихъ государей, какъ они отвернулись отъ него, а Римъ, столько любимый ими, платилъ за эту любовь постоянными возмущеніями. По смерти Генриха II въ 1024 г. прекратилась саксонская династія въ Германіи и престолъ долженъ былъ достаться тому, кого изберутъ князья и народъ.

НѢМЕЦКОЕ ГОСУДАРСТВО ВЪ БОРЬБѢ СЪ РИМОМЪ.

Величіе и сила нѣмецкаго государства казалось снова ожили съ избраніемъ на престолъ Конрада II графа франконскаго въ 1024 году. Своимъ добродушіемъ онъ привлекъ къ себѣ сердца всѣхъ подданныхъ и неусыпно заботился о благосостояніи подвластныхъ ему земель. Онъ измѣнилъ судебное устройство въ пользу простаго народа, предоставивъ ему право суда чрезъ выборныхъ отъ своего сословія (судъ присяжныхъ). Онъ путешествовалъ по областямъ государства, чтобы лично знать положеніе дѣлъ, принимать жалобы и давать помощь. Онъ подтвердилъ городамъ прежнія права и особенно заботился о прочномъ опредѣленіи отношеній между разными сословіями, при чемъ особенно поддерживалъ городское сословіе, стараясь найти въ немъ опору противъ дворянства. Кромѣ того для ослабленія сильныхъ вельможъ, онъ объявилъ наслѣдственными малые лены и такимъ образомъ усилилъ свое значеніе между небольшими владѣльцами земель, и въ тоже время старался привязать къ себѣ сильныхъ вельможъ почестями и отличіями.

Подъ скипетромъ такого государя развилось благосостояніе, усилились торговля и промышленность. Войско было устроено на основаніи различія сословій: дружину (Heerschild) составляло дворянство, земское ополченіе (Heerbann) масса народа. И города обязаны были выставлять императору вой-

ско и за это получали разныя права и льготы. Опустошенный вендами Гамбургъ снова поднялся изъ пепла, многіе другіе города пріобрѣли значеніе и силу. Въ Шпейерѣ на Рейнѣ самъ императоръ положилъ основаніе знаменитому собору; Магдебургъ, Дортмундъ, Аугсбургъ и другіе города сдѣлались главными складочными мѣстами торговли. Всюду видна была сильная рука императора, и нѣмецкое государство наслаждалось при немъ счастіемъ и спокойствіемъ, которое прерывалось только не совсѣмъ удачными походами императора въ Италію. По возвращеніи изъ одного похода на Италію умеръ Конрадъ въ 1039 г., и погребенъ былъ въ Шпейерѣ.

Сынъ Конрада Генрихъ III (1039—1056 г.) былъ сильнымъ государемъ Германіи и больше всего заботился о томъ, чтобы воля его всюду исполнялась безпрекословно. Введеніемъ «Божьяго мира» онъ старался уничтожить самоуправство вельможъ, такъ называемое кулачное право, имѣвшее слѣдствіемъ постоянныя междоусобія князей. Въ извѣстные дни недѣли, въ извѣстныя времена года запрещено было вести какую бы то ни было войну. Виновный въ нарушеніи Божьяго мира подвергался строгому наказанію. Неурожаи произвели въ государствѣ голодъ и болѣзни. Бѣдствія народа достигли высшей степени; императоръ старался по силамъ облегчить бѣдствія. При своемъ бракосочетаніи онъ запретилъ всякіе праздники и всякую роскошь. Все, что полагалось издержать на эти праздники, онъ велѣлъ раздѣлить между бѣдными. Для всѣхъ онъ служилъ примѣромъ самоотверженія, отличался терпѣніемъ и преданностью волѣ Божіей.

Нечуждый нѣкоторыхъ знаній, съ ранняго дѣтства наученный своею превосходною матерью цѣнить образованіе, императоръ былъ другомъ наукъ. При дворѣ его можно было часто видѣть ученыхъ людей, сношенія съ которыми конечно не могли не дѣйствовать благодѣтельно на нравы двора. Онъ

покровительствовалъ школамъ и умножалъ ихъ и этимъ путемъ велъ государство къ счастію. Всѣ занимавшіеся науками и искусствами всегда могли расчитывать на вниманіе императора и содѣйствіе ихъ трудамъ. Поэтому уже въ его время занимались не только изученіемъ древнихъ писателей, но разработывали дальше астрономію, приготовляли зрительныя трубы и глобусы, вычисляли затмѣнія солнца и луны, изобрѣтали музыкальные инструменты, устроивали часы и тому под.

Генрйхъ III держался пути, проложеннаго отцомъ въ своихъ отношеніяхъ къ городамъ; онъ надѣлялъ города разными правами и тѣмъ усиливалъ городское сословіе. Онъ былъ другомъ и духовенства, пока оно старалось укоренить въ обществѣ настоящую церковную, христіанскую жизнь, основалъ епископства Мекленбургъ и Рацебургъ, посылалъ миссіонеровъ къ жителямъ Эльбы и Траве, которые принадлежали къ языческому вендскому племени. Этимъ, равно какъ и другими благочестивыми дѣлами онъ доказалъ, что былъ религіозенъ не на словахъ только, но и на дѣлѣ. Съ смертью его въ 1056 году слава государства сошла во гробъ, миръ, поддерживаемый его крѣпкою рукою, исчезъ; началось время господства дикихъ, необузданныхъ страстей.

ГЕНРИХЪ IV.

Въ то время, когда умеръ Генрихъ III, въ Кельнѣ жилъ архіепископъ Ганнонъ, грубый жестокій человѣкъ, отъ притѣсненій котораго много терпѣли жители, принадлежавшіе

его епархіи. Оттого происходило, что во владѣніяхъ его нерѣдко подданные противопоставляли силѣ силу. Когда упразднилось мѣсто архіепископа трирскаго, Ганнонъ хотѣлъ доставить оное своему племяннику Конраду. Но граждане трирскіе не соглашались принять его, ссылаясь на свое избирательное право. Когда же архіепископъ попробовалъ силою достигнуть цѣли, граждане взялись за оружіе и отстояли себя. Ганнонъ долженъ былъ отказаться отъ своего плана.

Резиденціею архіепископа былъ Сигбургъ, откуда онъ правилъ областью съ неслыханнымъ произволомъ. Онъ не слушалъ даже императора и охотно желалъ бы отдѣлаться отъ его власти. Тѣмъ ненавистнѣе онъ былъ городамъ, которые были вѣрны императору и имперіи. Смерть могущественнаго Генриха III была какъ нельзя болѣе пріятна ему, потому что за малолѣтствомъ Генриха, шестилѣтняго дитяти, правленіе должно было достаться родственникамъ и опекунамъ императора. Вдова, императрица Агнесса, приняла оное и взяла себѣ въ совѣтники благоразумнаго и добраго епископа аугсбургскаго Генриха. Но рука женщины оказалась слишкомъ слабою для того, чтобы держать кормило правленія и обуздывать сильныхъ вельможъ. Сначала было удалось ей успокоить герцоговъ. Она отдала Швабію своему зятю, графу Рудольфу Рейнфельденскому, Каринтію и маркграфство Верону—графу Бертольду Церингенскому, Лотарингію Готфриду Горбатому, и Баварію графу Оттону Нордгеймскому. Послѣдній, честолюбивый и властолюбивый человѣкъ, соединился съ архіепископомъ Ганнономъ, чтобы захватить правленіе въ свои руки.

Въ 1062 г. Ганнонъ пригласилъ императрицу съ ея сыномъ тогда уже двѣнадцатилѣтнимъ Генрихомъ, въ Кайзерсвертъ на праздникъ пасхи. Ничего не подозрѣвая, Агнесса отправилась и была принята съ должными почестями. Послѣ

обѣда архіепископъ подвелъ Генриха къ окну и показалъ ему богато убранный корабль, стоявшій на якорѣ на Рейнѣ.

«Тебѣ нужно посмотрѣть этотъ корабль», сказалъ Генриху Ганнонъ. «Пойдемъ, посмотримъ его!»

Генрихъ въ сопровожденіи епископа и его свиты ступилъ на бортъ. Ему показывали устройство корабля, стройныя мачты съ бѣлыми парусами, удобныя каюты, мощный руль. Между тѣмъ гребцы взялись за весла и корабль двинулся по направленію къ Кельну. Сначала дитя не подозрѣвало ничего худаго. Но когда спутники епископа начали перешептываться съ нимъ и на мальчика посматривать злорадными глазами, подозрѣніе овладѣло Генрихомъ, онъ началъ просить, чтобы повернули назадъ. Но его не слушаютъ, гребцы дружнѣе работаютъ веслами по приказанію архіепископа. Тогда, долго не думая, Генрихъ смѣло прыгнулъ въ воду и громко взывалъ о помощи. Но мейссенскій графъ Гербертъ, знавшій о планѣ Ганнона, бросился въ Рейнъ и вытащилъ Генриха изъ воды. Такъ прибыли съ нимъ въ Кельнъ, гдѣ Ганнонъ держалъ мальчика подъ строгимъ присмотромъ.

Когда императрица хватилась своего сына и узнала о нагломъ похищеніи, начала просить, чтобы его освободили, но напрасно. Съ того времени душа ея не видѣла больше радости. Она удалилась въ Римъ, гдѣ кончила жизнь въ тихомъ уединеніи, оплакивая потерю своего сына.

* * *

Теперь государствомъ правилъ Ганнонъ, и чтобы придать своему правленію видъ законности, добился отъ князей рѣшенія, по которому впредь, во время несовершеннолѣтія государя, долженъ править тотъ епископъ, въ области котораго находится наслѣдникъ престола. Онъ держалъ Генриха въ строгомъ повиновеніи, заставлялъ его исполнять низкія

работы и пріучаться къ лишеніямъ. Черствѣла душа Генриха и наполнялась глубокою ненавистью къ своему притѣснителю. Онъ кипѣлъ мщеніемъ, научился лицемѣрить, скрывать свои мысли и думалъ только объ освобожденіи.

Насталъ желанный часъ. 1063 г. Ганнонъ отправился въ Римъ, гдѣ происходили смуты по поводу избранія новаго папы. Когда онъ возвратился, Генрихъ уже былъ въ рукахъ бременскаго архіепископа Адальберта, который также объявилъ право на опеку и правленіе.

Адальбертъ былъ близокъ къ императору Генриху III, который оказывалъ ему особенное благоволеніе. И дѣйствительно онъ былъ высокодаровитый человѣкъ и съ сильнымъ характеромъ. При немъ бременское архіепископство достигло большой силы и значительно распространилось. Онъ былъ ревностнымъ распространителемъ христіанства въ сѣверныхъ областяхъ, и даже думалъ на сѣверѣ Германіи основать самостоятельное, независимое церковное управленіе. Когда онъ захватилъ въ свои руки Генриха, началъ потворствовать всѣмъ его прихотямъ. Онъ далъ ему полную свободу жить какъ хочется, и не препятствовалъ ему искать развлеченій въ веселой, разгульной компаніи. Такъ онъ пріобрѣлъ расположеніе Генриха, но вмѣстѣ былъ виновникомъ того, что послѣдній сдѣлался слабымъ, безхарактернымъ человѣкомъ и не умѣлъ сдерживать себя. Въ 1065 году архіепископъ на торжественномъ собраніи въ Вормсѣ объявилъ пятнадцатилѣтняго юношу совершеннолѣтнимъ, и Генрихъ принялъ правленіе въ свои руки.

* * *

Между тѣмъ вельможи государства слишкомъ привыкли распоряжаться въ своихъ владѣніяхъ независимо и произвольно. Нельзя было и думать объ ихъ подчиненіи волѣ молодаго императора. Ктому жъ императоръ вполнѣ прене-

брегалъ правами и обычаями времени, обходился съ князьями заносчиво и неосмотрительно, и часто заставлялъ по цѣлымъ днямъ ждать аудіенціи тѣхъ, которые желали переговорить съ нимъ. Онъ окружилъ себя пустыми людьми, скоморохами, колдунами, снотолкователями, и мало заботился о дѣлахъ государственныхъ. Этимъ онъ оттолкнулъ отъ себя и тѣхъ немногихъ, которые имѣли почтеніе къ его высокому сану, и приготовилъ открытое возстаніе противъ своей власти.

Герцоги и графы согласились въ 1066 году составить сеймъ въ Трибурѣ и пригласить сюда императора. Онъ явился и долженъ былъ обѣщать вести впередъ болѣе правильную жизнь, удалить отъ двора архіепископа Адальберта и жениться на Бертѣ, дочери маркграфа Сузскаго, которая назначена была Генриху еще его отцомъ.

Скрѣпя сердце, онъ согласился на такія требованія, — противиться имъ онъ не могъ,—но въ тоже время думалъ о мщеніи. Возвратившись въ свой госларскій замокъ, принадлежащій къ округу архіепископа бременскаго, онъ тотчасъ нарушилъ нѣкоторыя обѣщанія, которыя вынужденъ былъ дать въ Трибурѣ. Онъ призвалъ опять архіепископа, и хотя женился на Бертѣ, но обращался съ нею очень дурно. Съ герцогами онъ обращался еще съ большимъ произволомъ, чѣмъ прежде. Онъ отнялъ баварское герцогство у даровитѣйшаго военачальника Оттона нордгеймскаго и отдалъ оное его недостойному зятю Вельфу VI. Потомъ онъ велѣлъ схватить того же Оттона и Магнуса саксонскаго. У герцога Бертольда онъ отнялъ Каринтію, а у герцога Рудольфа хотѣлъ отнять Швабію, и оставилъ ее за нимъ только по настоянію своей матери. Съ большою строгостію онъ собиралъ десятину въ Тюрингіи, попиралъ всѣ народныя права и вольности, и думалъ все о томъ, какъ бы сдѣлать ненавистную Саксонію коронным владѣніемъ. Такъ собралъ онъ тучу, которая разразилась надъ его головою.

Не предчувствуя ея приближенія, онъ беззаботно прово-

дилъ нескромную жизнь въ Госларѣ. Онъ кажется дѣйствительно былъ убѣжденъ, что строгостью своею сокрушилъ всякое противодѣйствіе. Но умные люди понимали, что грозныя распоряженія императора не имѣютъ настоящей силы: кто желалъ за него взяться за оружіе? Одинъ датскій король Свенъ былъ его союзникомъ. Вотъ прибыло въ Госларъ посольство отъ саксовъ. Требованія пословъ подкрѣплены были 60,000 воиновъ, собранныхъ Оттономъ нордгеймскимъ и многими епископами. И здѣсь императоръ явился довольно легкомысленнымъ и неспособнымъ къ дѣлу. Онъ игралъ въ шахматы, когда послы дожидались его въ передней комнатѣ. Когда же игра была окончена, императоръ отправился на охоту. На этотъ разъ послы напрасно приходили, они возвратились назадъ, ничего не сдѣлавъ. Генрихъ конечно могъ знать, что ихъ требованія довольно немирнаго свойства, именно: разрушить замки, вести строгую жизнь, выѣхать изъ Саксоніи и тому под.; но все таки нельзя было оставить оныя безъ вниманія. Императоръ долженъ былъ поплатиться за свое легкомысліе, за чрезмѣрную гордость.

Вдругъ шестьдесятъ тысячъ двинулось къ Гослару, оскорбленные рѣшились заставить императора исполнить ихъ требованія. Городъ и замокъ были осаждены. Никто не помогъ императору, сообщники его] легкомысленныхъ забавъ оставили его въ минуты опасности. Ему оставалось бѣжать, и онъ бѣжалъ въ Гарцбургъ у подошвы Броккена. Но и сюда слѣдовали за нимъ саксы и Генрихъ навѣрно попался бы въ плѣнъ, если бы герцогъ Бертольдъ, завязавъ переговоры съ осаждавшими, не далъ императору времени бѣжать. При помощи веревки онъ спустился съ крутыхъ утесовъ, и долгое время блуждалъ въ дремучихъ лѣсахъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ слугъ. Онъ терпѣлъ голодъ и жажду и отдыхалъ въ ущельяхъ дикихъ скалъ. Каждый шелестъ листьевъ пугалъ его, при каждомъ шорохѣ онъ думалъ, что за нимъ гонятся. Такъ чрезъ три дня онъ успѣлъ

достигнуть Эшвеге на Веррѣ, и потомъ Герсфельда. Здѣсь онъ нашолъ верхненѣмецкое ополченіе, которымъ онъ когда-то предводительствовалъ въ походѣ на Польшу; оно приняло участіе въ несчастной судьбѣ императора. Но ему не удалось склонить это войско къ битвѣ съ саксами, потому что всѣ знали, что императоръ самъ былъ виною своего несчастія. Князья и предводители, собравшіеся въ Герстунгѣ вмѣсто помощи дали ему понять, что дѣло кончится низложеніемъ его и избраніемъ другаго императора.

Разочарованный Генрихъ спѣшилъ въ Баварію, но и здѣсь его приняли худо; даже маленькіе города затворяли ворота и не впускали его. Тогда въ раздраженіи онъ удалился въ Вормсъ, гдѣ уже однажды нашолъ помощь. Здѣсь приняли его лучше, и когда онъ созвалъ верхненѣмецкихъ князей въ Оппенгеймъ, они обѣщали ему помощь противъ саксовъ. Но дѣло зашло уже такъ далеко, что народъ не хотѣлъ видѣть во врагахъ императора своихъ собственныхъ враговъ,—онъ отказался воевать съ саксами. Оставалось одно императору —согласиться на всѣ требованія и заключить миръ (1074).

* *
*

Особенно непріятно было для императора разрушать свои замки, и онъ хотя далъ на то повелѣніе, но не спѣшилъ дѣломъ; Гарцбургъ, отцовскій замокъ, положено было срыть послѣ другихъ замковъ. Саксы не дождались, пока императорскіе люди возьмутся за дѣло. Вооружонный народъ не слушалъ убѣжденій своихъ вождей. Въ раздраженіи онъ бросился на Гарцбургъ, разрушилъ стѣны, не тронулъ только церквей. Императоръ видѣлъ разореніе замка и съ большою горестью оставилъ Госларъ. Едва онъ удалился, какъ народъ разрушилъ и церкви, императорскую фамильную усыпальницу и разбросалъ покоившіеся въ ней останки императорова брата

и сына. Этимъ казалось насыщена была мстительность народа.

Такія злодѣянія, какъ ни виновенъ былъ въ нихъ и самъ императоръ, вызвали повсюду сильное негодованіе и примирили съ нимъ бывшихъ его враговъ. Минута была очень удобна для Генриха, чтобы снова привлечь на свою сторону умы народа. Саксонскіе князья явились къ нему и, громко порицая поступки своего народа, обѣщали императору удовлетвореніе. Императоръ отнесся къ нимъ съ недовѣрчивостью: уже много разъ пришлось ему быть обманутымъ. Онъ нашолъ себѣ поддержку въ южной Германіи, въ Баваріи, Швабіи и Лотарингіи. Рѣшено было предпринять большой походъ на саксовъ. Многія тысячи всадниковъ въ желѣзныхъ панцыряхъ стали подъ знамена Генриха. И саксы приготовлялись къ войнѣ на жизнь и смерть. Все крестьянство вооружилось дубинами, залитыми свинцомъ и снабжонными желѣзными наконечниками.

Сначала хлопотали о полюбовной сдѣлкѣ, но императоръ отвергъ всякія мирныя предложенія. Быстро двинулся онъ съ войскомъ на Унштрутъ и сталъ близъ монастыря Гогенбурга у Лангезальца 1075 г. Здѣсь онъ построилъ свое войско, и когда посланные впередъ всадники доложили ему, что непріятель беззаботно сидитъ за обѣдомъ, далъ знакъ къ нападенію. Швабскіе панцырные всадники первые бросились въ битву, саксонскіе всадники должны были отступить. Но герцогъ Оттонъ снова собралъ ихъ и повелъ въ битву. Ломаются копья, трещатъ щиты, завязалась ручная схватка. Воинъ сражается противъ воина свѣтлыми мечами до совершеннаго изнеможенія. День склонялся къ вечеру, саксонское дворянство частію избито, частію принуждено отступить, одни крестьяне еще стоятъ крѣпко. Тогда наскочили на нихъ лотарингскіе, баварскіе и богемскіе всадники и положили конецъ свирѣпой битвѣ. Три-

надцать тысячъ труповъ покрыли поле сраженія, страшенъ былъ видъ мѣста и для побѣдоноснаго императора.

Но мщеніе его не знало границъ. Съ остаткомъ своего войска онъ страшно опустошалъ всю страну саксовъ, все пожогъ, разрушилъ. Нивы были потоптаны, въ дыму и пламени стояли города и села. Наступилъ страшный голодъ, и хотя саксонскіе князья подумывали опять взяться за оружіе, но подавленный народъ не рѣшился слѣдовать за ними. Правленіе опустошонною страною императоръ отдалъ графу Оттону нордгеймскому. Потомъ онъ повелѣлъ опять возстановить свои замки, ввелъ въ нихъ гарнизоны и думалъ, что положилъ конецъ безпокойствамъ.

ПАПА ГРИГОРІЙ VII.

Въ то время, какъ нѣмецкому государству при Генрихѣ IV грозило совершенное распаденіе, кормиломъ церкви управляла сильная рука, которая умѣла не только устроить церковь внутри, но и утвердить свою власть надъ народами Европы. Хотя уже съ давнихъ поръ папы старались подчинить себѣ свѣтскую власть, удалось имъ достигнуть цѣли только при Григоріѣ VII, когда нѣмецкое государство глубоко пало. При немъ императорская власть получила такой ударъ, отъ котораго могла оправиться только тогда, когда реформація разоблачила глубокія раны римской церкви и отложилась отъ нея, такъ какъ папы не хотѣли врачевать эти раны.

Гильдебрандъ — таково было имя Григорія VII, данное ему при рожденіи — былъ сынъ бѣдныхъ родителей изъ Сіэны

въ Тосканѣ, воспитывался въ Римѣ, гдѣ учителями егобыли ученый Лаврентій и правовѣдъ Граціанъ. Когда папа Григорій VI низложенъ былъ императоромъ Генрихомъ III, Граціанъ отправился въ Германію, куда за нимъ послѣдовалъ и преданный ему Гильдебрантъ. Здѣсь онъ прожилъ много лѣтъ въ Клюнійскомъ монастырѣ, и былъ впослѣдствіи настоятелемъ монастыря. Его тихая келья была мѣстомъ глубокихъ думъ о церкви и ея правахъ, о ея цѣли и значеніи. Здѣсь созрѣло въ немъ убѣжденіе что церковь только при независимости отъ всякой свѣтской власти можетъ сохранить свою чистоту и значеніе. Самъ онъ былъ безупречнаго поведенія, большаго ума, важенъ и осмотрителенъ, одаренъ рѣдкою силою воли и постоянно готовъ привести въ исполненіе то, что разъ призналъ за истину, употребить всѣ усилія, всѣмъ пожертвовать для цѣли. Когда другъ его, епископъ Тула Бруно, вступилъ на папскій престолъ подъ именемъ Льва IX, Гильдебрантъ отправился съ нимъ въ Римъ въ качествѣ папскаго совѣтника. Въ такихъ же отношеніяхъ онъ былъ и къ преемникамъ Льва IX до Александра II. Онъ убѣдилъ Николая II учредить на церковномъ соборѣ коллегію кардиналовъ, которая въ качествѣ постояннаго церковнаго совѣта должна была избирать папу изъ своей среды, императоръ же только утверждалъ избраннаго. Чтобы дать силу этому совѣту, онъ сблизился съ норманнами Нижней Италіи и возвелъ занятую ими область въ ленное герцогство папскаго престола.

Когда ему удалось такимъ образомъ положить фундаментъ, 21-го апрѣля 1073 г. коллегія кардиналовъ возвела его на папскій престолъ по смерти Александра II. Это былъ важный историческій моментъ, когда высшіе церковные сановники одѣли въ пурпурную мантію человѣка, упорно отказывавшагося отъ предлагаемаго достоинства, ввели его въ петровскую церковь и здѣсь представили римскому народу съ словами: «Мы избрали его въ папы и желаемъ, чтобы

онъ былъ нашимъ господиномъ. Согласны ли вы на это?» Народъ отвѣтилъ: «Согласны!» Опять кардиналы спрашивали: «Желаете ли вы его?»—«Да, мы желаемъ его!» былъ отвѣтъ. «Почитаете ли вы его?» спрашивали первые. «Почитаемъ!» восклицала ликующая толпа. Императоръ Генрихъ, не предвидя слѣдствій этого избранія, утвердилъ оное.

* *
*

Едва папа Григорій взялъ въ руку ключъ Петра, какъ и началъ съ непреклоннымъ мужествомъ преобразованіе церковнаго устройства, которое онъ считалъ необходимымъ для того, чтобы укрѣпить значеніе церкви. Онъ рѣзко отдѣлилъ духовную власть отъ свѣтской, государство отъ церкви, запретивъ всѣмъ духовнымъ вступленіе въ бракъ и отнявъ у свѣтскихъ князей право давать духовныя мѣста и достоинства. Онъ ввелъ целибатъ и запретилъ инвеституру.

Та и другая мѣра имѣли цѣлію подчинить всѣ духовныя должности исключительно папѣ, уничтожить всѣ связи духовнаго сословія съ государствомъ, и сдѣлать изъ духовныхъ лицъ исключительно служителей церкви и ея главы. Заповѣдь о безбрачіи духовнаго сословія, сдѣлавшаяся обязательною не только для тѣхъ, которые еще не вступали въ бракъ, но требовавшая развода отъ тѣхъ, которые уже были женаты, произвела сильную бурю. Григорій не смутился,—онъ объявилъ, что нежелающіе развода должны отказаться отъ своей должности; монахи, уже давшіе обѣтъ безбрачія, сдѣлались въ рукахъ папы орудіемъ противъ женатыхъ священниковъ, а монахи имѣли тогда на народъ большое вліяніе. Священниковъ, не желавшихъ отказаться отъ жены и дѣтей, народъ принуждалъ къ тому насмѣшками и силою. Въ Германіи все еще упорствовали майнцскій епископъ Зигфридъ, констанцскій Оттонъ, бременскій Лимаръ, но сопротивленіемъ волѣ папы возбудили противъ себя слѣ-

ную ярость народа, который безотчетно повѣрилъ изреченію папы, что женатый священникъ недостоинъ совершать безкровную жертву.

Въ то время, какъ введеніе целибата облегчено было народнымъ сочувствіемъ къ монашеству, запрещеніе инвеституры подняло противъ папы всѣхъ свѣтскихъ князей. До сихъ поръ князья въ своихъ областяхъ давали высшія духовныя должности и вручали избраннымъ кольцо и пастырскій жезлъ. Оттого епископы и аббаты зависѣли отъ свѣтскихъ лицъ и искали ихъ благосклонности; часто производилась презрѣнная торговля духовными должностями, которыя доставались тѣмъ, кто больше предлагалъ денегъ (симонія). Григорій запретилъ подъ страхомъ церковнаго отлученія продажу должностей,—онъ повелѣлъ, чтобы впредь никто, ни король ни герцогъ, ни другой какой князь не смѣлъ давать духовныхъ мѣстъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ оспоривалъ у свѣтскихъ князей право владѣнія землями, принадлежащими церковнымъ лицамъ и учрежденіямъ. Этимъ было завершено отдѣленіе свѣтской власти отъ духовной, или, по выраженію папы, церковь дѣлалась свободною, ея служители освобождались отъ узъ свѣтской власти, которая уже не могла замѣщать церковныя должности. Теперь оставался только шагъ къ тому, чтобы поставить церковь надъ государствомъ, подчинить послѣднее первой. Григорій сдѣлалъ этотъ шагъ, который былъ не столько результатомъ, сколько основою его дѣятельности.

«Міръ, пишетъ онъ въ своихъ посланіяхъ, озаряется двумя свѣтилами, большимъ—солнцемъ, и меньшимъ—луною. Солнцу подобна апостольская власть, лунѣ—королевская. И какъ луна заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца, такъ императоръ, короли и князья отъ папы, а онъ отъ Бога. Такимъ образомъ власть римскаго престола выше власти троновъ государей, король долженъ подчиняться папѣ и быть ему послушнымъ. Такъ какъ власть папы отъ Бога, то все

подчинено ему, свѣтскія и духовныя дѣла подлежатъ его вѣдомству, онъ долженъ учить, увѣщевать, наказывать, награждать, судить и рѣшать. Онъ—наслѣдникъ Петра, намѣстникъ петрова престола, намѣстникъ Христа и стоитъ выше всѣхъ!» Отсюда естественно слѣдуетъ право папы отрѣшать императора и поставлять его, давать ему корону и отнимать ее, рѣшать окончательно всякія дѣла, возникающія между императоромъ и князьями и народами.

* * *

Съ этихъ поръ Григорій началъ править на указанныхъ основаніяхъ, и съ непреклонною силою воли старался не только о томъ, чтобы всѣми признаны были эти основанія, но что бы онѣ высказались и на дѣлѣ. Время было очень благопріятно для его плановъ. Всякое почтеніе къ императорской власти исчезло, благодаря безмѣрному произволу и безхарактерности Генриха IV. Духовенство погрязло въ порокахъ, и народъ съ радостью встрѣтилъ болѣе строгіе церковные уставы. Ко всему этому присоединилась тяжба, въ которой обѣ стороны обратились къ папѣ: Саксы жаловались папѣ на жестокость императора, и императоръ полагался на судъ папы относительно своего поведенія.

Григорію пришлось весьма кстати обоюдное приглашеніе произнести свой рѣшительный приговоръ. Папа въ это время требовалъ покорности отъ греческаго императора, требовалъ Сардиніи въ свою собственность, дарилъ короны русскую и венгерскую, упрочивалъ значеніе въ сѣверныхъ государствахъ, произнесъ отлученіе надъ французскимъ королемъ, и только въ Англіи не имѣлъ власти. Такое время было очень благопріятно для борьбы съ нѣмецкимъ императоромъ. Онъ велѣлъ императору удалить нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, находящихся подъ церковнымъ отлученіемъ. Императоръ напрасно старался привести въ исполненіе волю папы относительно нѣмецкихъ

епископовъ. Тогда Григорій приказалъ императору, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, явиться въ Римъ къ 22-му февраля 1076 года, чтобы здѣсь оправдаться во всѣхъ взводимыхъ на него обвиненіяхъ.

Съ такими угрозами еще ни одинъ папа не обращался къ императору, еще никогда не была такъ оскорблена честь цѣлаго народа въ лицѣ того, кто носилъ корону государства. Папскій легатъ вручилъ Генриху грозное посланіе папы. Едва Генрихъ узналъ содержаніе, какъ велѣлъ выгнать посла изъ своего дома и тотчасъ созвалъ церковный соборъ въ Вормсѣ. Сюда явились въ большомъ числѣ нѣмецкіе архіепископы и епископы, большею частію непріязненные папѣ. Архіепископъ майнцскій занималъ первое мѣсто, и когда дѣло дошло до совѣщаній, почти каждый епископъ приводилъ обвиненія и жалобы на властолюбиваго папу. Рѣшеніе собора состояло въ томъ, что недостойнаго папу слѣдуетъ низложить,—исполненіе рѣшенія поручено императору.

Въ Римъ отправленъ былъ посолъ, чтобы вручить папѣ рѣшеніе собора. Онъ явился въ Латеранѣ предъ папою и его кардиналами и прочелъ письмо императора, наполненное самыми язвительными рѣчами. «Генрихъ, не насиліемъ, но мудрымъ соизволеніемъ божіимъ король—Гильдебранду, больше не папѣ, но лжемонаху!... Обремененный проклятіемъ, осужденный нашимъ и всѣхъ епископовъ приговоромъ, сойди, оставь захваченный тобою апостольскій престолъ. Его долженъ занять другой, который не будетъ словомъ Божіимъ прикрывать свою гордость. Я, Генрихъ, король Божіею милостію, и всѣ наши епископы приказываемъ тебѣ: сойди!»

Когда посолъ прочиталъ это письмо, окружающіе папу хотѣли броситься на него и избить. Григорій вскочилъ и сталъ посрединѣ. Но онъ не замедлилъ отвѣтомъ императору, и отвѣтомъ было отлученіе отъ церкви. Въ формѣ молитвы къ апостолу Петру, съ призваніемъ дѣвы Маріи и св. Павла, папа отстранялъ короля Генриха, во имя тріеди-

наго Бога, силою дарованной ему апостольской власти, отъ управленія Италіей и Германіей, разрѣшалъ всѣхъ христіанъ отъ данной королю присяги и запретилъ всѣмъ служить ему.

Сто десять епископовъ подтвердили это отлученіе, которое подобно молніи пролетѣло по государству и всюду распалило сдерживаемыя страсти. Никто больше не считалъ себя связаннымъ клятвою и обязанностію. Большая часть князей отдѣлилась отъ императора, находящійся подъ властью князей народъ послѣдовалъ за ними; духовенство раздѣлилось на двѣ партіи, но и оно лишилось всякаго вліянія на народъ. Даже въ семействахъ была усобица; отецъ враждовалъ съ сыномъ, братъ возсталъ на брата. Что началось на тронѣ, — проникло въ мельчайшія отношенія ежедневной жизни, возмутило и разрушило всякій порядокъ. Обѣ партіи стояли подъ опалою и отлученіемъ, онѣ преслѣдовали другъ друга и свирѣпствовали въ страшной междоусобной войнѣ. Только когда чрезъ 10 лѣтъ умеръ Григорій, бурныя волны стали улегаться.

* *
*

Огорченный императоръ не видѣлъ отъ князей участія и помощи. Они были рады тому, что избавились отъ тяжкаго гнета. Оттонъ нордгеймскій, правитель Саксоніи, отложился тотъ часъ же, герцоги Бертольдъ, Рудольфъ и Вельфъ составили верхненѣмецкій союзъ: они требовали отъ императора подчиненія папѣ, который обѣщался въ слѣдующемъ (1077) году прибыть въ Аугсбургъ на сеймъ и тамъ рѣшить окончательно дѣло императора.

Генрихъ остался одинокимъ: не помогли ему корона и скипетръ! Въ качествѣ частнаго лица онъ отправился въ Шпейеръ, послѣ неудачной попытки склонить нѣмецкихъ герцоговъ на помощь. Здѣсь онъ нашолъ утѣшеніе только въ своей супругѣ Бертѣ, которую только теперь научился

цѣнить, какъ вѣрнѣйшую подругу; но изъ лабиринта онъ не видѣлъ выхода. Папа Григорій не уступитъ ни въ какомъ случаѣ, скорѣе пожертвуетъ жизнью для своей цѣли: это императоръ хорошо понималъ. Но какъ ему — коронованной особѣ преклониться предъ папою? Нужно было бы двинуться съ войскомъ въ Италію; Ломбардія на его сторонѣ и противъ папы. Но пока нѣмецкіе герцоги не помогутъ ему, идти въ Италію и думать нельзя; и не съ кѣмъ и не съ чѣмъ идти. Императоръ чувствовалъ, что корона колеблется на его головѣ, но все таки она еще на немъ, у него находятся государственные клейноды, безъ которыхъ никто не можетъ занять престолъ: предстоящій сеймъ въ Аугсбургѣ пожалуй отниметъ у него все. Уже ходили страшныя вѣсти, что дѣло идетъ объ избраніи новаго императора.

Тогда императоръ рѣшился лично искать примиренія съ раздраженнымъ папою. Онъ самъ хотѣлъ быть въ Римѣ, хотѣлъ покориться лучше папѣ, чѣмъ собранію князей, обязанныхъ повиновеніемъ своему государю. Но и это путешествіе, это хожденіе бѣднаго согбеннаго странника, какъ тяжело оно было для императора! Правда, вѣрная супруга съ трехлѣтнимъ сыномъ не хотѣла оставить его, она хотѣла сопутствовать ему въ горькія минуты жизни; но у императора не было ни денегъ, ни одежды, ни спутниковъ. Ктому жъ альпійскіе проходы были заняты тѣми, которые хотѣли помѣшать свиданію императора съ папою. И все таки Генрихъ рѣшился отправиться въ Римъ. Онъ отправился вверхъ по Рейну съ супругою и сыномъ и съ однимъ слугою. Въ Бургундіи графъ Вильгельмъ далъ ему денегъ и надежный конвой. Зима была жестокая, съ ноября до марта слѣдующаго года Рейнъ былъ покрытъ льдомъ. Но каковы же должны быть холода тамъ на горахъ, которыя нужно перейти!

Маленькій караванъ тащился чрезъ Савойю и МонтъСенисъ, въ постоянной борьбѣ съ несказанными затрудненіями. Пу-

тешественники часто не имѣли пріюта и пищи. Страшные снѣжные вихри застигали ихъ на горныхъ вершинахъ, морозы были лютые, трудно было найти тропинку, еще труднѣе взбираться по ней. Часто приходилось ползкомъ на рукахъ и ногахъ пробираться далѣе. Когда наконецъ достигли вершины прохода и нужно было спускаться внизъ, препятствія увеличились. Императрицу съ сыномъ нужно было закутывать въ воловью кожу и такимъ образомъ спускать съ горныхъ утесовъ. Наконецъ путешественники достигли ломбардской равнины и города Піемонта.

Едва здѣсь узнали о прибытіи императора, какъ встрѣтили его съ радостью. Думали, что онъ прибылъ наказать ненавистнаго папу; князья и епископы предложили ему помощь. Но Генрихъ отказался отъ ихъ предложеній, онъ думалъ только о томъ, какъ бы сохранить свою корону. Папа Григорій между тѣмъ уже оставилъ Римъ и былъ на дорогѣ въ Аугсбургъ, и вдругъ слышитъ о прибытіи императора. Онъ уклонился отъ встрѣчи съ императоромъ, узнавъ, что онъ прибылъ безъ войска и свиты. Свернувъ съ дороги, онъ прибылъ въ крѣпкій замокъ Каноссу, принадлежавшій преданной папѣ графинѣ Матильдѣ тосканской. Императоръ прибылъ сюда же и предложилъ папѣ вступить въ переговоры. Папа отказалъ. Генрихъ просилъ, но напрасно; Григорій упорно стоялъ на своемъ. Наконецъ онъ согласился допустить къ себѣ жестоко угнетеннаго несчастіями человѣка, если только онъ исполнитъ наложенную на него эпитимію. Генрихъ согласенъ былъ на все. Онъ былъ допущенъ на внѣшній дворъ замка, гдѣ между второю и третьею стѣною замка долженъ былъ босой, съ непокрытою головою, во власяницѣ кающагося провести три дня и три ночи подъ открытымъ небомъ. Онъ подчинился такому приговору, боролся съ стужею, голодомъ и жаждою, и все это на глазахъ папы, который изъ оконъ своихъ уютныхъ покоевъ смотрѣлъ на глубоко-униженнаго государя. Теперь папа со-

гласился на переговоры, но обязалъ императора клятвою въ томъ, что онъ безпрекословно покорится предстоящему приговору, равно воздержится отъ всякаго проявленія своей власти до тѣхъ поръ, пока въ Аугсбургѣ не будетъ рѣшено, достоинъ ли онъ короны или нѣтъ. Когда Генрихъ далъ въ томъ присягу, папа снялъ съ него отлученіе (26 января 1077 г.)

За этимъ разрѣшеніемъ слѣдовала торжественная обѣдня, и здѣсь ожидало Генриха новое униженіе. Папа рѣшился по тогдашнему обычаю подвергнуть все дѣло суду божію. Онъ взялъ освященную гостію и говорилъ Генриху: «Ты обвиняешь меня въ томъ, будто я достигъ апостольскаго престола симоніей, что я запятналъ мою жизнь и другими преступленіями. Я могъ бы привести много свидѣтельствъ въ пользу моей невинности, но я болѣе полагаюсь на свидѣтельство божіе. Здѣсь я принимаю тѣло господне, и пусть оно очиститъ меня, если я невиненъ, или же поразитъ внезапною смертью, если я виновенъ»! Послѣ такихъ словъ онъ разломилъ гостію (тѣло Господне) на двое, принялъ одну половину. Потомъ предложилъ другую Генриху и сказалъ: «Теперь и ты, мой сынъ, сдѣлай то же! Князья обвиняютъ тебя въ тяжкихъ преступленіяхъ, по которымъ ты заслуживаешь низложенія съ престола. Если ты считаешь себя невиннымъ, то поспѣши освободить отъ соблазна божію церковь и самаго себя отъ затянувшейся борьбы и раздора. Прими другую часть тѣла господня, чтобы твоя невинность проявилась свидѣтельствомъ божіимъ»! Неприготовленный къ такому суду, застигнутый врасплохъ, Генрихъ отклонилъ такое предложеніе; онъ ссылался на то, что здѣсь нѣтъ его обвинителей, князей, которые могли бы присутствовать въ качествѣ свидѣтелей. Папа торжествовалъ второй тріумфъ надъ императоромъ.

Все это униженіе не принесло императору существенной пользы, — онъ получилъ только церковное разрѣшеніе. Те-

перь онъ понялъ, что дѣло можетъ быть рѣшено только мечемъ. Слишкомъ туго натянутый лукъ церкви сломился и еще разъ императорская власть получила свое значеніе въ государствѣ.

Германія сдѣлалась театромъ страшной междоусобной войны. Едва распространилась вѣсть о событіи въ Каноссѣ, какъ народъ, города и крестьяне поднялись за императора, князья же дѣйствовали противъ него. Чтобы не упустить благопріятной минуты, послѣдніе собрались въ Форхгеймѣ, въ присутствіи папскаго легата низложили Генриха съ престола и избрали герцога Рудольфа швабскаго «поповскаго короля».

Это облагоразумило Генриха, онъ началъ вѣрнѣе смотрѣть на свои дѣйствія, увидѣлъ, что малодушіемъ онъ испортилъ дѣло, которое приходится поправлять рѣшительными дѣйствіями. Онъ не считалъ себя связаннымъ данными папѣ обѣщаніями, онъ имѣлъ дѣло теперь съ человѣкомъ, оспоривавшимъ у него корону. Онъ двинулся изъ Вероны чрезъ Каринтію и Баварію въ Швабію. Города и деревни выслали ему подкрѣпленія. Крестьяне были вооружены по рыцарски, скоро численная сила императора превзошла силу враговъ, и въ отношеніи воинскаго духа крестьяне не уступали дворянамъ. Швабія скоро покорилась императору, и преданный ему графъ Фридрихъ Бюренъ, первый гогенштауфенъ, получилъ ее въ управленіе.

Отсюда пламя войны пошло далѣе къ сѣверу. Это была не только война императора съ антиимператоромъ, но также и малая война. И тотъ и другой властитель назначали чиновниковъ и давали мѣста, отчего многія должности заняты были двумя лицами. Естественно, что и между этими лицами шла борьба. Ктому жъ дворянство стояло противъ

крестьянъ. Попадавшіеся въ плѣнъ крестьяне подвергались безчеловѣчному мученію, ихъ деревни обратились въ пепелъ. Города нападали на замки, занятыя непріязненными императору вельможами. Владѣтели замковъ нападали на города, державшіе сторону императора. Церкви и замки, монастыри и города занялись пламенемъ. Отлученные и опальные сражались другъ противъ друга безъ пощады, безъ сожалѣнія. Малая война была еще разорительнѣе, чѣмъ большая.

У Мельрихштадта во Франконіи сошлись въ первый разъ Генрихъ и Рудольфъ (1078 г.). Какъ ни горячо было сраженіе, но осталось нерѣшоннымъ. Чрезъ два года опять противники стояли другъ противъ друга въ Тюрингіи при Флархгеймѣ, недалеко отъ Мюльгаузена. Здѣсь побѣда осталась за Рудольфомъ. Папа Григорій объявилъ себя на сторонѣ побѣдителя, послалъ ему золотую корону, а противъ Генриха снова произнесъ отлученіе. Ломбардцы стояли подъ знаменами Генриха, поэтому онъ созвалъ соборъ въ Бриксенѣ, на которомъ Григорій былъ низложенъ съ престола, а на мѣсто его возведенъ архіепископъ равенскій Гюибертъ, принявшій имя Климента III. Затѣмъ послѣдовала битва на Эльстерѣ у Вейсенфельса (1080 г.), опять нерѣшительная, но выгодная для Генриха, потому что здѣсь убитъ былъ Рудольфъ. Предъ смертью онъ раскаявался въ томъ, что нарушилъ свою присягу императору. Генрихъ передалъ продолженіе войны въ Германіи своему другу Фридриху Гогенштауфену, а самъ поспѣшилъ въ Италію.

* *
*

Папа Григорій безстрашно ждалъ въ Римѣ прибытія императора. Побѣдивъ незначительное сопротивленіе, Генрихъ съ войскомъ стоялъ подъ Римомъ. Тосканскій гарнизонъ заперъ предъ нимъ ворота, и нѣмецкое войско было

слишкомъ слабо, чтобы отважиться на штурмъ. Григорій отклонилъ мирныя предложенія императора. Когда же римляне отложились отъ папы, онъ заперся въ замкѣ св. Ангела. Теперь Генрихъ занялъ городъ и принялъ отъ Климента III императорскую корону (1084 г.).

Тогда пришла вѣсть, что Робертъ Гвискаръ, норманскій герцогъ, прибылъ на освобожденіе Рима. По просьбѣ Григорія онъ возвратился изъ похода своего на Константинополь и явился на помощь своему ленному господину, угнетенному папѣ. Между тѣмъ императоръ уже отпустилъ часть своего войска, потомъ и самъ отправился въ Германію, оставивъ Римъ на произволъ Роберта. Норманны взяли городъ, три дня грабили его и большую часть сожгли и опустошили. Ярость побѣдителей не знала границъ, тысячи народа были убиты, изувѣчены, взяты въ неволю, многіе церкви и дворцы, между прочимъ и построенный Веспасіаномъ Колизей, обратились въ пепелъ и развалины.

Папу Григорія, сначала благословлявшаго прибытіе норманновъ, Робертъ Гвискаръ отправилъ въ Салерно. Здѣсь умеръ папа, глубоко удрученный тѣлесными и душевными страданіями 25 мая 1085 г. «Я любилъ правду, ненавидѣлъ неправду, за что и умираю въ изгнаніи», были послѣднія слова его. Однако начатое имъ не кончилось съ его смертью; теперь папство стало силою, приводившею въ движеніе міръ.

* *
*

Казалось со смертью Григорія для императора настали лучшія времена. Хотя преемники Григорія, Викторъ III и Урбанъ II не разрѣшали императора отъ проклятія, такъ какъ онъ признавалъ законнымъ Климента III, но второй антикороль, избранный врагами императора, Германъ люк-

сембургскій (чесноковый король—такъ называлъ его народъ) напрасно силился удержаться въ новомъ достоинствѣ. Кромѣ того смерть свела въ могилу главныхъ враговъ Генриха: графа Оттона нордгеймскаго, епископа гальберштадскаго Букко, тюрингскаго маркграфа Экберта; и съ саксами императоръ примирился, такъ что мракъ, лежавшій на жизненномъ пути императора, началъ разсѣеваться. Тогда будто молнія съ чистаго неба пало на его голову самое тяжкое горе: возмущеніе сыновей его Конрада и Генриха.

Урбанъ II успѣлъ составить въ Италіи союзъ изъ враговъ Генриха, норманновъ и тосканцевъ. Конрадъ, оставленный императоромъ въ Ломбардіи въ качествѣ намѣстника, перешолъ на сторону враговъ своего отца. Священники, окружавшіе набожнаго до суевѣрія Конрада, представляли ему, что все зло происходитъ отъ проклятія папы императору. Теперь слѣдовало бы сыну принять на себя правленіе и принудить упорнаго отца покориться церкви. Конрадъ не устоялъ противъ искушенія и Урбанъ благословилъ одураченнаго сына. Въ Монцѣ Конрадъ получилъ ломбардскую корону, потомъ заключилъ союзъ съ заклятыми врагами императора въ Италіи.

Это новое несчастіе императора снова привлекло къ нему сердца нѣмцевъ. Новыми пожалованіями леновъ онъ склонилъ на свою сторону главныхъ князей, и когда враги его въ Италіи разсорились, а Конрадъ, — игрушка въ рукахъ священниковъ, ничего не предпринималъ, императору было не трудно провести на Кельнскомъ сеймѣ (1098 г.) низложеніе сына. Вмѣсто Конрада онъ избралъ въ наслѣдники втораго сына Генриха и короновалъ его въ Ахенѣ. Конечно, императору и въ голову не приходило, какой новый бичъ онъ этимъ приготовлялъ себѣ; онъ вѣрилъ клятвѣ сына не предпринимать ничего важнаго безъ отцовскаго дозволенія.

Вышло иначе. Папа Урбанъ умеръ въ 1099 г., чрезъ нѣсколько лѣтъ за нимъ послѣдовалъ Климентъ III, и на

римскій престолъ вступилъ Пасхалій II. Императоръ искалъ примиренія съ новымъ папою, но напрасно, Пасхалій возобновилъ отлученіе императора. Впрочемъ на это отлученіе мало обращали вниманія и послѣ бѣдственной усобицы водворился общій миръ. Одно дворянство не желало мира, который отнималъ у него хлѣбъ, пріобрѣтаемый хищничествомъ и грабежомъ. Оно обратилось къ сыну, жившему бездѣятельно при дворѣ отца, который пользовался мирнымъ временемъ, чтобы врачевать бѣдствія народа. Императоръ замѣтилъ измѣну, сотканную вблизи его только тогда, когда сынъ внезапно въ декабрѣ 1104 г. оставилъ дворъ отца во Фрицларѣ, удалился въ Регенсбургъ, и здѣсь опираясь на помощь Баваріи, открыто возсталъ противъ отлученнаго отца. На его сторону перешли саксы, все еще не забывшіе жестокостей Генриха, равно и архіепископъ майнцкій. Но города поднялись за императора и выставили ему 20,000 войска. Съ нимъ императоръ двинулся къ Майнцу, гдѣ держался невѣрный епископъ съ бунтовщикомъ сыномъ императора. Сначала сынъ отвергъ всякіе переговоры, когда же увидѣлъ сильныхъ горожанъ подъ знаменами императора, устрашился открытаго боя и рѣшился на вторую измѣну отцу и государю.

Какъ обливалось кровью сердце стараго государя, когда онъ вынужденъ былъ взяться за мечъ противъ втораго сына, носившаго отцовское имя! Долго отецъ не рѣшался прибѣгнуть къ этому крайнему средству, за то какъ былъ обрадованъ, когда сынъ принялъ предложеніе мира. Въ Кобленцѣ они сошлись, императоръ съ глубокою скорбью о сынѣ, сынъ съ притворнымъ раскаяніемъ. Это было раздирающее душу зрѣлище. Императоръ далъ свободно излиться чувству. Когда сынъ подошолъ къ нему, отецъ палъ на колѣна и рыдая говорилъ: «сынъ мой, если уже Богу угодно наказать меня за грѣхи, ты по крайней мѣрѣ не пятнай своего имени и своей чести; не прилично сыну судить грѣхи

отца»! Сынъ казался тронутымъ. Онъ также упалъ на колѣна и увѣрялъ отца, что онъ ничего другаго не ищетъ, какъ примирить его съ церковью.

Какъ было въ такую минуту усумниться въ чистосердечіи сына! Государь поднялъ его и простилъ; потомъ распустилъ свое войско, оставивъ при себѣ нѣсколько сотенъ всадниковъ. Сынъ просилъ отца сопутствовать ему въ Майнцъ; императоръ согласился и оба отправились къ Бингену. Здѣсь они провели вечеръ въ задушевныхъ разговорахъ и переночевали. Утромъ сынъ предложилъ отцу отпустить его впередъ въ Майнцъ для того, чтобы увѣдомить архіепископа о примиреніи и приготовить къ пріему императора. Императоръ же можетъ въ это время отправиться въ замокъ Бекеленгеймъ у Крейцнаха и ожидать тамъ возвращенія сына. Такія рѣчи показались императору подозрительными. «Сынъ мой, говорилъ онъ, Богъ свидѣтель намъ, не бери грѣха на свою душу»! Съ клятвами увѣрялъ сынъ отца въ своей искренности и еще разъ обманулъ отца. Онъ сѣлъ на коня и отправился въ Майнцъ.

Императоръ же поѣхалъ съ небольшою свитою къ замку Бекеленгейму у Крейцнаха. Здѣсь уже его поджидали. Ворота были отворены и императоръ съ двумя спутниками въѣхалъ во дворъ. Тотчасъ затворились за нимъ ворота и онъ оказался плѣнникомъ. Казалось императоръ не вынесетъ этого удара, этой постыдной измѣны сына; — сначала онъ совсѣмъ растерялся. Потомъ мало по малу началъ приходить въ себя и заплакалъ. Холодныя стѣны внимали его стонамъ, но не было сочувствующаго сердца. Шпейерскій епископъ, одинъ изъ ожесточенныхъ враговъ императора, взялъ на себя беречь императора, который терпѣлъ недостатокъ въ пищѣ и одеждѣ. Безчестная продѣлка удалась вполнѣ, но и этого еще мало было злому сыну.

* *
*

Генрихъ съ епископомъ и державшими его сторону князьями ликовалъ удачу позорной измѣны. Теперь нужно было прибрать къ своимъ рукамъ государственные клейноды. Посланный явился въ тюрьму къ императору и требовалъ съ грубыми угрозами письменнаго приказанія выдать государственные знаки, хранившіеся въ замкѣ Гаммерштейнѣ. Императоръ согласился, такъ какъ дѣло доходило до насилія, которымъ хотѣли вынудить его дозволеніе. Потомъ его пригласили въ Майнцъ на судъ предъ собравшимися князьями. Онъ отправился; но народъ такъ раздраженъ былъ такими поступками сына, что князья, не смотря на вооруженную свиту, не рѣшились здѣсь судить плѣнника. Судъ былъ перенесенъ въ Ингельгеймъ.

Здѣсь произошло возмущающее душу зрѣлище. Старый императоръ представленъ былъ на судъ злѣйшихъ своихъ враговъ, среди которыхъ предсѣдательствовалъ собственный его сынъ. Государю предложили требованіе сейчасъ же отказаться отъ короны. Императоръ требовалъ по крайней мѣрѣ ручательства за свою жизнь. Констанцкій епископъ Герхардъ сказалъ на это, что ручательство дано будетъ только въ такомъ случаѣ, если императоръ признаетъ себя виновнымъ въ несправедливомъ преслѣдованіи папы Григорія и преступномъ поруганіи церкви. Императоръ просилъ срока для отвѣта на такія жосткія слова, для защиты противъ такихъ обвиненій. Но ему отказали въ томъ. Онъ соглашался подчиниться приговору князей, лишь бы только его выслушали. Напрасно, ему грозили пожизненнымъ заключеніемъ. Онъ просилъ о снятіи съ него отлученія. Его посылали въ Римъ.

Глубоко огорченный мужъ не устоялъ; онъ заклиналъ сына не обращаться такъ съ отцомъ, не дѣлать ему такого поруганія, не пятнать своей совѣсти такимъ грѣхомъ. Съ слезами и стонами императоръ бросился ему въ ноги; жестокій сынъ не тронулся мольбами. Послѣдовало отреченіе

отъ престола, лишеніе всѣхъ имуществъ. Опальнымъ нищимъ Генрихъ оставилъ собраніе.

Въ генварѣ 1106 г. Генрихъ V признанъ былъ императоромъ. Генрихъ IV бѣжалъ изъ Ингельгейма въ Кельнъ. Нѣкоторые рейнскіе города еще держали его сторону, таковы были Кельнъ, Боннъ и Люттихъ. Города эти были лишены покровительства законовъ имперіи. И все таки они стояли подъ оружіемъ, готовые защищать стараго императора. Папа произнесъ противъ нихъ отлученіе, но они не обращали вниманія на это отлученіе. Молодой императоръ выступилъ въ походъ противъ Кельна, но безъ успѣха вернулся назадъ. Между тѣмъ старый Генрихъ прибылъ въ Люттихъ, гдѣ вѣрный епископъ Отбертъ принялъ его радушно. Съ городами начались переговоры. Еще разъ императоръ писалъ своему сыну и просилъ пощады. Онъ не получилъ милости и умеръ подъ гнетомъ горя въ августѣ 1106 г. При послѣднемъ издыханіи онъ просилъ о пощадѣ тѣхъ, которые оставались вѣрными ему до смертнаго часа.

Епископъ Отбертъ заботился о почетныхъ похоронахъ. Но прочіе епископы принудили его похоронить отлученнаго отъ церкви императора на одномъ островкѣ рѣки Мааса. Слѣпая ненависть преслѣдовала даже умершаго императора. Лишь одинъ іерусалимскій монахъ день и ночь молился надъ гробомъ его за упокой души. Тогда Генрихъ V велѣлъ перенести смертные останки въ Шпейеръ. Съ почтеніемъ народъ принялъ прахъ государя и отнесъ оный въ церковь Маріи, построенную императоромъ. Но и здѣсь не было ему покоя. Епископъ перенесъ гробъ въ часовню. Только спустя пять лѣтъ, (1011), когда Генрихъ V убѣдился, что отецъ умеръ съ покаяніемъ, покойникъ былъ освобожденъ отъ отлученія и погребенъ въ соборѣ, въ императорскомъ склепѣ. Народъ заявилъ живое сочуствіе къ государю, пре-

слѣдуемому и за гробовою доскою, и громко порицалъ злобу его враговъ.

Оскорбленіе, нанесенное праху глубоко огорченнаго отца не принесло никакой пользы сыну, вступившему теперь на престолъ вполнѣ по праву (1106—1125). Ни папа, ни князья не довѣряли ему, самый народъ отвращался отъ государя, который съ неестественною злобою преслѣдовалъ своего отца и подавилъ всѣ сыновнія чувства. Самъ онъ, прежде покорный слуга тѣхъ, которые содѣйствовали его планамъ, теперь увидѣлъ, какъ необходимо дать почувствовать имъ силу императорской власти. Изъ сѣмени же, посѣяннаго имъ, могли возрости только смуты.

Подобно отцу и сынъ провелъ почти всю жизнь въ борьбѣ съ папою, и только за три года до смерти общее утомленіе войною облегчило заключеніе договора, извѣстнаго подъ именемъ Вормскаго конкордата 1122 г.

Въ силу этого договора замѣщеніе духовныхъ должностей должно совершаться съобща папою и императоромъ. Императоръ отказался отъ пожалованія кольца и жезла (инвеститура) и отъ притязаній на свѣтскія имущества церковныхъ властей. Папа же согласился на то, чтобы всѣ замѣщенія такихъ должностей происходили въ присутствіи императора или его уполномоченнаго, послѣ чего императоръ жалуетъ избраннаго копьемъ, чѣмъ обязываетъ его къ повиновенію своей власти. Такъ побѣда въ этой борьбѣ досталась церкви, а оставленная императору власть была больше кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная.

ИСТОРІЯ ОСТАЛЬНЫХЪ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ.

СКАНДИНАВСКІЙ СѢВЕРЪ.

И скандинавскій сѣверъ, подобно Греціи и Риму, имѣетъ свою исторію боговъ, свой героическій періодъ, который восходитъ къ доисторическимъ временамъ саги и поэзіи. Одинъ, имѣющій мало общаго съ богомъ саксовъ Воданомъ, есть первый и сильнѣйшій между богами или азами, сѣверный Зевесъ. Онъ создалъ міръ, устроивъ оный изъ существовавшаго прежде, но состарѣвшагося, изжившаго мiроваго порядка. Божескія силы фановъ, кроткія божества: Ніордъ, Фреиръ и Фрея, происшедшія изъ прежняго міроваго порядка, присоединились къ богамъ Одинова періода. Всѣ остальныя, противившіяся міровому порядку Одина, были подавлены имъ или заключены въ оковы. Это была дикая, свирѣпая борьба, когда Одинъ творилъ изъ развалинъ стараго міра новый. Онъ побѣдилъ исполина Еймера, въ которомъ содержалось все, необходимое для образованія новаго міра. Изъ туловища этого чудовища Одинъ образовалъ землю, изъ его крови моря, изъ его костей горы, изъ зубовъ камни, изъ волосъ лѣса. Надъ всѣмъ этимъ онъ поставилъ

круглый черепъ его головы, это было небо, на которомъ онъ вывѣсилъ прочно, но легко, звѣзды. Послѣднія своимъ круговращеніемъ на сводѣ небесномъ отъ востока къ западу, и отъ вечера къ утру обозначаютъ дни и годы. Недоставало только облаковъ, но Одинъ и тутъ нашолся. Онъ взялъ мозгъ исполина и бросилъ его въ воздухъ, тотчасъ появились облака. Кромѣ Еймера были и другіе исполины по берегамъ омываемой моремъ земли, которые желали бы разрушить твореніе Одина. Поэтому онъ взялъ брови Эймера и изъ нихъ устроилъ окопы вокругъ земли, Митгардъ, чѣмъ и защитилъ землю отъ всякихъ нападеній исполиновъ.

Теперь не было на землѣ только людей, деревья и животныя уже существовали. Изъ ясеня и ольхи Одинъ создалъ первую чету, Аска и Эмблу. Они и всѣ ихъ потомки жили внутри земныхъ окоповъ Митгарда въ городѣ, построенномъ для людей азами. Здѣсь были храмы и алтари, равно какъ и горны для кованія. Посреди земной равнины возвышалось прекрасное жилище боговъ, называемое Асгардъ, въ которомъ царствовалъ Одинъ, и своимъ единственнымъ глазомъ (одинъ глазъ былъ у него подобный солнцу) взиралъ съ высокаго своего престола на дѣла людей. Но люди не жили въ мирѣ другъ съ другомъ, они начали вести войны. Тогда являлся Одинъ на своемъ осьминожномъ конѣ и наказывалъ зачинщиковъ. Тѣ, которые храбро сражались въ этихъ битвахъ и не были виновны какъ зачинщики ссоръ, вступали по смерти въ Асгардъ въ залъ, носившій названіе Валгалы, то есть галлереи Валовъ, храбрыхъ, свободныхъ. Валгала имѣла сто сорокъ воротъ, въ которыя вступали разомъ восемьсотъ героевъ; здѣсь происходило большое собраніе. Залъ былъ построенъ изъ копій, щитами покрытъ, на скамьяхъ лежали панцырныя рубашки. Когда умершіе герои, Эйнхеріары—такъ они назывались—насыщались битвенными играми, при чемъ всегда нѣкоторые умирали, но потомъ снова оживали въ концѣ битвы, они садились вмѣстѣ

съ азами въ Валгалѣ за столъ. Здѣсь они пили медъ и пиво, которыя доставляла коза Валгалы, никогда не оскудѣвающая въ своихъ дарахъ; они ѣли превосходнаго кабана, котораго каждый день подавали, но который опять выросталъ съ каждымъ днемъ. Одинъ только не нуждался ни въ какой пищѣ, но вино пилъ. Браги, мастеръ искусства скальдовъ, заботился о поддержанiи живой бесѣды за обѣдомъ. Супруга его Идуна хранила у себя яблоки, которыя боги ѣли во время старости и дѣлались опять молодыми. Никакой врагъ не нарушалъ этой жизни боговъ и героевъ, потому что Геймдаль оберегалъ Асгардъ. Онъ жилъ на краю неба у моста, ведущаго къ Асгарду, и заботился о томъ, чтобы враждебные исполины не переступали моста. Онъ обладалъ всѣми качествами хорошаго стража, проницательнымъ глазомъ и чуткимъ ухомъ. Онъ видѣлъ на сто миль вокругъ и могъ слышать, какъ трава растетъ на землѣ и шерсть на овцахъ. Его сторожевой рогъ гремѣлъ какъ сильнѣйшая труба.

Кромѣ указанныхъ было еще много боговъ и богинь. Фригга — супруга Одина и происходитъ отъ древняго рода великановъ. Изъ дѣтей ея и Одина сильнѣйшiй Торъ, который превосходитъ даже отца по силѣ и крѣпости. Когда онъ несется по воздуху въ своей боевой колесницѣ, колеса грохочутъ громомъ, а отъ молота, Мiолниръ, который онъ взмахиваетъ своею рукою въ желѣзной перчаткѣ, летятъ молнiи. Онъ высматриваетъ враждебныхъ великановъ и убиваетъ ихъ, такъ онъ поддерживаетъ спокойствiе и порядокъ въ отцовомъ творенiи. Наперекоръ ему работаетъ однорукiй Тиръ, побуждающiй людей къ ссорамъ и битвамъ. Гермодъ, Быстрый, сынъ Одина служитъ вѣстникомъ боговъ. Ваны суть благодѣтельныя для людей силы природы. Фрейръ подаетъ плодородный дождь и живительную солнечную теплоту, онъ благословляетъ сѣмя полей и даетъ богатую жатву. Сынъ его Нiордъ посылаетъ благопрiятный вѣтеръ

мореходамъ, а дочь Фрейя есть богиня нѣжности и красоты и печется о женщинахъ, тогда какъ дѣвица Гефіонъ, которая въ одну ночь отпахала Зеландію отъ Шонена и сдѣлала островомъ, заботится о дѣвушкахъ. Двѣ кошки возятъ колесницу Фрейи. Добрѣйшій и лучшій изъ боговъ есть сынъ Одина Бальдуръ — Добрый. Когда всѣ азы собрались на судъ у ясеня Эйгдразиля, котораго корни ширятся во всѣ стороны міра, а вершина даетъ тѣнь небу, Бальдуръ изрекъ свой правый непреложный судъ. Одинъ Локи есть начинатель зла, онъ одинъ изъ сыновей исполиновъ нашолъ пріемъ у азовъ, но въ то же время онъ смѣется надъ богами и безчеститъ ихъ, онъ подстрекаетъ людей къ отступничеству отъ боговъ. Его дѣти: Гели, которыхъ домъ бѣдность, а голодъ ихъ бичъ, Мидгардсвурмъ (червь Мидгарда), — побѣжденный Торомъ и опоясывающій всю землю, и Фенрисвольфъ, скованный Тиромъ, который впрочемъ при этомъ потерялъ одну руку. Локи живетъ на предѣлахъ міра въ Утгардѣ и не долженъ приближаться къ азамъ. Гели живутъ въ Нифльгеймѣ, отчизнѣ тумановъ, куда отходятъ и всѣ умершіе малодушною смертью, чтобы здѣсь, дрожа отъ вѣчнаго холода, жить подобно тѣнямъ.

Но этотъ міръ Одина не имѣетъ прочности. Норны, которымъ открыто будущее какъ и прошедшее, знаютъ и судьбу боговъ. Придетъ день, когда Бальдуръ долженъ будетъ жить среди людей, которые ужь не будутъ вѣровать въ боговъ, а будутъ больше полагаться на свои собственныя силы. Тогда придетъ конецъ, о которомъ одна Вала поетъ: придетъ день, котораго провозвѣстниками будутъ кровопролитія, отцеубійства и страшные холода, день, въ который рушатся горы, исчезнутъ звѣзды, въ который застонетъ священный ясень боговъ Эйгдразилъ, а скованныя чудовища и исполины вырвутся на волю. Тогда червь Нитгарда выпуститъ свой ядъ, а Фенрисвольфъ пожретъ солнце, луну и Одина. Суртуръ, богъ пламени, въ соединеніи съ Локи

запалитъ небо и землю. Въ этой борьбѣ падутъ боги и люди и наступитъ конецъ боговъ. Но изъ Одинова міра, который исчезнетъ, явится новая лучшая земля, населенная лучшими людьми. Бальдуръ и многіе добрые боги придутъ опять, чтобы жить съ хорошими людьми въ прекрасномъ мірѣ. Всѣ же злые пойдутъ въ Настрондъ—полное яда болото, окруженное шипящими змѣями.

* * *

Анскаръ (Ансгарій), апостолъ сѣвера, потрясъ до основанія эту языческую вѣру, которой въ теченіе столѣтій держались скандинавскіе народы, и при которой однако же, благодаря законамъ обычая, порядокъ и нравственность господствовали въ частной жизни, вѣрность и правда въ общественной. Оставшись безъ матери пяти лѣтъ (805 г.), онъ воспитывался въ Пикардіи въ Корвейскомъ монастырѣ. На пятнадцатомъ году онъ вступилъ въ монашескій орденъ, а на двадцатомъ былъ начальникомъ монастырской школы. Спустя два года Людовикъ Благочестивый перевелъ его во вновь основанный Корвейскій монастырь на Везерѣ въ Вестфаліи, гдѣ онъ проповѣдовалъ и училъ въ теченіи трехъ лѣтъ.

Около этого времени явился при дворѣ Людовика изгнанный изъ своихъ земель датскій король Гаральдъ и просилъ пріюта и крещенія. Онъ получилъ то и другое. Когда онъ захотѣлъ снова возвратиться въ свое государство, то просилъ въ спутники одного изъ священниковъ, который бы научилъ дановъ христіанской вѣрѣ. Долго никто не рѣшался сопутствовать ему. Наконецъ явился Анскаръ, къ которому присоединился другой монахъ Аутбертъ, движимый христіанскимъ мужествомъ. Оба получили необходимые для путешествія сосуды, одежды, книги и порученіе смотрѣть за тѣмъ, чтобы король и его приближонные не отпали отъ

христіанства, вразумлять ихъ, равно какъ обращать и Дановъ. Въ свитѣ короля они прибыли въ Кельнъ. Здѣсь архіепископъ Гадбальдъ далъ имъ корабль съ двумя каютами. Гаральдъ еще не зналъ такихъ удобствъ, одну каюту онъ взялъ себѣ, другую предоставилъ двумъ монахамъ. Теперь они отправились внизъ по Рейну въ Гаральдово царство, вѣроятно въ южной Ютландіи (Шлезвигъ), 827 г. Анскаръ и Аутбертъ ревностно принялись за святое дѣло, тотчасъ устроили школу и учили юношество. Но скоро возникшія войны между Гаральдомъ и сосѣдственными королями мѣшали ихъ трудамъ. Послѣ двухлѣтней безплодной дѣятельности Аутбертъ больной возвратился въ Новый Корвей и умеръ. Анскаръ же въ 831 году отправился въ Швецію.

Путешествіе было несчастливо; его на пути ограбили, отняли всѣ подарки шведскому королю, даже книги, и Анскаръ ступилъ нищимъ на шведскій берегъ. Но приняли его здѣсь хорошо, работа его шла успѣшно, въ Швеціи онъ нашолъ больше расположенія къ христіанству, чѣмъ въ Даніи. Онъ пробылъ здѣсь полтора года, потомъ возвратился, когда императоръ призвалъ его на архіепископское мѣсто въ Гамбургъ, а папа утвердилъ этотъ выборъ. Потомъ онъ былъ въ Римѣ, чтобы поблагодарить папу, который назначилъ его своимъ легатомъ на всемъ сѣверѣ. Но при такомъ высокомъ званіи, значеніе архіепископа было невелико. Новому архіепископству нужно было еще пріобрѣсти почву на языческомъ сѣверѣ.

Это было время норманнскихъ походовъ, которые наполняли ужасомъ Парижъ, Ахенъ и другіе города, во время ссоръ между сыновьями Людовика Благочестиваго. Король Гаральдъ снова обратился къ язычеству, даны — смѣлые мореплаватели и разбойники принимали участіе въ походахъ жадныхъ до добычи норманновъ. Въ 845 году неожиданно явились 600 датскихъ кораблей предъ Гамбургомъ. Городъ былъ беззащитенъ, а графъ Штормарна Бернгардъ, въ

области котораго находился городъ, былъ въ отлучкѣ. Тогда архіепископъ рѣшился оборонять городъ. Уже былъ вечеръ и можно было въ тиши незамѣтно сдѣлать нѣкоторыя приготовленія къ защитѣ города до тѣхъ поръ, пока явится войско графа. Но не успѣли еще ничего сдѣлать, какъ даны сдѣлали нападеніе, при чемъ всякое сопротивленіе оказалось невозможнымъ. Съ большимъ трудомъ убѣжалъ Анскаръ, взялъ съ собою реликвіи, облаченія же долженъ былъ покинуть. Два дня враги грабили городъ и убивали людей, потомъ удалились. Анскаръ, лишонный всего, безжалостно отвергнутый бременскимъ епископомъ Лейдерикомъ, только у верденскаго нашолъ пріютъ и покой.

По смерти Лейдерика Бременъ и Гамбургъ были соединены въ одно архіепископство, и Анскаръ утвердилъ свое мѣстопребываніе въ Бременѣ (858 г.). Снова онъ взялся за миссіонерство въ Даніи. Горихъ, сынъ ютландскаго короля Готрика, когда-то заклятый врагъ Гаральда, теперь же владѣтель южной Ютландіи, принялъ христіанство и началъ строить церковь въ Гаддеби (въ Шлезвигѣ), замѣчательномъ торговомъ мѣстечкѣ. Тотчасъ многіе изъ дановъ приняли крещеніе. Но страшная война племянниковъ съ королемъ, своимъ дядей, въ которой послѣдній палъ, скоро опять разрушила дѣло мирной проповѣди. Когда королевское достоинство перешло къ внуку Гориха, язычники сдѣлались совѣтниками короля, — они повелѣли закрыть шлезвигскія церкви.

Анскаръ находился въ это время въ Швеціи при королѣ Олавѣ. Старый Горихъ писалъ ему, что онъ не видалъ еще столь вѣрнаго и добраго человѣка, какъ нѣмецкій архіепископъ. И здѣсь онъ строилъ церкви и могъ порадоваться успѣху своей проповѣди. Но какъ опечалило его то, что онъ увидѣлъ въ Шлезвигѣ по возвращеніи сюда изъ Швеціи. Графъ Гови, одинъ изъ совѣтниковъ молодаго короля, заперъ церковь, выгналъ священника, запретилъ христіанскую

службу. Опять Анскаръ стоялъ предъ развалинами своего зданія, стоившаго столькихъ хлопотъ. Но онъ не упалъ духомъ. Когда графъ Гови не хотѣлъ и слышать архіепископа, послѣдній отправился къ молодому королю. Король вышелъ къ нему навстрѣчу. Графъ былъ смѣненъ, священникъ возвратился, позволено было даже повѣсить на церкви колоколъ. Молодой Горихъ приказалъ построить вторую церковь въ Рипенѣ, и Римбертъ, ученикъ Ансгарія, получилъ въ ней мѣсто священника.

Когда въ 865 году Ансгаръ умеръ, страна къ сѣверу отъ Эльбы была землею христіанскою, хотя конечно сначала только по имени. Особенно же не было еще искоренено рабство, и торговля людьми продолжалась по прежнему. Когда преемникъ Анскара, архіепископъ Римбертъ, прибылъ однажды въ Данію, чтобы посѣтить тамошнія двѣ церкви, то нашолъ въ пограничномъ мѣстечкѣ Шлезвигѣ рабовъ, которые были въ оковахъ выставлены на продажу. Онъ явился между покупателями и предложилъ за одну монахиню своего верховаго коня со всею упряжью, чѣмъ и возвратилъ ей свободу. Но поле было воздѣлано, сѣмя посѣяно. Послѣдующимъ днямъ суждено было видѣть, какъ сѣмя укрѣплялось, росло и зрѣло.

* *
*

Въ то время, когда Арнульфъ разбилъ норманновъ при Левенѣ, два государства существовали на скандинавскомъ сѣверѣ, Восточное и Западное. Все, что мы до сихъ поръ говорили, относится къ западному государству, о восточномъ же сохранилось мало историческихъ извѣстій, — это было государство датскихъ острововъ. Король Гельге, современникъ Арнульфа, былъ государемъ этого восточнаго государства. Его низвергнулъ шведскій король Олавъ, ко-

тораго потомки должны были покориться норвежскому королю Гардегону или Гардекунду. У Гардекунда былъ сынъ Гормъ, по прозванію Старый.

Въ молодые годы Гормъ принималъ участіе въ хищническихъ походахъ соединенныхъ норманновъ и дановъ, и былъ постоянно врагомъ христіанства. Летра въ Зеландіи была его резиденціею. Здѣсь онъ совершалъ свои языческія празднества и жертвоприношенія, на которыхъ убивали не только коней, собакъ и пѣтуховъ, но также и людей. Его жестокая рука истребляла первыя сѣмена христіанскаго образованія, насажденныя Анскаромъ и Римбертомъ, онъ изгонялъ священниковъ и жестоко преслѣдовалъ людей, принимавшихъ христіанство. Онъ носилъ желѣзный скипетръ, правилъ не мирнымъ закономъ, но мечемъ. Онъ соединилъ Швецію и Норвегію, датскія восточное и западное царства въ одно большое, сильное государство, съ южной границы котораго угрожалъ нѣмецкимъ землямъ.

Къ счастію Германіею въ то время правилъ Генрихъ птицеловъ, первый король изъ саксонскаго племени, умѣвшій столько же держать въ страхѣ внѣшнихъ враговъ, сколько и внутреннихъ. Возмущенный нападеніемъ дановъ на Фрисландію, онъ перешолъ Эльбу, проникъ внутрь Ютландіи и принудилъ Горма къ миру, при чемъ послѣдній обѣщался платить дань. Потомъ Генрихъ потребовалъ отъ Горма, чтобы христіанству предоставлена была свобода проповѣди и богослуженія. Долго противился Гормъ, наконецъ уступилъ. Архіепископъ бременскій, Унни, отправился въ Ютландію и на острова, открылъ снова церкви въ Гаддеби и Рипенѣ, ввелъ священниковъ. Гаральдъ, сынъ Горма, слушалъ евангельскую проповѣдь и желалъ быть христіаниномъ.

Такъ Гормомъ положено было основаніе единству скандинавскихъ государствъ, и онъ былъ довольно силенъ, чтобы держать эти части въ соединеніи. Но и его дѣло рушилось

подобно дѣлу Карла Великаго. По смерти его въ 936 г. началось распаденіе сѣвернаго государства. Въ Ютландіи, недалеко отъ города Вейле, по обѣимъ сторонамъ Эллингерской деревенской церкви видны два земляныхъ холма,—это могилы Горма и его супруги, христіанки Тиры.

* *
*

Гаральдъ Синій зубъ, сынъ Горма, наслѣдовалъ своему отцу. Въ первые годы своего правленія онъ явился во главѣ дановъ и норманновъ во Франціи. Король Людовикъ IV выступилъ ему навстрѣчу, оба непріятельскія войска расположились другъ противъ друга на берегахъ Дивы. Прежде чѣмъ дѣло дошло до битвы, оба государя имѣли переговоры. Они сошлись въ виду своихъ войскъ. Причина войны была смерть норманнскаго герцога Вильгельма, котораго коварно умертвилъ Арнульфъ, графъ фландрскій (942 г.). Объ этомъ-то и толковали короли и не слишкомъ спокойно. Позади нихъ стояли люди, подобно предводителямъ непріязненно смотрѣвшіе другъ на друга. Еще даны не знали, что заставило Арнульфа рѣшиться на убійство. Тогда графъ Герлуинъ, бывшій въ свитѣ Людовика, сказалъ, что онъ въ ссорѣ съ Арнульфомъ всегда находилъ защиту у Вильгелма. Едва онъ высказалъ это, какъ толпа дановъ бросилась на него и пронзила его своими копьями. Братъ его, графъ Ламбертъ спѣшитъ къ нему на помощь, но падаетъ мертвымъ около Герлуина. Гаральдъ стоялъ нѣкоторое время, недоумѣвая, что бы это значило, Людовикъ же быстро поскакалъ отъ него. Потомъ Гаральдъ погнался за бѣгущимъ королемъ, который только быстротѣ своего коня былъ обязанъ спасеніемъ. Въ Нормандіи даны остались побѣдителями и спустя 17 лѣтъ возвратились опять сюда, чтобы здѣсь остаться на жительство.

Впослѣдствіи Гаральдъ съ своею супругою и тогда еще юнымъ сыномъ Свеномъ принялъ крещеніе и основалъ епископство въ Одензе. Оттонъ Великій былъ воспріемникомъ Свена. Но этотъ Свенъ по прозванію Счастливый (съ 986 г.) опять возвратился къ язычеству и жестоко преслѣдовалъ христіанъ. Скоро онъ былъ изгнанъ изъ Швеціи Эрикомъ побѣдоноснымъ и по смерти Эрика снова возвратился. Эрикъ былъ также язычникъ и врагъ христіанъ. Архіепископъ майнцкій постоянно жаловался императору на притѣсненія христіанъ въ Даніи, но не успѣла еще придти изъ Германіи помощь угнетеннымъ христіанамъ датскимъ, какъ скандинавскіе язычники появились въ нѣмецкомъ морѣ. Большой шведскій и датскій флотъ прибылъ въ іюнѣ 994 года къ устью Эльбы. Никто не зналъ, что имъ надобно и что они замышляютъ, скоро однако поняли въ чемъ дѣло. Часть кораблей поплыла вверхъ по Эльбѣ до города Штаде. Здѣсь жили сильные графы, охранители устьевъ Эльбы, которые впрочемъ на этотъ разъ должны были уступить врагамъ. Скоро прибыли и саксонскіе корабли, но и они ничего не могли сдѣлать противъ норманновъ. Два брата, графы Штаде начальствовали надъ флотомъ; одного изъ нихъ сразила датская сѣкира, другой, Зигфридъ, попался непріятелю въ плѣнъ. Напрасно герцогъ Бернардъ саксонскій и императоръ Оттонъ хлопотали объ выкупѣ графа и предлагали заложниковъ. Даны упорно отказывали въ выдачѣ графа. Наконецъ послѣднему удалось разбить свои оковы и бѣжать при помощи одного рыбака; онъ счастливо достигнулъ Штаде.

Но даны, называемые тогда Ашеманами, такъ какъ ихъ корабли назывались Аше, преслѣдовали бѣжавшаго графа. По его слѣдамъ они явились въ другой разъ предъ Штаде. Крѣпкій городъ долго защищался. Но число враговъ было велико, городъ сдался. Побѣдители страшно свирѣпствовали. Плѣннымъ обрубали руки и ноги, и кто не умиралъ при

этомъ, навѣкъ оставался калекою. Поздно прибыло саксонское ополченіе и прогнало грабителей дановъ.

Въ 1000 году Свенъ въ четвертый разъ завладѣлъ престоломъ. Покоривъ Норвегію, онъ употребилъ всѣ свои силы на завоевательные походы въ Англію, гдѣ и умеръ въ 1014 году. При его сынѣ, Канутѣ Сильномъ, христіанство одержало полную побѣду надъ язычествомъ на сѣверѣ.

ХРИСТІАНСКОЕ КОРОЛЕВСТВО ВЪ АНГЛІИ.

Съ начала пятаго столѣтія ослабѣла римская власть въ Британіи. Бритты, населявшіе Англію, вслѣдствіе тѣсныхъ связей съ римлянами, потеряли военную доблесть и не могли противиться нападеніямъ воинственныхъ сѣверныхъ народовъ, горныхъ пиктовъ и скоттовъ. Кромѣ того отъ времени до времени появлялись сюда шайки саксовъ и грабили прибрежья. Эти новые чужеземцы показались бриттамъ добрѣе, чѣмъ смѣлые горные сосѣди; противъ послѣднихъ-то и призвали они на помощь саксовъ. И вотъ сначала прибыли въ Британію 1600 англовъ, саксовъ и ютовъ подъ предводительствомъ Генгиста и Горзы, прогнали пиктовъ и скоттовъ, но въ послѣдствіи, усилившись постоянно прибывавшими новыми толпами своихъ соплеменниковъ, они утвердились въ странѣ не столько въ качествѣ подвластныхъ или союзниковъ, сколько въ качествѣ властителей. Изъ этихъ англосаксонскихъ поселеній образовалось мало по малу семь королевствъ (Гептархія), нѣмецкій языкъ и нравы распростра-

нились по странѣ. Христіанство скоро нашло доступъ въ Британіи, и британскіе монахи въ свою очередь были проповѣдниками христіанства въ Германіи.

* *
*

Около того времени, какъ Карлъ Великій принялъ императорскую корону, семь англосаксонскихъ королевствъ соединились въ одно государство подъ властью Эгберта вессекскаго. Въ это же время начались хищническіе походы дановъ въ Британію и повторялись все въ большихъ размѣрахъ и съ возрастающимъ успѣхомъ. Ни сынъ и наслѣдникъ Эгберта, Этельвульфъ, ни внуки Эгберта, Этельбальдъ, Этельбертъ и храбрый Этельредъ I, давшій данамъ въ одинъ годъ три битвы, но выигравшій только первую, не могли остановить вторженій непріятелей. Они опустошали съ страшною жестокостью страну, грабили города и монастыри, избивали народъ нещадно. Только Альфредъ, послѣдній внукъ Эгберта, вступившій на престолъ въ 871 г. 22-хъ лѣтъ отъ роду, возстановилъ поколебавшуюся силу государства.

Этотъ человѣкъ, одинъ изъ даровитѣйшихъ людей своего времени, образецъ для другихъ по качествамъ своего ума и сердца, былъ столько же великъ и благороденъ въ счастіи какъ и въ несчастіи. Храбрый воинъ, умный правитель, человѣкъ образованный и любящій искусство, ктому жъ кроткій, бережливый и довольный малымъ, онъ доставилъ разстроенному государству благоденствіе и такую славу, какой оно еще не видало. Ему по справедливости принадлежитъ названіе «Великаго».

Въ первые годы его правленія даны особенно свирѣпствовали въ странѣ. Безчисленныя толпы ихъ неслись по морю къ берегамъ Британіи. Не разъ терпѣли они неудачу, но все въ большемъ и большемъ числѣ появлялись на берегахъ

отважные, смѣлые, жадные до добычи. Альфредъ въ одномъ году разбилъ ихъ въ осьми большихъ и многихъ малыхъ сраженіяхъ. Но сбитые съ берега, они удалялись на корабли, куда англичане не могли слѣдовать за ними; если ихъ преслѣдовали неудачи на югѣ, они пытали счастія на сѣверѣ. Трудно было побѣдить ихъ съ материка. Бѣдствія были такъ велики, что многіе жители бѣжали за море во Францію и король съ частью вѣрныхъ воиновъ удалился въ Соммерсетширъ, въ тамошнія болота и топи. Страна казалось погибала навсегда и дѣлалась добычею язычниковъ дановъ.

Но въ несчастіи возрасло мужество англичанъ и король слѣдовалъ хорошо обдуманному плану. Въ срединѣ низкой равнины, которая служила для него пристанищемъ и гдѣ не могли преслѣдовать его даны, онъ началъ устроивать шанцы. Скоро крѣпкій валъ окружилъ его лагерь, засѣки прикрывали доступъ къ нему, кругомъ лагеря возникли отдѣльныя укрѣпленія, за которыми скрывались отряды солдатъ; подъ прикрытіемъ насыпей они могли бросать въ непріятеля копья и пускать стрѣлы. Мало по малу лагерь былъ такъ сильно укрѣпленъ, что Альфредъ могъ предпринимать поиски на враговъ и постоянно безпокоить ихъ.

Народъ, думавшій сначала, что король потерялъ всякое мужество, видѣлъ въ немъ теперь дѣятельнаго и храбраго вождя и самъ ободрился. Все больше и больше народа собиралось къ нему въ лагерь, чтобы биться съ врагомъ. Всякій стыдился своей прежней робости и старался подражать королю въ смѣлой рѣшимости. Такъ Альфредъ скоро сдѣлался предводителемъ хорошаго войска. Онъ пошолъ на датскаго предводителя Гутруна и расположился лагеремъ напротивъ дановъ. Не слѣдовало ли напасть на непріятеля въ то время, когда онъ смущенный неожиданнымъ появленіемъ Альфреда, только еще устроивалъ свои войска! Мужественная отвага побуждала Альфреда къ нападенію, но благора-

зуміе предлагало выжидать. Не зная о силѣ дановъ, король рѣшился развѣдать какъ нибудь о томъ. Когда это удастся, можно составить планъ битвы. Но кто жъ возьметъ на себя дѣло соглядатая? Никто не отваживается на такое смѣлое дѣло, — король рѣшается. Въ простой одеждѣ арфиста, съ лютнею въ рукѣ онъ отправился въ лагерь дановъ. Плѣнительна его игра, даны съ удовольствіемъ слушаютъ захожаго арфиста, но никому не приходитъ въ голову, чтобы это былъ король. Онъ ходилъ по палаткамъ, всюду присматриваясь и прислушиваясь. Самъ Гутрунъ слушалъ его игру, вождь дановъ тѣшился пріятными пѣснями иноземца. Онъ отпустилъ его съ богатыми подарками.

Альфредъ благополучно возвратился къ своимъ войскамъ. Въ лагерѣ приняли съ громкими кликами короля, который для всѣхъ былъ примѣромъ мужества и умной расчотливости. Теперь онъ зналъ силу враговъ. Войско Альфреда все еще было слабо въ сравненіи съ войскомъ дановъ, но призывъ къ оружію, объявленный отъ лица короля въ сосѣднихъ графствахъ, имѣлъ полный успѣхъ. Слухъ о смѣломъ подвигѣ короля проникъ всюду, и боевые люди спѣшили стать подъ его знамена. Усилившись такимъ образомъ, король напалъ на дановъ. На равнинѣ у Эддингтона онъ нанесъ врагамъ совершенное пораженіе въ 880 году. Но какъ всегда кроткій, онъ дозволилъ побѣжденнымъ удержать за собою Остэнгельнъ и Нортумберландъ и тамъ поселиться. Самъ Гутрунъ принялъ крещеніе.

* *
*

Теперь король воспользовался временемъ продолжительнаго мира на улучшеніе государственнаго устройства. Хотя врагъ и былъ побѣжденъ на сушѣ, но берега нуждались въ защитѣ противъ новыхъ нападеній дановъ. Альфредъ понялъ, что хищныхъ датскихъ моряковъ можно обуздать, создавъ

морскую силу Англіи. И вотъ онъ велѣлъ строить флотъ, матросовъ набиралъ изъ остававшихся въ Англіи норманновъ и фризовъ. Флотъ долженъ былъ бороздить море у береговъ и охранять берега. Потомъ онъ далъ своимъ подданнымъ, равно какъ и данамъ въ Остэнгельнѣ и Нортумберландѣ общіе законы, раздѣлилъ государство на ширы или графства и устроилъ народные суды. Онъ заботился о возобновленіи городовъ и монастырей, устроилъ на избранныхъ мѣстахъ крѣпости, числомъ до 50. Всюду видна была дѣятельность умнаго государя. Онъ заботился о внутренней безопасности и спокойствіи, слѣдилъ за правосудіемъ въ странѣ. Ежегодные сеймы, на которые приглашались мудрѣйшіе люди и на которыхъ король предсѣдательствовалъ, обсуждали законы, необходимые для общаго благоденствія.

Резиденціей Альфреда былъ Лондонъ, въ которомъ онъ настроилъ дворцовъ и заложилъ укрѣпленія. Онъ любилъ знанія, поощрялъ занятія науками и заводилъ школы. Земледѣліе и ремесла получили значительное развитіе, такъ что Альфреда по справедливости можно назвать творцомъ христіанскаго образованія въ Англіи. Чѣмъ Карлъ Великій былъ для франкскаго государства, тѣмъ Альфредъ былъ для Англіи, память о немъ долго жила въ его дѣлахъ. Въ 901 году онъ умеръ на 54 году своей жизни къ общему прискорбію подданныхъ.

* * *

Между его преемниками первое мѣсто принадлежитъ Адельстану (925—940). Онъ покорилъ датскія колоніи въ Остэнгельнѣ и Нортумбеландѣ, остававшіяся до сихъ поръ независимыми. И что еще болѣе важно, онъ былъ творцомъ англійской морской силы. Хорошо понимая потребности своего государства, онъ покровительствовалъ мореходству, и каждаго купца, сдѣлавшаго на свой счетъ три большихъ

плаванія, возводилъ въ достоинство тана, который имѣлъ мѣсто въ королевской свитѣ.

Церковная жизнь пришла въ упадокъ. И вотъ около половины десятаго вѣка аббатъ Дунстанъ, сдѣлавшійся въ послѣдствіи королевскимъ казначеемъ и кентерберійскимъ архіепископомъ, посвятилъ себя возстановленію церковнаго порядка, особенно въ монастыряхъ, въ которые онъ ввелъ уставъ бенедиктинскаго ордена. Духовенство опять получило большое значеніе не только въ народѣ, но и при дворѣ. Дунстанъ, почти диктаторски заправлявшій государственными дѣлами въ правленіе Эдгара I (959—975), принудилъ норманновъ и дановъ совершенно отказаться отъ своихъ хищническихъ поисковъ у береговъ Англіи; даже въ Ирландіи они должны были смириться. Государство мирное внутри, сильное извнѣ, процвѣтало при немъ, какъ при Альфредѣ Великомъ. Но по смерти Дунстана (988) въ правленіе слабаго Этельреда II (978—1016) опять было потеряно все, созданное умнымъ архіепископомъ. Заносчивое дворянство усилило свою власть на счетъ королевской, а смѣлыя шайки дановъ принудили Этельреда купить у нихъ миръ за 10,000 фунтовъ серебра, даже обѣщать ежегодную плату этой суммы.

Въ это время произошло изгнаніе Свена Счастливаго, датскаго короля. Принужденный оставить отечество, онъ поплылъ съ флотомъ по сѣверному морю. Съ нимъ соединился изгнанный изъ Норвегіи король Олафъ, бывшій христіаниномъ. Оба они рѣшились напасть на Англію, куда дорога уже была знакома Олафу. Въ 994 г. они поплыли по Темзѣ, около Лондона вышли на сушу, но не могли взять города; за то опустошили берега Эссекса, Кента, Суссекса, и принудили короля Этельреда платить имъ дань, извѣстную подъ именемъ «датской деньги» (Danageld).

Униженный столько врагами Этельредъ задумалъ отмстить за позоръ, но планъ его проникнутъ былъ коварствомъ и

трусостью. Оппраясь на помощь нормандскаго герцога Ричарда II, на сестрѣ котораго Эммѣ онъ былъ женатъ, Этельредъ разослалъ своимъ подданнымъ тайныя повелѣнія умертвить 10 ноября 1002 года всѣхъ поселившихся въ Англіи дановъ. Произошла страшная кровавая баня. Теперь Свенъ принялся мстить за убійства. Ежегодно онъ являлся для полученія датской деньги. Наконецъ въ 1009 году Этельредъ съ трудомъ составилъ флотъ и вышелъ съ нимъ въ море противъ дановъ. Но предпріятіе не удалось по причинѣ измѣны вождей, которые съ разными частями флота разбрелись по морю. А между тѣмъ явился Свенъ съ хорошимъ флотомъ. На большей части кораблей стояли башни въ родѣ крѣпостей, королевскій и многіе другіе корабли блистали золотомъ и серебромъ. На мачтѣ кораблей развѣвалось командорское знамя, на одномъ вызолоченный левъ, на другомъ дельфинъ, или дышащій огнемъ драконъ и проч. Эскадра направилась отъ Рипена чрезъ море къ Сандвичу, обычному мѣсту высадки. Отсюда поплыла къ сѣверу, вошла въ Гумберъ и расположилась у Трента. Здѣсь Свенъ принялъ присягу отъ всѣхъ сѣверныхъ областей, которыя обязались доставить ему съѣстные припасы и лошадей для похода на югъ. Побѣдоносно онъ дошолъ до Лондона. Такъ какъ Лондонъ не сдавался, то Свенъ пошолъ къ Бату, гдѣ присягнули ему всѣ графы западныхъ областей. Теперь и Лондонъ выслалъ заложниковъ и покорился. Этельредъ бѣжалъ въ Нормандію, а Свенъ сдѣлался властителемъ Англіи. Но не долго онъ наслаждался своею славою, въ 1014 году онъ умеръ въ Гаинсборугѣ на Трентѣ, и Этельредъ снова возвратился на свой престолъ.

СВѢТСКАЯ И ДУХОВНАЯ ВЛАСТЬ ВЪ ИТАЛІИ.

Съ тѣхъ поръ какъ лонгобарды подъ предводительствомъ храбраго Альбоина овладѣли Италіею (570 г.), а Византія оказалась слишкомъ слабою, чтобы бороться съ этими пришлецами, многіе италіанцы начали выселяться, оставшіеся же сдѣлались крѣпостными иноземцевъ или должны были уступить часть поземельной собственности. Только Римъ и окрестности города оставались независимыми отъ ломбардовъ (какъ ихъ обыкновенно называли); Римъ управлялся герцогомъ, который былъ подчиненъ греческому экзарху Равенны. Но когда ломбарды завладѣли Беневентомъ, римскій епископъ долженъ былъ поддерживать герцога своими войсками изъ церковныхъ помѣстій. Этимъ епископъ пріобрѣлъ въ Римѣ значеніе верховнаго свѣтскаго главы, чѣмъ положено было начало свѣтской власти папъ. По смерти Альбоина вступилъ на престолъ Клефъ, который впрочемъ царствовалъ только 18-ть мѣсяцевъ и былъ убитъ своимъ слугою. Десять лѣтъ ломбарды оставались безъ короля, потомъ выбрали сына Клефа Автариса (584 г.), человѣка умнаго, храбраго и благороднаго. Онъ твердою рукою положилъ конецъ неурядицѣ, потомъ сталъ искать себѣ союзника, и нашолъ его въ герцогѣ Гарибальдѣ, изъ рода Агилольфинговъ, который правилъ баварцами, жившими между Альпами и Дунаемъ. Для укрѣпленія союза онъ хотѣлъ жениться на дочери Гарибальда Теоделиндѣ.

При дворѣ баварскаго герцога явилось ломбардское посольство. Гарибальдъ принялъ пословъ съ большимъ почетомъ и узналъ отъ нихъ о желаніи своего союзника. Вы-

соко цѣня такую честь, герцогъ, посовѣтовавшись съ дочерью, сказалъ посламъ о ея согласіи на бракъ. Тогда глава посольства просилъ позволенія видѣть невѣсту, чтобы восхвалить предъ королемъ ея красоту. Гарибальдъ охотно согласился на это и велѣлъ позвать дочь. Она явилась и своею любезностію произвела на пословъ глубокое впечатлѣніе. Въ знакъ того, какъ охотно она принимаетъ предложеніе ломбардскаго короля, Теоделинда налила кубокъ вина вождю посольства. Когда онъ выпилъ кубокъ и возвращалъ его дѣвушкѣ, то коснулся легко ея руки и лица. Зарумянившись, она опустила глаза внизъ: какъ онъ рѣшился на такую смѣлость? Оправясь отъ смущенія, она взглянула прямо въ глаза иноземцу: это Автарисъ, ея будущій супругъ. Съ такимъ убѣжденіемъ въ сердцѣ, Теоделинда удалилась въ свои покои. Никто изъ присутствующихъ не замѣтилъ въ этой выходкѣ чего нибудь особеннаго, никто не предчувствовалъ того, въ чемъ Теоделинда была почти увѣрена.

Когда посольство простилось съ герцогомъ, послѣдній далъ возвращавшимся гостямъ почетный конвой. Онъ долженъ былъ провожать пословъ до границы. Здѣсь въ лѣсистой мѣстности у подошвы альповъ, вождь ломбардовъ еще разъ поблагодарилъ сопровождавшихъ его баварцевъ за добрый пріемъ ихъ государя. Потомъ онъ поднялъ свой бердышъ и ударилъ имъ въ дерево, какъ будто желая этимъ обозначить мѣсто, гдѣ происходило прощанье. Когда баварцы удивлялись силѣ удара, при которомъ бердышъ ушолъ глубоко въ пень дерева, онъ произнесъ: таковы удары короля лонгобардовъ.

* *
*

Бракъ, сопровождаемый столь свѣтлыми надеждами на будущее, былъ не совсѣмъ счастливъ, — уже въ 590 году

умеръ Автарисъ. Кто теперь долженъ былъ носить золотую ломбардскую корону, которая имѣла внутри обручъ, выкованный по преданію изъ гвоздей креста Христова? Государство было еще избирательнымъ и голосъ народа имѣлъ силу. Этотъ голосъ предоставилъ рѣшить дѣло Теоделиндѣ, такъ сильна была любовь къ ней народа; кому она отдастъ руку, тотъ получитъ и корону. Теоделинда отдала руку и корону герцогу Турина Агилульфу. Отвращеніе коренныхъ жителей Италіи къ ломбардамъ возрастало все больше, такъ какъ ломбарды не могли привыкнуть къ покойной жизни земледѣльческаго и промышленнаго народа. Подъ чуждымъ, но довольно милостивымъ господствомъ находились кромѣ собственной Ломбардіи на сѣверѣ Туринъ, часть Тироля, Генуа, Тоскана и въ послѣдствіи такъ называемая Церковная область, на югѣ Беневентъ и часть Калабріи.

Ломбардское государство обязано своимъ прочнымъ устройствомъ тремъ государямъ: Ротарису (652 г.), который собралъ и привелъ въ порядокъ законы, Гримоальду (671 г.), который пополнилъ это собраніе законовъ и Луитпранду (744 г.), который особенными законами лучше прежняго устроилъ гражданское право. Чѣмъ больше вслѣдствіе этого упрочивалось господство ломбардовъ, тѣмъ больше манило королей къ расширенію владѣній, что въ свою очередь вело къ позднѣйшему распаденію государства. Какъ только завоевана была Равенна, которою до сихъ поръ управлялъ экзархъ отъ лица византійскаго императора, ломбарды начали тѣснить папу въ его области. Папа обратился за помощью къ сильному франкскому королю, который охотно рѣшился воспользоваться случаемъ для того, чтобы оказать услугу главѣ церкви и въ то же время стать твердою ногою въ Италіи. За тѣмъ послѣдовало нашествіе Пипина короткаго, а потомъ Карла Великаго.

* *
*

Подлѣ свѣтской власти въ Италіи начала усиливаться уже съ третьяго столѣтія духовная или церковная власть, власть римскаго епископа, которая медленно, по тѣмъ вѣрнѣе достигала высокаго положенія и обширнаго значенія. Дѣйствительно, какъ будто Риму суждено было и въ средніе вѣка сдѣлаться центромъ, изъ котораго исходило духовное вліяніе на умы народовъ, какъ въ древнемъ мірѣ онъ былъ средоточіемъ свѣтской власти. Риму и въ этомъ отношеніи принадлежитъ славное названіе вѣчнаго города.

Пока скипетръ византійскаго императора былъ простертъ и надъ Италіею, римскій епископъ какъ епископъ провинціи подчиненъ былъ императору. Равнымъ образомъ и тѣ земли, въ которыхъ находилась большая часть поземельныхъ имуществъ римскаго епископскаго престола, Апулія, Калабрія и Сицилія, состояли подъ властью императора. Съ этихъ помѣстій епископъ платилъ подати въ Византію, онъ имѣлъ при дворѣ своего посла, каждый новый выборъ епископа требовалъ утвержденія византійскаго императора. Какъ ни тяжело было для епископа такое подчиненное положеніе, но оно установилось исторіею и временемъ и не могло быть разрушено.

Съ утвержденіемъ власти ломбардовъ дѣла получаютъ иной ходъ. Съ этого времени все болѣе и болѣе упадала власть греческаго императора въ Италіи, рука его была слишкомъ слаба, чтобы держать отдаленный западъ, когда и на востокѣ онъ съ трудомъ поддерживалъ свое значеніе. Сначала греческіе императоры пытались усиленіемъ свѣтскаго значенія римскаго епископа ослабить возрастающую силу ломбардовъ. Епископъ былъ уполномоченъ замѣщать высшія должности въ своихъ земляхъ. Но потомъ, когда начали страшиться власти епископовъ, греческій дворъ конфисковалъ владѣнія римской церкви, чтобы ослабить ея силу. Такое поведеніе двора повело только къ тому, что Римъ больше и больше уклонялся отъ Византіи, а епископъ

началъ присматривать себѣ на западѣ болѣе близкихъ и надежныхъ друзей и союзниковъ. Ломбарды не хотѣли быть друзьями епископа, за то франки явились его вѣрными союзниками. А склонивъ франковъ на свою сторону, римскій епископъ разомъ получилъ огромное духовное значеніе на всемъ западѣ.

Григорій Великій, занимавшій римскій престолъ въ концѣ шестаго и въ началѣ седьмаго вѣка, высоко даровитый человѣкъ и истинный христіанинъ, положилъ первое прочное основаніе духовной власти римской церкви. Одушевленный сознаніемъ величія и отвѣтственности духовнаго пастыря, онъ стремился къ тому, чтобы установить единство церкви и управленія ея однимъ главою. Когда константинопольскій патріархъ присвоивалъ себѣ титулъ вселенскаго епископа, Григорій возвысилъ голосъ и утверждалъ, что первенство принадлежитъ римскому престолу. Насколько онъ готовъ былъ къ личному подчиненію, что выражалось въ его истинно христіанскомъ смиреніи, на столько же онъ старался поддержать значеніе епископскаго сѣдалища. Онъ склонилъ ломбардовъ чрезъ королеву Теоделинду признать Аѳанасіево исповѣданіе вѣры за единственно истинное и православное. Посылкою миссіонеровъ въ Британію, онъ доставилъ духовной власти такую силу, съ которой трудно было бороться. Строгимъ порядкомъ въ монастыряхъ и школахъ онъ также возвысилъ упавшее значеніе духовенства, и чѣмъ меньше нуждался въ поддержкѣ свѣтской власти, тѣмъ болѣе укрѣплялъ духовную, которою и властвовалъ надъ умами и сердцами. Названіе папы, принадлежавшее до тѣхъ поръ каждому епископу, со времени Григорія сдѣлалось исключительнымъ достояніемъ римскихъ епископовъ.

ДИНАСТІЯ ГУГО КАПЕТА ВО ФРАНЦІИ.

И во Франціи со времени Карла Толстаго погасъ блескъ каролинговъ. Когда за тѣмъ умеръ Людовикъ V, а единственные оставшіеся каролинги, братъ Лотаря Карлъ и сынъ его были въ отсутствіи, внукъ короля Одо, Гуго, прозванный Капетомъ, провозглашонъ былъ королемъ (987 г.). Правда, не вдругъ всѣ признали новаго короля, потому что герцоги, правившіе на западѣ Франціи, обязанные каролингамъ многими правами, стояли за Карла. Онъ явился и былъ довольно счастливъ сначала, овладѣлъ даже Лаономъ. Но скоро жестокостію своею онъ отвратилъ отъ себя друзей, и архіепископъ реймскій Адальбертъ отказалъ ему въ помазаніи на царство. Преданный измѣнниками въ 989 г. онъ заключенъ былъ съ женою въ темницу, гдѣ и умеръ (991 г.).

Гуго Капетъ уступчивостью къ вассаламъ своего государства мало по малу привелъ ихъ всѣхъ къ послушанію. Онъ держалъ себя въ сторонѣ отъ ихъ феодальныхъ междоусобій; но по мѣрѣ того, какъ они ослабляли себя, значеніе короля увеличивалось. Онъ воспользовался смутнымъ временемъ для утвержденія престола за своимъ домомъ. Когда онъ умеръ въ 996 г., сынъ его Робертъ безъ всякаго противодѣйствія вступилъ на престолъ отца, соправителемъ котораго онъ былъ до сихъ поръ.

Король Робертъ умѣлъ пріобрѣсти любовь и расположеніе народа, дворянство онъ склонилъ на свою сторону умною уступчивостью: такъ утверждалъ онъ свое господство. Одинъ папа былъ недоволенъ имъ и объявилъ недѣйствительнымъ

бракъ его съ Бертою, вдовою графа Одо Шампаньскаго, такъ какъ король былъ воспріемникомъ ея сына. Долго Робертъ отказывался разорвать заключенный бракъ, но Григорій V настаивалъ на своемъ, духовенство французское было на сторонѣ папы. Замолкъ во Франціи колокольный звонъ, церкви были заперты, не было нигдѣ церковной службы: священники отказывались крестить дѣтей, негдѣ было причаститься, браки не получали благословенія церкви, мертвыхъ хоронили безъ напутствія священника, безъ обычнаго обряда. Казалось, церковь съ ея благодатными дарами и благословеніемъ исчезла на землѣ. Народъ въ недоумѣніи спрашивалъ о причинѣ гнѣва божія: если гнѣвъ божій пришолъ на землю, то чѣмъ провинился народъ, чѣмъ онъ заслужилъ лишеніе церковныхъ благъ, утѣшеній церкви? Ужь не вошли ли язычники въ наслѣдіе, не уничтожили ль они церкви? Строгая важность лежала на лицахъ священниковъ, страшное ярмо лежало на странѣ — гнѣвъ небесный. Папа наложилъ интердиктъ на страну за то, что король вопреки его волѣ не хотѣлъ развестись съ супругою, и на самого короля, властителя страны, произнесъ отлученіе. Тотъ, кого до сихъ поръ окружала блестящая свита придворныхъ, былъ всѣми оставленъ. Онъ не имѣлъ двора, не имѣлъ свиты, каждый удалялся отъ опальнаго, отлученнаго отъ церкви короля. Даже пищу ему можно было доставить только окольными путями; каждый сосудъ, котораго онъ коснулся, каждое блюдо, изъ котораго онъ ѣлъ, бокалы, изъ которыхъ пилъ, бросали въ огонь, чтобы не заразиться нечистотою. Ни-одинъ христіанинъ не долженъ былъ имѣть общенія съ отверженнымъ церковью монархомъ.

Такое положеніе было невыносимо, оно не могло длиться. Только подчиненіемъ папѣ можно было снять со страны бремя. Съ болью на сердцѣ король рѣшился: онъ развелся съ женою. Тогда было снято отлученіе и страна разрѣшена была отъ интердикта. Всѣ церковныя учрежденія снова ожили,

и миръ съ римскимъ престоломъ былъ возстановленъ. Въ 1025 г. умеръ король.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА СОСТОЯНІЕ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ПРЕДЪ КРЕСТОВЫМИ ПОХОДАМИ.

Какъ измѣнился міръ въ первое тысячелѣтіе по Р. Х.! азіатскій востокъ спалъ, погруженный въ мракъ язычества: народы, стоявшіе предъ рождествомъ Господа на первомъ планѣ, теперь почти исчезли. Образованіе ихъ отжило свой вѣкъ, отъ культуры ихъ едва остались какіе нибудь слѣды, сила и вліяніе этой культуры сокрушены. Непроницаемый мракъ лежалъ надъ Египтомъ, страною когда-то славною своею глубокою таинственною мудростью. Израильскій народъ разсѣянъ по лицу земли и сдѣлался посмѣшищемъ язычниковъ. Сошла со сцены Греція, ея крѣпкая политическая жизнь, ея искусство, ея наука, литература: о нихъ не было больше и рѣчи. Блескъ римскаго имени былъ смытъ волнами великаго переселенія народовъ, двигавшихся съ востока на западъ.

Но на западѣ сдѣлалось свѣтлѣе. Здѣсь ночь уступила мѣсто дню, и солнце христіанства, восшедшее на азіатскомъ востокѣ, теперь остановилось и свѣтило на западномъ небѣ. Здѣсь разбились азіатскія волны народовъ, здѣсь и успокоились эти волны, наводнявшія страну; безустанные странники нашли себѣ пристанище. Куда ни обращался глазъ, всюду видѣлъ родственные народы, соединявшіеся въ устроивающіяся государства. Или сами коренные жители страны

устроивали у себя такія государства, такъ было напр. на Скандинавскомъ сѣверѣ, или же они сливались съ переселившимися къ нимъ племенами и составили съ ними государства. Скоро на мѣсто грубаго произвола выступаетъ законъ, а наблюденіе за исполненіемъ закона вручено королю, которому всѣ свободно обязались повиноваться. Народы раздѣлялись на національности, которыя то вступали въ союзы другъ съ другомъ, то становились во враждебныя отношенія. Но ни одинъ народъ не отказывалъ въ своемъ признаніи другому, ни одинъ не вмѣшивался во внутреннія дѣла другаго, каждое государство было самостоятельнымъ цѣлымъ, окружоннымъ извнѣ сосѣдними государствами, внутри разчлененнымъ для болѣе удобнаго управленія.

Но какъ ни различны могли быть эти государства, всѣ они были связаны другъ съ другомъ церковью. Повсюду на западѣ язычество пало, и хотя въ нравахъ, въ общественной и частной жизни было еще много остатковъ онаго, все таки нигдѣ идолослуженіе не было государственною религіею, всюду наряду съ свѣтской властью господствовала духовная власть церкви. Одному христіанству обязанъ западъ этимъ шагомъ на пути своего развитія. Гдѣ только проповѣдывалось и было принято слово крестное, тамъ начинался новый періодъ, слѣдовало возрожденіе народностей, служившее началомъ новой культурной эпохи.

И какъ свѣтская власть находила свое высшее выраженіе въ лицѣ короля, такъ духовная нашла оное въ лицѣ папы. Первая должна была преклониться предъ второю, потому что королевская власть раздроблена была по разнымъ народностямъ, изъ которыхъ каждая имѣла своего главу. Папская же власть, напротивъ, соединялась въ одной рукѣ человѣка, который окружонъ былъ блескомъ апостольскаго величества, сіяніемъ небеснаго достоинства. Правда, папу видимо возвышало на престолъ избраніе, не право наслѣдства, но невидимо, по вѣрованію того времени, онъ былъ

поставляемъ благодатью святаго Духа, переходящею отъ апостоловъ на епископовъ. Такъ являлся онъ не имѣющимъ себѣ равнаго, видимымъ главою церкви, духовнымъ отцомъ королей и князей, равно и ихъ высшимъ судьею и повелителемъ.

Короли мало по малу окружали себя свитою сановниковъ, которыхъ достоинство и званіе зависѣли отъ воли и благосклонности государя. Короли образовали себѣ дворянство, на которомъ всюду отражалось для подданныхъ значеніе королевской власти, чрезъ дворянъ королевская власть видимо близка была каждому. Дворянство было и осталось опорою королевской власти. Точно также духовенство служило папѣ, которому повиноваться оно обязывалось присягою. Невидимая власть церкви видимо проявлялась въ духовенствѣ. Оно было мощною опорою римскаго престола и умѣло развить понятія о значеніи папы даже въ тѣснѣйшемъ кругу общественной и частной жизни.

При такой постановкѣ духовной и свѣтской власти развилась между ними борьба, постоянное стремленіе первой утвердить свое полновластіе, усилить оное сколько возможно, другой — уничтожить это полновластіе или сколько можно уменьшить. Но та и другая власть имѣли много такихъ отношеній, при которыхъ они должны были дѣйствовать съобща. Папа не могъ не нуждаться въ свѣтской поддержкѣ короля, короли въ свою очередь нуждались въ помазаніи папы, которое утверждало за ними порфиру и корону. Въ борьбѣ свѣтскихъ государей и папъ много терпѣлъ ни въ чемъ неповинный народъ, — но изъ народа же выходили большею частію побужденія къ примиренію властей.

Между всѣми народами Европы въ первое тысячелѣтіе средней исторіи на первомъ планѣ является нѣмецкій народъ. Въ лицѣ главы его, императора, сосредоточивалась сила почти всего западнаго христіанства. Около него стоятъ короли другихъ націй или въ качествѣ его вассаловъ, или въ

качествѣ его вѣрныхъ союзниковъ, нуждающихся въ поддержкѣ императора. Даже папа, какъ ни желалъ онъ отдѣлаться отъ императора, все таки былъ отъ него въ зависимости, такъ какъ получилъ свѣтское владѣніе отъ императора и нуждался въ сильномъ покровителѣ и защитникѣ церкви и своей власти. Народъ же нѣмецкій возвышался надъ другими народами своимъ мужествомъ и рыцарскою силою, чистыми нравами и благороднымъ образомъ мыслей, своимъ образованіемъ и любовью къ правдѣ, честности и порядку. Даже въ своей привязанности къ церкви и ея порядкамъ онъ не дозволилъ опередить себя ни одному народу. Изъ него выходили миссіи къ другимъ народамъ Европы, чтобы пересоздать языческую натуру въ благочестивую нѣмецкую. Среди него начали развиваться знанія, здѣсь было средоточіе учености, которая тогда заключала въ себѣ не одну только классическую литературу римлянъ и грековъ, но возвысилась и до самостоятельнаго, чисто нѣмецкаго творчества. Всѣ важныя событія, потрясавшія Европу въ слѣдующія столѣтія или выходили изъ Германіи, или получали здѣсь окончательное рѣшеніе.

ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ.

(1095 — 1118).

Когда христіанство въ первое тысячелѣтіе по Р. Х. довольно сильно утвердилось въ умахъ западно-европейскихъ народовъ, пробудилось въ душѣ этихъ народовъ живое сочувствіе къ той землѣ, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ Спаситель

въ образѣ раба. Эта земля обѣтованная, гдѣ исполнились великіе планы Бога въ Его Сынѣ, который жилъ, пострадалъ и умеръ за людей: ужели эта земля не должна была поистинѣ сдѣлаться общимъ достояніемъ всего христіанства? Не была ли она тою освященною почвою, которую избрала вѣчная любовь, чтобы здѣсь излиться въ обильныхъ струяхъ, когда исполнится время? Здѣсь каждое мѣстечко было святымъ мѣстомъ, съ котораго каждому слышался голосъ Господа: «Сними твои сапоги, потому что земля, на которой ты стоишь, есть святая земля»! Здѣсь Хоривъ уходитъ въ облака своею главою, откуда при раскатахъ грома Господь нѣкогда возвѣстилъ свой святой законъ. Здѣсь катитъ Іорданъ свои воды, въ которыя нѣкогда погрузилъ свою главу сынъ Божій, крестившійся отъ Іоанна. Здѣсь стоитъ градъ Божій, прекрасный Сіонъ, резиденція Давида, мужа по сердцу Богу, свидѣтель крестной смерти Іисуса. Здѣсь находится Виѳлеемъ, маленькій городъ, удостоившійся быть мѣстомъ рожденія сына Божія. Въ этой землѣ, какъ ни мала она, происходили въ теченіе тысячелѣтій великія и обильныя слѣдствіями событія міра.

Теперь же язычники вошли въ наслѣдіе и опустошили его. Еще мать Константина, Елена, устроила храмы и часовни на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Спаситель жилъ, гдѣ Онъ страдалъ и умеръ. Съ тѣхъ поръ время отъ времени благочестивый пилигримъ съ запада совершалъ туда свое странствованіе, чтобы помолиться и еще разъ пережить духомъ время священной исторіи. Но съ седьмаго столѣтія арабы сдѣлались владыками страны, и магометанство держало подъ своимъ дикимъ скипетромъ обѣтованную землю. Въ Іерусалимѣ оставалась еще христіанская община съ патріархомъ во главѣ, но община была незначительна и все болѣе и болѣе ослабѣвала. Правда, арабы не притѣсняли этой общины, потому что значительное число пилигримовъ, посѣщавшихъ ежегодно Іерусалимъ, оживляли нѣсколько торговлю

этого города руинъ. Но мало по малу начались притѣсненія христіанскихъ богомольцевъ. Жестокія войны на востокѣ въ концѣ перваго тысячелѣтія по Р. Х. привели обѣтованную землю подъ власть калифовъ фатимидской династіи. Эти строгіе ревнители магометанства были исполнены ненавистью къ христіанамъ, невѣрнымъ по ихъ смыслу; число иноземцевъ, увеличивающееся съ каждымъ годомъ, сдѣлалось для нихъ опаснымъ. Прибытіе христіанъ казалось имъ чѣмъ-то въ родѣ непріятельскаго нашествія, которому слѣдовало положить границы, за которымъ слѣдовало наблюдать; доступъ къ святымъ мѣстамъ сдѣлался труденъ. И дѣйствительно, многочисленныя толпы теперь тянулись на поклоненіе святымъ мѣстамъ. Въ 1065 г. прибылъ въ Іерусалимъ архіепископъ майнцкій съ свитою изъ 7,000 поклонниковъ, съ епископами бамбергскимъ, регенсбургскимъ и утрехтскимъ; изъ нихъ только 2,000 возвратились на родину.

Во второй половинѣ одиннадцатаго вѣка дикіе сельджуки овладѣли Сиріею, и Іерусалимъ перешолъ во власть одного сельджукскаго племени, ортокидовъ, такъ названныхъ по имени одного вождя ихъ, Ортока. Они уже не ограничивались притѣсненіями иноземныхъ поклонниковъ и христіанъ, оставшихся на жительство въ городѣ, они начали страшно преслѣдовать ихъ.

Христіанскія святилища были опустошены, священныя мѣста и алтари, у которыхъ тысячи преклоняли колѣна, были разрушены; образа и священные сосуды, которыми благочестивые люди украшали церкви, были разбиты. Кто изъ христіанъ желалъ посѣтить святыню, долженъ былъ платить большія деньги, кто не хотѣлъ подчиниться всѣмъ дикимъ формальностямъ мусульманъ, того подвергали разнымъ оскорбленіямъ, сажали въ тюрьму.

Гдѣ томился въ оковахъ Господь, тамъ носили оковы приходившіе почтить память Христа; гдѣ онъ подвергся бичеванію, тамъ подъ ударами невѣрныхъ воздыхали тѣ,

которые приходили сюда изъ любви къ нему; гдѣ пролита была его невинная кровь, тамъ его вѣрные послѣдователи терпѣли и его униженіе, тамъ они проливали свою кровь.

Печальная вѣсть прошла по западу отъ одного конца до другаго. Кто придетъ съ помощью страждущимъ? Уже папа Григорій VII думалъ о томъ, чтобы поднять христіанскихъ государей на походъ въ Палестину, возвратить силою оружія наслѣдство отцовъ и дать пилигримамъ защиту, но смерть уничтожила его планы. Притомъ походъ въ далекую землю требовалъ большой обдуманности. Сколько нужно было приготовленій, какое количество провіанта для войска, какихъ трудовъ стоилъ переходъ чрезъ непроходимыя страны, или плаваніе моремъ! Планъ былъ такъ труденъ, что въ обыкновенное время нельзя было и думать объ его выполненіи. Только общее одушевленіе могло воспламенить народъ на такое дѣло, только святая ревность могла преодолѣть всевозможныя трудности. Минута была такова, что одно горячее слово могло привести въ движеніе умы и сердца всѣхъ, воспламенить во всѣхъ ревность къ святому предпріятію.

* *
*

Въ то время, какъ папа Урбанъ II сидѣлъ на престолѣ Петра, къ нему явился съ письмомъ отъ іерусалимскаго патріарха человѣкъ, узнавшій хорошо бѣдствія христіанъ и пилигримовъ въ Палестинѣ и рѣшившійся на все для ихъ спасенія. Петръ Аміенскій, пламенная душа, когда-то отважный воинъ, потомъ монахъ и пустынникъ, теперь возвращался изъ Іерусалима пилигримомъ; въ пламенной рѣчи онъ разсказалъ папѣ о бѣдствіяхъ христіанъ въ обѣтованной землѣ и выпросилъ у него позволеніе проповѣдывать крестовый походъ. Сидя на поджаромъ ослѣ, босой и одѣтый во власяницу, подпоясанный веревкою, съ крестомъ въ рукѣ,

прошолъ онъ Италію и южную Францію. Появленіе такого человѣка привлекало къ нему вниманіе всѣхъ, и когда вокругъ него собиралась толпа старыхъ и малыхъ, мужчинъ и женщинъ, тогда онъ начиналъ говорить и проповѣдывалъ о невыразимыхъ бѣдствіяхъ христіанъ во святой землѣ. Какъ только народъ собирался куда нибудь на ярмарку или на праздникъ, вдругъ являлся сюда неустрашимый пилигримъ и начиналъ въ одушевленной рѣчи говорить объ обязанности христіанъ спѣшить на помощь угнетеннымъ братьямъ на святыхъ мѣстахъ Чудесное одушевленіе объяло людей всѣхъ сословій. Никто не хотѣлъ остаться позади, уступить другому въ готовности на всякія пожертвованія.

Когда народъ былъ такимъ образомъ подготовленъ, папа созвалъ соборъ въ Піаченцѣ, въ мартѣ 1095 г. Ни одна церковь не могла вмѣстить множества стекавшагося народа, поэтому народъ стоялъ подъ открытымъ небомъ. Здѣсь папа говорилъ о походѣ, и тысячи клялись жертвовать имѣніемъ и жизнью. Въ томъ же году въ ноябрѣ состоялся второй соборъ въ Клермонтѣ, на которомъ присутствовали 14 архіепископовъ, 225 епископовъ, 400 аббатовъ. Опять здѣсь говорилъ Урбанъ, подкрѣпляемый Петромъ аміенскимъ, и съ такимъ успѣхомъ, что когда онъ предложилъ народу разбить цѣпи и свергнуть чуждое иго, тысячи голосовъ отвѣчали кликомъ: «Богъ того хочетъ»! Когда потомъ папа обѣщалъ всѣмъ, рѣшившимся принять участіе въ святомъ походѣ, полное отпущеніе грѣховъ, а тѣмъ, которые падутъ въ битвѣ, царство небесное, одушевленію не было границъ. Многіе заливались слезами и всѣ уговаривали другъ друга идти въ походъ.

Епископъ Адемаръ Пюйскій, первый склонившій предъ папою голову и просившій креста на плечо, назначенъ былъ папскимъ намѣстникомъ въ походѣ; за нимъ послѣдовали столь многіе съ просьбою крестовъ, что папа долженъ былъ изрѣзать свою пурпуровую мантію и изъ нея

дѣлать кресты. Дворянство приглашало своихъ мужей въ замки для совокупнаго движенія въ походъ, горожане оставляли свои промыслы и брались за копье, крестьянинъ вмѣсто плуга бралъ мечъ. Всюду по дорогамъ и тропинкамъ тянулись вооруженныя толпы, готовыя стать подъ знамя креста. Но сюда же тащились бродяги и нищіе, не имѣвшіе пріюта. Вся Италія и Франція пришли въ движеніе. Предъ воротами городовъ шатры построены въ лагерь, гдѣ слышны пѣсни и клики, гдѣ настоящій праздникъ. Каждый разсчитывалъ неиначе какъ на побѣду, ктому же на богатую добычу и полное прощеніе грѣховъ.

Рядомъ съ этимъ безпорядочнымъ одушевленіемъ, другое болѣе благородное пламя охватило умы и сердца храбрыхъ, благоразумныхъ князей. Между ними особенно выдавался герцогъ Нижней Лотарингіи, Готфридъ бульонскій, благочестивый и благородный, снарядившій значительную силу, послушную его волѣ. Подобно ему собрались также герцогъ нормандскій Робертъ, графы Густавъ и Балдуинъ—братья Готфрида, графъ Раймундъ тулузскій, Гуго вермандуа, Робертъ фландрскій, Стефанъ блуа, и за альпами Боэмундъ, князь тарентскій съ своимъ храбрымъ племянникомъ Танкредомъ. Всѣ они вооружились и снарядились съ большою осмотрительностію, и условились сойтись въ Константинополѣ, чтобы оттуда переправиться въ Азію; за тѣмъ последовали переговоры и соглашеніе съ греческимъ императоромъ. На этихъ князьяхъ лежала вся тяжесть предпріятія.

Но кто смогъ бы обуздать остальныя толпы, собиравшіяся съ разныхъ сторонъ? Толпа въ 15,000 человѣкъ, нетерпѣливо желавшая поскорѣе выступить въ походъ, поднялась въ путь подъ предводительствомъ Вальтера Пексейскаго и племянника его Вальтера Неимущаго, достигла Болгаріи, разграбила Бѣлградъ и была почти вся побита. Только Вальтеръ Неимущій съ нѣкоторыми болѣе мыслящими людьми достигъ Константинополя. Другую толпу изъ 40,000 чело-

вѣкъ велъ самъ Петръ аміенскій. Она счастливо достигла Венгріи; но тутъ началось бѣдствіе, не было больше съѣстныхъ припасовъ. Толпа взяла приступомъ Землинъ, избила 4,000 жителей и разграбила городъ. Потомъ она отправилась дальше въ Грецію, но при Ниссѣ была разбита; остатки ихъ исхудалые, оборванные достигли Константинополя. Греческій императоръ принялъ въ нихъ участіе и совѣтовалъ имъ дождаться прибытія главнаго войска. Напрасно! они не послѣдовали совѣту, переправились въ Азію, гдѣ почти всѣ перебиты были сельджуками. Самъ Петръ спасся съ 3,000 воиновъ.

Еще двѣ толпы двинулись съ священникомъ Готшалькомъ и графомъ мелунскимъ Вильгельмомъ, по прозванію Плотникомъ; первая, состоявшая изъ 15,000, вторая изъ 20,000 человѣкъ, не уступали другъ другу въ необузданности. И та и другая погибли въ Венгріи, гдѣ надѣлали много страшныхъ злодѣяній и грабежей. Ту же судьбу испытали и нѣкоторыя другія подобнаго же рода банды; они начали свои злодѣйства уже въ прирейнскихъ земляхъ, гдѣ и получили должное возмездіе.

* * *

За этими безпорядочными толпами двинулись стройныя войска. Гуго вермандуа несъ знамя святаго Петра, подаренное ему папою и отрядъ знатныхъ всадниковъ слѣдовалъ за храбрымъ рыцаремъ; съ столь же блестящею свитою выступилъ въ походъ Раймундъ тулузскій. Но многочисленнѣе и лучше всѣхъ было ополченіе благороднаго герцога Готфрида буильонскаго, который поднялся въ половинѣ августа 1096 г. Изъ 80,000 пѣхоты и 10,000 конницы состояло войско, предводителями котораго были многіе графы, рыцари и епископы, и которое пріучено было къ строгой дисциплинѣ и порядку. Вся сила направилась чрезъ Герма-

нію, Венгрію и Ѳракію къ Константинополю, гдѣ между тѣмъ Гуго вермандуа, потерявшій большую часть своего войска отъ бури у береговъ Эпира, былъ принужденъ императоромъ Алексѣемъ дать ему ленную присягу. Герцогъ Готфридъ, раздраженный за это на императора, хотѣлъ заставить его отказаться отъ своихъ требованій; онъ разбилъ свой лагерь въ Перѣ, извѣстномъ предмѣстьи Константинополя, но наконецъ вынужденъ былъ уступить требованіямъ императора.

Въ маѣ 1097 г. вся сила крестоносцевъ соединилась въ Константинополѣ. Едва ли міръ видѣлъ когда нибудь столь блестящее войско, состоящее изъ 300,000 пѣхоты, 100,000 всадниковъ, кромѣ множества прислуги, монаховъ и женщинъ. Кто могъ усомниться въ его побѣдахъ! Оно переправилось въ Азію, богато одаренное императоромъ, которому вожди обѣщали возвратить всѣ бывшіе когда-то подъ его властью города и земли. Первый городъ, оказавшій сопротивленіе крестоносцамъ, былъ Никея, резиденція султановъ Иконіума. Городъ сдался послѣ семинедѣльной осады; но греки, находившіеся при войскѣ, заняли городъ отъ имени императора. Далѣе въ фригійской области выступили противъ крестоносцевъ конные отряды султана Килиджъ Арслана. Зависть вождей другъ къ другу мѣшала крестоносцамъ дружно дѣйствовать противъ врага. Уже тамъ и сямъ колебались сражавшіяся по частямъ западныя ополченія. Тогда подоспѣли на помощь Готфридъ, Раймундъ и Гуго, и хотя были три раза отбиты, все таки наконецъ одержали побѣду и взяли большой лагерь враговъ.

Но тутъ жары и голодъ начали убавлять ряды храбраго войска. Потомъ занемогъ Раймундъ въ Антіохіи, Готфридъ получилъ тяжкія раны на медвѣжьей травлѣ. Между Танкредомъ и братомъ Готфрида Балдуиномъ произошла кровавая схватка при завоеваніи Тарса въ Киликіи. Балдуинъ отдѣлился отъ главнаго войска и утвердился въ Эдессѣ;

главная сила двинулась къ Антіохіи въ Сиріи. Нужно было завоевать этотъ городъ, прежде чѣмъ рѣшиться на дальнѣйшій походъ.

Крутая скала и неприступная крѣпость защищали городъ съ юга, двое крѣпкихъ воротъ съ запада и сѣвера, только съ восточной стороны осада была возможна. Но никто не умѣлъ хорошо вести ее, а при затруднительной осадѣ въ войскѣ начала ослабѣвать дисциплина. Правда, строились шанцы, но безстрашные сельджуки частыми вылазками мѣшали работамъ. Въ плодородной странѣ собраны были богатые запасы продовольствія; считая ихъ неистощимыми, крестоносцы расточали ихъ самымъ неблагоразумнымъ образомъ. Скоро оказался недостатокъ въ пищѣ. Пришла осень и принесла съ собою проливные дожди и значительные холода; болѣзни опустошали западное войско. Нужда возрасла до крайней степени, многіе бѣжали изъ войска, другіе предались безпорядочной жизни. Даже нѣкоторые изъ вождей потеряли мужество.

Осада все таки продолжалась; когда прошла зима и съ наступленіемъ пріятной весны болѣзни кончились, возвратилась и бодрость воиновъ. Тогда пришла вѣсть, что большія тысячи сельджуковъ приближаются на выручку стѣсненнаго города. Теперь нужно было дѣйствовать рѣшительно. Къ счастью городъ былъ взятъ измѣною одного антіохійскаго ренегата, подкупленнаго Боэмундомъ. Измѣнникъ пропустилъ ночью нѣмецкихъ солдатъ на одну башню. Солдаты отворили городскія ворота и главное войско вломилось въ городъ. Утромъ на разсвѣтѣ красное знамя крестоносцевъ развѣвалось на зубчатыхъ стѣнахъ крѣпости. Тогда завязалась страшная рѣзня на улицахъ, при чемъ погибло 10,000 турокъ (1098 г.).

* *
*

Спустя три дня стояло предъ воротами войско сельджуковъ, огромная толпа, въ которой считалось до 200,000

человѣкъ. Началась трудная осада. Враги умѣли отрѣзать всякій подвозъ и отбить всѣ вылазки христіанъ. Съ каждымъ днемъ возрастала нужда христіанъ. Уже начали ѣсть мясо убитыхъ лошадей и ословъ, питались мышами, варили кожу и древесную кору, уже многіе бѣжали изъ города съ опасностью жизни, чтобы только не видѣть ужасовъ, свирѣпствующихъ въ городѣ, какъ одно событіе привело дѣло къ благополучному концу.

Одинъ священникъ, Варѳоломей, утверждалъ, что ему явился апостолъ Андрей и указалъ мѣсто, гдѣ сокрыто копье, которымъ прободенъ былъ въ ребро Христосъ. Съ этимъ копьемъ крестоносцы могли бы одержать побѣду. Графъ Раймундъ велѣлъ тотчасъ рыть землю, и дѣйствительно въ землѣ нашли святое копье, завернутое въ пурпуръ. Такое открытіе оживило упавшій духъ войска. Тотчасъ потребовали отъ вождя сельджуковъ снятія осады. Съ презрѣніемъ онъ отвергъ такое требованіе, вполнѣ надѣясь, что голодъ заставитъ осажденныхъ сдать городъ. Но вышло иначе. Крестоносцы, толпившіеся вокругъ священнаго знамени, отслушали обѣдню, постились и тогда рѣшились на послѣднюю вылазку. Предводимые бодрыми военачальниками, они вышли при звукахъ трубъ изъ крѣпости и ударили на турокъ, стоявшихъ пятью отрядами. Части непріятельскаго войска не успѣли собраться; послѣ непродолжительнаго сопротивленія, ряды ихъ разсыпались въ дикомъ бѣгствѣ. Весь богатый лагерь ихъ достался въ добычу крестоносцамъ.

Но возобновившіеся раздоры между Боэмундомъ и Раймундомъ, снова появившаяся чума, отъ которой погибло до 50,000 человѣкъ, произвели въ войскѣ новое замѣшательство. Наконецъ большинство потребовало выступленія къ Іерусалиму. Съ большимъ трудомъ 1099 г. 6 іюня войско достигло Эмауса. Здѣсь позабыты были всѣ перенесенные труды и болѣзни, въ виду святаго города все войско пало

на колѣна, лобызало землю и славило Бога въ хвалебныхъ пѣсняхъ.

Между тѣмъ ортокиды были изгнаны изъ Іерусалима, и египетскіе фатимиды, завладѣвшіе Сиріею, заняли городъ. Войска въ городѣ было до 40,000, съѣстныхъ припасовъ довольно; ктому жъ изъ Египта шли подкрѣпленія. Окрестности города на двѣ мили были опустошены, и мусульмане безъ страха смотрѣли на приближеніе западнаго войска.

Крестоносцы, которыхъ число уменьшилось до 20,000 пѣхоты и 1,500 всадниковъ, начали тотчасъ же приготовленія къ штурму. Они построили подвижныя башни, приготовили лѣстницы и стѣнобитныя машины, и не смотря на страшный жаръ и томительное бездождіе, привели къ концу работы. На генуезскихъ судахъ прибывали въ Іоппе съѣстные припасы и новые пилигримы. Такъ приблизился рѣшительный день.

14 іюня 1099 года начался приступъ. Но сопротивленіе турокъ было такъ сильно, что въ этотъ день, не смотря на всѣ усилія крестоносцевъ, дѣло ихъ не имѣло успѣха. Обѣ стороны провели ночь въ покоѣ и собирались съ новыми силами. На слѣдующій день опять начались битвы и семь часовъ жаркаго дѣла не повели ни къ чему рѣшительному. Колебалось войско крестоносное, пока не удалось ему достигнуть сначала внѣшней, а потомъ и внутренней стѣны города. Ворота св. Стефана были разбиты и въ нихъ то вломилось войско. Однако турки оборонялись. На улицахъ происходила жаркая битва. Побѣдители никому не давали пощады. Когда сокрушена была сила турокъ, городъ былъ разграбленъ. Только теперь крестоносцы сами омылись отъ крови и омыли свои мечи; босые, съ непокрытою головою они двинулись съ пѣніемъ гимновъ въ церковь страстей и воскресенія Христа и благодарили Бога за дарованную имъ побѣду.

* *
*

Никогда войско не одерживало побѣды съ такими усиліями, съ такимъ терпѣніемъ и самоотверженіемъ, какъ на этотъ разъ кресгоносное войско. Но какъ скоро ускользнуло изъ ихъ рукъ это завоеваніе! Королевство іерусалимское появилось и исчезло подобно метеору.

Такая драгоцѣнность, какъ Іерусалимъ, могъ быть укрѣпленъ за крестоносцами только прочнымъ устройствомъ новаго королевства. Князья и вельможи, собравшіеся у святаго гроба, отпраздновали праздникъ завоеванія Іерусалима тѣмъ, что избрали въ іерусалимскіе короли лучшаго изъ своей среды, герцога Готфрида буильонскаго. Но Готфридъ не хотѣлъ принять королевскаго титула на томъ мѣстѣ, гдѣ Спаситель носилъ терновый вѣнецъ, и назвалъ себя «Защитникомъ святаго гроба». Скоро понадобилась такая защита. Приближалось сильное египетское войско, чтобы отнять у христіанъ обѣтованную землю. Уже оно стояло у Аскалона въ числѣ 150,000 воиновъ, - дикихъ бедуиновъ и кровожадныхъ мавровъ. Опять крестоносцы должны были взяться за оружіе. Безстрашно выступили они на встрѣчу врагу къ Аскалону, и бросились съ силою Самсона на язычниковъ, которые не успѣли опомниться отъ неожиданнаго нападенія, Сопротивленіе ихъ было непродолжительно, личное мужество Готфрида много содѣйствовало побѣдѣ. Съ этого дня, 12 августа 1099 года, Іерусалимъ довольно долгое время не видалъ предъ собою враговъ.

Король Готфридъ былъ блестящимъ примѣромъ христіанскаго, рыцарскаго образа мыслей и поступковъ; даже языческіе государи искали его дружбы и обращались къ нему какъ къ посреднику въ своихъ ссорахъ. Но скоро онъ угасъ подъ тяжестью своего призванія и непривычнаго для европейца климата. Онъ правилъ только одинъ годъ и умеръ 18 іюля 1100 г., всѣми оплакиваемый. Тѣло его было положено въ церкви Святаго гроба.

Братъ Готфрида, Балдуинъ эдесскій, былъ его преемни-

комъ. Съ помощью новыхъ пилигримовъ онъ завоевалъ города Цезарею, Акконъ, Триполь, Сидонъ и Беритъ. Этими завоеваніями власть крестоносцевъ была не только расширена, но и утверждена. Когда Балдуинъ въ 1118 г. умеръ, престолъ занялъ уже престарѣлый Балдуинъ II бургскій. И онъ защищалъ храбро новое королевство, которое при немъ достигло высшаго процвѣтанія. Границами его были Тарсъ въ Киликіи, на востокѣ Эдесса, на югѣ Эларишь у Газы. По ленное устройство государства много затрудняло правленіе и не ручалось за его продолжительную прочность.

ОЧЕРКИ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ ВЪ СВЯЗИ СЪ ОБЩЕЮ ИСТОРІЕЮ СЛАВЯНЪ.

СЛАВЯНСКІЙ МІРЪ ДО ПОЛОВИНЫ IX ВѢКА.

На востокѣ Европы разстилается великая равнина, отдѣленная отъ Азіи стѣною Уральскихъ горъ и Кавказскихъ и соединенная съ нею каспійскими воротами. На западѣ этой равнины поднимаются мощные Карпаты и Богемскія горы, заслоняющія равнину отъ гористыхъ нѣмецкихъ странъ. На сѣверъ и югъ отъ этихъ горъ есть широкія дороги чрезъ Одеръ и нижнюю Эльбу въ Германію, а чрезъ нижній Дунай въ Грецію. На сѣверѣ равнины находится море, покрытое большую часть года льдомъ, а неподалеку отъ него другое, болѣе гостепріимное для мореплавателей. Югъ равнины омывается Чернымъ моремъ, — эвксинскимъ понтомъ древнихъ грековъ, которые усѣяли берега его цвѣтущими колоніями; здѣсь развилась греческая жизнь и греческое образованіе, котораго не чуждались и прибрежные Сарматы и Скиѳы, доисторическіе жители этой страны. Внутри этой равнины любопытнаго иноземца поражали величественныя рѣки съ десятками и сотнями притоковъ, покрывающія страну точно сѣтью и текущія на всѣ стороны къ морямъ: Каспійскому,

Черному, Балтійскому и Бѣлому. Въ срединѣ ихъ медленно катитъ свои воды царица рѣкъ великой равнины—Волга.

Природа щедро одарила эту равнину. Она приготовила здѣсь на сѣверѣ для народа-охотника дѣвственные лѣса, богатые разнаго рода звѣремъ и птицею, для кочевника — пастуха протянула на югѣ обширныя степи, гдѣ привольно пасутся табуны разнаго рода скота, для земледѣльца и промышленника—черноземную полосу и наиболѣе рѣчную область внутри равнины.

Много народовъ видѣла у себя въ гостяхъ эта равнина, особенно степная часть ея. Жили здѣсь кочевники сарматы и скиѳы съ своими стадами, прошли по ней Готы и страшные Гунны, побывали Болгары, Авары и Венгры, но на болѣе продолжительное время утвердились здѣсь Хозары. На сѣверѣ въ холодныхъ дремучихъ лѣсахъ разселились съ незапамятныхъ временъ финскія племена, народъ тихій и мрачный, подобно окружающей его природѣ, и въ высшей степени суевѣрный,—отчизна волхвовъ и кудесниковъ. Между финнами на сѣверѣ и турецко-татарскими народами на югѣ, съ давнихъ поръ жили разсѣянно славянскія племена, занимая не только срединную часть восточной равнины, но и значительную часть Европы за Карпатами, въ сосѣдствѣ съ нѣмцами, двигавшимися все дальше на западъ и югъ. Всѣхъ славянъ обыкновенно дѣлятъ на племена южныхъ славянъ, западныхъ и восточныхъ. Изъ южныхъ славянъ, занимавшихъ земли по нижнему Дунаю отъ чернаго моря до адріатическаго, особенно замѣчательны Болгарскіе славяне и Сербы; изъ западныхъ, жившихъ по Эльбѣ, Одеру и Вислѣ: Чехи и Поляки. Къ восточнымъ принадлежатъ племена славянъ, жившихъ по Днѣпру, верховьямъ Волги и Волхову и давшихъ начало Русскому государству.

* * *

Въ первый разъ славяне появляются въ исторіи въ эпоху великаго переселенія народовъ. Много германскихъ, но еще больше славянскихъ народовъ, находилось подъ властью Аттилы, царя гунновъ. Когда онъ умеръ и царство его распалось, славянскіе народы, освобожденные отъ ига, начинаютъ подвигаться къ предѣламъ византійской имперіи, гдѣ они впервые дѣлаются извѣстными въ исторіи. На берегахъ Дуная собираются рослые, сильные люди, цвѣтъ лица ихъ красноватъ, волосы русые, но не рыжіе какъ у нѣмцевъ, не вьющіеся, глаза голубые. Одѣты они также своеобразно: рубаха, короткіе порты, на ногахъ звѣриная кожа, которая прикрѣплена ремнями до икръ. Борода и усы подстрижены, равно и волоса на затылкѣ. Оружіемъ для нихъ служатъ щиты и дротики, панцырей они не носятъ. Часто можно видѣть между ними сражающихся безъ верхней и нижней одежды, въ однихъ короткихъ портахъ. Въ полѣ они строятся въ видѣ трехъугольниковъ, которые отъ густыхъ рядовъ копій и щитовъ кажутся живою, неприступною крѣпостью.

Впрочемъ эти люди идутъ не съ цѣлью грабежа и добычи, они ищутъ хорошей пахатной земли, и гдѣ найдутъ ее, тамъ остаются на мирную, осѣдлую жизнь. Греки охотно принимаютъ славянъ и предоставляютъ въ ихъ пользованіе придунайскія земли, въ которыхъ земледѣльческое населеніе совершенно было истреблено хищными германскими и азіатскими варварами. Но мѣста, занимаемыя славянами, еще не успокоились отъ бурь великаго переселенія народовъ, поэтому новымъ поселенцамъ нужно постоянно беречься какъ хитрыхъ грековъ, рѣдко вѣрныхъ своему слову, такъ и хищныхъ азіатскихъ варваровъ, движеніе которыхъ чрезъ каспійскія ворота къ дунайской низменности далеко не кончилось. Рано еще славянамъ заботиться о постройкѣ прочныхъ домовъ: они живутъ въ наскоро построенныхъ избушкахъ, разбросанныхъ на большомъ разстояніи одна отъ другой. Не

созрѣли они еще и для основанія государства. Они не повинуются одному лицу; у нихъ есть жупаны, старосты, и кромѣ ихъ нѣтъ другихъ начальниковъ. О важныхъ дѣлахъ они разсуждаютъ на сходкахъ. Они раздѣляются на множество племенъ и родовъ, между которыми происходятъ частыя ссоры; недостатокъ единства составлялъ искони отличительную черту славянскаго характера.

При такомъ образѣ жизни, при отсутствіи всякихъ завоевательныхъ цѣлей, тихо, безъ шума подвигались славяне къ Дунаю и за Дунай. Хищная воинственность была не въ ихъ правахъ, не видимъ у славянъ гелейтовъ съ завоевательною цѣлью. Если у византійскихъ писателей и встрѣчаются извѣстія объ опустошеніяхъ, производимыхъ славянами въ земляхъ греческой имперіи, то опустошенія эти объясняются не столько характеромъ народа, сколько тогдашними обстоятельствами. Постоянно безпокоимые въ своихъ жилищахъ, на мѣстахъ избранныхъ ими, терпя постоянныя нападенія отъ азіатскихъ народовъ, двигавшихся по берегамъ чернаго моря, славяне время отъ времени выходили изъ круга обычныхъ своихъ занятій и по примѣру дикихъ кочевниковъ и воинственныхъ гелейтовъ разоряли города и деревни греческой имперіи. Но такая жизнь не согласовалась съ характеромъ славянина, и онъ скоро обращался снова къ любимому своему занятію — земледѣлію; осѣдлость для него была существенною потребностью.

Первымъ славянскимъ народомъ, являющимся въ исторіи, были Анты. Когда Гунны двинулись на западъ и покорили готовъ, и Ганты, жившіе во враждѣ съ готами, должны были признать власть новыхъ завоевателей. По паденіи гуннскаго царства, анты сдѣлались независимыми и подвигались по берегу чернаго моря къ Дунаю, а съ 527 года, при Юсти-

ніанѣ В. начали переходить Дунай большими массами. Съ тѣхъ поръ нынѣшняя Болгарія, Македонія, большая часть Ѳракіи, Ѳессалія и Греція заняты были антами и другими славянскими племенами, двинувшимися съ сѣвера по слѣдамъ антовъ. Съ появленіемъ азіатскихъ народовъ — Болгаръ и Аваровъ, народъ Антовъ мало по малу утрачиваетъ свое старое имя, смѣшиваясь съ варварами и вновв прибывшими славянскими племенами. Какъ народъ мирный и привязанный къ земледѣлію, славяне и на новыхъ мѣстахъ на Дунаѣ, хоть и твердо осѣлись, но не смотря на свою многочисленность, не составили военныхъ государствъ, подобно германцамъ на западѣ, а жили разсѣянно, и скоро должны были подчиниться пришельцамъ съ Волги, Болгарамъ, которые въ качествѣ кочеваго и болѣе воинственнаго народа, успѣли основать на Дунаѣ государство, довольно грозное для дряхлѣющей Византіи. Подъ вліяніемъ сосѣднихъ грековъ, равно какъ и осѣдлыхъ славянскихъ племенъ, подвластныхъ болгарамъ, сначала кочевое государство ихъ мало по малу теряло свой азіатскій характеръ. Болгары начали заниматься земледѣліемъ, славянскій языкъ нашолъ у нихъ свободный доступъ, равно и христіанство съ богослуженіемъ на славянскомъ языкѣ. Государство болгарское оставалось такимъ только по имени, на дѣлѣ же оно было славянскимъ, какъ впослѣдствіи и русское государство.

Переселеніе лонгобардовъ въ Италію въ концѣ VI вѣка дало начало новому великому передвиженію славянъ къ Дунаю. Хорваты, Сербы, Словаки и другія славянскія племена, пришедшія изъ за Карпатъ, начали селяться въ Панноніи, нынѣшней Венгріи. Однако и здѣсь не удалось славянамъ удержать своей независимости; они должны были подчиниться дикимъ аварамъ, пришельцамъ изъ Азіи. Но многія племена, не желавшія оставаться подъ властью азіатцевъ, успѣли пробиться въ Иллирію и Далмацію, гдѣ основали хорватское государство, раздѣленное на 11 жупанствъ. Императоръ ви-

зантійскій Гераклій въ 630 году призвалъ изъ Паннонін и дальше съ сѣвера сербовъ и отдалъ имъ земли, опустошенныя аварами. Сербы протѣснились сквозь аваровъ и заняли земли, съ условіемъ признавать верховную власть императора. Впрочемъ, зависимость эта была больше на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ, и сербы управлялись своими племененачальниками (жупанами), не составляя одного государства, но отдѣльными родами заняли страну, извѣстную и до сихъ поръ подъ именемъ Сербіи.

Господствовавшіе въ Панноніи Авары скоро пришли въ непріязненныя отношенія къ жившимъ на нижнемъ Дунаѣ болгарскимъ славянамъ. Кувратъ (634—660), первый изъ сильныхъ царей болгарскихъ, отнялъ у Аваровъ восточную часть Панноніи. Между тѣмъ и съ сѣвера начали тѣснить аваровъ прикарпатскіе и закарпатскіе славяне, Чехи и Моравы подъ предводительствомъ своего короля—героя, Само, который овладѣлъ сѣверною Панноніею до самой Тисcы. Съ запада не давали аварамъ покоя майордомы франкскіе. Наконецъ Карлъ В. и Крумъ болгарскій окончательно уничтожили могущество Аваровъ. Съ этого времени вся восточная Паннонія принадлежала болгарамъ, сѣверная чехамъ и морамъ, а по смерти Карла В., Болгары заняли также и западную Паннонію. Хорваты, занимавшіе Далмацію и Иллирію, были данниками нѣмцевъ при Карлѣ В., но послѣ его смерти отложились отъ нихъ и возстановили свою независимость. Сербы оставались по прежнему въ номинальной зависимости отъ Византіи. Такъ почти вся страна по среднему и нижнему Дунаю перешла въ руки славянъ въ началѣ IX столѣтія. Ко времени основанія русскаго государства въ Болгаріи царствовалъ Богорисъ, или Борисъ; славянское имя царя даетъ понять, какой переворотъ произошолъ у азіатскихъ болгаръ въ первые четыре вѣка существованія ихъ государства.

* *
*

Въ VII. столѣтіи послѣ Р. Х. выступаютъ на сцену исторіи и славяне западные. Самымъ близкимъ къ нѣмцамъ и потому болѣе извѣстнымъ имъ народомъ славянскимъ были Чехи, заселившіе нынѣшнюю Богемію, когда страна эта опустѣла послѣ великихъ переселеній германскихъ. И западнымъ славянамъ пришлось много терпѣть отъ аваровъ, до тѣхъ поръ, пока герой Само не освободилъ ихъ отъ ига. Чехи избрали его королемъ. И уже при немъ начались враждебныя отношенія славянъ къ нѣмцамъ. Послѣ Само упоминается въ чешскихъ преданіяхъ имя Крока, который оставилъ трехъ дочерей, одаренныхъ мудростью. Младшая изъ нихъ вышла за крестьянина Пржемысла, который пахалъ, когда явились къ нему послы съ предложеніемъ руки княжны. Отъ него пошли чешскіе короли, которые ведутъ постоянную войну съ Карломъ В. и его потомками, старавшимися утвердить свое вліяніе въ странѣ чешскихъ славянъ.

Сосѣдніе чехамъ Моравскіе славяне уже были подвластны Карлу В. Но по смерти его, около половины IX вѣка и у нихъ является независимое государство, основателемъ котораго считается Моймиръ. Людовикъ нѣмецкій, владѣнія котораго соприкасались съ Богеміею и Моравіею, хотѣлъ подчинить себѣ чеховъ и моравовъ; онъ свергнулъ Моймира, не желавшаго признать его власти и отдалъ престолъ племяннику Моймира, Ростиславу, который однако пошолъ по стопамъ своего дяди и не дозволялъ нѣмцамъ распоряжаться въ его землѣ. Сыновья Людовика, бывшіе во враждѣ съ отцомъ, находили пріютъ у Ростислава. Ко времени основанія русскаго государства, Ростиславъ и племянникъ его Святополкъ успѣли создать изъ западныхъ славянъ сильное чешско-моравское государство, въ составъ котораго вошли нынѣшняя Силезія, Богемія, Моравія и сѣверная Венгрія.

Далѣе на сѣверъ отъ чешскаго государства жили славянскія племена, извѣстныя подъ общимъ названіемъ Вендовъ: Сорабы въ нынѣшней Саксоніи, Лутичи между Эльбою и Оде-

ромъ въ нынѣшнемъ Бранденбургѣ, и у Балтійскаго моря Оботриты или Бодричи, Поморяне. Кромѣ названныхъ славянскихъ племенъ много и другихъ славянъ жило по Одеру и Эльбѣ.

Уже Карлъ В. началъ вмѣшиваться въ дѣла славянъ: такъ вмѣшавшись въ войну двухъ славянскихъ племенъ бодричей и лутичей, онъ склонилъ послѣднихъ на свою сторону и съ помощью ихъ побѣдилъ первыхъ. Славяне не могли стоять противъ Карла въ чистомъ полѣ, поэтому защищались отъ нѣмцевъ въ лѣсахъ и горныхъ ущельяхъ. И нѣмцы подвигались въ славянскія земли очень медленно. Сначала появлялись проповѣдники христіанства, за ними шли промышленники и купцы, наконецъ появлялись и маркграфы съ гелейтами, и вмѣсто славянскаго племени являлось нѣмецкое маркграфство. Славяне обращались въ податное сословіе.

Кромѣ общей всѣмъ славянамъ любви къ земледѣлію нѣмцы замѣтили еще черты славянскаго характера: твердость и неутомимость во всѣхъ трудахъ и большое терпѣніе: «въ нуждѣ они довольствуются малымъ, и то, что для нѣмцевъ тяжело, они исполняютъ легко и охотно.» Они хвалятъ честность и добродушіе славянъ: «давъ честное слово, славянинъ всегда оставался ему вѣренъ, полагая, что клятвопреступленіемъ оскорбитъ божество.» И здѣсь славяне являются народомъ трудолюбивымъ и честнымъ. Случаи жестокости въ отношеніяхъ къ нѣмцамъ встрѣчаются только тогда, когда славянамъ приходилось слишкомъ много терпѣть отъ безчеловѣчнаго обращенія съ ними нѣмцевъ, которые посягали на все, что было священнаго для славянина: на его собственность, свободу, вѣру и обычай отцовъ. Трудно было славянину, привыкшему къ управленію чрезъ своихъ старшинъ, къ рѣшенію дѣлъ на сходкахъ, подчиняться приказаніямъ нѣмецкихъ маркграфовъ и графовъ, которые, утвердясь въ славянскихъ земляхъ, творили судъ на чужомъ языкѣ, которые обращались съ славянами въ качествѣ господъ и

вводили неизвѣстное славянамъ рабство, которые безъ труда хотѣли жить на чужой счетъ.

* *
*

Ближайшимъ къ Руси славянскимъ государствомъ была Польша, занимавшая пространство водныхъ системъ Вислы, Одера и частію Эльбы, отъ Карпатскихъ горъ до Балтійскаго моря. Племена, вошедшія въ составъ Польши были: великополяне, жившіе въ нынѣшней Познани, между Одеромъ и Вислою, малополяне у Карпатскихъ горъ въ нынѣшней Краковской области, мазовшане на средней Вислѣ. Еще съ V вѣка ляхи или лехиты начали собирать въ одно цѣлое разрозненныя племена и образовывать государство въ великой Польшѣ. Сначала здѣсь княжилъ миѳологическій родъ Попела, о которомъ дошли до насъ однѣ сказки. Но и въ сказкахъ, которыми наполнена первоначальная исторія Польши, выступаютъ на первый планъ враждебныя отношенія ея къ нѣмцамъ. Вотъ въ какихъ чертахъ рисуется личность Ванды, дочери Кракуса. Когда умерли братья Ванды, она сдѣлалась правительницею славянъ, но не желала выходить за мужъ. Тогда одинъ изъ нѣмецкихъ князей, слыша о ея красотѣ, явился съ войскомъ, чтобы получить руку Ванды. Ванда вышла противъ нѣмцевъ и своею красотою такъ очаровала ихъ, что они не могли сражаться, герцогъ отъ униженія лишилъ себя жизни. Чтобы красота ея не была причиною войнъ, Ванда лишила себя жизни.

Такъ уже въ началѣ исторіи славянъ, весь раздробленный на мелкія племена западно-славянскій міръ стоялъ подъ оружіемъ противъ нѣмцевъ. Сравнивая тогдашній бытъ нѣмцевъ и славянъ, нельзя не видѣть, что столкновенія славянъ съ нѣмцами должны были кончиться къ выгодѣ послѣднихъ. Нѣмцы уже вышли изъ патріархальнаго быта, выработали у себя воинственное дворянство, искавшее славы и

новыхъ земель. Подъ вліяніемъ папъ у нихъ скоро явились ревностные миссіонеры христіанства, которые своимъ моральнымъ вліяніемъ не мало поддерживали успѣшное водвореніе нѣмецкаго господства въ земляхъ славянъ язычниковъ. Городская промышленность, уцѣлѣвшая еще отъ временъ римлянъ, при всемъ упадкѣ, все таки доставляла германцамъ матеріальныя средства къ успѣшной борьбѣ съ славянами: оружіе германцевъ необходимо было лучше оружія славянъ.

За два года до основанія русскаго государства сынъ крестьянина Пяста, Земовитъ, избранъ былъ на польскій престолъ. Но въ теченіе цѣлаго столѣтія послѣ воцаренія династіи Пястовъ, польская исторія носитъ все еще болѣе миѳическій, чѣмъ историческій характеръ.

ОСНОВАНІЕ РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

РЮРИКЪ.

(862—879).

Между тѣмъ какъ южные и западные славяне, вслѣдствіе частыхъ сношеній съ греками и нѣмцами, дѣлаются больше и больше извѣстными исторіи, великая восточная равнина, сдѣлавшаяся настоящею отчизною славянскихъ племенъ, является на сцену исторіи только во второй половинѣ IX вѣка.

Много славянскихъ племенъ раскинулось по этой равнинѣ. Однѣ племена поселились въ рѣчной приильменской странѣ. Негостепріимна почва этой страны, земля мало плодородна, не смотря на множество рѣкъ, текущихъ въ озеро; много въ ней лѣсовъ и болотъ. Что же привлекало здѣсь славянина? Озеро Ильмень составляетъ центръ большой рѣчной области, по рѣкамъ удобно спускаться къ озеру, сплавлять произведенія къ какому нибудь центру, обмѣниваться товарами. Уже давно славяне были земледѣльческимъ народомъ, теперь явилась потребность обмѣна сельскихъ произведеній, мѣстныя произведенія уже не удовлетворяютъ потребностей развивающагося народонаселенія. Рѣки служатъ удобными

дорогами для мѣны, къ берегамъ озера Ильменя приливаетъ народонаселеніе. У истоковъ Волхова является большой городъ, Новгородъ, названіе котораго даетъ понять, что здѣсь существовалъ до IX вѣка старый городъ, мало извѣстный въ исторіи.

Вслѣдствіе перехода приильменскихъ славянъ отъ земледѣльческаго быта, при которомъ каждый родъ жилъ особнякомъ, довольствуясь мѣстными произведеніями, къ быту промышленному и торговому, началось болѣе близкое знакомство другъ съ другомъ отдѣльныхъ родовъ приильменскаго славянскаго племени. Новгородъ дѣлается центромъ славянскихъ родовъ, здѣсь между ними происходитъ торговая мѣна; но при возникающихъ сношеніяхъ нѣтъ недостатка въ поводахъ къ ссорамъ и враждѣ. При прежнемъ замкнутородовомъ, чисто земледѣльческомъ бытѣ, мало было потребностей въ произведеніяхъ другаго рода, мѣстныя произведенія удовлетворяли ограниченнымъ потребностямъ рода. Теперь родъ, богатый рыбою, хотѣлъ имѣть мѣха, мѣха отдавались въ обмѣнъ за хлѣбъ и пр.; мѣстныя произведенія должны были не только снабжать родъ, живущій на мѣстѣ, но также доставлять средства для торга, для мѣны. Увеличилось значеніе мѣстныхъ произведеній, усилилось и желаніе владѣть возможно большимъ количествомъ рѣкъ, лѣсовъ, полей. Но всякая запашка чужаго поля, всякая ловля рыбы въ чужой рѣкѣ порождали несогласія. Еще больше поводовъ къ ссорѣ въ городѣ при обмѣнѣ произведеній. Въ Новгородѣ составляются шумныя вѣча, на нихъ споры о правахъ отдѣльныхъ родовъ на владѣніе землями, рѣками, лѣсами, о правахъ на торговлю тѣми или другими произведеніями. Новый бытъ осиливалъ прежній замкнутородовой. Приходилось жить союзомъ родовъ, но какъ устроить этотъ союзъ? И кто возьмется устроить оный? Кто дастъ управу? Выгоды отдѣльныхъ родовъ такъ сильны, что никто не рѣшается пожертвовать ими для общаго блага. Еще мало созрѣла самая

мысль объ общемъ благѣ. Время идетъ, ссоры затягиваются, возрастаютъ, наконецъ родъ возстаетъ на родъ, управы нѣтъ.

Но неужели единоплеменнымъ родамъ истощать свои силы въ кровавыхъ междоусобіяхъ? Если представители родовъ старшины, не могутъ сойтись другъ съ другомъ, если нѣтъ посредника, примирителя сторонъ у себя дома, придется обратиться волей или неволей къ стороннему посредничеству. Недалеко отъ славянъ, за моремъ, живетъ народъ суровый и смѣлый; мирныхъ занятій онъ не любитъ, изъ войны онъ составилъ себѣ промыселъ, заморскіе люди всегда готовы пограбить прибрежныхъ жителей. Не разъ эти люди бывали и у славянъ, не разъ они посѣщали славянскую землю на пути въ богатую Грецію, гдѣ они нанимались въ гвардію императоровъ. Много ихъ ходило чрезъ славянскія земли къ понту эвксинскому, такъ много, что путь ихъ сдѣлался извѣстенъ подъ именемъ Варяжскаго пути. Этотъ путь шолъ изъ Балтійскаго моря, Невою, Ладожскимъ озеромъ, Волховомъ, Ильменемъ, Ловатью къ Днѣпру и морю. Варяги—люди жадные до грабежа, но вмѣстѣ съ тѣмъ они люди бывалые; имъ знакомо много такого, о чемъ славянинъ и не слыхивалъ, они знаютъ и про порядки, какіе ведутся въ чужихъ краяхъ. И храбрость ихъ можетъ быть пригодна славянамъ. Славяне уже начали колонизацію, начали селиться среди финскихъ народцевъ; у славянъ есть уже и города въ финской землѣ: Изборскъ у Чудскаго озера, Бѣлозерскъ у Бѣлоозера и др. Но дикіе финны неохотно даютъ дань, неохотно пускаютъ славянъ въ свои лѣса, къ своимъ рѣкамъ и землямъ. Трудно славянамъ управиться съ финнами, нѣтъ порядочнаго оружія. Сосѣди заморскіе закованы въ желѣзо, мечи ихъ хорошаго закала. Ужь не пригласить ли ихъ въ посредники? Но ихъ посредничество и помощь не безопасны. Эти посредники, пожалуй, наложатъ свою руку и на свободу отдѣльныхъ родовъ; подавъ славянамъ помощь противъ финновъ, они приберутъ къ своимъ рукамъ и мир-

ныя славянскія племена. Рѣшиться не легко, а вражда ростетъ. Своего старшину, князя Гостомысла, плохо слушаютъ, родоначальники—старшины не хотятъ поступиться правами своего рода. Наконецъ рѣшено было призвать заморскихъ сосѣдей въ посредники. Тѣ не заставили ждать себя, они явились и начали по своему хозяйничать въ землѣ славянъ. Тяжело было для славянъ это хозяйничанье; призванные гости явились не столько въ качествѣ мирныхъ посредниковъ между славянскими родами, сколько въ качествѣ властителей. Алчные гости притѣсняли славянъ, — они привыкли жить не трудясь и не всегда умѣли устроить порядокъ и миръ въ славянскихъ родахъ. Увидѣли новгородцы, что призваніемъ варяговъ только накликали бѣду на свою голову. То тамъ, то здѣсь слышатся жалобы на обиды гостей, и вотъ не минуло года, какъ въ Новгородѣ произошло смятеніе. Не нужно намъ больше этихъ посредниковъ, не нужно людей, расхищающихъ наше добро. И гости посредники были изгнаны изъ Новгорода. Но научились ли хоть теперь славяне порядку, найдутъ ли роды управу въ Новгородѣ? Съумѣютъ ли старшины устроить изъ отдѣльныхъ родовъ союзъ—государство? Опять родъ возсталъ на родъ, опять на холмистыхъ берегахъ Новгорода шумныя вѣча. И опять, славяне обращаются къ тѣмъ же норманнамъ или варягамъ; они посылаютъ къ нимъ пословъ съ такою рѣчью: «земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; придите княжить и владѣть нами!» Тогда три брата изъ благороднаго племени руссовъ прибыли въ Новгородъ со всѣмъ своимъ родомъ. Старшій изъ нихъ Рюрикъ сѣлъ княжить въ Новгородѣ, второй Синеусъ на Бѣлоозерѣ, и третій Труворъ въ Изборскѣ. Это произошло въ 862 г. по Р. Х. Такъ началась русская земля.

* *
*

Сдѣлавшись княземъ, Рюрикъ началъ разсылать людей изъ своего рода, по городамъ и областямъ славянъ. И начали посадники князя судить и рядить славянскіе роды; вмѣсто старѣйшинъ—родоначальниковъ, славяне должны были искать суда и расправы у княжескихъ людей.

Однако не всѣмъ варягамъ жилось привольно на Руси. Видѣли они уже золото и паволоки византійскія, пили вина заморскія,—ничего подобнаго не было на Руси. И вотъ нѣкоторые дружинники князя выпросили себѣ позволеніе отправиться на югъ въ богатую Грецію. Аскольдъ и Диръ — таковы были имена этихъ дружинниковъ — отправились издавна вѣдомымъ варяжскимъ путемъ въ Грецію. Плывутъ по Днѣпру лодки дружинниковъ Рюрика, и видятъ они справа на горѣ на берегу Днѣпра городъ. Это былъ Кіевъ—средоточіе среднеднѣпровскихъ славянъ—Полянъ, которые прозвались такимъ именемъ отъ того, что жили на полянахъ, тогда какъ сосѣдніе съ ними Древляне жили въ лѣсахъ. Городокъ Кіевъ тянулся по высотѣ холма, отъ котораго внизъ къ Днѣпру и Почайнѣ, нынѣ высохшему маленькому притоку Днѣпра, извивалось по откосамъ холма путище Боричевъ. Это путище вело съ горы къ пристани, находившейся на Почайнѣ, откуда суда выплывали въ Днѣпръ. Къ сѣверу отъ Кіевой горы находилась другая гора Щекавица, на югѣ еще возвышенность, извѣстная впослѣдствіи подъ именемъ Печерской. Съ запада окружала городъ рѣчка Лыбедь. Нельзя сказать, чтобы и у полянъ не было лѣсовъ; самый Кіевъ стоялъ среди лѣсовъ, покрывавшихъ возвышенія въ городѣ и около города; при всемъ томъ сравнительно со страною древлянъ окрестная кіевская страна была поляною, имѣла довольно полей, необходимыхъ для земледѣльческаго населенія. Лѣвая же сторона Днѣпра уже носитъ на себѣ печать настоящей поляны, переходящей въ небольшомъ разстояніи отъ Кіева въ степь, тянущуюся на огромномъ пространствѣ къ Дону и Черному морю. По этой степи до самаго Кавказа раскинулась хозар-

ская орда, полукочевое государство, состоявшее изъ смѣси разныхъ народовъ: туркменцевъ, гунновъ, евреевъ, равно грековъ, армянъ и частію славянъ. Хозары жили охотою и скотоводствомъ и дикостью своею наводили страхъ на закавказскія области греческой имперіи. Жили они въ домахъ, сдѣланныхъ изъ войлока, или изъ дерева съ небольшой примѣсью глины. Главнымъ городомъ ихъ былъ Итиль при устьяхъ Волги. Хозары, какъ нѣкогда гунны, основали на время сильное государство при Черномъ морѣ и брали дань съ разрозненныхъ славянскихъ племенъ и родовъ. Поляне должны были платить имъ «по бѣлкѣ съ дыма.»

Аскольду и Диру понравился городъ на Днѣпрѣ, и они предложили полянамъ не давать дани хозарамъ, а платить дань имъ, варягамъ. Предложеніе было принято и Аскольдъ съ Диромъ утвердились въ Кіевѣ. Богата земля полянъ сравнительно съ ильменскою страною. Климатъ теплый и здоровый, нѣтъ тѣхъ топей и болотъ, которыя окружаютъ Новгородъ. Хлѣбъ въ изобиліи собирается съ плодородныхъ полей. Солнце привѣтливо смотритъ съ чистаго неба, тогда какъ на сѣверѣ оно большую часть года подернуто тучами. Много рѣкъ и рѣчекъ, катящихъ въ Днѣпръ свои воды, много луговъ для обширныхъ занятій скотоводствомъ. Лѣса доставляютъ медъ, изъ котораго приготовляется любимый напитокъ славянъ, медъ. Степь снабжаетъ городъ хорошими конями. Самый городъ, осѣненный пирамидальными тополями, по богатству растительности, можно назвать садомъ. А по Днѣпру — близко и въ Грецію. Правда, много пороговъ на Днѣпрѣ, но славяне умѣютъ дѣлать плоскодонныя суда, съ которыми не опасенъ путь и чрезъ пороги. Хорошо жить въ Кіевѣ новымъ князьямъ, они успѣли уже отбить хозаръ отъ береговъ Днѣпра, лодки ихъ появлялись и подъ Византіею. Уже не съ предложеніемъ службы императору ходятъ туда руссы, а съ требованіемъ дани: золота и паволокъ. Ростетъ и богатѣетъ Кіевъ, но не долго пришлось Аскольду и Диру покняжить въ немъ.

Умеръ въ Новгородѣ основатель русскаго государства Рюрикъ, раньше его сошли въ могилу его братья. То были давнія времена. Некому было записать что нибудь про перваго князя, еще Русь не знала грамоты и письма, и личность Рюрика въ какомъ-то полумракѣ мерцаетъ подобно звѣздѣ ранняго утра русской исторіи. Мало мы знаемъ о немъ, и тѣмъ не менѣе намъ, пережившимъ тысящелѣтіе нашего государства, дорого и памятно это имя, какъ дорогъ и памятенъ роднымъ первый лучъ сознанія во взглядѣ дитяти. Въ этомъ взглядѣ любящее сердце видитъ залогъ будущаго развитія дитяти. Въ имени перваго князя русской земли положены были начатки нашего государственнаго самосознанія. Рюрикъ явился къ славянамъ какъ будто только для того, чтобы дать новому государству свое родовое названіе Руси; больше пока ему нечего было дѣлать въ государствѣ, которому суждено идти медленнымъ, но тѣмъ не менѣе твердымъ шагомъ къ могуществу и образованію. Для перваго князя довольно было уже одного перваго шага; начало объединенія родовъ и племенъ было положено, — слѣдовало дѣло объединенія остальныхъ племенъ великой равнины.

ОЛЕГЪ.

(879 — 912).

Сынъ Рюрика въ колыбели; ужъ не суждено ли кончиться на Руси власти варяговъ, не поднимутся ли славянскіе старшины и родоначальники противъ его дружинниковъ, противъ

норманнскаго гелейта? Не пришолъ ли конецъ и русскому государству? Не повторится ли попытка въ родѣ Вадимовой, которому самъ Рюрикъ отрубилъ голову за возмущеніе народа? Нѣтъ, сильное племя уже поняло значеніе князя; сынъ князя въ колыбели, но не слышно смутъ. Безъ князя не будетъ покоя, а пока нуженъ правитель, нуженъ опекунъ. Опеку принялъ на себя Олегъ, родственникъ Игоря.

И слышитъ Олегъ недобрую вѣсть. Дружинники Рюрика Аскольдъ и Диръ сдѣлались князьями на Днѣпрѣ въ Кіевѣ. Не выноситъ слухъ храбраго норманна такихъ вѣстей. Не съ тѣмъ онъ принялъ опеку надъ малолѣтнимъ княземъ, чтобы дозволить дружиннику править гдѣ либо у славянъ отъ своего лица. И другіе дружинники отправляются отъ князя по славянскимъ землямъ, славянскимъ родамъ и племенамъ; но всѣ они правятъ родами и племенами подъ высокою рукою князя? Олегъ собирается въ Кіевъ. Среди лѣсовъ плывутъ его лодки по Ловати, дружина его минуетъ Двину и останавливается у верховьевъ Днѣпра. Здѣсь уже былъ городъ, стоящій на горѣ. Славяне—Кривичи видятъ предъ собою varяговъ, но съ ними же вмѣстѣ и ильменскихъ славянъ. Смольняне и новгородцы сходятся, толкуютъ другъ съ другомъ, наконецъ и кривичи рѣшаются признать своимъ княземъ Олега новгородскаго. Но не здѣсь цѣль стремленій Олега: ему нужно добраться до Кіева, наказать невѣрныхъ дружинниковъ князя и занять область полянъ отъ имени малолѣтнаго Игоря, который находится здѣсь же при дружинѣ Олега. Отъ Смоленска Олегъ плыветъ къ Кіеву. Предъ Кіевомъ на лодкахъ происходитъ движеніе; часть дружины умѣстилась подъ палубою судовъ; самъ же Олегъ съ немногими остался на палубѣ. Дали знать Аскольду и Диру, что прибыли изъ за моря гости-единоземцы князей и просятъ ихъ посѣтить судно. Ничего не подозрѣвая идутъ довѣрчивые князья. Они сходятъ на лодку; здѣсь приготовлено имъ угощеніе. Пируютъ князья у гостей варяговъ; но вдругъ

изъ подъ палубы являются одинъ за другимъ воины! Что бы это значило? Вотъ выносятъ маленькое дитя. Смущенные князья поднимаются съ своихъ мѣстъ, но они окружены воинами. Тогда Олегъ открывается князьямъ кіевскимъ, грозно онъ обращается къ нимъ съ упреками въ незаконномъ пріобрѣтеніи власти: «вы не князья и не изъ княжескаго рода, а вотъ вашъ князь», говорилъ Олегъ, указывая на маленькаго Игоря. Воины Олега, уже подготовленные къ этой сценѣ, бросаются на Аскольда и Дира, которые падаютъ мертвыми къ ногамъ Олега. Мрачная вѣсть о смерти князей пронеслась по Кіеву. Олегъ вошолъ въ городъ и началъ въ немъ княжить, сказавъ: «этотъ городъ будетъ матерью городовъ русскихъ!» На мѣстѣ погребенія Аскольда и Дира, которые уже были христіанами, впослѣдствіи построена была Ольгою церковь у сѣверныхъ уступовъ Печерскихъ горъ. Живописное мѣсто обведено нынѣ каменною оградою съ воротами въ древнемъ вкусѣ.

Вокругъ полянъ по Днѣпру и его притокамъ жили многія славянскія племена: Сѣверяне на восточной сторонѣ Днѣпра, къ сѣверу отъ нихъ Радимичи по Деснѣ и Сулѣ, къ сѣверу отъ Полянъ уже упомянутые кривичи; на западъ отъ полянъ жили древляне по Припети и Дреговичи по Березинѣ. Племена восточныя, платившія дань хозарамъ, скоро подчинились кіевскому князю, который былъ грозою хозаровъ. Но не такъ легко было управиться съ племенами, жившими на западъ отъ полянъ, особенно съ древлянами. Подъ защитою своихъ лѣсовъ древляне не были еще покорены никакимъ врагомъ, да и трудно было пробраться въ глушь ихъ лѣсовъ, которые прорѣзаны были многочисленными рѣками, притоками Припети. Хозары, покоривъ полянъ, не посмѣли проникнуть въ лѣса древлянскіе. Олегъ рѣшился покорить древлянъ. И лѣса не спасли дикаго племени отъ сильной руки храбраго норманна съ его дружиною. Олегъ положилъ на древлянъ большую дань. И далеко на западъ прошолъ Олегъ,

былъ у Бужанъ, живущихъ по обѣимъ Бугамъ, и у Хорватовъ у карпатскихъ горъ, и достигъ земли Тиверцевъ, живущихъ по Днѣстру до впаденія его въ Черное море.

Ужь теперь манило его Черное море—широкая дорога въ богатую Византію. Но Олегу нужно собраться съ новыми силами на отважное предпріятіе. По Днѣпру и его притокамъ начались приготовленія къ походу. По лѣсамъ раздается звонъ топоровъ, вѣковыя деревья съ грохотомъ падаютъ, знакомые съ работой плотники устроиваютъ суда и спускаютъ ихъ въ рѣки. Подъ Кіевомъ собралась сильная флотилія легкихъ судовъ. Съ этого времени героическая личность Олега дѣлается полуисторическою, полумиѳическою. Его подвигъ у Царьграда, его возвращеніе и смерть переходятъ въ область саги. Олегъ изъ простаго человѣка дѣлается въ воображеніи народа чародѣемъ, вѣщимъ. Чудный образъ воинственнаго князя превосходно былъ понятъ и обрисованъ нашимъ первымъ поэтомъ въ его «Пѣсни о вѣщемъ Олегѣ.»

ИГОРЬ.

(912 — 945).

Олегъ умеръ въ 912 г. Между тѣмъ выросъ и Игорь. Это былъ князь мрачнаго характера, притомъ корыстолюбивый. Насколько во всѣхъ дѣйствіяхъ Олега проявляется славолюбивая, доблестная душа норманна, на столько въ дѣлахъ Игоря проявилась дикая, алчная до добычи натура тѣхъ же норманновъ. Пока живъ былъ Олегъ, его властительный

духъ держалъ въ покорности славянскія племена, даже такія, какими были древляне. По смерти Олега древляне отказались платить дань князю. Игорь отправился съ войскомъ въ ихъ лѣса и успѣлъ наложить на нихъ еще болѣе тяжкую дань. Молча подчинился народъ своей долѣ и ждалъ времени, когда можно будетъ свергнуть тяжкое иго.

Между тѣмъ на южныхъ окраинахъ Россіи появились новые выходцы изъ Азіи, дикіе, свирѣпые Печенѣги, занявшіе своими шатрами и кибитками, равно какъ и стадами, весь югъ Руси по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. Всю жизнь свою Игорь принужденъ былъ отбиваться отъ этихъ болѣе страшныхъ враговъ, чѣмъ прежніе сосѣди хозары. Осиливъ печенѣговъ, Игорь на старости лѣтъ захотѣлъ подобно Олегу побывать въ Царьградѣ и набрать тамъ золота и паволокъ; но оба похода его были неудачны. Въ первый походъ флотъ его былъ сожжонъ греческимъ огнемъ, а сухопутное войско побито греками на берегу малой Азіи. Возвратясь съ малыми остатками войска, Игорь снова собрался въ походъ, но и на этотъ разъ не дошолъ до Константинополя. Греки выслали къ нему пословъ съ обѣщаніемъ дани. Корыстолюбивый князь началъ совѣтоваться съ дружиною, и дружинники сказали ему: «чего жъ больше желать? безъ войны греки даютъ дань, золото и паволоки. А съ моремъ кто совѣтовался? Не по землѣ ходимъ, а по глубинѣ морской». Игорь послушался дружины и возвратился въ Кіевъ. Прибыли въ Кіевъ и греческіе послы для заключенія мира съ руссами. Руссы повели грековъ на гору, гдѣ стоялъ идолъ бога Перуна; тутъ они сложили щиты, положили на нихъ мечи и другое оружіе и говорили такъ: «будетъ миръ между нами и греками до тѣхъ поръ, пока солнце сіяетъ и міръ стоитъ. И если нарушимъ договоръ съ греками, да не будемъ имѣть помощи отъ бога Перуна, не защитятъ насъ щиты наши, да будемъ посѣчены мечами нашими и будемъ рабами въ сей вѣкъ и будущій.» Христіане руссы ходили присягать въ церковь

св. Иліи, которая уже существовала въ многолюдномъ Кіевѣ.

Не удались Игорю походы на грековъ, и задумалъ князь набрать добычи у своихъ славянскихъ племенъ, добычи, которой не получилъ отъ грековъ. Онъ пошолъ на когда-то непокорныхъ древлянъ и много набралъ у нихъ хлѣба, скота, меда; обозы съ казною отправились къ Кіеву. Но князю все еще было мало. Тогда онъ сказалъ своей дружинѣ: «вы ступайте домой, а я пойду еще похожу.» Выведенные изъ терпѣнія алчностью князя, древляне такъ порѣшили: «повадится волкъ ходить въ стадо, перетаскаетъ всѣхъ овецъ; если не убьемъ его, разоритъ всѣхъ насъ.» Коростенскіе древляне вышли изъ города и убили Игоря съ небольшимъ числомъ его дружинниковъ. (945).

ОЛЬГА.

(945 — 957).

И послѣ Игоря, какъ послѣ Рюрика, остался несовершеннолѣтній князь. И теперь, какъ тогда, правленіе должно было перейти въ руки опекуновъ, родственниковъ князя. Послѣ Игоря осталась вдова—княгиня Ольга. Уже не разъ у славянскихъ племенъ судьба народа находилась въ рукахъ женщины. И Ольга рѣшилась сама править за малолѣтняго князя, своего сына. Но съумѣетъ ли женщина держать въ связи только что скрѣпленныя властью княжескою племена? И суровому Игорю древляне надѣлали много хлопотъ, чтожъ будетъ въ правленіе женщины, уже пожилой княгини? Но

эта женщина была дѣятельная, умная, хитрая Ольга, именемъ и свойствами напоминавшая князя Олега. Впрочемъ война не женское дѣло, и Ольга умѣетъ сдерживать грубыя племена мирными средствами.

Ольга по происхожденію была псковитянка; Игорь узналъ ее на охотѣ, полюбилъ и взялъ за мужъ. И трудно было сдѣлать лучшій выборъ. Ольга, какъ видно, не слишкомъ любила военные подвиги своего мужа и сына. Ей дороже была мирная дѣятельность, имѣвшая цѣлью устройство новаго государства. И она, подобно первымъ князьямъ, не любитъ сидѣть дома въ покоѣ, —ей нужна дѣятельность, но дѣятяльность не столько внѣшняя, сколько внутренняя, не столько военная, сколько мирная. Разъѣзжаетъ Ольга лѣтомъ въ ладьяхъ по рѣкамъ„ зимою въ саняхъ по славянскимъ землямъ и племенамъ и устроиваетъ на Руси порядки. Она уже отмстила жестокимъ древлянамъ за смерть своего мужа, но эта смерть показала ей, что дани собираются произвольно княземъ и его дружинниками. Нужно опредѣлить, кто и сколько долженъ давать князю. Нашъ лѣтописецъ коротко говоритъ объ ольгиномъ строеніи государства: Ольга устроивала уставы, погосты и дани. Для насъ и этихъ словъ довольно, чтобы понять и оцѣнить дѣятельность мудрой правительницы. Правительница должна была знать, сколько земли, лѣсовъ и другихъ угодій принадлежитъ тому или другому роду, семейству, племени. Тогда уже по количеству владѣнія можно было требовать большей или меньшей дани хлѣбомъ, скотомъ, мѣхами, медомъ и пр. Изъ погостовъ, мѣстъ гощенія Ольги, впослѣдствіи образовались города, гдѣ сидѣли княжіе посадники и тіуны, куда собирались княжескіе доходы изъ окрестныхъ мѣстъ. Славяне видѣли, что Ольга доброе дѣло творитъ русской землѣ, и тихо было у славянскихъ племенъ подъ властью Ольги: земля начала устроиваться, началъ вводиться порядокъ. И долгое время народъ указывалъ на ея погосты, мѣста, куда

Ольга пріѣзжала на гощенье, ея перевѣсища или мѣста шатровъ походныхъ Ольги. Во Псковѣ много вѣковъ хранились ея сани.

Столько бдительная о земномъ благосостояніи своего народа, мудрая княгиня не могла не подумать и о духовныхъ нуждахъ его. Въ Кіевѣ живетъ много разноплеменныхъ народовъ, изъ которыхъ каждый по своему служитъ своему Богу. Слыша и видя, какъ народы чтутъ своихъ боговъ, Ольга не могла не остановиться мыслью на религіи своего народа. Естественная религія славянъ, обожаніе предметовъ и явленій видимой природы, народное суевѣріе не могли удовлетворить ея мыслящей души: для Ольги нужна была болѣе духовная религія. Но народъ еще живетъ во мракѣ, трудно склонить его на сторону новаго, болѣе возвышеннаго ученія.

И Ольга не рѣшится дѣйствовать принужденіемъ: ея примѣръ нуженъ прежде всего, ея убѣжденія; она знаетъ свое вліяніе на народъ, но не преувеличиваетъ его. Ея дѣло приготовить умы къ религіи болѣе возвышенной, болѣе духовной. И вотъ мудрая княгиня отправляется въ Константинополь, но не за тѣмъ, что бы узнать новую вѣру; она уже знала ее въ Кіевѣ отъ здѣшнихъ христіанъ, она уже обдумала, какая вѣра лучшая; она ѣдетъ въ Византію принять крещеніе. Патріархъ совершалъ таинство, императоръ Константинъ Багрянородный былъ воспріемникомъ Ольги. Торжество обряда кончилось и Ольга съ своими спутниками, богато одаренная императоромъ, возвращается въ Кіевъ.

Узнавъ сама истину, Ольга старалась склонить и своего сына на сторону новой вѣры, но сынъ, какъ видно, пошолъ не въ мать свою. Можно думать, что Ольга, занятая разъѣздами по обширной своей странѣ, не могла сама заняться воспитаніемъ своего сына; Святославъ возросъ среди воинственной дружины и думалъ только о войнѣ. Религія мира не согласовалась съ его воинственнымъ характеромъ. Тѣмъ

неменѣе сѣмя, посѣянное Ольгою, духовное вліяніе умной княгини на народъ, память о ея мудрости не могли исчезнуть въ народѣ, и рано или поздно примѣръ ея долженъ былъ получить неотразимую силу надъ умами подвластныхъ ей племенъ.

СВЯТОСЛАВЪ.

(957 — 972).

Когда князь Святославъ выросъ и возмужалъ, то началъ собирать дружину и вести войны. Образъ этого воинственнаго князя прекрасно обрисованъ нашимъ первымъ лѣтописцемъ Несторомъ: «собираясь въ походъ, онъ не бралъ съ собою возовъ, ни котловъ, потому что мяса не варилъ, но изрѣзавъ тонкими ломтями конину, или звѣрину, или говядину, пекъ на угольяхъ. Шатра у него не было, а спалъ онъ на конскомъ потникѣ, положивъ сѣдло подъ голову». Когда шолъ въ походъ на враговъ, то посылалъ впереди себя вѣстниковъ съ объявленіемъ: «хочу на васъ идти»!

Одно славянское племя, жившее на сѣверо-востокъ отъ Кіева, по верховьямъ Оки и Дона, все еще платило дань хозарамъ. Святославъ, преемникъ Олега по воинской доблести, рѣшился отбить у хозаровъ и это послѣднее племя. Для этого онъ задумалъ напасть на хозаровъ въ собственныхъ ихъ степяхъ и обложилъ главную ихъ крѣпость на Дону Саркелъ или Бѣлую Вежу. Городъ былъ взятъ и князь гналъ хозаровъ

до кавказскихъ горъ. Во второй походъ Святославъ прошолъ землю волжскихъ болгаръ, спустился по Волгѣ къ столицѣ хозарской Итилю, взялъ ее и нанесъ такой ударъ хозарскому царству, послѣ котораго оно не могло уже оправиться и скоро пало подъ ударами новыхъ азіатскихъ варваровъ — печенѣговъ и половцевъ. Славянское племя Вятичей подчинилось русскому князю.

Но не на востокѣ была цѣль стремленій Святослава. Какъ нѣмцевъ, познакомившихся съ богатою Италіею, особенно привлекала эта плодородная, образованная страна, такъ славянъ привлекала богатая Греція. Уже съ давнихъ поръ славянскія племена познакомились съ плодородными странами придунайскими, много славянъ поселилось въ византійской имперіи, но не устояли онѣ противъ туркменцевъ болгаръ, которые покорили жившія разрозненно по Дунаю славянскія племена. Нѣкоторое время опаснымъ сосѣдомъ болгаръ были авары, занявшіе своими стадами и кибитками нынѣшнюю Венгрію. По соединеннымъ усиліямъ болгарскихъ царей и Карла Великаго, удалось уничтожить аваровъ. Тогда болгарское царство раскинулось почти по всему среднему и нижнему Дунаю. Паннонія или Венгрія, наполненная славянскими племенами принадлежала болгарамъ до пришествія сюда венгровъ, которые снова ограничили болгарское царство землями нижняго Дуная.

Давъ почувствовать силу своего оружія восточнымъ сосѣдямъ своимъ, и освободивъ отъ нихъ славянское племя вятичей, Святославъ рѣшился отправиться теперь на дунайскихъ болгаръ, куда приглашалъ его греческій императоръ Никифоръ, тѣснимый болгарами. Для воинственнаго князя что могло быть пріятнѣе такого предложенія! Заманчивъ былъ югъ съ своими богатствами, много жило тамъ славянскихъ племенъ подъ властью азіатцевъ. Устоять ли имъ въ борьбѣ съ молодымъ европейскимъ народомъ? Хозары смяты воинственнымъ княземъ, земля родичей дунай-

скихъ болгаръ камскихъ болгаръ разорена сильными руссами. Теперв на Дунай ведетъ воиновъ русскій князь. Не смогли болгары стоять противъ Святослава,—столица ихъ Переяславецъ на Дунаѣ завоевана. Святославъ рѣшился остаться у дунайскихъ славянъ, перенести свою столицу изъ Кіева въ Переяславецъ.

* *
*

Но слишкомъ далеко зашла Русь съ своимъ княземъ. Еще рано было молодому государству рѣшаться на такія предпріятія. Много на Руси ближайшихъ враговъ; азіатцы не перестаютъ высылать свои хищныя орды. Сокрушена сила хозаръ, но появились на югѣ еще болѣе хищные печенѣги. Пришли они въ южную Русь еще при Олегѣ, пробились сквозь хозарскія вежи и заняли степи по Днѣпру и Днѣстру. Слыша объ отбытіи русскаго князя въ далекую страну, они сдѣлали попытку овладѣть Кіевомъ. На берегу Днѣпра около Кіева собираются ихъ отряды; быстры ихъ кони, сабли хорошо закалены, стрѣлы ихъ мѣтко попадаютъ въ цѣль. Орда раскинулась подъ Кіевомъ. Смятеніе въ столицѣ Руси; старая Ольга съ дѣтьми Святослава, своими внучатами, заперлась въ Кіевѣ. Нѣтъ войска подъ рукою; большую часть дружины и войска увелъ Святославъ съ собою въ Болгарію; небольшой отрядъ съ Претичемъ стоитъ на другой сторонѣ Днѣпра и не смѣетъ переправиться чрезъ рѣку. Нѣтъ прохода ни въ городъ, ни изъ города. Уже кіевляне начали терпѣть голодъ, близко время, когда утомленные долговременною осадою они вынуждены будутъ сдать столицу врагамъ. А Святославъ далеко, не доходятъ до него вѣсти изъ Руси. Тогда одинъ юноша кіевлянинъ беретъ узду и выходитъ за городъ. Онъ проходитъ чрезъ печенѣжскій станъ, наполненный шатрами, кибитками и разнымъ скотомъ.

Зная языкъ варваровъ, онъ спрашиваетъ встрѣчныхъ, не видали ль коня, который затерялся у него. Пробираясь между шатрами, онъ достигаетъ рѣки, бросается въ нее и плыветъ на другой берегъ. Тутъ только смекнули обманутые печенѣги, что за человѣкъ ходилъ и какого коня искалъ; они пускаютъ въ него стрѣлы, но юноша невредимо достигаетъ берега. Онъ спѣшитъ къ Претичу, начальнику отряда, и передаетъ ему страшныя вѣсти о положеніи кіевлянъ. Кіевъ сдастся, если въ скоромъ времени не подоспѣетъ помощь. Малъ отрядъ Претича, но дѣлать нечего. «Погубитъ насъ Святославъ, если мы не спасемъ Кіева», говоритъ онъ воинамъ. Воины садятся въ лодки и плывутъ по Днѣпру къ Кіеву. Забили въ бубны, затрубили въ трубы, приближается къ городу войско Претича. Мощно веслами разсѣкаютъ волны сильныя руки славянъ, на лодкахъ стоятъ грозные видомъ и вооруженіемъ руссы. На головѣ у нихъ желѣзныя шапки, на боку виситъ большой, широкій мечъ, одна рука придерживаетъ щитъ, висящій на шеѣ и спускающійся до земли, въ другой высокое копье; дико глядятъ глаза ихъ изъ подъ густыхъ бровей, длинные усы окаймляютъ ихъ ротъ. Дрогнули враги въ своемъ станѣ, не ожидавшіе возвращенія Святослава. Печенѣжскій князь недоумѣваетъ, что за войско плыветъ къ Кіеву, онъ проситъ переговоровъ съ вождемъ прибывшей дружины. Претичъ отправляется къ нему и объявляетъ, что онъ пришолъ съ передовою русскою дружиною, но что скоро будетъ и самъ князь къ Кіеву со всѣмъ войскомъ. Страшная вѣсть о возвращеніи русскаго князя напугала печенѣговъ, они рѣшились удалиться отъ Кіева не врагами, а друзьями русскихъ. Въ знакъ дружбы Претичъ обмѣнивается съ печенѣгомъ оружіемъ. Претичъ далъ ему щитъ, мечъ и броню, азіатскій военачальникъ подарилъ Претичу коня, лукъ со стрѣлами и саблю.

* * *

Свободнѣе вздохнули кіевляне послѣ ухода печенѣговъ, спасенная Ольга посылаетъ въ Переяславецъ сказать сыну: «ты, князь, чужой земли ищешь и блюдешь ее, а насъ чуть не взяли печенѣги; если не придешь, не оборонишь насъ, опять возьмутъ. Ужель тебѣ не жалко отчины своей, старой матери и дѣтей малыхъ»? Святославъ при такой вѣсти поднялся изъ Переяславля и скоро прибылъ въ Кіевъ: радъ онъ былъ, увидѣвъ мать свою и дѣтей, которые спаслись почти чудомъ отъ грозы печенѣжской. Князь озаботился спокойствіемъ Кіева, онъ отогналъ печенѣговъ далеко въ степи, и разсчитывая, что довольно пригрозилъ врагамъ, началъ опять думать о Переяславцѣ. «Скучно мнѣ въ Кіевѣ, говорилъ онъ, хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ, тамъ средина земли моей, туда со всѣхъ сторонъ свозятъ богатства: изъ Греціи золото, ткани, вина, плоды, отъ чеховъ и венгровъ идутъ серебро и кони, изъ Руси мѣха, воскъ, медъ и рабы». Ольга говорила ему: «Ты видишь, что я уже больна, куда же ты отъ меня уходишь? Похорони меня, потомъ иди куда хочешь». Чрезъ три дня умерла Ольга и плакалъ по ней Святославъ, внуки и всѣ люди плачемъ великимъ. Ольга не велѣла совершать надъ собою тризны, христіанскій священникъ похоронилъ ее по христіанскому обряду.

* * *

Похоронивъ мать свою, воинственный князь опять собрался на берега Дуная въ свой любимый Переяславецъ. Но во время его отсутствія на югѣ обстоятельства измѣнились. Въ Греціи вмѣсто Никифора сидѣлъ на престолѣ храбрый Іоаннъ Цимисхій. Онъ понялъ, что сосѣдство воинственныхъ руссовъ для него болѣе опасно, чѣмъ сосѣдство ослабленнаго болгарскаго царства. Цимисхій рѣшился дѣйствовать противъ руссовъ въ союзѣ съ болгарами. Когда Святославъ прибылъ

къ Переяславцу, болгары заперли предъ нимъ ворота. Надо было брать городъ приступомъ. Подъ стѣнами города произошла сѣча, болгары одолѣвали. Тогда Святославъ обратился къ своимъ воинамъ съ словами: «видно намъ здѣсь пасть, станемъ крѣпко, братья и дружина»! Къ вечеру Святославъ одолѣлъ враговъ и взялъ Переяславецъ. Болгарія опять была въ рукахъ русскаго князя. Но теперь онъ уже не довольствовался болгарскимъ царствомъ, онъ объявилъ войну коварнымъ грекамъ. Святославъ присоединилъ къ своей дружинѣ болгаръ, венгровъ, печенѣговъ и началъ грабить греческіе города и селенія до самаго Адріанополя Греки собрали 100,000 войска. Страхъ напалъ на руссовъ при видѣ такого множества непріятелей. Святославъ ободрялъ воиновъ: «намъ некуда дѣться, говорилъ онъ, волею или неволею нужно стоять; не посрамимъ же земли русской, ляжемъ костьми,—мертвымъ нѣтъ срама. Иду предъ вами, и если голова моя ляжетъ, тогда промышляйте о себѣ». Дружина отвѣчала: «гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ и свои головы сложимъ»! Святославъ обратилъ въ бѣгство грековъ и направился къ Константинополю.

* *
*

Но скоро счастье начало измѣнять руссамъ. Самъ императоръ, превосходный полководецъ, выступилъ противъ нихъ съ большими силами. Ослабленное въ битвахъ войско Святослава не могло устоять противъ новой греческой силы. Болгары, которымъ суровый Святославъ былъ далеко не по душѣ, искали возможности свергнуть съ себя иго. Печенѣги и венгры разсыпались при каждой опасности и возвращались домой. Вторая половина войны была не такъ удачна для Святослава, хотя и теперь онъ съ малыми силами успѣвалъ подобно льву отбиваться отъ враговъ. Сами греки удивля-

лись мужеству руссовъ. Цимисхій оттѣснилъ Святослава къ столицѣ его Переяславцу и обложилъ городъ. Святославъ съ войскомъ стоялъ въ укрѣпленномъ станѣ на берегу Дуная. Цимисхій не далъ времени Святославу собраться съ новыми силами; онъ взялъ Переяславль, при чемъ въ руки императора попался и болгарскій царь Борисъ, именемъ котораго правилъ Святославъ. Святославъ долженъ былъ теперь спасать Доростолъ (нынѣшнюю Силлистрію), главную крѣпость болгарскаго царства. Туда же направился и Цимисхій. Подъ стѣнами крѣпости произошло рѣшительное сраженіе. Двѣнадцать разъ судьба битвы переходила то на сторону руссовъ, то на сторону грековъ; Цимисхій велѣлъ распустить священное знамя имперіи, былъ всюду, гдѣ угрожала опасность. Наконецъ Святославъ отступилъ въ Доростолъ. Началась упорная двухмѣсячная осада Доростола. На рѣкѣ стоялъ греческій флотъ, на берегу многочисленное войско. Святославъ окопалъ городъ глубокимъ рвомъ и тревожилъ станъ греческій безпрерывными вылазками.

Послѣ невсегда удачной вылазки, руссы неспѣшно возвращались въ городъ, закинувъ за плеча огромные щиты свои. Ночью при свѣтѣ луны они выходили жечь тѣла павшихъ воиновъ, закалывали надъ ними плѣнниковъ, и съ какими-то священными обрядами погружали младенцевъ въ воды Дуная. Но въ городѣ открылся недостатокъ съѣстныхъ запасовъ. Святославъ съ двумя тысячами воиновъ сѣлъ на лодки въ бурную ночь, обошолъ непріятельскій флотъ и собралъ въ деревняхъ запасы пшена и хлѣба; на возвратномъ пути напалъ на непріятелей, рубившихъ дрова и поившихъ лошадей, много воиновъ побилъ и возвратился чрезъ лѣса въ городъ. Положеніе Святослава сдѣлалось отчаяннымъ: голодъ свирѣпствовалъ въ городѣ, нельзя было ни войти въ него, ни выйти. Вождь руссовъ рѣшился съ остаткомъ дружины и войска еще разъ попытать счастья. Онъ вышелъ изъ города съ войскомъ. Произошла послѣдняя рѣшительная битва. Долго

побѣда оставалась сомнительною, наконецъ самая природа ополчилась на Святослава; страшный вѣтеръ поднялся, и дуя прямо въ лицо руссамъ, ослѣплялъ ихъ густыми облаками пыли, такъ что они должны были прекратить битву, оставивъ на мѣстѣ 15,000 труповъ и 20,000 щитовъ. Греки приписали побѣду помощи св. Стратилата, который разъѣзжая предъ войскомъ на бѣломъ конѣ, приводилъ въ смятеніе русскіе полки. Раненый Святославъ, видя малое число своихъ храбрыхъ воиновъ, рѣшился просить мира, по которому обязался очистить Болгарію. По заключеніи мира происходило свиданіе двухъ вождей. Русскій князь выплылъ въ лодкѣ по Дунаю, на берегу стояла свита императора на коняхъ въ богатыхъ доспѣхахъ, сіяющихъ золотомъ. Святославъ и его воины представляли совершенный контрастъ съ воинами императора. Святославъ, по свидѣтельству Льва дьякона, греческаго лѣтописца, имѣлъ на себѣ бѣлую рубашку и самъ правилъ веслами. Онъ былъ средняго роста и довольно строенъ, но мраченъ и дикъ видомъ; имѣлъ грудь широкую, шею толстую, голубые глаза, брови густыя, носъ плоскій, длинные усы, бороду рѣдкую и на головѣ клокъ волосъ въ знакъ благородства; въ ухѣ висѣла золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами и рубиномъ. Императоръ сошолъ съ коня: Святославъ оставался въ лодкѣ. Они поговорили другъ съ другомъ и разстались друзьями.

* * *

Жалко было русскому князю разстаться съ богатою Болгаріей, гдѣ онъ думалъ основать новую столицу русской земли, но счастіе измѣнчиво. Однако Святославъ еще при заключеніи мира съ греками говорилъ своей дружинѣ: «снова найдемъ путь въ Царьградъ»! И греки боялись новаго прихода страшнаго князя. Они послали въ степь къ печенѣгамъ

сказать: «идетъ русскій князь съ большимъ богатствомъ, а дружины у него мало». Святославъ плыветъ въ лодкахъ по Днѣпру. Близко пороги — притонъ хищныхъ печенѣговъ. Опытный воевода Свѣнельдъ совѣтуетъ князю садиться на коней и сухимъ путемъ обойти опасные пороги. Но русскому ли князю бояться печенѣговъ, Святославу ли избѣгать врага? Лодки вступаютъ въ пороги, отъ времени до времени приходится воинамъ тащить ихъ; при недостаткѣ рукъ впрягаютъ коней. Много хлопотъ дружинѣ князя, воины истомлены. Вдругъ засвистали съ берега смертоносныя стрѣлы. Руссы берутъ щиты и закрываются ими. Движеніе судовъ пріостановлено. Приходится отбиваться отъ враговъ. Воины выходятъ на берегъ. Но у алчнаго до добычи народа — у печенѣговъ предъ глазами лодки руссовъ, наполненныя греческими богатствами. Одни изъ нихъ бросаются къ лодкамъ, другіе берутся за сабли, начинается рѣзьня. Ослабленная походомъ и трудомъ въ порогахъ дружина князя изнемогаетъ подъ ударами варваровъ. Самъ Святославъ погибъ въ сѣчѣ у пороговъ. Враги дѣлятъ добычу, но самая драгоцѣнная добыча ихъ — это голова когда-то грознаго для нихъ Святослава. Она досталась на долю печенѣжскаго князя, онъ приказалъ изъ черепа сдѣлать чашу, изъ которой пили во время пировъ (972 г.).

СЫНОВЬЯ СВЯТОСЛАВА.

Не въ одной Россіи, повсюду въ младенческомъ возрастѣ государства понятія о немъ бываютъ крайне незрѣлы. Какъ

отцу семейства при раздѣлѣ имущества трудно обойти въ дѣлежѣ младшихъ сыновей въ пользу одного старшаго, такъ и въ новоосновывающихся государствахъ не можетъ князь оставить ни при чемъ младшихъ сыновей. Святославъ, отправляясь во второй походъ на болгаръ, рѣшаясь пріобрѣсти для себя новыя владѣнія оружіемъ, раздѣлилъ Русь между сыновьями. Старшій Ярополкъ получилъ Кіевъ, второй Олегъ поселился въ древлянской землѣ, младшаго Владиміра новгородцы избрали себѣ въ князья. Такъ чрезъ сто лѣтъ послѣ Рюрика Русь распалась на три части. Конечно это раздѣленіе не имѣло той прочности, какую имѣло напр. раздѣленіе государства франковъ, гдѣ три различныхъ народа желали каждый особой самостоятельной жизни. Здѣсь на Руси былъ одинъ народъ славянскій, стремившійся больше къ единству, чѣмъ къ разъединенію. Тѣмъ не менѣе отъ личныхъ свойствъ князей много зависѣло это объединеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и спокойствіе новаго государства. Но при дикости нравовъ тогдашнихъ князей, что могло ручаться за ихъ родственное согласіе и любовь? Скоро по смерти Святослава началась усобица между его сыновьями. Сынъ Свѣнельда, воеводы Святослава, охотился въ пущахъ древлянскихъ. Князь Олегъ однажды на охотѣ встрѣтился съ Лютомъ и убилъ Свѣнельдова сына, который рѣшился безъ позволенія князя охотиться на чужой землѣ. Старый воевода жаловался Ярополку на его брата и добился того, что Ярополкъ рѣшился наказать брата и вступилъ съ войскомъ въ древлянскую землю. При городѣ Овручѣ встрѣтились войска братьевъ. Олегъ былъ разбитъ и во время бѣгства въ Овручъ, въ давкѣ у городскихъ воротъ, былъ сброшенъ съ моста въ ровъ и раздавленъ множествомъ людей и коней, падавшихъ въ ровъ. Ярополкъ велѣлъ искать брата, и увидѣвъ его мертвымъ, плакалъ отъ горя.

Смерть Олега повела къ новой усобицѣ. Владиміръ новгородскій, узнавъ о смерти брата, рѣшился мстить за эту

смерть Ярополку. Право и обычай кровной мести были тогда сильны не у однихъ славянъ язычниковъ; Владиміръ считалъ долгомъ справить кровавую тризну надъ своимъ братомъ смертью другаго брата. Онъ отправился за море, нанялъ варяговъ и съ ними рѣшился на войну съ Ярополкомъ. На пути къ Кіеву онъ покорилъ остававшееся независимымъ отъ кіевскихъ князей славянское племя Полочанъ на западной Двинѣ, гдѣ княжилъ варягъ Рогвольдъ. Его постигла участь Аскольда и Дира. Полоцкъ—главный городъ княжества былъ взятъ, Рогвольдъ и два сына его умерщвлены, а дочь Рогвольда должна была сдѣлаться женою Владиміра. За тѣмъ Владиміръ чрезъ землю кривичей двинулся къ Кіеву. Ярополкъ заперся въ Кіевѣ; Владиміръ вошолъ въ сношенія съ воеводою Ярополка, который рѣшился измѣнить своему князю. Ярополкъ, по совѣту воеводы своего, оставилъ Кіевъ, который и занятъ былъ Владиміромъ. Потомъ приглашонный Владиміромъ на свиданіе, довѣрчивый князь рѣшился явиться къ нему въ теремъ; но едва онъ вошолъ въ сѣни, какъ два варяга пронзили его мечами. Это было въ 980 году.

Молодой, пылкій князь остался единовластнымъ на Руси. Сынъ воинственнаго Святослава много походилъ характеромъ на своего отца, пока принятіе христіанской вѣры не смягчило его нрава. Первые походы его были на хорватовъ, славянское племя, покоренное еще Олегомъ, но отложившееся отъ Кіева во время пребыванія Святослава въ Переяславцѣ. Владиміръ снова усмирилъ ихъ, взялъ города Перемышль и Червень и изгналъ оттуда ляховъ, пытавшихся утвердиться у славянъ прикарпатскихъ. Потомъ смирены были вятичи и радимичи, тоже не хотѣвшіе платить дани кіевскому князю. Изъ внѣшнихъ войнъ его замѣчательны: походы на литовцевъ, сосѣдей кривскихъ и полоцкихъ славянъ, грабившихъ эти пограничныя земли русскаго княжества. Страна ихъ была полна дремучихъ лѣсовъ и бо-

лотъ. Но не спасли литовцевъ лѣса и болота отъ меча Владиміра, онъ далеко проникъ въ землю ятвяговъ, побилъ много народа и разорилъ страну ятвяжскую. На западъ еще ни одинъ изъ князей не ходилъ такъ далеко, какъ Владиміръ. На востокъ также никто не углублялся такъ далеко въ землю болгаръ.

ХРИСТІАНСТВО У ЗАПАДНЫХЪ И ЮЖНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

Въ то время, какъ восточные славяне начали образовывать у себя государство подъ властью князей варяговъ, у западныхъ и южныхъ славянъ уже были довольно могущественныя государства. Ростиславъ, сынъ перваго моравскаго князя Моймира, современникъ Рюрика и Людовика Нѣмецкаго, успѣлъ создать сильное славянское государство, заключавшее въ себѣ Моравію, Чехію, Силезію и сѣверную Паннонію, южная часть которой принадлежала болгарамъ. Такое соединеніе славянъ было очень опасно для нѣмцевъ, которые уже начали свою колонизацію въ славянскихъ земляхъ. Нѣмцы уже успѣли усвоить себѣ древнюю римскую политику раздѣлять своихъ сосѣдей и такимъ образомъ господствовать надъ ними. Но и сильному моравскому князю въ слѣдствіе этого нужно было искать средствъ для объединенія славянъ. Вѣра нѣмецкая грозила духовнымъ и свѣтскимъ подчиненіемъ нѣмцамъ, врагамъ славянскаго народа. Ростиславъ обратился къ греческому императору Михаилу съ просьбою прислать славянамъ христіанскихъ учителей.

Сближеніе славянскаго міра съ Греціею въ то время обусловливалось не одними отношеніями славянъ къ нѣмцамъ, но также и отношеніемъ папъ къ Византіи. Когда моравскій князь Ростиславъ напрягалъ силы чтобы отстоять свое государство отъ притязаній нѣмцевъ, византійскій императоръ и патріархъ отстаивали свою церковную независимость отъ посягательствъ Рима. На престолѣ римскомъ сидѣлъ въ то время энергическій человѣкъ Николай I, уже успѣвшій на западѣ стать въ отношеніи къ свѣтскимъ государямъ въ положеніе ихъ верховнаго судьи. И на востокѣ онъ готовъ былъ воспользоваться смутами, происшедшими въ Византіи по случаю смѣны патріарха. Игнатій, византійскій патріархъ, человѣкъ высокой нравственности, обличалъ безнравственную жизнь императора и двора. Въ 857 г. Игнатій былъ низложенъ съ престола, а на его мѣсто возведенъ ученый Фотій. Духовенство раздѣлилось на двѣ партіи, одна держалась низложеннаго Игнатія, другая Фотія. Фотій рѣшился покончить смуту вселенскимъ соборомъ, и чтобы дать собору больше силы, вступилъ въ переписку съ папою, прося его участія во вселенскомъ соборѣ. Соборъ состоялся и дѣло Фотія окончилось въ его пользу. Но самаго Николая не было на соборѣ, отъ его лица говорили папскіе послы. Николай остался недоволенъ дѣйствіями собора, созвалъ въ Римѣ свой соборъ и объявилъ Фотія и его приверженцевъ лишонными сана, угрожая имъ проклятіемъ въ случаѣ неповиновенія (858 г.). Такія притязанія папы взволновали всю Грецію, которая видѣла въ Константинополѣ средоточіе христіанской религіи и не хотѣла знать Рима. Фотій на новомъ соборѣ греческихъ епископовъ три раза обвинилъ западную церковь въ ереси и осудилъ папу Николая. Такъ положено было начало раздѣленію церкви (863 г.).

Понятно, что при такихъ отношеніяхъ Византіи къ Риму союзъ славянскихъ народовъ съ Византіею, враждебною папѣ, былъ вполнѣ естественъ. Ростиславъ, старавшійся

отстоять народную самостоятельность славянъ отъ притязаній нѣмцевъ-папистовъ, отправилъ посольство въ Византію съ просьбою прислать учителей вѣры. Михаилъ прислалъ въ Моравію двухъ братьевъ Кирилла и Меѳодія. Они были уроженцами Солуня или Ѳессалоникъ. Старшій изъ нихъ Меѳодій сначала служилъ въ военной службѣ, потомъ былъ гражданскимъ начальникомъ области и наконецъ постригся въ монахи на горѣ Олимпѣ. Младшій Константинъ, въ монашествѣ Кириллъ, получилъ воспитаніе при дворѣ императорскомъ и былъ сверстникомъ царя Михаила. Не смотря однако на придворное свѣтское воспитаніе, не смотря на отличныя свѣденія въ словесныхъ, философскихъ и математическихъ наукахъ, онъ вступилъ въ духовное званіе и поступилъ библіотекаремъ въ Софійскій соборъ. Нѣкоторое время и онъ, подобно брату, велъ отшельническую жизнь. Но дѣятельная натура братьевъ не долго мирилась съ спокойствіемъ созерцательной жизни. Въ сосѣдствѣ съ Греціею жило много славянъ, болгаръ, хозаръ, еще не просвѣщенныхъ христіанствомъ. Братья рѣшились проповѣдовать язычникамъ евангеліе. Меѳодій отправился къ болгарамъ, Кириллъ въ дикую орду хозарскую на сѣверныхъ берегахъ Черваго моря. И хотя проповѣдь ихъ сопровождалась значительными успѣхами,—такъ Кириллъ обратилъ въ христіанство цѣлую орду хозаръ, обитавшихъ въ нынѣшнемъ Крыму, — но проповѣдники видѣли, что дѣлу ихъ недостаетъ твердой почвы. Изустная проповѣдь скоро сглаживается изъ ума и сердца; язычникамъ нужны книги, нужно богослуженіе на родномъ языкѣ. И вотъ братья принимаются за основательное изученіе языка славянъ, которыми переполнены были земли Византіи, равно какъ и пограничныя съ Византіею страны; много трудились братья надъ этимъ дѣломъ. Въ такое-то время и прибыли въ Константинополь послы моравскаго князя Ростислава съ такою просьбой: «земля наша крещена, а нѣтъ у насъ учителя, который бы на-

ставилъ насъ и протолковалъ намъ святыя книги; мы не понимаемъ ни погречески, ни полатыни, одни учатъ насъ такъ, другіе иначе, и мы не можемъ взять въ толкъ того, что написано въ книгахъ. Пошлите же къ намъ учителя, который бы объяснилъ намъ смыслъ всякаго книжнаго слова». Кириллъ и Меѳодій отправились въ Моравію по предложенію императора. Здѣсь оба брата трудились четыре года съ половиною надъ обращеніемъ язычниковъ. Кириллъ изобрѣлъ для новообращенныхъ особенную азбуку, годную для всѣхъ славянъ, которою и воспользовался для перевода библіи и греческихъ богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ (863 г.). Рады были славяне, слыша богослуженіе на своемъ языкѣ.

Если св. Бонифацію справедливо принадлежитъ названіе апостола Германіи, то еще съ большею истиною принадлежитъ названіе апостоловъ и благодѣтелей человѣчества просвѣтителямъ славянъ, потому что они провели почти всю жизнь между варварами, стараясь ознакомить ихъ не съ обрядами, а съ истиннымъ ученіемъ вѣры, стараясь проповѣдывать имъ и дать богослуженіе на ихъ родномъ языкѣ. И не съ одними язычниками, не желавшими отказаться отъ старыхъ боговъ, приходилось бороться просвѣтителямъ славянъ, но также съ кознями нѣмецкаго духовенства. По жалобамъ сего послѣдняго, они должны были отправиться въ Римъ на судъ папы Николая, преемникъ котораго однако оправдалъ ихъ. Въ Римѣ скончался Константинъ, обремененный трудами, на 42-мъ году жизни (869 г.). Меѳодій же былъ поставленъ епископомъ Панноніи, принадлежавшей тогда моравскому князю. По новому доносу нѣмецкаго архіепископа онъ пробылъ два года съ половиною въ тюрьмѣ. Снова оправданный и возведенный въ санъ моравскаго архіепископа, онъ долженъ былъ вести борьбу съ папскими миссіонерами, которые вмѣсто благовѣстія мира только разжигали споры о первенствѣ папы.

Во время этихъ споровъ, только учитель славянъ доказалъ, что онъ трудился для вѣры и по убѣжденію. До конца жизни онъ защищалъ употребленіе славянскаго языка при богослуженіи моравовъ противъ папскаго запрещенія служить на народномъ языкѣ. Онъ умеръ въ 885 г. чрезъ шестнадцать лѣтъ послѣ своего брата и церковь причислила братьевъ — славянскихъ первоучителей къ лику святыхъ.

* *
*

Въ Болгаріи, занимавшей въ то время обширное пространство по среднему и нижнему Дунаю, проповѣдь Меѳодія оставила такіе прочные слѣды, что впослѣдствіи, не смотря на всѣ усилія папскихъ миссіонеровъ отклонить болгарскихъ славянъ отъ Греціи, Болгарія осталась православною. Сначала болгарскій царь Богорисъ, обращеніемъ къ христіанству и крещеніемъ отъ руки Меѳодія (861 г.) возбудилъ противъ себя вражду большинства болгаръ, которые сознавали, что съ принятіемъ новой вѣры имъ нельзя будетъ по прежнему заниматься грабежомъ. Богорисъ, не видя отъ греческаго расточительнаго императора Михаила поддержки въ своей ревности къ христіанской вѣрѣ, не имѣя возможности получить изъ Византіи церковной утвари, священныхъ одеждъ, обратился за ними къ папѣ, хотя греческое духовенство уже утвердилось въ его странѣ. Папскіе миссіонеры прибыли въ Болгарію и стали проповѣдывать противъ греческаго ученія столь же ревностно, какъ и противъ язычества. Но когда богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ проникли въ Болгарію, дѣло папскихъ миссіонеровъ пришло къ концу; славяне рады были слышать богослуженіе на родномъ языкѣ, и византійскіе патріархи, не мѣшавшіе богослуженію и проповѣди на родномъ языкѣ, скоро получили перевѣсъ надъ папскимъ вліяніемъ въ Болгаріи. Болгарія осталась навсегда православною.

При Симеонѣ (883—927), второмъ преемникѣ Богориса, Болгарія была въ большой силѣ. Если при немъ и утрачена была венграмъ сѣверная Паннонія, за то Симеонъ соединилъ на время съ Болгаріею Сербію, куда уже проникло христіанство изъ Греціи и Болгаріи, и опустошилъ Грецію до самаго Константинополя за союзъ императора съ венграми и печенѣгами. При преемникѣ его Петрѣ (927—969) греки пригласили русскаго князя Святослава на помощь въ войнѣ съ болгарами. Послѣ отбытія Святослава изъ Болгаріи, византійскому императору Цимисхію удалось на время присоединить Болгарію къ Византійской имперіи. Но Болгары скоро опять возстановили свою независимость.

* * *

Не столько счастлива была національная церковь въ Чехіи и Моравіи, а сосѣди ихъ прибалтійскіе славяне не имѣли счастія и видѣть такую церковь на своей почвѣ. Въ княженіе моравскаго и чешскаго князя Святополка, племянника Ростислава, въ послѣднее десятилѣтіе девятаго вѣка, на границѣ западнославянскаго міра явились венгры. Греки и нѣмцы, которымъ равно были грозны, первымъ болгары, вторымъ моравскіе славяне, приглашали венгровъ къ нападенію на славянъ. Арнульфъ Каринтійскій, король германскій, призвалъ венгровъ въ Паннонію для взаимной борьбы противъ моравскихъ славянъ. Венгры оттѣснили болгаръ къ югу, моравовъ къ сѣверу, и по смерти Святополка, умершаго въ 894 году, заняли Паннонію, которая съ этихъ поръ получила названіе Венгріи. Моравское царство пришло къ концу; чехи отдѣлились отъ моравовъ и составили особое государство, котораго князья, сыновья Буривоя (одного изъ Пржемысловичей), были вассалами нѣмецкихъ императоровъ. Но нѣмцы понимали, что сокрушить славянъ можно неиначе, какъ лишивъ ихъ національной церкви и богослуженія на

родномъ языкѣ. Венгры, отдѣливъ западныхъ славянъ отъ южныхъ и отъ Византіи, тѣмъ самымъ нанесли сильный ударъ и греческой вѣрѣ. Христіанство и просвѣщеніе въ западныя славянскія земли пошли теперь изъ Германіи и вытѣсняли восточное исповѣданіе.

Послѣ паденія моравскаго государства, является сильное государство у чеховъ. Чешскій князь Буривой (ум. 910 г.), принялъ христіанство отъ св. Меѳодія 875 г. чрезъ посланныхъ имъ священниковъ; отъ своихъ славянскихъ проповѣдниковъ чехи просвѣщены были христіанскою вѣрою. Но уже святой Вячеславъ, внукъ Боривоя, обязался платить Генриху Птицелову 500 гривенъ серебра и 120 воловъ ежегодно, а Болеславъ I, послѣ борьбы съ Оттономъ Великимъ, долженъ былъ подчиниться ему, принять герцогскій титулъ и признать духовную власть регенсбургскаго епископа. При Болеславѣ II Благочестивомъ, которому принадлежала и Моравія съ сѣверною Венгріею, Чехія на столько усилилась въ западно славянскомъ мірѣ, насколько ослабѣла въ своей національной вѣрѣ. Въ 973 г. основано было пражское архіепископство, епископомъ сдѣлался нѣмецъ и папистъ Дитмаръ, а преемникомъ его Войтехъ или Адальбертъ. При этомъ ревностномъ епископѣ католицизмъ началъ явно осиливать греческое ученіе. Съ смертью Болеслава II кончилось и политическое могущество чеховъ (999 г.). Тяжелѣе всего для чеховъ была потеря религіозной самобытности; и королевская корона, впослѣдствіи полученная богемскимъ княземъ отъ нѣмецкаго императора, не вознаградила потери національной церкви.

* *
*

Третье славянское государство на западѣ, Польское, начало возвышаться одновременно съ упадкомъ Чехіи. И въ Польшу проникло вліяніе восточнаго христіанства изъ Чехіи, пока

оно было здѣсь сильно. Мечиславъ I въ 961 году женился на дочери Болеслава I Чешскаго и принялъ было христіанскую греческую вѣру. Но по смерти первой жены онъ женился на нѣмкѣ, и Польша причислена была къ нѣмецкой магдебургской епархіи, а князь ея сдѣлался вассаломъ нѣмецкаго императора съ званіемъ герцога. Преемникъ Мечислава Болеславъ храбрый (992—1025) получилъ отъ императора королевскій титулъ и распространялъ предѣлы Польши на сѣверъ и югъ. Онъ успѣлъ было присоединить къ Польшѣ Богемію и Моравію, а на сѣверѣ утвердиться въ Помераніи и Пруссіи — въ земляхъ прибалтійскихъ славянъ. Но для нѣмцевъ такое соединеніе славянъ было крайне невыгодно. Они начали поднимать противъ Польши потомковъ чешскаго княжескаго дома и успѣли доставить чешскій престолъ одному Пржемысловичу Ольдриху. При Болеславѣ прибылъ въ Польшу изъ Чехіи Адальбертъ или Войтехъ и дѣйствовалъ въ Польшѣ какъ и въ Чехіи въ пользу папы. Онъ отправился на сѣверъ къ Пруссамъ и тамъ погибъ, папа причислилъ его къ лику святыхъ, а Оттонъ III основалъ на гробѣ его гнѣзненское архіепископство. И Польша, подобно Чехіи, осталась безъ національной церкви. Она была въ двойной зависимости отъ запада чрезъ папу и чрезъ императора. Спустя полвѣка послѣ Болеслава папа Григорій VII лишилъ Болеслава II Смѣлаго престола.

* * *

Наконецъ сѣверные или поморскіе славяне, (Венеды), начавшіе борьбу съ нѣмцами еще при Карлѣ Великомъ, отбивались довольно удачно и отъ притязаній нѣмецкихъ королей саксонской династіи, пока къ врагамъ ихъ народности не присоединились ихъ братья поляки. Мечиславъ I и Болеславъ Храбрый дѣйствуютъ въ союзѣ съ Оттонами противъ венедовъ. По слѣдамъ королей идутъ къ нимъ нѣ-

мецкіе епископы и основываютъ епископства: гавельбергское, ольденбургское, бранденбургское, мейсенское, магдебургское, бреславльское и кольбергское. За епископами и вмѣстѣ съ ними явились къ славянамъ и нѣмецкіе графы съ многочисленными колонистами и основали нѣмецкіе графства и маркграфства: Мейсенъ, Бранденбургъ, Сѣверносакское. Впрочемъ венеды и сосѣди ихъ пруссы долго отстаивали свою національность и языческую религію отъ нѣмцевъ и поляковъ. Смерть Адальберта отсрочила на долго обращеніе пруссовъ въ христіанство, равно какъ и силу нѣмецкаго элемента въ странѣ нижне-вислянской.

ПРОСВѢЩЕНІЕ РУСИ ХРИСТІАНСТВОМЪ.

ВЛАДИМІРЪ.

(880—1015).

Въ противоположность нѣмцамъ, которыхъ язычество, какъ мы уже видѣли изъ миѳологіи скандинавовъ, проникнуто воинственнымъ характеромъ, языческая религія славянъ вообще и русская въ особенности проникнуты мирнымъ характеромъ, совершенно соотвѣтствующимъ мирной, земледѣльческой жизни славянъ. Были конечно исключенія, но онѣ образовались подъ вліяніемъ сосѣдства и особенно сосѣдства съ нѣмцами. Такъ воинственнымъ духомъ проникнуто язычество поморскихъ славянъ; въ святилищѣ поморскихъ славянъ въ Арконѣ Святовитъ былъ богомъ войны. Вообще же у славянъ язычество было главнымъ образомъ олицетвореніемъ или и просто обоготвореніемъ силъ и явленій природы.

Языческая религія русскихъ славянъ выработалась совершенно подъ вліяніемъ окружавшей ихъ природы. Въ странѣ славянъ мы видимъ множество рѣкъ и лѣсовъ. Подъ вліяніемъ жизни среди лѣсовъ, озеръ и рѣкъ и получило начало поклоненіе божествамъ воды и лѣсовъ. Славяне вѣрили въ

лѣснаго царя или бога, равно какъ въ водянаго, бога воды— вѣрованія отчасти сохранившіяся и до настоящаго времени, хотя утратившія свой первоначальный характеръ. Тамъ, гдѣ было много степей, гдѣ славянину приходилось много терпѣть отъ вихрей и мятелей, явился богъ вѣтровъ Стрибогъ. Въ мѣстахъ, гдѣ народъ занимался не столько земледѣліемъ, сколько скотоводствомъ, главнымъ божествомъ былъ скотій богъ—Волосъ или Велесъ. Гроза, страшное явленіе природы, но вмѣстѣ и благодѣтельное, такъ какъ приноситъ дождь въ знойное лѣто , заставила славянина предполагать въ ней божество, управляющее громомъ и молніею, явился Перунъ богъ грома и молніи. Наконецъ солнце, живящее нивы, оплодотворенныя дождемъ, дающее жизнь пажитямъ и лугамъ славянина, должно было получить у славянъ значеніе главнаго и самаго почитаемаго божества: Дажьбогъ и Сварогъ— названія бога солнца.

Кромѣ этихъ стихійныхъ божествъ, у славянъ были еще божества рода и семьи. Важное значеніе родоначальника, дѣда, старшины, переходило съ нимъ и за гробовую доску. Славяне вѣрили въ жизнь загробную, и смерть не совершенно разлучала живыхъ съ умершими. Дѣдъ дома, *дѣдушка домовой*, изъ могилы посѣщаетъ домъ, въ которомъ жилъ. Чуръ или Щуръ (откуда. еще и нынѣ употребительное пращуръ) названіе домашняго бога. Онъ смотритъ за домомъ, за хозяйствомъ, за скотомъ, являясь невидимо въ своемъ домѣ, по ночамъ же многимъ удается его видѣть. Онъ желаетъ, чтобы его помнили или поминали въ семьѣ и родѣ, чтобы къ нему ходили на могилу и приносили ему дары или жертвы. Если чѣмъ нибудь прогнѣваютъ Чура его родные, онъ изъ добраго дѣлается злымъ, и тогда горе дому; хозяйство не спорится, домашній скотъ, лошади, коровы чахнутъ отъ его тяжолой руки; онъ можетъ даже насылать на домъ болѣзни.

Съ почитаніемъ Солнца и Чура или Дѣда (души предковъ)

соединена была большая часть праздниковъ, обычаевъ и обрядовъ языческой Руси. Въ честь Дажьбога совершались праздники зимніе, весенніе, лѣтніе. Когда солнце начинаетъ брать перевѣсъ надъ тьмою, при поворотѣ зимы на лѣто, былъ обычай славить божество; крестьяне со сномъ ходили по домамъ и собирали приношенія для общей жертвы. Обычай колядованья, утративъ свой первоначальный смыслъ, сохранился однако до настоящаго времени. Коляда— названіе бога солнца. Весенній праздникъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ Красной горки. Собирались весною на горку, какъ на болѣе сухое мѣсто и сожигали здѣсь чучелу марены или зимы, которую изображали въ видѣ женщины. Этимъ обрядомъ провожали уходящую зиму. Лѣтній праздникъ извѣстенъ подъ именемъ Купала. Когда солнце пріобрѣтаетъ наибольшую силу, оно производитъ чудное дѣйствіе на растенія, на воду; почему на праздникъ Купала славяне купались по ночамъ, искали цѣлебныхъ, чудодѣйственныхъ травъ, разводили огонь и плясали вокругъ него съ пѣніемъ хороводныхъ пѣсенъ, въ которыхъ прославляли солнце (Ладо, Лель, Люли). И ныньче еще по мнѣнію простолюдиновъ ночь Купалы исполнена чародѣйныхъ явленій: деревья переходятъ съ мѣста на мѣсто и шумомъ вѣтвей разговариваютъ между собою; кто найдетъ траву папоротникъ, тотъ можетъ понимать языкъ всякаго творенія.

Въ связи съ праздникомъ солнцу были праздники и въ честь умершихъ. Въ первый праздникъ новорожденнаго солнца, въ Коляду, мертвые вставали изъ гробовъ, но послѣ продолжительнаго сна, были страшны и пугали живыхъ, хотя зла имъ не дѣлали. Святочныя игры, обычай рядиться въ вывороченныя шубы и представлять изъ себя дѣда отсюда ведутъ свое начало. Послѣ масляницы, недѣли поминовенія усопшихъ, которую встрѣчали блинами, поминовеннымъ кушаньемъ, усопшіе дѣлались уже не такъ страшны. Русалки или души остальныхъ родичей, преимущественно женщинъ, весною

выходятъ изъ воды и живутъ въ лѣсахъ на деревьяхъ, наслаждаясь пріятною для нихъ солнечною теплотою, послѣ продолжительнаго житья въ холодной землѣ или водѣ. Но только недѣлю (русальную недѣлю) суждено имъ погрѣться на солнцѣ, послѣ онѣ падали съ деревьевъ; у славянъ былъ праздникъ — провожанье русалокъ въ могилы, сопровождаемый разными игрищами.

* *
*

Сравнивая языческую религію славянъ съ язычествомъ другихъ уже извѣстныхъ намъ народовъ, можно видѣть, что она находилась на первой, низшей степени своего развитія. Не говоря уже о томъ, что она не успѣла создать такихъ прекрасныхъ образовъ, какіе находимъ напр. у грековъ и римлянъ, гдѣ въ божествахъ мы видимъ олицетвореніе высшихъ духовныхъ силъ и стремленій человѣка: мудрости (Минерва), искусства (Музы) нравственной чистоты (Веста), — славяне не успѣли олицетворить сколько нибудь изящно свои стихійныя божества. Всѣ они являются намъ или совсѣмъ безъ образа или же безобразными. Далѣе, какъ только религія начинаетъ развиваться, являются особенныя священныя мѣста для общественнаго богослуженія, являются лица, которыхъ назначеніе совершать богослуженіе. У русскихъ славянъ до храмовъ дѣло не дошло; были капища, навѣсы, шатры, подъ которыми стояли идолы, но до настоящихъ языческихъ храмовъ славяне не дожили, — какъ видно, въ нихъ не было особенной нужды. Равнымъ образомъ не было и особеннаго жреческаго сословія, языческой іерархіи. Жертвы богамъ приносили князь, родоначальникъ, глава дома, семейства; лицъ, которыхъ обязанность состояла въ служеніи богамъ, въ устроеніи религіи, у славянъ не было. Все это показываетъ, что религія ихъ была дѣломъ, не столько общественнымъ, сколько частнымъ, домашнимъ; до значенія

общественнаго, когда ей понадобились бы особенныя мѣста богослуженія, особенныя лица къ тому призванныя, язычество славянъ не доросло.

За то тѣмъ легче христіанство могло проникнуть въ среду народа и получить значеніе общественной государственной религіи. Не озлобляя народа, который при существованіи храмовъ, конечно, рѣшился бы защищать созданныя имъ святилища, не раздражая жрецовъ, которые конечно постояли бы за своихъ боговъ, за выгоды отъ старой вѣры, христіанству не трудно было привиться къ народу. Новые храмы не отбивали народа отъ старыхъ, священники не являлись на смѣну жрецовъ, и устройство религіи государственной не встрѣтило большаго сопротивленія со стороны народа. Но если новая религія легко сдѣлалась государственною, если для построенія церквей, для устройства іерархіи не было препятствій, за то не легко было новой религіи проникнуть въ сердца народа, измѣнить его грубые нравы, обычаи, нравственно просвѣтить народъ, коснѣвшій въ невѣжествѣ. Въ этомъ и состояла задача новой религіи.

* *
*

Въ первые годы своего княженія, молодой, воинственный князь Владиміръ шолъ по слѣдамъ своего отца Святослава. Походы на непокоренныя еще славянскія племена, походы на ближнихъ и дальнихъ сосѣдей, въ богатую Камскую Болгарію, на бѣдныхъ, хищныхъ Литовцевъ, живущихъ въ дремучихъ лѣсахъ, на Ляховъ, которые уже начали оспоривать у Руси власть надъ хорватами, прикарпатскимъ племенемъ, — походы главнымъ образомъ занимали Владиміра. Но въ то же время князь думалъ и о строеніи земли. Язычество славянъ, религія болѣе домашняя, чѣмъ общественная, мало пригодно было для государственныхъ цѣлей. Нужно сдѣлать

изъ нея всенародное дѣло. И вотъ князь начинаетъ ставитв идоловъ, заводить капища и требища, самъ является верховнымъ жрецомъ и совершаетъ требы. Но этого мало, обыкновенныхъ жертвъ для всенароднаго обряда мало, для большаго праздника нужна большая жертва, нужно что нибудь поторжественнѣе. Послѣ удачнаго похода на литовское племя Ятвяговъ, Владиміръ приноситъ жертву кумирамъ. Сочувствуя ревности князя къ богамъ, старцы и бояре дѣлаютъ такое предложеніе: «нужно кинуть жребій на отрока или дѣвицу; на кого падетъ, того и принесемъ въ жертву богамъ». Вотъ какое торжество приготовляется въ Кіевѣ! Народъ не прочь отъ такой жертвы. Бросаютъ жребій, жребій падаетъ на голову одного варяга, который былъ уже христіаниномъ. Къ варягу отправлены послы съ требованіемъ сына въ жертву богамъ. Но варягъ не думаетъ отдавать своего сына на бѣсовскую жертву. Онъ говоритъ: «у васъ не боги, а дерево; сегодня есть они, а завтра сгніютъ, сдѣланы руками человѣческими. Богъ же одинъ, которому служатъ и кланяются греки. Не дамъ бѣсамъ сына моего»! Посланные возвращаются съ отвѣтомъ варяга. Тогда въ народѣ поднимается буря; съ воплемъ устремилась толпа язычниковъ къ дому варяга. Съ оружіемъ въ рукахъ принимается народъ ломать заборъ кругомъ дома. Варягъ стоитъ на сѣняхъ съ сыномъ. «Подай сына своего богамъ»!—«Если они боги, то пусть пришлютъ кого нибудь изъ своихъ боговъ за моимъ сыномъ, а вы о чемъ хлопочете»? говоритъ варягъ. Яростная толпа бросается къ сѣнямъ; раздаются удары топоровъ, столбы сѣней трясутся, наконецъ рушится и самое зданіе. Толпа бросается на варяга и его сына. Жертва богамъ принесена! Но не такой жертвы хотѣлось Владиміру. Насильственная жертва не есть жертва усердія. Правда, варягъ убитъ, но смерть его плохо поддержала старую вѣру. Толпа разошлась въ недоумѣніи. А рѣчь варяга: что сдѣлали ваши боги? сегодня есть, а завтра сгніютъ: не могъ

не задуматься умный князь надъ такою рѣчью, неудача не могла не охладить его ревности къ своимъ богамъ.

* *
*

Много разныхъ народовъ собирается въ Кіевѣ и по торговымъ дѣламъ и по дѣламъ княжескимъ. Здѣсь есть богатые купцы изъ магометанской Болгаріи, и послы отъ хазарскаго хана, еврея по вѣрѣ, здѣть есть и греки, и нѣмцы христіане. Многіе изъ иностранцевъ основали въ Кіевѣ мѣсто своего жительства; такъ еще при Ольгѣ Подолъ былъ занятъ хозарскими селеніями. Славному князю не разъ приходится видѣть въ своемъ теремѣ представителей разныхъ вѣръ и націй. Между ними есть и такіе люди, которые прибыли съ чисто миссіонерскою цѣлью. Своя языческая вѣра мало питаетъ умъ и душу, и князь толкуетъ съ иноземцами о вѣрѣ. Бесѣдуетъ онъ съ евреями, но мысль о томъ, что евреи за грѣхи разсѣяны Богомъ, что нѣтъ у нихъ своего царства, крѣпко залегаетъ въ душу князя. Какъ государю Владиміру принять вѣру народа, отверженнаго Богомъ, народа, не имѣющаго государства? Хорошъ и магометовъ законъ, много въ немъ по душѣ чувственному князю, но трудно понять, отчего у магометанъ многоженство напр. дозволено, а вино запрещено закономъ? Многіе обряды также не по душѣ Владиміру. Греки хорошо говорятъ о своей вѣрѣ, и кто былъ у грековъ, всѣ отзываются о греческой вѣрѣ такъ, что лучше ея нѣтъ на свѣтѣ. Владиміръ созываетъ бояръ и старцевъ: прежде чѣмъ рѣшиться на дѣло, князь хочетъ посовѣтоваться съ разумными людьми изъ своего народа. Бояре отвѣчали: «если бы греческая вѣра не была лучше другихъ вѣръ, не приняла бы ея твоя бабка Ольга, а она была мудрѣйшая изъ людей»! Доказательство сильное по тому времени. Владиміръ рѣшается. Но какъ разстаться съ своей вѣрой и принять чуждую, какъ просить вѣры у

грековъ? Это будетъ униженіемъ для Владиміра. Князь рѣшается войною пріобрѣсти вѣру мира; онъ идетъ въ Тавриду на грековъ.

Корсунь въ осадѣ; но крѣпки стѣны города. Владиміръ окружилъ городъ рвомъ, отрѣзалъ воду отъ города, Греки, прокопали подземные ходы и ими доставали себѣ воду. Однако Владиміръ узналъ, откуда греки берутъ воду и перекопалъ водопроводъ. Тогда корсунцы рѣшили сдать городъ. Владиміръ велѣлъ сказать грекамъ, чтобы Василій и Константинъ, цари греческіе, отдали за него замужъ свою сестру Анну, иначе онъ пойдетъ войною на Царьградъ. Страшны грекамъ руссы: отказать опасно, но жаль и сестры. Цари отвѣчали, что сестра ихъ не можетъ быть женою язычника. Владиміръ говорилъ, что онъ готовъ принять греческую вѣру и только ждетъ царевны и священниковъ. Царевна однако долго не соглашалась идти за страшнаго русскаго князя: «лучше бы мнѣ умереть»! говорила она. Братья уговорили ее принести жертву отечеству и вѣрѣ христіанской. Тогда прибыли въ Корсунь греческіе священники съ царевною. Владиміръ въ это время разболѣлся глазами; священники совѣтовали ему поскорѣе принять крещеніе. Когда епископъ корсунскій во время крещенія возложилъ руки на Владиміра, князь вдругъ прозрѣлъ и въ радости сказалъ: «теперь я увидѣлъ истиннаго Бога»! За тѣмъ послѣдовало бракосочетаніе Владиміра съ Анною.

* * *

Высоко надъ Днѣпромъ раскинулся главный городъ Руси, которому суждено было сдѣлаться Римомъ восточной Европы. На одномъ изъ возвышеній города видны теремъ славнаго князя Владиміра и истуканъ главнаго бога Перуна. Этотъ богъ изъ дерева, голова у него серебряная, усы золотые. Грозенъ видъ страшнаго бога, страшны громъ и молнія,

которыми поражаетъ онъ въ гнѣвѣ. Въ облакахъ его сила, онъ живетъ въ грозѣ и буряхъ. Но царству его долженъ былъ настать конецъ, такъ какъ царство его временно. Наступало царство вѣчнаго, всемогущаго Бога христіанскаго. Владиміръ возвращается изъ Тавриды въ Кіевъ и повелѣваетъ разрушать капища и кумировъ. И Перуна повалили на землю, опутали веревками и поволокли топить въ Днѣпрѣ. Тогда проснулось въ славянинѣ послѣднее чувство сожалѣнія о своемъ погибающемъ богѣ. Когда идола бросили въ Днѣпръ, многіе кіевляне провожали его изъ города съ плачемъ и воплями: «выдыбай (выплывай) боже»! Идолъ плыветъ внизъ по теченію, деревянный истуканъ его прибиваетъ волною къ берегамъ. Народъ ожидаетъ, что сильный Перунъ наконецъ выйдетъ на берегъ и покажетъ свое могущество. Но нѣтъ, не можетъ онъ побороть воиновъ, приставленныхъ проводить его до пороговъ. Когда онъ приближается къ берегу, на него устремляются багры и копья воиновъ и не даютъ ему причалить къ берегу. Народъ пожалѣлъ бога своего и началъ возвращаться въ Кіевъ, видя, что Перуну ужь больше не царить на Руси. Воины же проводили идола до пороговъ, вытащили его изъ воды и изрубили въ куски. На мѣстѣ гдѣ стоялъ Перунъ, Владиміръ велѣлъ выстроить церковь и при ней завести училище для дѣтей.

На другой день вѣстники великаго князя идутъ по городу съ кличемъ, съ княжескимъ приказаніемъ собираться на Днѣпръ. «А если кто не окажется на рѣкѣ, богатый или убогій, свободный или рабъ, тотъ будетъ ослушникомъ князя»! Люди кіевскіе оставляютъ жилища и направляются съ горъ внизъ на пологій берегъ, къ тому мѣсту, гдѣ Почайна течетъ въ Днѣпръ. Между рѣкою и горами, на которыхъ стоитъ Кіевъ, есть обширная низменность, кіевскій Подолъ (дольное, долинное мѣсто). Сюда-то тянется вереницею съ разныхъ сторонъ великое множество народа. Здѣсь видны не одни мущины и женщины, но также отроки и младенцы на ру-

кахъ матерей, — князь велѣлъ собраться всѣмъ некрещенымъ. Среди народа собравшагося на Подолъ видны корсунскіе священники въ священномъ облаченіи съ крестами и иконами; среди нихъ князь Владиміръ. Освящены воды Почайны, и народъ, по приказанію князя, долженъ былъ вступить въ воды. Совершалось чудо на русской землѣ, совершалось таинство крещенія, просвѣщенія христіанскою вѣрою многихъ тысячъ народа. Священники читали молитвы, а Владиміръ благодарилъ Бога за то, что удостоился милости быть просвѣтителемъ русской земли. Нынѣ на Крещатикѣ, на мѣстѣ крещенія Руси, воздвигнутъ памятникъ «Владиміру просвѣтителю Россіи». Памятникъ состоитъ изъ колонны, увѣнчанной золотымъ крестомъ на серебряномъ шарѣ.

Такъ Почайна сдѣлалась русскимъ Іорданомъ! Крещеніе Руси совершилось въ 988 году.

* * *

Въ Кіевѣ поднялись христіанскіе храмы, построенные Владиміромъ и Михаиломъ, первымъ кіевскимъ митрополитомъ. Замѣчательнѣйшая изъ церквей была «Десятинная.» построенная около княжескаго дворца. Изъ Кіева христіанская вѣра начала распространяться во всѣ концы земли русской. Мужи великаго князя и греческіе священники ходили по городамъ и деревнямъ славянскимъ и обращали народъ въ христіанство. Не вездѣ однако христіанство распространялось такъ легко, какъ на югѣ, въ кіевской землѣ. Въ другомъ большомъ городѣ тогдашней Руси, въ Новгородѣ, язычники приняли христіанство только послѣ упорнаго сопротивленія. Далеко стоялъ Новгородъ отъ Царьграда, мало было въ немъ грековъ и христіанъ, которые подготовили бы народъ къ принятію новой вѣры. Варяги, наводнявшіе въ то время Новгородъ, были еще большею частью язычники, мрачное язычество новгородскихъ сосѣдей—финновъ было полно волшебства и кол-

довства; отъ нихъ то являлись въ Новгородъ волхвы и кудесники, которые болѣе всего мѣшали мирному распространенію христіанства. Еще глухо Христово слово звучало въ приильменскомъ краю. Тогда Добрыня, дядя Владиміра, съ Анастасомъ, греческимъ священникомъ, и епископомъ, отправился крестить Новгородъ. Новгородцы, при слухѣ о приближеніи проповѣдниковъ новой вѣры, составили вѣче и рѣшились не пускать новыхъ учителей, не давать въ обиду своихъ старыхъ боговъ. Волхвъ Богомилъ суетится въ толпѣ народной и поднимаетъ новгородцевъ противъ людей, идущихъ съ новою вѣрой. Новгородцы берутъ оружіе, разоряютъ волховскій мостъ, ставятъ на берегу пороки (камнестрѣльныя машины) и не пускаютъ епископа на ту сторону рѣки. Пока происходило крещеніе на восточномъ берегу, на лѣвой сторонѣ Волхова народъ грабилъ домъ Добрыни, убилъ жену его и родственниковъ. Тогда тысяцкій Владиміровъ Путята ночью переправился на лодкахъ съ 500 человѣкъ на ту сторону рѣки. Новгородцы встрѣтили его въ числѣ 5,000, и начали сѣчу съ Путятою. Но подоспѣлъ на помощь Добрыня и зажогъ городъ. Новгородцы не могли бороться противъ огня и меча; они смирились. Добрыня велѣлъ ниспровергать идоловъ, Многіе однако не хотѣли креститься, говоря, что они уже крещены. Епископъ велѣлъ крещенымъ надѣть на шею кресты, и тѣхъ, у кого нѣтъ креста, снова крестить. Такъ Новгородъ крещенъ былъ не водою только, но огнемъ и мечомъ. И долго на Руси жила поговорка: Добрыня крестилъ Новгородъ огнемъ, а Путята мечемъ. Изъ Новгорода, средоточія сѣверной Руси, христіанская вѣра начала распространяться у сѣверныхъ славянъ и финновъ. Намъ придется еще не разъ встрѣтиться съ борьбою язычества съ торжествующимъ христіанствомъ.

* *
*

Славянское язычество жило главнымъ образомъ въ обычаяхъ и нравахъ народа; оно не успѣло пріобрѣсти внѣшней силы: не успѣло выработать постоянныхъ мѣстъ для богослуженія — храмовъ, ни жреческой іерархіи. Христіанству же пришлось начать съ того, чѣмъ язычество долженствовало кончить. О правильной христіанской жизни еще нельзя было и думать, перемѣна въ нравахъ и обычаяхъ должна была придти со временемъ. Въ первое же время нужно было дать внѣшнюю организацію новой церкви: Владиміръ приказываетъ всюду строить церкви, ставить священниковъ; греческіе архіереи и священники отправляли богослуженіе, греческіе церковные уставы и законы приняты были цѣликомъ и у насъ на Руси. Но не понимаетъ русскій народъ службы, не знаетъ христіанскихъ праздниковъ; кто растолкуетъ ему новую вѣру? Греки не знаютъ языка славянъ. И вотъ князь начинаетъ устроивать въ христіанскіе праздники пиры и угощенія для дружины и для всего народа. Послѣ церковной службы въ княжескомъ теремѣ пиръ; дружина князя, его бояре и городскіе старцы пируютъ у князя, но не они одни здѣсь, здѣсь и греческіе архіереи и священники. Пиръ князя—пиръ христіанскій во славу Божію. По городу везутъ мясо, рыбу, медъ, квасъ. Что это значитъ? Наступилъ христіанскій праздникъ, и милостивый князь кормитъ нищую братію. И привыкаетъ русскій народъ къ христіанству, замѣчаетъ праздничные дни, посѣщаетъ церковь Божію и мало по малу узнаетъ Христову жизнь и его ученіе. Въ то же время Владиміръ заводитъ школу, приказываетъ брать дѣтей у родителей и отдавать ихъ учиться. Плакали матери о дѣтяхъ, считая ихъ какъ бы умершими, не понимали онѣ, что дѣтямъ ихъ придется быть сѣятелями слова Божія. Но расло и зрѣло сѣмя, посѣянное Владиміромъ, и самъ князь былъ солнцемъ земли русской, по выраженію христіанскихъ проповѣдниковъ того времени.

* *
*

Со времени принятія христіанства и внѣшняя дѣятельность Владиміра принимаетъ другое направленіе. Религія мира уже оказала дѣйствіе на его характеръ. Изъ пылкаго, воинственнаго князя, любившаго дальніе походы, любившаго пріобрѣтать славу мечемъ, онъ дѣлается теперь больше защитникомъ своей земли отъ враговъ. Походы съ цѣлью добычи и грабежа замѣняются походами для обороны земли. Главнымъ врагомъ русскаго князя были дикіе печенѣги, распространившіеся по всему сѣверному побережью Чернаго моря до самаго Дуная. Дикій народъ жилъ войною, грабя хозаръ, грековъ и Русь. Для обороны своей земли Владиміръ началъ, подобно германскимъ императорамъ того времени, строить остроги и городки вдоль южной границы и по рѣкамъ, впадающимъ въ Днѣпръ, заселять эти городки славянами изъ сѣверныхъ областей своего государства. Эти городки были пограничною стражей русской земли отъ степныхъ варваровъ и служили убѣжищемъ для окрестныхъ жителей во время нападеній азіатцевъ. И вокругъ своей столицы Кіева великій князь поставилъ крѣпостныя огражденія, то есть, земляные валы, а на нихъ столбы или частоколъ и каменныя ворота, коими въѣзжали въ городъ.—Войны съ восточными сосѣдями Россіи, болгарами, окончены были торговымъ договоромъ, по которому русскіе купцы съ печатями отъ посадниковъ могли свободно ѣздить въ города волжской Болгаріи, равно и болгары въ русскіе города.

Въ Польшѣ современникомъ Владиміра былъ Болеславъ Храбрый, который, пользуясь смутами въ Богеміи послѣ смерти Болеслава II Благочестиваго, успѣлъ захватить чешскія и моравскія земли, куда послалъ своего брата. Владиміръ не могъ спокойно смотрѣть на усиленіе Польши, тѣмъ болѣе, что поляки еще при отцѣ Болеслава, Мечиславѣ, уже

сдѣлали попытку утвердиться въ области прикарпатскихъ славянъ, хорватовъ. Владиміръ отнялъ у Мечислава города хорватскіе или червоннорусскіе. Съ сыномъ Мечислава, усерднымъ распространителемъ латинскаго христіанства у славянъ, Владиміръ не могъ ужиться въ мирѣ, не смотря на то, что дочь Болеслава была замужемъ за старшимъ сыномъ Владиміра, Святополкомъ. Владиміръ помогалъ чехамъ отложиться отъ Польши, за что Болеславъ старался возмутить своего зятя противъ отца. Непокорный сынъ заключенъ былъ въ темницу.

ЯРОСЛАВЪ.

(1015—1054).

Въ 1014 году Ярославъ, сынъ Владиміра, сидѣвшій княземъ въ Новгородѣ, отказался платить отцу 2000 гривенъ, которыя платилъ Новгородъ великому князю. Владиміръ приказалъ исправлять дороги и мостить мосты; онъ хотѣлъ самъ идти на Ярослава, но разболѣлся и умеръ 15 іюля слѣдующаго 1015 года. Дѣти его сидѣли уже въ удѣлахъ, данныхъ имъ отцомъ: Святополкъ, старшій сынъ, находился въ Туровѣ по Припяти, Ярославъ въ Новгородѣ, Всеволодъ во Владимірѣ Волынскомъ, Святославъ въ Древлянской землѣ, Мстиславъ въ Тмутаракани (въ Крыму и Кубани), Борисъ въ Ростовѣ, Глѣбъ въ Муромѣ. Владиміръ умеръ въ любимомъ селѣ своемъ Берестовѣ, находящемся у самаго Кіева.

Его привезли въ Кіевъ и поставили въ Десятинной церкви. Въ церковь собралось безчисленное множество народа, и плакали по немъ знатные люди какъ по защитникѣ земли своей, нищіе какъ о своемъ кормильцѣ. Тѣло его положили въ мраморный гробъ и похоронили въ Десятинной церкви.

Кіевляне хотѣли имѣть у себя княземъ Бориса ростовскаго, который былъ любимымъ сыномъ Владиміра и во время смерти его стоялъ въ степи противъ печенѣговъ. Но старшій Святополкъ туровскій, зять Болеслава, быстро явился въ Кіевъ и занялъ престолъ. И задумалъ Святополкъ злое дѣло: истребить братьевъ и владѣть всею Русью. Три брата пали жертвою его коварной, вѣроломной души. Первый погибъ Борисъ. Убійцы, отправленные Святополкомъ на Альту, нашли молодаго князя въ шатрѣ съ немногими воинами. Борисъ уже возвращался изъ похода; онъ предувѣдомленъ былъ объ опасности, но не хотѣлъ поднимать руки на старшаго брата. Убійцы не вошли въ шатеръ, но просунули сквозь шатеръ копья и прокололи князя. Другой братъ, Глѣбъ муромскій, еще не знавшій о смерти отца, приглашонъ былъ Святополкомъ въ Кіевъ будто бы проститься съ умирающимъ отцомъ. Когда онъ прибылъ къ Днѣпру и садился въ лодку, на которой думалъ спуститься къ Кіеву, убійцы напали на Глѣба, умертвили его и трупъ бросили на берегу Днѣпра. Третій братъ Святославъ Древлянскій, думавшій скрыться отъ убійцъ за Карпатами, былъ настигнутъ ими въ горахъ и здѣсь умерщвленъ.

Та же участь ожидала и другихъ братьевъ. Но Ярославъ новгородскій успѣлъ во время узнать о грозящей ему опасности. Онъ получилъ изъ Кіева отъ сестры письмо, въ которомъ Предслава извѣщала его о козняхъ и убійствахъ Святополка. Ярославъ въ то время поссорился съ новгородцами, которые не жаловали его дружины, варяжской вольницы. Узнавъ объ опасности, онъ примирился съ новгородцами, набралъ 6,000 варяговъ да 40,000 новгородцевъ и

съ ними выступилъ противъ братоубійцы. Святополкъ тоже приготовлялся: онъ призвалъ печенѣговъ, собралъ войско изъ прилежащихъ къ Кіеву земель и выступилъ на встрѣчу Ярославу. У Любеча на Днѣпрѣ сошлись братья враги; Ярославово войско стояло на одномъ берегу, Святополково на другомъ между двумя озерами. Была заморозь. Сначала войска въ виду другъ у друга перебранивались; Ярославъ на разсвѣтѣ переправилъ войско на другой берегъ и напалъ на Святополка. Пропировавшій всю ночь и не приготовившійся къ битвѣ, Святополкъ былъ побѣжденъ; печенѣги, стоявшіе за озеромъ, не успѣли подойти во время на помощь, а потомъ бѣжали домой. Самъ Святополкъ ушелъ въ Польшу къ тестю, а Ярославъ сѣлъ въ Кіевѣ. Однако на этотъ разъ Ярославу не долго удалось побыть въ Кіевѣ. Святополкъ съ тестемъ Болеславомъ и съ польскимъ войскомъ успѣлъ изгнать Ярослава, который удалился въ свой Новгородъ. Поляки разошлись по кіевской землѣ, Болеславъ долго гостилъ у Святополка. Но вѣроломный князь, которому наскучилъ тесть съ поляками, началъ подучать кіевлянъ избивать поляковъ. Опасаясь злодѣйства, Болеславъ вышелъ изъ Кіева съ своимъ войскомъ. Тогда Ярославъ снова явился въ кіевской землѣ, и въ кровопролитной сѣчѣ на Альтѣ, мѣстѣ убіенія Бориса, одержалъ надъ Святополкомъ полную побѣду. Святополкъ бѣжалъ и умеръ на границѣ Богеміи и Польши. Въ потомствѣ онъ получилъ прозваніе «Окаяннаго.»

Кромѣ Ярослава оставался еще на Руси сильный князь въ Тмутаракани Мстиславъ. Основаніе русскаго княжества на дальнемъ югѣ и юговостокѣ относится ко временамъ Святославовымъ. Побѣдовъ хозаръ, этотъ князь проникъ въ Крымъ и на Кавказъ и подчинилъ Руси страну у Азовскаго и Чернаго моря, столько важную для безпрепятственной торговли русскихъ съ греками по Днѣпру и на Черномъ морѣ. Постоянная борьба съ степными и горными народами развила

въ Мстиславѣ характеръ чрезвычайно воинственный. Въ войнѣ съ прикавказскимъ народомъ кассогами, Мстиславъ побѣдилъ въ единоборствѣ кассожскаго князя Редедю и взялъ его землю. Видно однако, что ему наконецъ надоѣла жизнь среди степныхъ варваровъ, онъ захотѣлъ княжить на Руси и потребовалъ отъ Ярослава земель къ востоку отъ Днѣпра. Ярославъ уступалъ ему одинъ Муромъ. Мстиславъ не доволенъ былъ такою уступкою, поднялся изъ Тмутаракани и занялъ Черниговъ. Ярославъ, бывшій въ то время въ Новгородѣ, нанялъ заморскихъ варяговъ и повелъ ихъ на Мстислава. Встрѣча двухъ войскъ произошла у Листвена, лежащаго на одномъ притокѣ Десны. Мстиславъ поставилъ посрединѣ сѣверянъ, а самъ съ дружиною тмутараканскою сталъ на флангахъ. Сѣверяне начали битву съ варягами; Мстиславъ выждалъ времени, когда варяги истомились. Тогда съ свѣжимъ войскомъ своимъ онъ напалъ на нихъ. Варяги не выдержали этого нападенія. Сраженіе происходило ночью во время сильной грозы. Мстиславъ остался побѣдителемъ, дружина его, состоящая изъ хозаръ и кассоговъ, была цѣла. Ярославъ долженъ былъ уступить брату восточную половину Руси съ главнымъ городомъ Черниговомъ. Послѣ этого два брата мирно княжили на Руси до 1036 года, когда умеръ Мстиславъ, и Ярославъ остался одинъ властителемъ всей земли. Одинъ Полоцкъ имѣлъ особаго князя.

* * *

Ярославу столь же справедливо принадлежитъ названіе Мудраго и законодателя, сколько Владиміру названіе Святаго и просвѣтителя Россіи. Съ принятіемъ христіанства, на Руси принятъ былъ и сборникъ греческихъ узаконеній, «законъ судный людемъ», греческій Номоканонъ, въ которомъ рядомъ съ церковными законами находилось и много законовъ гражданскихъ. Считая все языческое нечистымъ, поганымъ, Вла-

димiръ хотѣлъ всю жизнь русскую перестроить по греческимъ порядкамъ. Но уже при Ярославѣ оказалось, что многiе греческiе законы не вполнѣ примѣнимы къ молодому русскому обществу; напримѣръ, тѣлесное наказанiе, полагаемое по судному закону за преступленiя, было ненавистно и оскорбительно русскому обществу, состоявшему изъ свободныхъ людей. Участiе духовенства въ земскихъ и судныхъ дѣлахъ, совершенно некасавшихся религiи и нравственности, (напр. надзоръ за торговыми мѣрами и вѣсами, дѣла по наслѣдству и тому подобныя) не согласовалось съ древнерусскимъ общиннымъ бытомъ, по которому дѣла подобнаго рода подлежали вѣдѣнiю самихъ общинъ, земскихъ старостъ. Ярославъ понялъ неудобства такого вмѣшательства церкви въ земскiя дѣла и рѣшился опредѣлить, насколько возможно было въ первый разъ, какiя дѣла подлежатъ церковному суду и какiя свѣтскому. Для этого онъ издалъ достопамятный сборникъ законовъ, извѣстный подъ именемъ Русской Правды, въ отличiе отъ греческаго права церковнаго, принесеннаго къ намъ греками съ новою вѣрою. Русская Правда, содержащая главнымъ образомъ уголовные законы (законы объ убiйствахъ, воровствѣ, разбоѣ) вмѣсте тѣлеснаго наказанiя полагаетъ за всѣ преступленiя денежную пеню. Право и обычай кровной мести, еще сильные въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, въ Русской Правдѣ значительно ограничены; кровная месть допускалась только въ случаѣ смерти ближайшаго родственника; за дальнихъ родственниковъ, какъ и за другiя преступленiя полагалась денежная пеня. Новымъ уставомъ Ярославъ отдѣлилъ церковный судъ отъ свѣтскаго и ограничилъ кругъ вѣдомства перваго. Духовныя лица не участвуютъ въ свѣтскихъ судахъ, а княжескiе судьи въ духовныхъ. Изданiемъ Русской Правды положено было начало русскому законодательству независимо отъ влiянiя Грецiи.

* *
*

Если Ярославъ своею Русскою Правдою и новымъ уставомъ о церковныхъ дѣлахъ старался сократить кругъ дѣятельности духовенства, не мѣшать свободному развитію тѣхъ сторонъ русской жизни, которыя не имѣли прямаго отношенія къ религіи, если такимъ образомъ онъ явился защитникомъ національныхъ интересовъ народа, то съ другой стороны онъ былъ другомъ церкви и людей, старавшихся представить въ себѣ образецъ христіанской нравственности, старавшихся не столько вмѣшательствомъ въ свѣтскія дѣла, сколько примѣромъ благочестивой жизни дѣйствовать на юное христіанское общество. Подъ его покровительствомъ начало расти и развиваться на Руси монашество.

Новому обществу нужны были сильные примѣры новой христіанской жизни; такихъ примѣровъ, такихъ образцовъ не могло представить бѣлое духовенство, жившее среди народа, занятое житейскими нуждами, и потому не могшее не подвергаться вліянію и окружающаго оное общества. Бѣлое духовенство могло дѣйствовать на народъ больше обрядностью церковною, чѣмъ живымъ примѣромъ христіанской жизни. Примѣры чисто христіанской жизни въ первое время христіанства могли дать монастыри, отъ монастырскихъ иноковъ молодое общество должно было учиться не обрядамъ только, но и строгой христіанской жизни. Если иноки и не знали міра, то міръ ихъ зналъ и подражалъ сколько возможно ихъ жизни.

Иларіонъ, священникъ любимаго пригороднаго владимірова села, Берестова, удалялся по временамъ для молитвы въ небольшую пещерку, которую выкопалъ около города въ приднѣпровскихъ горахъ. Ярославъ, слышавшій много объ его подвигахъ и благочестіи, возвелъ Иларіона въ санъ митрополита кіевскаго. Но пещера его не осталась пустою. Одинъ гражданинъ Любеча, Антоній, былъ на Аѳонскихъ горахъ и принялъ тамъ монашество. Онъ возвратился въ Кіевъ и поселился въ иларіоновой пещерѣ. Къ нему начали стекаться

люди, искавшіе молитвы и уединенія,—братіи сначала было 12 человѣкъ. Они распространили пещеру и вырыли въ ней кельи. Такъ положено было начало печерскому (пещерному) монастырю. Число пещерножителей мало по малу до того умножилось, что кромѣ распространенія пещеръ понадобилось построить надъ пещерами наружный монастырь. При второмъ Игуменѣ монастыря, Өеодосіѣ, число братіи возрасло до 100; тогда построена была деревянная церковь и деревянная ограда кругомъ монастыря.

Преподобный Өеодосій ввелъ въ монастырь Студійскій уставъ, которымъ опредѣляется молитва, жизнь и пища братіи. Иноки въ пещерахъ раздѣлялись на разныя степени. Низшая ступень монашескаго житія заключалась въ общей молитвѣ, въ общей трапезѣ. Вторая, высшая, состояла въ совершенномъ уединеніи. Желавшіе вступить на эту высшую ступень монашеской жизни рыли для себя тѣсную пещеру въ проходѣ пещерномъ и, войдя въ оную, извнутри заграждали навсегда входъ въ нее, оставаясь въ такомъ заключеніи до конца своей жизни; и по смерти, какъ отпѣтые и погребенные оставались неприкосновенными. Эта степень называлась *затворомъ*. Игуменъ пещерный или избранный инокъ два или три раза въ недѣлю приходилъ къ малымъ отверзтіямъ затворовъ, оставленнымъ для впуска воздуха и пріема пищи, клалъ въ отверзтіе просфору и опредѣленную мѣру святой воды, и, испросивъ благословеніе затворившагося, удалялся; когда же просфора и вода оставались нетронутыми, значило, что затворникъ кончилъ жизнь.

Съ устройствомъ надъ пещерами монастыря святымъ Өеодосіемъ, большая часть братіи жила уже въ кельяхъ, устроенныхъ вокругъ наружной церкви. Пещеры же сдѣлались мѣстами погребенія иноковъ. Для погребенія ихъ приготовлялись по сторонамъ пещерныхъ ходовъ могилы (ниши), въ коихъ усопшіе полагались на доскахъ; ниши задѣлывались также досками, на коихъ въ нижней части изображался во

весь ростъ ликъ почившаго, посрединѣ продѣлывалось небольшое отверзтіе, чтобы чрезъ него можно было прикладываться къ мощамъ, а вверху доски славянская надпись означала имя почившаго и краткое его жизнеописаніе.

Въ этихъ пещерахъ погребенъ Несторъ, первый русскій лѣтописецъ, написавшій «повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда и какъ зачалась русская земля.» На 17 году онъ пришолъ къ Ѳеодосію и принялъ иночество. (Ѳеодосій умеръ въ 1074 году, чрезъ 20 лѣтъ послѣ смерти Ярослава). Онъ зналъ греческій языкъ, читалъ византійскихъ историковъ, которымъ и старался подражать. О русской землѣ онъ узналъ многое отъ собрата своего, стараго монаха Яна Вышатича, многое и самъ видѣлъ. Читанное, слышанное и видѣнное онъ изложилъ сколько можно правдиво въ своей лѣтописи, которая впрочемъ дошла до насъ въ спискахъ, а не въ подлинникѣ. Онъ умеръ въ 1115 году. Нетлѣнное тѣло его покоится въ ракѣ, окованной серебромъ. Послѣ Нестора, по его примѣру, монахи печерскіе и другихъ монастырей Руси продолжали записывать все достойное памяти современниковъ, такимъ образомъ произошли лѣтописи, которые служатъ основою нашей исторіи.

Такъ монастыри сдѣлались не только средоточіемъ христіанской жизни, но и вмѣстилищами просвѣщенія. Почти вся наша древняя письменность вышла изъ монастырей и отъ духовныхъ лицъ. Памятниковъ этой письменности сохранилось много до нашего времени: лѣтописи, поученія, переводы, объясненія священнаго писанія—вотъ въ чемъ состояло первоначальное просвѣщеніе русскаго общества. На этомъ основаніи суждено было развиваться и укрѣпляться позднѣйшему просвѣщенію Руси.

Въ 1054 году умеръ князь Ярославъ Мудрый и погребенъ въ построенномъ имъ Софійскомъ соборѣ, гдѣ и нынче по-

казываютъ въ одномъ изъ придѣловъ собора мраморную гробницу, принадлежащую по преданію Ярославу. Гробница украшена выпукло изсѣченными изображеніями крестовъ деревьевъ, рыбъ, птицъ и проч.

Въ такое время, когда грамотныхъ людей, не говоря уже объ образованныхъ, на Руси можно сказать совсѣмъ не было, кромѣ лицъ духовнаго званія, Ярославъ выдается изъ ряда современниковъ своею любовью къ книгамъ. Его, какъ видно, уже не занимали пиры съ дружиною, до которыхъ такой охотникъ былъ Владиміръ. Ярославъ любилъ бесѣдовать съ людьми книжными, особенно съ монахами, а это показываетъ въ немъ князя, ставшаго ступенью выше Владиміра, показываетъ въ Ярославѣ князя, нечуждаго потребностей болѣе развитой общественной жизни. Самъ Ярославъ занимался чтеніемъ «день и ночь» и старался другихъ пріохотить къ ученью. Число училищъ начало возрастать; явились школы въ Новгородѣ, Курскѣ и другихъ городахъ. Оставленное имъ завѣщаніе дѣтямъ проникнуто великою любовью князя къ землѣ русской. Дѣля государство между своими сыновьями, Ярославъ говорилъ имъ: «Старшаго назначаю младшимъ въ отца, онъ долженъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы кому нибудь изъ братьевъ не было обиды отъ другаго. Дѣти мои! живите мирно; если будете мирно жить, соблюдете русскую землю, если же начнете ссориться, то и сами погибнете, и погубите землю отцовъ вашихъ, которую они стяжали великимъ потомъ и кровью!»

ЗАЧАТКИ ХРИСТІАНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Во времена перваго расцвѣта христіанской жизни церковь была источникомъ всякаго образованія. Ей вручено было храненіе и распространеніе сокровищъ мудрости, въ ея недрахъ лежали, хоть на первый разъ покрытыя завѣсою, всѣ начатки, всѣ ростки духовной и нравственной жизни. Поэтому духовныя лица занимали всѣ должности, при отправленіи которыхъ требовались знаніе и образованіе. Они были совѣтниками государей на войнѣ и въ мирѣ, нерѣдко предводителями на полѣ битвы, они были учителями и писателями, занимались архитектурою и живописью, проникали въ небо и его чудеса, въ природу и ея силы, въ душу людей, изучали мудрость и исторію истекшихъ вѣковъ. Поэтомужъ монастыри были пріютомъ ревностнаго изученія наукъ и искусствъ.

Монастырь не былъ въ то время тѣмъ обширнымъ, виднымъ зданіемъ съ прохладными галлереями и пріятными для прогулокъ площадками на дворѣ, которыя мы видимъ еще и теперь въ нѣкоторыхъ изъ старинныхъ городовъ. Онъ не былъ выведенъ изъ твердаго камня, а представлялъ простой деревянный домъ, и подлѣ него церковь, которая также

была построена изъ дерева. Свѣтъ падаетъ въ открытыя окна, которыя не имѣютъ никакихъ стеколъ, и даютъ свободный доступъ дождю и бурѣ. Поэтому монахи приготовляли плетеные ставни, которыми закрывали окна; нагрѣвался домъ въ зимнее время большою ношею дровъ и вообще на нашъ вкусъ представлялъ очень неудобное жилье. Какъ часто въ зимнюю пору трудолюбивый монахъ, переписывающій латинскаго классика на гладкомъ пергаментѣ, чтобы распространить знаніе римскаго писателя, долженъ былъ класть грифель и согрѣвать у огня окоченѣвшія руки! Какъ часто свѣтила лучина этому переписчику, когда онъ выставлялъ красивыя начальныя буквы! Такъ монастырь былъ не только школою благочестивыхъ упражненій, онъ былъ мастерскою, изъ которой выходили на свѣтъ божій ручныя издѣлія и произведенія ума.

Изъ монастырей вышли превосходно сдѣланныя церковныя книги или служебники, которыя и нынче возбуждаютъ наше удивленіе; всѣ украшенія, вся отдѣлка здѣсь приготовлены. Сначала красили пергаментъ, большею частью въ краснопурпуровый цвѣтъ, потомъ передавали его тому, кто умѣлъ писать на немъ красивыя заглавныя буквы серебрянымъ и золотымъ шрифтомъ. Далѣе пергаментъ шолъ въ руки рисовальщика, окружавшаго блестящія заглавныя буквы разными символическими изображеніями. Это были начатки живописнаго искусства. Тутъ нуженъ былъ наугольникъ и циркуль, нужно было знать составъ и сочетаніе красокъ, равно какъ и тѣхъ жидкостей, при помощи которыхъ можно было краски твердо наложить на пергаментъ. Здѣсь представлялось богатое поле для композицій, для представленія сценъ изъ священной исторіи, изъ сокровищницы легендъ и сказаній. Все это требовало большаго труда и терпѣнія, особенно при тѣхъ средствахъ, при тѣхъ инструментахъ и орудіяхъ, которые были тогда извѣстны. Когда все это было

мастерски отдѣлано, пергаментъ переходилъ въ руки переписчика, который писалъ на немъ молитвы.

Между тѣмъ шла работа надъ оберткою и украшеніемъ книги, надъ ея переплетомъ. Здѣсь искусство получало еще болѣе широкое поле изобрѣтенія и развитія. Переплетъ состоялъ изъ двухъ деревянныхъ досокъ, которыя ровно и по мѣркѣ были сдѣланы. Эти доски соединялись полоскою кожи, или даже совсѣмъ покрывались ею. Украшенія переплета были весьма разнообразны. На серебряныхъ и золотыхъ пластинкахъ выбивали фигуры, которыя на верхней доскѣ красиво выдавались, или же чертили грифелемъ острымъ весьма сложныя гирлянды. Подобнымъ же образомъ дѣлали и на кожѣ оттиски фигуръ и сценъ. Была рѣзьба и изъ слоновой кости, ее также выставляли на переплетѣ. Это было началомъ ваятельнаго и скульптурнаго искусства, которое впослѣдствіи значительно усовершенствовалось.

Но кто умѣлъ править рѣзцомъ, мѣшать краски, рисовать и красить, тотъ пытался также выполнять картины большаго объема по церковнымъ стѣнамъ и потолку. Другіе занимались мозаикою, подбирая камни разнаго вида, цвѣта и величины для церковнаго помоста напр., и притомъ такъ, чтобы изъ нихъ выходилъ рисунокъ. Какъ ни грубо и несовершенно было въ началѣ это искусство, все таки оно было попыткой, которая при частомъ упражненіи все съ большимъ мастерствомъ прилагалась къ дѣлу.

Предъ монастыремъ разстилался обширный садъ. Прилежная рука монаховъ развела здѣсь не однѣ широковѣтвистыя липы, дающія тѣнь, но также виноградную лозу, фруктовыя деревья и разные овощи. Монахи старались о садоводствѣ, хлопотали о рыболовствѣ и о разведеніи животныхъ, которыя намъ извѣстны подъ именемъ домашнихъ животныхъ. Они составляли для больныхъ цѣлебныя лѣкарства, приготовляли оныя изъ травъ, которыхъ силу они извѣдали, которыхъ дѣйствіе на болѣзнь испытали. Они выносили на

продажу произведенія своего мастерства и обогащали монастырскую казну. Они учили приготовленію соли тамъ, гдѣ соляные ключи били изъ почвы,—доходы многихъ монастырей отъ солянаго промысла были очень значительны. При всемъ этомъ они не упускали заботъ о душахъ братьевъ своихъ. Они несли утѣшеніе къ одру больнаго, давали совѣтъ на разные случаи ежедневной жизни, кормили бѣдныхъ и нищихъ, молились за богатыхъ и бѣдныхъ, за старцевъ и дѣтей. Они заботились о согласіи въ семействахъ, проповѣдывали покорность властямъ, благословляли просящихъ у нихъ благословенія. Принимая на себя заботы о тѣлесныхъ и духовныхъ потребностяхъ людей, они составляли средоточіе образованія въ эти времена зачатковъ развитія духовной жизни въ христіанской Европѣ.

* *
*

Въ другомъ родѣ полезны были тѣ изъ братій монастыря, которые одарены были не одною механическою сноровкою, но и талантомъ для самостоятельныхъ умственныхъ занятій. Какъ часто уединенная келья была свидѣтельницею глубокомысленныхъ созерцаній ея обитателя, или же хлопотливаго сопоставленія, сближенія своихъ монастырскихъ событій съ событіями, совершающимися далеко за монастырскою оградою.

Здѣсь онъ углублялся въ изученіе мудрости римлянъ и грековъ, насколько въ то время на западѣ извѣстны были уцѣлѣвшія сочиненія древнихъ. Взоръ мыслителя покоился на покрытомъ письменами листѣ пергамента; изъ словъ, которыя открывалъ глазъ въ запутанныхъ чертахъ или буквахъ, залегала въ его душу мысль, для которой слова были внѣшнимъ покровомъ. Эту мысль онъ разработывалъ дальше, она вела его къ новымъ соображеніямъ; эти соображенія заставляли его бросить взглядъ на глубину генія, который изобрѣлъ эти мысли за нѣсколько вѣковъ. Но отъ изслѣдо-

ванія языческой мудрости онъ обращался къ положеніямъ небесной мудрости, къ Библіи. Не одна ветхозавѣтная исторія божьяго народа и новозавѣтная исторія Христа и апостоловъ являлись его душѣ, но также и все ученіе христіанства; все это онъ старался связать и составить систему христіанскаго ученія вѣры. Для этого онъ нуждался въ знаніи латинскаго языка, изученіе котораго и составляло начало его ученыхъ занятій.

Когда минувшее такимъ образомъ разоблачалось предъ его мысленными взорами, являлось само собою желаніе сохранить для потомства событія настоящаго времени. Занятія исторіею истекшихъ вѣковъ вели его къ тому, чтобы представить и то, что происходитъ вокругъ него, что дошло до его слуха издали и вблизи. Ученый монастырскій братъ дѣлался лѣтописцемъ, для чего онъ пользовался латинскимъ языкомъ, такъ какъ новые языки еще не успѣли выработать своего письменнаго языка. Въ свою рѣчь онъ вплетаетъ знакомыя ему мѣста изъ древнихъ писателей; ихъ мудрыя изреченія, сохраняющіяся хорошо въ его памяти, сами собой приходятъ ему въ голову, гдѣ нужно, такъ какъ онъ пишетъ и думаетъ на ихъ языкѣ. Особенно же гладкій, выработанный языкъ древнихъ стоитъ предъ его душою достойнымъ подражанія образцомъ; онъ до того освоивается съ этимъ языкомъ, что ему уже не трудно выражаться избранными, лучшими оборотами древнихъ. Были попытки подражать и древнимъ поэтамъ, и попытки довольно удачныя.

Но гдѣ прилагали такое стараніе сохранить событія прошедшихъ временъ и настоящаго, тамъ естественно было стремленіе передать потомству тѣ образы, въ которые самъ народъ облекалъ эти событія. Ученые монахи собирали героическія пѣсни, которыя распѣвали старый и малый, напр.: пѣснь о Зигфридѣ, побѣдителѣ дракона, о подвигахъ Дитриха Бернскаго, о героическихъ дѣлахъ Роланда, современника Карла В., о саксонскомъ герцогѣ Витекиндѣ и другихъ.

Пѣсни, въ которыхъ разсказывалось о гунской битвѣ, о чудесахъ св. Ульриха, объ Изегримѣ и Рейнеке фуксъ, также записывались и распространялись въ спискахъ. Отъ всѣхъ этихъ сказаній, которыя частію вполнѣ, частію въ отрывкахъ дошли до насъ, вѣетъ свѣжимъ народнымъ духомъ; въ нихъ такая полнота мощныхъ характеровъ и образовъ, что поэзія и исторія послѣдующихъ временъ часто черпали изъ этого живаго ключа.

Подобнымъ же образомъ въ монастыряхъ явились собранія книгъ, которыя тщательно старались сберегать и умножать. Въ этихъ книгохранилищахъ сберегались какъ произведенія древности, монахами переписанные классики, такъ и все то, что произвела прилежная рука современныхъ ученыхъ. Нѣкоторые монастыри имѣли особенно дорогія рукописи. Нерѣдко государи поручали кому нибудь изъ нихъ переписку или даже передѣлку какой нибудь замѣчательной книги, большею частію религіознаго содержанія, что исполнялось со всевозможнымъ искусствомъ. Такъ императоръ Генрихъ II (1002—1024) велѣлъ приготовить Евангеліе, которое сохранилось и до сихъ поръ; оно было украшено превосходными изображеніями, замѣчательными не столько художественнымъ выполненіемъ рисунка, сколько группировкою фигуръ и подборомъ красокъ. На одномъ рисункѣ этой книги изображонъ Спаситель на тронѣ, облаченный въ бѣлую восточную мантію. Въ рукахъ Онъ держитъ двѣ короны, одну изъ нихъ возлагаетъ на императора Генриха, стоящаго на право, другую на супругу его Кунигунду—налѣво. Около императора стоитъ Петръ съ ключемъ рая, подлѣ императрицы апостолъ Павелъ. Другія фигуры, изображающія символически провинціи, принадлежащія нѣмецкой имперіи, приносятъ императору присягу вѣрности. Многія изображенія содержатъ сцены изъ новаго завѣта, и все это заканчивается превосходнымъ изображеніемъ страшнаго суда.

* *
*

Такъ монастыри были въ тѣ времена колыбелью наукъ и искусствъ, средоточіемъ образованія и вкуса, вопреки той дикости и грубости, которая всюду проявлялась и усиливалась въ обыденной жизни. Все создаваемое наукою и искусствомъ посвящалось служенію церкви. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, напр. въ С. Галленѣ, Рейхенау, Фульдѣ, образовались школы живописи, ученики этихъ школъ украшали божіи домы произведеніями своего труда. Библейскія сказанія даютъ неисчерпаемый, богатый матеріалъ возвышенныхъ образовъ и картинъ. Кто способенъ былъ углубляться въ нихъ, тотъ пытался воспроизвести ихъ въ разныхъ сочетаніяхъ. Церкви готовы были принять въ себя такія картины: здѣсь потолки, стѣны, ниши представляли довольно мѣста для картинъ изъ священной исторіи, одинъ взглядъ на которыя могъ пробудить и укрѣпить чувство благоговѣнія къ святому мѣсту. Обыкновенно краски наносили на полотно при помощи яичнаго бѣлка, или же просто писали на стѣнѣ. Умѣли приготовлять даже золотое поле, на которомъ выступали другія краски голубая, желтая, зеленая, красная, особенно же темная.

Кромѣ того, приготовленіе разной церковной утвари доставляло случай упражнять художественное чувство. Изящно выдѣлывались изъ стекла или металла паникадила и лампады; здѣсь можно было придумать много все новыхъ и новыхъ формъ, замысловатыхъ фигуръ. Чаша для алтаря — потиръ и дискосъ — покровъ часто были искусной работы. Начали и окна украшать разноцвѣтными стеклами, такое искуственное освѣщеніе церкви производило сильное дѣйствіе на молящихся.

Даже въ ваяніи изъ металла сдѣланы были большіе успѣхи. Мастеромъ въ литейномъ искусствѣ былъ Бернвардъ, епископъ гильдесгеймскій, умершій 1022 г. Соборныя входныя двери въ 16 футовъ вышины и 8 ширины онъ вылилъ изъ мѣди и украсилъ ихъ совершенно выдающимися фигу-

рами, которыя въ различныхъ группахъ представляютъ сцены изъ исторіи Ветхаго и Новаго завѣта. Художническій талантъ проявляется въ составленіи группъ, равно какъ въ выборѣ ихъ и сопоставленіи. На одной сторонѣ дверей представлены сцены изъ исторіи первыхъ людей отъ грѣхопаденія до каинова братоубійства, на другой рождество Христово, его страданія и воскресеніе. Правда немного было въ то время подобныхъ произведеній, но онѣ были, и хотя во всѣхъ ихъ есть нѣкоторые недостатки, тѣмъ не менѣе онѣ свидѣтельствуютъ о постоянномъ стремленіи художниковъ къ совершенствованію.

Если старались украшать церкви внутри, то не забывали также по возможности украсить и ихъ внѣшность. Такъ придумали особенный стиль церковнаго строенія; оставивъ подражаніе базиликамъ, начали строить церкви крестообразно. Соборы, похожіе на базилики поддерживаемыя колоннами, принадлежатъ болѣе древнему времени, чѣмъ крестообразныя церкви. Но въ тѣхъ и другихъ стѣны и столбы смѣло возносятся, какъ бы для того, чтобы поднять духъ молящагося. Въ базиликахъ и соборахъ, похожихъ на базилики, зданіе покрываетъ куполъ, сосредоточивающій въ себѣ свѣтъ, падающій на него со всѣхъ сторонъ; этотъ свѣтъ будто принимаетъ въ себя молитвы вѣрныхъ и просвѣщенныя возноситъ ихъ къ небу.

Внѣшнія стѣны не были ровны и гладки, чѣмъ могли производить тяжолое впечатлѣніе; онѣ были расчленены выдающимися, отвѣсно или отлого поднимающимися столбами. Между ними продѣланы окна, украшенныя разноцвѣтными стеклами. Особенно тщательно отдѣлывались порталы дверей, эти дугообразныя, по законамъ перспективы съуживающіяся отверстія, украшенныя разными фигурами и другими произведеніями зодчества. И всему зданію старались дать полный мысли, величавый видъ, такъ что извнѣ и внутри оно производило на зрителя высокое впечатлѣніе. Столбъ

началъ повсюду замѣнять языческія колонны, которыя онъ превосходилъ вышиною и стройною тонкостью, равно какъ и нѣкоторыми украшеніями. Онъ поддерживалъ сводъ, котораго дуги, идущія со всѣхъ четырехъ сторонъ, соединялись здѣсь въ узелъ и образовывали крестовидный сводъ, который доставлялъ глазу пріятный видъ законченности, твердости, равно какъ стремленія къ чему то высокому. Это была полная мысли и глубокаго значенія пластика въ церковной архитектурѣ! Не должны ли всѣ мы нашими мыслями и чувствами, съ любовью и благоговѣніемъ обращаться къ Тому, Кто принесъ истинную жертву для искупленія грѣховъ всѣхъ насъ, всего человѣчества, теперь же сѣдитъ одесную Отца.

Такъ церковь была средоточіемъ всей духовной жизни, которая изъ нея подобно лучамъ изливалась въ обыденную жизнь людей, и начала смягчать и облагороживать грубыя ея стороны. До самаго упадка церковной жизни церковь была матерью культуры, ведущей разными путями умы къ «единому необходимому», церковь озаряла своимъ просвѣтительнымъ блескомъ все, что культура создала и пересоздала во всѣхъ направленіяхъ. Мы, позднѣйшіе потомки тогда жившихъ поколѣній, не должны забывать, что нынѣшнее наше во всѣхъ отношеніяхъ далеко подвинувшееся образованіе есть только развившееся до цвѣтенія дерево, котораго корни идутъ къ тому времени первыхъ свѣжихъ зародышей.

ХРИСТІАНСКОЕ ИСКУССТВО.

Когда христіанство появилось міру, язычество уже почти изжилось и въ искусствѣ, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ жизни. Цвѣтущее время греческаго искусства прошло; въ Римѣ никогда не существовало тѣхъ самобытныхъ школъ искусства, какія были въ Аѳинахъ. Но идеальные образы, одушевленные греческими художниками, еще не были забыты, понятія о размѣрахъ и отношеніяхъ благородной формы остались, и имъ то подражали теперь, ихъ копировали. Знатные римляне соревновали другъ другу въ томъ, чтобы пріобрѣсти для своихъ парадныхъ покоевъ древнегреческія или хоть поддѣланныя подъ вкусъ древности произведенія.

Хотя творческій геній угасъ, все таки осталась художническая сноровка, художническое мастерство, и оно-то начало попытки воспроизведенія новыхъ идей въ сколько возможно изящныхъ образахъ. Но такъ какъ христіанство всюду являлось съ рѣзкимъ противорѣчіемъ всему языческому, то и здѣсь оно сначала было враждебнымъ искусству. Искусство представлялось для христіанъ нераздѣльнымъ съ служеніемъ языческимъ статуямъ, вносящимъ одну порчу нравовъ; поэтому оно вначалѣ не только не заслужило у христіанъ никакого уваженія, но еще было преслѣдуемо. Какъ ни понятно вначалѣ такое отношеніе христіанъ къ искусству, все же со временемъ такой взглядъ долженъ былъ измѣниться; потому что истинное искусство не только не служитъ низкимъ страстямъ, напротивъ, есть выраженіе божественнаго, высокаго, почему только въ христіанствѣ оно и могло достигнуть полнаго совершенства.

Съ тѣхъ поръ, какъ при Константинѣ Великомъ христіанство одержало и внѣшнюю побѣду надъ язычествомъ и признано было государственною религіей, потребность новаго искусства начала проявляться въ составленіи и воспроизведеніи христіанскихъ представленій. Отъ перваго простѣйшаго выраженія такихъ представленій въ христіанской символикѣ—голубь—символъ св. Духа, корабль—символъ христіанской церкви и под.—художническая дѣятельность обратилась къ лицу Христа. Не осталось отъ него никакого физическаго изображенія, никакого образа, и вотъ сначала изъ священнаго страха не рѣшались на изображеніе его лица. Но въ то же время взялись за символическое представленіе Его, и именно такое, какое Онъ самъ далъ въ своихъ притчахъ. Между этими притчами едва ли какая нибудь другая представляетъ столько богатаго матеріала для художническаго воспроизведенія, какъ притча о добромъ пастырѣ. Поэтому Христосъ является пастыремъ среди своихъ овецъ съ посохомъ въ рукѣ, — онъ ласкаетъ ихъ и любуется на нихъ; иногда представляется Онъ скорбящимъ о пропавшей овцѣ, или несущимъ найденную овцу на плечахъ. Онъ является здѣсь больше юношею, иногда мужемъ, котораго лице окаймлено бородою, въ простомъ, высоко опоясанномъ хитонѣ, надъ которымъ иногда виситъ короткое верхнее платье на случай ненастья.

За этимъ простымъ изображеніемъ слѣдовали болѣе зрѣлыя, болѣе совершенныя. Отъ изображенія символическаго, перешли къ изображенію Его жизни и дѣятельности; и здѣсь матеріаломъ для изображеній была не одна евангельская исторія новаго завѣта, но особенно эта исторія въ ея связи съ исторіею Ветхаго завѣта. Здѣсь глубокое художественное значеніе имѣло то обстоятельство, что событія Ветхаго завѣта являются прообразами новозавѣтныхъ, первыя пророчествомъ, вторыя исполненіемъ онаго. Такъ жертвоприношеніе Исаака было прообразомъ принесенія въ жертву сына

Божія; скала въ пустынѣ, изъ которой Моисей жезломъ истощилъ воду, прообразомъ небесной скалы, Христа. Даніилъ во рвѣ львиномъ есть прообразъ Христа, который сошолъ въ царство смерти и вышелъ оттуда побѣдителемъ. Илія, возносящійся въ колесницѣ на небо, есть прообразъ вознесенія Христова, Іона, брошенный въ море, поглощенный и опять выброшенный китомъ, означаетъ смерть Христа и Его воскресеніе. Пока былъ въ силѣ священный страхъ предъ изображеніемъ лица Спасителя, указанныя представленія давали богатый матеріалъ для изображенія того, Кто предвозвѣщенъ былъ пророками. Идеальнымъ юношей Онъ является при насыщеніи пятью хлѣбами пяти тысячъ, или когда претворялъ воду въ вино, при воскрешеніи Лазаря и и т. п. Такимъ образомъ мало по малу дошли до изображенія настоящей его личности, что удавалось еще больше въ изображеніи Поклоненія волхвовъ, Маріи съ младенцемъ Іисусомъ.

* *
*

Изъ такихъ зачатковъ развивалось христіанское искусство, сущность котораго состоитъ въ томъ, что оно въ представленіи своихъ формъ всегда даетъ чувствовать болѣе глубокое содержаніе. Оно возбуждаетъ чувство зрителя къ собственной творческой дѣятельности, такъ какъ оно въ своихъ образахъ живописныхъ или пластическихъ имѣетъ цѣлью выразить не одинъ моментъ, на который указываетъ данная группа, но на общую связь исторіи божескаго откровенія міру. Поэтому христіанское искусство съ самаго начала любило сопоставлять сцены изъ Ветхаго и Новаго завѣта, внутреннюю связь которыхъ предоставлялось открыть самому зрителю. Такъ многія изъ этихъ первыхъ картинъ начинаются Моисеемъ, источающимъ воду изъ камня, и оканчиваются воскрешеніемъ Лазаря.

Въ четвертомъ вѣкѣ по Р. Х. совершился переворотъ въ томъ смыслѣ, что рѣшились изображать лицо Спасителя по извѣстному, опредѣленному образу. Въ евангельской исторіи, какъ извѣстно, нѣтъ описанія личности Господа, а впослѣдствіи придуманныя и открытыя извѣстія о его видѣ имѣютъ мало достовѣрности. При всемъ томъ онѣ согласно утверждаютъ, что онъ былъ болѣе чѣмъ средняго роста, имѣлъ на головѣ и бородѣ вьющіеся волосы, цвѣтъ лица темноватый, высокій лобъ, правильный носъ, пріятный взглядъ и под. Затѣмъ творческому духу искусства оставалось найти внѣшній видъ, соотвѣтствующій его внутреннему существу, и установить его въ качествѣ образца для другихъ изображеній. Этотъ первообразъ лица Христова находится между стѣнными картинами римскихъ катакомбъ. Въ четвертой комнатѣ пещеръ церкви св. Калликста стѣны имѣютъ дугообразныя, полукруглыя ниши. Первая стѣна, лежащая противъ входа, изображаетъ въ нишѣ Орфея. Надъ дугою въ срединѣ видно поклоненіе волхвовъ, слѣва въ углубленіи фигура приближающагося мужа, вѣроятно пророка Михея, который изрекъ знаменательныя слова: «И ты, Виѳлеемъ Эвфрата, незначительный въ тысячахъ іудиныхъ, изъ тебя выйдетъ вождь Израиля.» Направо стоитъ Моисей у скалы, изъ которой течетъ вода. Ниша въ другой стѣнѣ изображаетъ Даніила во рвѣ львиномъ. Изображеніе надъ дугою нельзя уже распознать, но налѣво сидитъ человѣкъ, вѣроятно Іовъ, который часто изображается въ томъ видѣ, какъ здѣсь, направо Моисей, развязывающій ремень сапога. Вѣроятно стершаяся картина изображаетъ сцену изъ страстей Господа. На третьей стѣнѣ въ нишѣ вознесеніе Иліи, надъ дугою въ срединѣ Ной, смотрящій изъ ковчега на возвращающагося голубя; налѣво молящаяся женщина, направо воскресеніе Лазаря. Наконецъ на потолкѣ комнаты въ медальонѣ, богато украшенномъ по краямъ, находится грудной образъ Христа. Онъ имѣетъ видъ мужа 30—40 лѣтняго возраста, съ овальнымъ лицомъ, пра-

вильнымъ носомъ, закругленными бровями, высокимъ лбомъ и нѣжнымъ, но важнымъ выраженіемъ лица. Зачесанные на лобъ вьющіеся волосы падаютъ на плеча, борода не велика, коротка и раздвоена, съ лѣваго плеча виситъ одежда. Правда, нѣтъ никакой надписи, что это образъ Спасителя, но мѣсто, занимаемое имъ въ сказанной обстановкѣ, значительная величина, въ которой онъ изображонъ, и отсутствіе всякой особенности въ одеждѣ, дѣлаютъ несомнѣнною мысль о томъ, что это образъ самаго Господа.

Другое грудное изображеніе, которое, судя по одеждѣ, относится къ нѣсколько позднѣйшему времени, находится въ понтіанскихъ пещерахъ на Via portuensis въ Римѣ.

Подобная же стѣнная живопись находится въ величавыхъ катакомбахъ Неаполя; памятники древняго христіанскаго искусства, находящіеся здѣсь, грубы по исполненію, но по рисунку и краскамъ напоминаютъ дохристіанское искусство. Самые большіе скульптурные памятники, первоначально приготовлявшіеся для саркофаговъ, сохраняетъ ватиканскій музей христіанскихъ древностей въ Римѣ. И они содержатъ изображенія описаннаго выше характера и имѣютъ большое значеніе, какъ единственные уцѣлѣвшіе остатки подобныхъ работъ, дошедшіе до насъ отъ первыхъ вѣковъ христіанства.

* * *

Другой характеръ носятъ большія мозаическія картины, находящіяся въ древнѣйшихъ христіанскихъ церквахъ. Римъ особенно богатъ ими, потому что сюда стекались со всѣхъ сторонъ большія сокровища, здѣсь было наибольшее число христіанскихъ зданій. Эти мозаическіе рисунки сохранились съ половины пятаго вѣка и принадлежатъ второму періоду древнехристіанскаго искусства. Составленіе ихъ условливалось особеннымъ характеромъ зданій, для украшенія которыхъ они назначались. Древнія церковныя зданія, построен-

ныя по образцу древнихъ языческихъ храмовъ, назывались базиликами. Онѣ состоятъ изъ средняго главнаго пространства, имѣющаго видъ четырехъугольника (корабль). Къ нему примыкаютъ боковые ходы или галлереи, а оканчивается корабль большою обведенною полукуполомъ нишею, предъ которою стоитъ алтарь. Вслѣдствіе того ниша образуетъ важнѣйшую часть зданія, святая-святыхъ, она-то и украшалась съ особенною тщательностью. Такъ на сводѣ полукупола рисовали образъ Христа, по сторонамъ апостоловъ и другихъ святыхъ, писали мозаикою. Надъ Спасителемъ часто можно видѣть руку, держащую вѣнецъ надъ его головою, внизу на узкой тропинкѣ стоитъ агнецъ откровенія съ двѣнадцатью другими овцами — это Спаситель и его ученики. Надъ нишею и по сторонамъ ея видны изображенія, заимствованныя большею частію изъ апокалипсиса, относящіяся къ Его второму пришествію. Въ срединѣ напр. агнецъ на тронѣ, около него символическія изображенія евангелистовъ, семь подсвѣчниковъ, двадцать четыре старца, простирающихъ въ молитвѣ руки къ агнцу.

Эти изображенія уже другаго характера, онѣ представляютъ главнымъ образомъ божеское существо Господа, не даютъ какого-нибудь опредѣленнаго момента изъ жизни и дѣятельности Спасителя. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ рисунковъ Онъ является подающимъ міру божеское благословеніе, какъ онъ обѣщалъ въ своемъ словѣ: въ лѣвой рукѣ Онъ держитъ раскрытое евангеліе, правую поднялъ на благословеніе. Или: апостолы держатъ свитки священныхъ книгъ въ одной рукѣ, другою указываютъ на Христа: онъ — средоточіе исторіи, провозвѣстникъ и распространитель своего слова. Вѣчный, ненарушимый миръ выражается въ колоссальныхъ фигурахъ, которыя исполняютъ зрителя священнымъ страхомъ. Одежда съ правильными складками дополняетъ высокое, сильное впечатлѣніе. Таково было дѣйствительно первое впечатлѣніе христіанства на твореніе, впечатлѣніе проявившагося во

Христѣ величія божія — христіанское искусство стремилось уже въ начаткахъ своихъ выразить это всемогущество сверхъестественнаго надъ естествомъ.

Въ противоположность этимъ мыслямъ и выраженію ихъ въ образахъ, христіанское искусство пытало свои силы и въ миніатюрной живописи, которою украшало особенно книги, необходимыя при богослуженіи. И здѣсь мы видимъ весьма удачные опыты. Лучшее произведеніе въ этомъ родѣ есть пергаментный свитокъ длиною болѣе 30 футовъ, хранящійся въ Ватиканѣ въ Римѣ, на которомъ изображены главныя событія изъ книги Іисуса Навина. Если эти миніатюры признать копіями другихъ древнѣйшихъ образцовъ, на что знатоки приводятъ нѣкоторыя основанія, все таки онѣ во многихъ отношеніяхъ приближаются къ совершеннѣйшимъ произведеніямъ древняго, дохристіанскаго искусства. Отдѣльныя фигуры, равно какъ ихъ группировка свидѣтельствуютъ о творческой силѣ, умѣвшей дать образу жизнь; постановка картинъ чрезвычайно своеобразна. Разнообразіе одежды и вооруженія, разныя изображенія городовъ, рѣкъ, горъ и т. под. въ видѣ людей, указываютъ на творческій духъ, хорошо знакомый съ античнымъ искусствомъ; поэтому изображенія эти можно признать самыми изящными пробами изъ ранняго періода христіанской древности. Въ осьмомъ и девятомъ вѣкахъ снова расцвѣла миніатюрная живопись, особенно подъ покровительствомъ каролинговъ. Такъ Карлъ Великій велѣлъ приготовить одну рукопись библіи, которая нынче хранится въ Римѣ и украшена такими миніатюрами. Въ Парижской библіотекѣ есть евангеліе императора Лотаря, въ Мюнхенской — евангеліе Карла Лысаго, оба украшены миніатюрными изображеніями. Особенно живо напоминаютъ въ этихъ рисункахъ цвѣтущее время древняго искусства изображенія императоровъ своею величавостью и драпировкою одежды, хотя самыя фигуры вообще имѣютъ нѣкоторые недостатки рисунка. Съ этого времени искусство совершенно угасло въ Италіи;

съ наступленіемъ безпокойныхъ, военныхъ временъ, оно уже не находило тамъ для себя мѣста.

ГОРОДА И ТОРГОВЛЯ.

Когда римляне покорили заальпійскую Галлію, они начали строить по Дунаю и Рейну зимнія квартиры, небольшія крѣпостцы, изъ которыхъ съ теченіемъ времени образовались города. Генрихъ I велѣлъ строить по славянскимъ границамъ замки, окружонные стѣнами и валомъ; изъ нихъ также возникли города. Наконецъ много народа селилось около графскихъ бурговъ, и здѣсь появились города, жители которыхъ частію составляли военный гелейтъ графа, частію же занимались земледѣліемъ, или же упражнялись въ приготовленіи разныхъ промышленныхъ издѣлій. Такъ произошло, что населеніе городовъ состояло изъ военныхъ людей, землевладѣльцевъ и ремесленниковъ.

Но какой жалкій видъ представлялъ тогдашній городъ! Деревянные дома стояли безъ всякаго порядка, большею частію плотно прилегая другъ къ другу. Между домами тянулись узкія, немощеныя улицы. Самые дома были низки, непомѣстительны; намъ едва ли бы они показались человѣческимъ жильемъ. Низкія двери, узкія окна мало пропускали свѣта; внутри недоставало того, безъ чего по нашимъ понятіямъ въ домѣ и жить нельзя. Такая группа домовъ окружена была рвомъ и палисадомъ, или иногда каменною стѣной, въ которой было много воротъ. Немногія стѣны были снабжены башнями.

Нѣмецкіе императоры покровительствовали городамъ, чтобы имѣть въ жителяхъ оныхъ опору противъ усиливающихся герцоговъ и князей. Они давали городамъ такъ называемыя грамоты свободы (привиллегіи), которыя ставили ихъ подъ непосредственное покровительство императора и предоставляли городамъ право самоуправленія (имперскіе города). Подобными привиллегіями надѣляли иногда города своей области герцоги и графы, при чемъ нужно было испросить у императора утвержденіе этихъ правъ. Такъ города получили право взимать пошлину, заводить рынки, товарные склады, право самосуда и т. п. За это они должны были платить или ежегодно извѣстную сумму денегъ, или же вносили ее единовременно.

Жители городовъ дѣлились по происхожденію и занятіямъ на разныя сословія. Первоначальными обитателями городовъ были люди, служащіе въ военной дружинѣ князя, которому принадлежалъ городъ, министеріалы; потомъ землевладѣльцы и купцы; наконецъ ремесленники и крестьяне. Два первыхъ сословія составляли свободное населеніе города и назывались патриціями или родами (Geschlechter); третье сословіе состояло изъ крѣпостныхъ. Посему начальство города выбиралось изъ первыхъ двухъ классовъ: бургмейстеръ и шофенратъ (судья). Но владѣтель города ставилъ еще своего высшаго чиновника старшину или фогта, который иногда назывался бургграфомъ.

Сословія, имѣющія особенныя занятія, жили въ особыхъ частяхъ города. Въ отдѣльной части жили всѣ занимающіеся какимъ-нибудь ремесломъ, въ другой знатные, городскіе чины, въ третьей купцы и т. д. Отсюда произошло, что города и по внѣшности получили свой особенный видъ, такъ какъ домы знатныхъ, родовъ, какъ лучшіе и болѣе видные, составляли и лучшую часть города. Другія части выглядывали не такъ чисто, довольно и красиво. Однородныя мастерства помѣщались на однѣхъ улицахъ, которыя по нимъ и носили

названія. Живя на однѣхъ мѣстахъ, ремесленники и внутренно соединялись, образовывали цехи и гильдіи, которыя мало по малу пріобрѣтали силу и вступали въ соперничество съ родами. Ремесленники и купцы входили въ гильдіи и цехи, но послѣдніе больше держались родовъ, такъ какъ изъ родовъ они выбирали того или другаго патрона или своего представителя.

Бургграфъ былъ главою этихъ цеховъ или гильдій, которыя имѣли кромѣ того своего выборнаго цеховаго или гильдейскаго голову. Были гильдіи скорняковъ, портныхъ, сапожниковъ, мельниковъ, садовниковъ, виноградарей и проч. Хотя они сами распоряжались дѣлами своего цеха, но были въ то же время обязаны службою бургграфу. Каждый цеховой долженъ былъ пять дней въ году работать даромъ на бургграфа. Послѣдній выдавалъ для такой работы сырой матеріалъ, а цеховые должны были приготовлять для него— скорняки мѣха, кузнецы подковы для коней и потребную въ домѣ желѣзную утварь, сѣдельники приготовляли конскую сбрую, чашечники — кубки для питья, бочары кухонный и погребовый приборъ. Рыболовы три дня и три ночи ловили рыбу для бургграфа, плотники работали на него каждое воскресенье. Этимъ поддерживалось въ цехахъ сознаніе своей зависимости и подчиненности.

Къ привилегіямъ многихъ городовъ принадлежало право чеканить монету. Городъ, владѣвшій этимъ правомъ, долженъ былъ предоставить своему главѣ назначить богатыхъ купцовъ, которые занимались чеканкою. Чрезъ это общество города пріобрѣтало себѣ прочное положеніе, такъ какъ въ его рукахъ находилось необходимое для всѣхъ орудіе мѣны, деньги. Купцы занимались и вексельною торговлею, мѣною разныхъ сортовъ монеты, почему ихъ гильдія была самою важною и сильною въ городѣ; они называли себя родами (благородными), особенно въ значительныхъ городахъ, и имѣли свои собственные фамильные гербы.

Изъ такихъ начатковъ возрасло мало по малу городское сословіе, игравшее въ средніе вѣка такую важную роль и въ качествѣ замкнутой фаланги противопоставившее себя рыцарскому или дворянскому сословію. Тѣмъ болѣе оно могло пріобрѣсти себѣ самостоятельное положеніе, что рыцари не могли обойтись безъ товаровъ купцовъ, безъ произведеній ремесленниковъ, и потому во многихъ отношеніяхъ зависѣли отъ сихъ послѣднихъ.

* * *

Съ появленіемъ городовъ явилась нѣкоторая правильность въ торговлѣ и торговыя дѣла увеличились. Для рыцарей становилось все больше и больше ремесломъ нападать на караваны и грабить ихъ, или блокировать рѣки и захватывать нагруженныя товарами суда. Горожане однако научались защищать торговлю и торговыхъ людей, они умѣли не хуже рыцарей обращаться съ копьемъ и мечомъ. Во многихъ городахъ появилась даже конница изъ достаточныхъ горожанъ; горожане-всадники носили названіе констафлей, которые хотя не были патриціями, но были знатнѣе ремесленниковъ. Членами этого оборонительнаго общества были купцы, мѣнялы, золотыхъ дѣлъ мастера, рентнеры, соляные торговцы, фруктовые, маклера, владѣльцы кораблей, суконные, канатные фабриканты и проч. Они держали себя отдѣльно отъ цеховыхъ и образовали особенныя товарищества. Иногда они устроивали даже турниры для общественнаго увеселенія. При нихъ служили въ качествѣ пѣхоты «сельскіе воины», большею частью обязанные охранять княжескій замокъ.

Подъ защитою такого оборонительнаго устройства торговля получила новое движеніе, и нѣкоторые города, имѣющіе благопріятное положеніе, сдѣлались средоточіемъ всей европейской торговли. Нѣмецкая торговля, для которой города слу-

жили складочными мѣстами, теперь была звеномъ всемірной торговли, которой центромъ на востокѣ былъ тогда Константинополь. Расположенный у подобнаго каналу, въ четыре мили длины пролива, который соединяетъ Средиземное море съ Чернымъ, обладая превосходною, обширною гаванью на сѣверѣ, омываемый съ юга Мраморнымъ моремъ, этотъ городъ, больше чѣмъ какой либо другой, созданъ для торговли. По обѣимъ сторонамъ пролива земля принадлежала византійскимъ императорамъ; большіе водяные нервы сѣверной Европы, Донъ и Днѣпръ, равно Дунай, текущій съ запада, несутъ предметы торговли къ этому пункту. Изъ Константинополя торговля шла внизъ и вверхъ по Дунаю до самаго сердца Европы. Когда Теодорихъ основалъ Остготское царство, остготы были посредниками въ торговлѣ между востокомъ и западомъ. По паденіи этого царства ихъ мѣсто заняли авары, а съ одиннадцатаго вѣка венгры. Товары, шедшіе вверхъ по Дунаю, состояли изъ индійскихъ произведеній, перцу, имбирю и другихъ пряностей. Греція доставляла шолкъ, пурпуровыя ткани, лавровый листъ и шафранъ; Венгрія — скотъ на убой, кожи, мѣха, воскъ, шерсть, вино, хмѣль, хлѣбъ, мѣдь и олово. Внизъ по рѣкѣ шли издѣлія нѣмецкой и нидерландской промышленности: сукна, полотно, кожи, оружіе, посуда, стекло, жернова, пиво и медъ. Регенсбургскіе и вѣнскіе купцы имѣли въ своихъ рукахъ торговлю на этомъ пути. Таможенные города здѣсь были: Кальмюнцъ (въ Нейенбургскомъ княжествѣ), Штейнъ между Энсомъ и Вѣною, и Геймбургъ ниже Вѣны на венгерской границѣ. Сначала Регенсбургъ имѣлъ первенство надъ Вѣною, отсюда шли торговые пути не только на востокъ и западъ, но также на югъ и сѣверъ, въ Польшу, Пруссію, Россію, равно и Италію. Фурмана или извощики регенсбургскіе возили кожи, шерстяныя матеріи чрезъ южный Вюртембергъ къ Страсбургу. Дальше по Рейну товары шли въ Кобленцъ, Кельнъ и Нидерланды. Дороги по Дунаю и Рейну были главными

путями сообщенія для внутренней европейской торговли. На сѣверѣ Данцигъ, на югѣ Венеція составляли крайній предѣлъ торговли. Въ срединѣ Треншинъ на верхнемъ Вагѣ въ сѣверозападной Венгріи былъ остановочнымъ пунктомъ; здѣсь сходились три дороги, идущія съ сѣвера. Одна шла чрезъ верхнюю Силезію, это была торговая дорога янтаря; другая изъ Познани чрезъ Краковъ, находившійся въ сношеніяхъ съ Вѣною; третья изъ Россіи чрезъ Кіевъ. Здѣсь, какъ и въ Вѣнѣ регенсбургцы имѣли большіе торговые дома.

Изъ Баваріи и Швабіи нѣмецкій купецъ тянулся чрезъ страшныя ущелья тирольскихъ Альповъ. У Фюссена онъ вступалъ въ область Альповъ. Дальше дорога шла чрезъ Инспрукъ, въ горныхъ проходахъ у Бриксена и Ботцена были главныя таможни. Отсюда чрезъ Тріентъ и Верону достигали богатыхъ городовъ благословенной Ломбардіи. Были торговыя дороги между Италіею и Германіею и въ швейцарскихъ Альпахъ: отъ Милана вела одна дорога въ западномъ направленіи у Лаго Маджіоре, другая въ восточномъ у Комо. Первая шла чрезъ С. Готардъ, Урзернскую долину, чрезъ Чортовъ мостъ, по Рейсу внизъ, чрезъ Ури, Фирвальдштедтское озеро къ Люцерну и Ааргау. Вторая, начинаясь у Комскаго озера, вела къ Чіавеннѣ, чрезъ Септиміеву гору къ Куру. Здѣсь она дѣлилась на двѣ части, на сѣверозападъ по Фирвалдштедтскому и Цюрихскому озеру въ Базель, и на востокъ чрезъ рейнскую долину къ Боденскому озеру.

Какъ Регенсбургъ на югѣ, такъ Бреславль на сѣверѣ Германіи были главными таможнями нѣмецкой торговли. Сюда стекались произведенія придунайскихъ странъ, Греціи и Азіи, равно какъ Пруссіи и славянскаго сѣвера. Даже прирейнскія земли отправляли сюда свои продукты для доставки ихъ въ Россію. Впослѣдствіи Бреславль непосредственно велъ торговлю съ Венеціею.

Эти пути, на которыхъ происходила особенно оживленная

торговля, обнимали югъ и юговостокъ Германіи, гдѣ торговля была сильнѣе развита, чѣмъ въ западной и средней полосѣ Европы. Цѣпь значительныхъ городовъ, соединенныхъ проѣзжими дорогами или судоходными рѣками, обнимала югъ и юговостокъ Германіи, вдаваясь далеко на западъ своими вѣтвями. По этимъ дорогамъ двигались во множествѣ восточные и западные купцы, и какъ ни затруднительны, какъ ни продолжительны были въ то время переѣзды съ мѣста на мѣсто, при всемъ томъ улицы Константинополя наполнены были людьми во франкской одеждѣ, а въ Регенсбургѣ и Бреславлѣ часто попадали на встрѣчу тюрбанъ и длиннополая одежда жителя востока. Торговля мѣшаетъ народы и сглаживаетъ противоположности отдѣльныхъ націй.

* * *

Въ срединѣ Германіи лежали два города, выдававшіеся особенно тѣмъ, что въ нихъ искусство и вкусъ достигли уже въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ значительнаго развитія. Это были чистый, красивый Аугсбургъ и многоизобрѣтательный Нюренбергъ. Если промышленность Нюренберга вполнѣ развилась только съ 13 вѣка, то начатки этого развитія мы видимъ въ 11 вѣкѣ. Тамъ обработывали всѣ металлы, равно камень и дерево. Рѣзчики и литейщики, ювелиры, золотыхъ дѣлъ мастера и серебряники, бумажные фабриканты, литейщики колоколовъ и другіе заводчики и ремесленники прилежно изучали свое дѣло. Вслѣдствіе сего Нюренбергъ былъ центромъ обширной внутренней торговли, потому что всюду, гдѣ только открывался случай сбыть товары, находились нюренбергцы, разносившіе товары и довольные небольшимъ барышомъ. За хорошій матеріалъ минеральнаго царства, получаемый ими изъ Тироля, Венгріи, Силезіи, Богеміи, они платили готовыя издѣлія свои, при чемъ съ избыткомъ покрывались издержки производства и

заработная плата. Они приносили въ даръ свои издѣлія, напр. сервизы, духовнымъ и свѣтскимъ вельможамъ, за что получали свободу отъ таможенныхъ владѣльческихъ пошлинъ.

Аугсбургъ также дѣятельно занимался обработкой камня и металла, оловянной посуды, выдѣлкою стекла и зеркалъ. Особенно же здѣсь обратили вниманіе на фабрикацію шолковыхъ, шерстяныхъ и хлопчатобумажныхъ издѣлій. Аугсбургскіе рынки имѣли большое значеніе уже въ одиннадцатомъ вѣкѣ. Особенную вѣтвь промышленности обоихъ этихъ городовъ, въ которой принималъ участіе и Ульмъ, составляла рѣзьба на деревѣ разныхъ изображеній и письменъ, которыя потомъ переводили на бумагу въ видѣ грамотъ и раскрашивали. Сначала эти изображенія заимствовались только изъ священной исторіи, но потомъ примѣнили это искусство къ фабрикаціи игральныхъ картъ, которыя придуманы и названы были по военной игрѣ. Фигуры — это предводители войска, числа выражаютъ части войска, другія изображенія, какъ сердце, щитъ суть символы и знаки войны и военныхъ доспѣховъ.

Товары, изготовляемые въ этихъ городахъ, обходили всю Европу. И конечно, не столько положеніе этихъ городовъ дѣлало ихъ важными для торговли, сколько неутомимое трудолюбіе жителей. Въ противоположность другимъ городамъ на улицахъ Нюренберга и Аугсбурга большею частію царствовала тишина; но за то тѣмъ сильнѣе было движеніе внутри домовъ и въ мастерскихъ. Тамъ отдавались тяжолые удары молота, слышались визгливые стоны пилы, поднимался нескладный пестъ, и острый рѣзецъ (ваяло) скоблилъ и выравнивалъ неровный камень. Въ искусныхъ рукахъ ножъ рисовалъ смѣлою рѣзьбою по крѣпкому дереву, съ него дѣлались оттиски изображеній, услужливая кисть наводила краски на образы. Повсюду трудолюбіе, мастерская ловкость, вдумыванье и старанье усовершенствовать начатое.

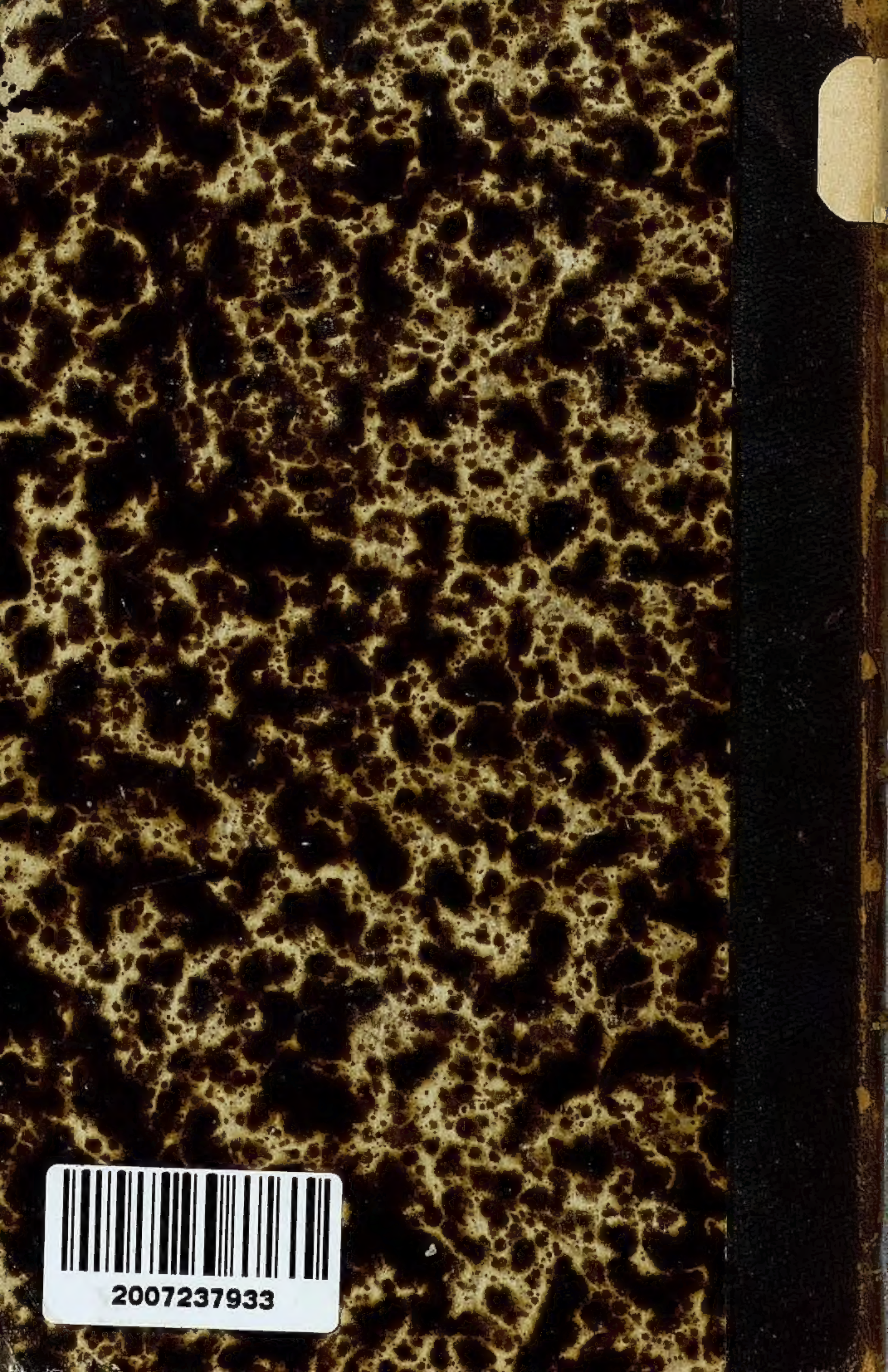
Нюренбергцы начали съ давнихъ поръ посылать свои произведенія въ Нидерланды. Ихъ везли до Франкфурта на повозкахъ, потомъ внизъ по Майну и Рейну. Тамъ въ Голландіи вымѣнивали сукно, бойный скотъ, олово, кожи, мѣха, китовъ усъ, сельди и проч. За эти товары платили произведеніями восточной Европы, неблагородными металлами, ртутью, богемскими драгоцѣнными камнями, также шафраномъ и шолковыми тканями Азіи. На сѣверъ нюренбергскіе товары шли чрезъ Брауншвейгъ, Бременъ и Гамбургъ въ Любекъ. На сѣверовостокѣ Фрейбергъ въ Саксоніи составлялъ для нихъ складочное мѣсто. Богемія, Моравія и Венгрія находились также въ прямыхъ сношеніяхъ съ Аугсбургомъ и Нюренбергомъ.

Такъ Европа еще до 12 вѣка была прорѣзана сѣтью торговыхъ дорогъ, которыя дѣлали возможнымъ обмѣнъ произведеній запада и востока, сѣвера и юга. Въ то же время мысли, идеи и мастерства развивались и передавались съ мѣста на мѣсто, стремленіе къ подражанію и совершенствованію усилилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ проложенъ былъ путь дальнѣйшему европейскому образованію, была указана дорога къ дальнѣйшему развитію.

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*строка*	*Напечатано*	*Читай*
7	11 сн.	и можетъ	можетъ
11	12 св.	исполенная	исполненная
28	16 сн.	протихъ	прочихъ
71	4 св.	живущихъ	жившихъ
109	12 —	извѣстное	извѣстно
116	6 —	звѣздосчетствѣ	звѣздочетствѣ
117	9 сн.	племя хорейшиты	племя—хорейшиты
119	19 —	Назарея	Назорея
128	8 —	при Xересъ де ла Фронтера	при Хересъ де ла Фронтерѣ
145	12 св.	спокойвыми	спокойными
148	13 —	Эрмитовъ	Эремитовъ
154	13 сн.	Фульда	Фульдскій
160	9 св.	австрійцевъ	австразійцевъ
161	2 сн.	ни его	его
164	3 —	то	Пипину то
170	7 —	лавинами и	лавинами;
184	5 —	огражденное противъ непріятелей	огражденнымъ отъ непріятелей
200	9 св.	Корнеііевъ, Мюнстерскій	Корнеліевъ-Мюнстерскій
207	5 —	и. своими	своими
217	10 —	призывалъ	приказывалъ
—	12 —	Беде	Бодэ
219	10 —	остались	осталась
241	1 —	хогрувями	хоругвями
—	13 —	къ нему	ему
258	2 сн.	Петру. съ призваніемъ	Петру съ призваніемъ
263	13 св.	облагоразумило	образумило
291	11 —	глаза внизъ	глаза
305	1 сн.	изъ 40	въ 40
306	9 —	папою	папою,
316	4 —	Ганты	Анты

2007237933